

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэр-Дюпэр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)

Редакционная коллегия

Табункина И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мышкина Н. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Петрова Н. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГГПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Фоминых Т. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. E-mail: langlit2009@mail.ru.
Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет).
Сайт журнала: <http://www.rfp.psu.ru>.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языковедение от 01.12.2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)

Perm Editorial Board

<i>Irina Tabunkina</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Nelly Myshkina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Irina Ovchinnikova</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Качинская И. Б. ТЕРМИНЫ ЗАМЕСТИТЕЛЬНОГО РОДСТВА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ	5
Теуш О. А. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА С СЕМОЙ 'СУХОЙ' В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ	13
Лобанова А. С. ОРНИТОНИМ <i>РАКА</i> «ВОРОНА (ВОРОН)» В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	22
Кучко В. С. ВОКРУГ РУССКОГО <i>МЫТАРЬ</i> : О РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА И ЕГО СИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА	31
Сурикова О. Д. <i>НЕВЕСТА БЕЗ МЕСТА, ЖЕНИХ БЕЗ УМА</i> : О МНОЖЕСТВЕ СМЫСЛОВ ОДНОЙ ПАРЕМИИ	40
Ван Минь ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	49
Минченков А. Г., Горелова А. А. ВОЗМОЖНОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА DISRESPECT В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ	58
Витько М. А. ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ, НОМИНИРУЮЩИМИ СФЕРУ ЗДОРОВЬЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	66
Носов А. В. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КОНЦЕПТОВ LIST И CATALOG: ВАРИАНТ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКА ДЛЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ СИСТЕМ	75
Харебова Е. Н. ЭКСПЛИКАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ	83
Руцкая Е. А. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ СТРУКТУРА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АУДИРОВАНИЯ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	92
Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	98
Шутёмова Н. В., Прокошева Л. В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЭТИЧНОСТИ СОНЕТОВ У. ВОРДСВОРТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	108
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	117
Викторова Л. Ю., Бочкарева Н. С. «ЛЕГЕНДА О МЕРТВОМ СОЛДАТЕ» Б. БРЕХТА И ЕЕ ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: МУЗЫКАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	117
Горбунова Е. А. ПСАЛМЫ П. ХУХЕЛЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО ЖАНРА	126
Туляков Д. С. УИНДЕМ ЛЬЮИС: НАСЛЕДИЕ, КРИТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	132
Цветкова М. В. МАРИНА ЦВЕТАЕВА – КАРОЛИНА ПАВЛОВА. ДИАЛОГ О ТАЙНАХ РЕМЕСЛА	142
Богданова О. В., Богданова Е. А. «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ (мотивный комплекс рассказа «Река Оккервиль»)	150
К 100-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА	156
Проскурнин Б. М. ИЗУЧЕНИЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	156

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY 5

Irina B. Kachinskaya TERMS FOR ADOPTIVE PARENTS AND ADOPTIVE CHILDREN
IN ARKHANGELSK DIALECTS 5

Olga A. Teush LOANWORDS WITH THE SEME “DRY” IN DIALECTS OF THE EUROPEAN
NORTH OF RUSSIA 13

Alevtina S. Lobanova THE ORNITHONYM *RAKA* “CROW” IN THE KOMI-PERMYAK
LANGUAGE: LINGUOCULTURAL ASPECT 22

Valeriya S. Kuchko THE RUSSIAN *MYTAR* (“TAX COLLECTOR”): ON THE DEVELOPMENT
OF THE SEMANTICS OF THE WORD AND ITS SYSTEM RELATIONS IN VARIOUS FORMS
OF THE LANGUAGE EXISTENCE 31

Olesya D. Surikova *NEVESTA BEZ MESTA, ZHENIKH BEZ UMA*: ON SEVERAL MEANINGS
OF ONE PROVERB 40

Wang Min GENDER STUDIES IN CHINESE LINGUISTICS 49

Alexey G. Minchenkov, Alexandra A. Gorelova MEANS OF REPRESENTING THE CONCEPT
DISRESPECT IN ENGLISH TEXT 58

Marina A. Vitko PECULIARITIES OF SPATIAL MODELING WITH PHRASEOLOGICAL
UNITS NOMINATING HEALTH IN THE ENGLISH LANGUAGE 66

Andrey V. Nosov LINGUISTIC PARAMETERS OF THE CONCEPTS *LIST* AND *CATALOG*:
LANGUAGE PROCESSING VERSION FOR COMPUTER SYSTEMS 75

Eugenia N. Kharebova MASS CONSCIOUSNESS MANIFESTATION IN THE ONLINE
POLITICAL DISCOURSE 83

Ekaterina A. Rutskaya THE INTERNAL AND EXTERNAL STRUCTURE OF LISTENING
IN INTERPRETING: DIDACTIC ASPECT 92

Larissa M. Alekseeva, Svetlana L. Mishlanova FORMATION OF THE METAPHORICAL
COMPETENCE 98

Natalia V. Shutemova, Ljubov V. Prokosheva REPRESENTATION OF THE POETICITY
OF SONNETS BY W. WORDSWORTH IN RUSSIAN CULTURE 108

LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT 117

Ludmila Ju. Viktorova, Nina S. Bochkareva “THE LEGEND OF THE DEAD SOLDIER”
BY B. BRECHT AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN: MUSICAL ASPECT 117

Ekaterina A. Gorbunova PSALMS BY P. HUCHEL: TRANSFORMATION OF THE BIBLICAL
GENRE 126

Dmitriy S. Tulyakov WYNDHAM LEWIS: LEGACY, CRITICISM, RESEARCH PROSPECTS 132

Marina V. Tsvetkova MARINA TSVETAeva – KAROLINA PAVLOVA. THE DIALOGUE
ON SECRETS OF THE CRAFT 142

Olga V. Bogdanova, Ekaterina A. Bogdanova “PETERSBURG TEXT” BY TATYANA
TOLSTAYA (motifs in the story “The Okkervil River”) 150

ON THE 100th ANNIVERSARY OF PERM STATE UNIVERSITY 156

Boris M. Proskurnin WORLD LITERATURE TEACHING AND STUDIES AT PERM STATE
UNIVERSITY: HISTORICAL VIEW INTO THE FUTURE 156

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)

Perm Editorial Board

<i>Irina Tabunkina</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Nelly Myshkina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Irina Ovchinnikova</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'28

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-5-12

**ТЕРМИНЫ ЗАМЕСТИТЕЛЬНОГО РОДСТВА
В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ¹****Ирина Борисовна Качинская****к. филол. н., младший научный сотрудник кафедры русского языка****Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова**111991, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1. kacza@yandex.ru

К понятию «заместительное родство» относятся лексемы, обозначающие приемных родителей и детей: отчима, мачеху, пасынка, падчерицу, сводных детей. Близки к этой семантической группе лексемы, называющие 'сирот', а также детей и взрослых, принятых в дом в качестве помощников, которым оставляют в наследство имущество. В статье рассматриваются термины, используемые для номинации приемных родителей и детей или для обращения к ним: в обращении, как правило, присутствуют термины кровного родства, могут употребляться как отдельные термины, так и сочетания. Показана мотивация терминов со значением 'приемные дети'.

Замечено, что инвентарь терминов любой лексико-семантической группы в говорах гораздо богаче, чем в литературном языке, прежде всего за счет словообразовательной, но также и семантической деривации. Это касается и терминов заместительного родства; от этих терминов осуществляется метафорический перенос в область ботаники (широко известно травянистое растение *мать-и-мачеха*; боковые побеги растения называются *пасынками*). В говорах примеров метафорического переноса значительно больше, они затрагивают не только ботаническую, но и зоологическую сферу, используются в предметной и абстрактной областях. Чаще других переносные значения развивают лексемы *мачеха* и *пасынок*.

Термины заместительного родства в их прямых и переносных значениях рассмотрены на материале архангельских говоров.

Ключевые слова: термины родства; приемные родители; приемные дети; русская диалектология; северные говоры.

Задачей настоящей статьи стало исследование терминов, используемых в говорах Архангельской области для обозначения приемных детей, приемных родителей и для обращения к ним. В лексико-семантической группе *заместительного родства* употребляются как специальные термины (*мачеха, отчим, пасынок, падчерица* и их дериваты), так и термины кровного родства (*мать, отец, сын, дочь* и их дериваты). Кроме них, для обозначения приемных детей часто используются термины, имеющие достаточно прозрачную мотивацию (*приёмши, взятыши, выкормок* и др.).

Термины родства обладают богатым коннотативным потенциалом и представляют собой группу-«донор» (в терминологии С. М. Толстой [Толстая 2009: 9–12]), от которой осуществляются семантические сдвиги в самых разных направлени-

ях: как внутри социума, так и далеко за его пределы. Особенно активны термины кровного родства. Они распространяются на свойственников, т. е. родственников по браку (до сих пор во многих семьях родителей жены и мужа принято называть *мамой* и *папой*), на духовное родство (крещение младенца предполагает наличие *крёстного отца* и *крёстной матери*), на неродственников (см.: [Качинская 2014]), а также на приемных родителей или детей (см.: [Качинская 2009]).

Как правило, инвентарь терминов любой лексико-семантической группы в говорах гораздо богаче, чем в литературном языке, прежде всего за счет словообразовательной, но также и семантической деривации. Это касается и терминов заместительного родства. В свою очередь, от терминов заместительного родства осуществляется

метафорический перенос, например, в область ботаники: широко известно травянистое растение *мать-и-мачеха*; боковые побеги растения называются *пасынками*. В говорах примеров метафорического переноса оказывается значительно больше, они затрагивают не только ботаническую, но и зоологическую сферу, используются в предметной и абстрактной областях.

1. Мачеха. Синонимический ряд понятия 'неродная мать', 'мачеха' содержит около 10 лексем, из них 5 – «специальные», но все являются дериватами от корня *мат-/мач-* (с протозначением 'родная мать'): *мачеха, мачехонька, мачка, мачуха, мачухеря*: *Неродна мать – мацеха. ПИН. Мачеха еть не мати. В-Т. Матери-то нет, мацеха, безматерно. Мать-то помрѣ, мацеха к детям-то приде, дети оставаются – как их? Пасынки. Она не мать ему, мацеха. ПИН. Мачеха да тятя, да приданой-от парень, с парнем папа-то взял. ЛЕН. Я как будто мачеха, а они мне пасынки. УСТЬ. Мачеха падчеруху плохо кормила. КАРГ. Была мацеха взята да паццируха была. КАРГ. Так вот мы и воспитались с мачехой. ВЕЛЬ. У мацехи очень худо. ПИН. Ушла от мачехи, жила у сестры. УСТЬ. Мать родна умерла, с мачухой живѣт. ПРИМ. Я осталась полугодова от матери, там две мачухи и здесь две мачухи, ясно, што не с матерями. МЕЗ. Мачехой и звали, мачехонькой ишо звали. ПИН. Мачухеря – мачеха. ШЕНК. Всѣ пошто-то мы ей мачка звали. Не мачеха, а мачка. МЕЗ.*

Для обозначения мачехи регулярно используются термины кровного родства: *мама, мамка, мати, матушка* и *тѣта, тѣтка*: *Мама-то пришла, ему не было году, так мама. ШЕНК. Тут жалится мати о падчерицы. МЕЗ.*

Зафиксирован единичный пример, когда «специальный» термин использован в качестве вокатива: *Стали звать мачкой неродную мать. МЕЗ. Мачка, а мачка, деньги-то пали. МЕЗ.* Обычно в вокативной функции могут употребляться лишь термины кровного родства. И хотя в наших примерах такие вокативы не встретились, информанты постоянно говорят о том, как называли, звали мачеху: *Если мачеха всё хорошо – мамой зовут. КАРГ. Этот бойче, а тот Светку мамой зовѣт. ШЕНК. А дети мачеху мамой звали. ПИН. Он мачеху матушкой звал. КАРГ.*

Здесь мы сталкиваемся с любопытной тенденцией. С одной стороны, принято называть мачеху тем же словом, что и родную мать. Но часто происходит разделение лексем (как в случаях обращения к свекрови или теще), когда одна лексема используется по отношению к родной матери (*мама, матка, мати*), а один из синонимов – к мачехе (*мамка, матушка*): *И у меня-то мамка была, а моя мама умерла. ПИН. Мамка звали ма-*

чеху. ПИН. Не обижали, не жалится, и нынѣ матушкой зовѣт, не родна, так матушкой. Дети неродные матушкой звали. Свою родную пошто матушкой? КАРГ. Я не пойду мачехой, штобы меня дети матушкой звали! МЕЗ.

Для обозначения мачехи встретился и другой термин кровного родства – *тѣта, тѣтка*: *Она тѣта – матерью не зовут. ПИН. Меня тѣтой зовѣ, а я – доци (называю падчерицу). ПИН. Коля-то Немеров Дусю звал тѣткой. ПИН.*

В качестве номинативов используются словосочетания, описательные конструкции: *неродная мати (мать, маменька), вторая (другая) мать (мама)*: *Мати-то неродна – мачеха. В-Т. Мать неродна вышла на их. УСТЬ. А шмотков-то малѣхонько привѣз, мать-то неродная. ШЕНК. Мать-то была мужику неродная: свой сын надо, а мы-то еть не надо. В-Т. Мать была неродная, в городе в прислугах была, она знала, как детей водить. ВЕЛЬ. У меня мать была умерла, у меня втора мать была. МЕЗ. У меня втора мама умирает, я хочу повидать её. ПИН. Тятка взял другую матерь. В-Т. Маменька неродная – похлѣбочка холодная, кабы родная была – суп горячий налила (фольк.). ШЕНК.*

2. Отчим. Синонимический ряд понятия 'неродной отец', 'отчим' содержит около 10 лексем, из них 4 – «специальные», все они являются дериватами от корня *отец-/отч-* (с протозначением 'родной отец'): *отчим, отчей, отче, отчина*: *Был отчим, который дом вот начал строить, поехал за тѣсом и утонул. ЛЕШ. Не знаю, мать-то жонилася, дак отцим был дак. ВИЛ. С отчем баять-то станешь, так язык-от шипко не вытелечивай. ВИЛ. Отец не родной – отцице. Отчий, не родной отец. Отчий девушку обнасиловал, двенадцатилетнюю девку изнасиловал! Отчий обнасиловал девку. ПИН. Отчина – если не родной отец. Мачеха, отчина, падчерица, пасынки. ЛЕШ.*

Для наименования отчима регулярно используются лексеммы, обозначающие в архангельских говорах 'отца' – *батюшко, папа, папка, татка, отец*: *Он и теперѣ гоорит – я на отча не обижаюсь, на папку. ПИН. Это ейной отец, отчим. ВЕЛЬ.*

В вокативной функции специальные термины никогда не используются, для этих целей могут употребляться термины кровного родства. Хотя и в этом случае в наших материалах примеры обращений не зафиксированы, информанты говорят о том, как называли, звали отчима: *Он сразу папой зазвал, и всё. ПИН. Раньше давно родителей называли так: моя мама отца называла батюшко, хотя он ей не родной. ОНЕЖ. Мне было петь лет, мать сошлась, так я звала таткой. ЛЕШ. Я отцом называла, папой. Мне сказали – зови папой, я папой и называла. ЛЕШ.*

Используется и другой термин кровного родства: *дядя, дядюшка: Они дядей зовут. Сё дядей. ПИН. Жил с дядей до семнадцати лет. ЛЕН.* Термин родства сохраняется, даже если речь идет о приемном дедушке: *Ево, как родители ушли, забрал дядюшка, материн отец. КРАСН.*

В обращении к отчиму могло употребляться имя – видимо, ребенок повторял обращение, которое использовала мать к новому мужу: *Всё Аликотом, отцом не называл. ПИН.*

Сочетаемость включает прилагательные *неродной, другой, чужой* и лексемы, называющие отца: *неродной батько (отец, папа), чужой батько, другой дядька: А отец не родной – отчина, отца. ЛЕШ. Неродной он ему, батько неродной, а «отчим» не гоорили. ШЕНК. А батько неродной, а так-то он её не обижат, а што неродной, то неродной, што уж. На инвалидности девка сидела – чужой батько так налутил ей. ПРИМ. Запоговаривали, што у неё неродной отец. НЯНД. Девятнадцать ему, а он не знает, родный аль не родный отец. ЛЕШ. А потом неродный папа пришёл. ПЛЕС. Папа неродный был. ВЕЛЬ. А это уж у ребят другой дядька. ШЕНК.*

3. Приемные дети. Больше всего лексем, относящихся к заместительному родству, связано с усыновленными детьми. Употребляются специальные лексемы, называющие приемных детей-девочек: *падчерёнка, падчерёнок, падчерица, падчеруха, падчерюха, пасынка, пасынница, пасынок;* лексемы, имеющие прозрачную мотивацию: *приемница, приёмочка,* а также термины кровного родства: *дочь, дочка.* Специальные термины, называющие приемных детей-мальчиков: *пасынок, пасынко, падчерёнко, падчерёнок, падчерёныш, падчерок;* лексемы, имеющие прозрачную мотивацию: *взятыш, воспитанник, выкормок, выкормыш, приёмыш, приёмник, приёмничек, приёмок, приёмщик, приёмшиек, приёмшико,* а также термины кровного родства: *сын, сынок.*

Как видно из примеров, слова с основами *пасын-, па-дчер-* употребляются в отношении детей любого пола – как мальчиков, так и девочек. Корень *-дчер-* оказался более продуктивным. О девочках: *Падчерёнка она Анне Фёдоровне-то, живёт у неё. КАРГ. Подчерёнок она мне будет. ОНЕЖ. И девоцька тоже пасынок. ЛЕШ. Выбегаю на улку, спрашиваю про пасынку. КРАСН.* О мальчиках: *Как мальчик – так падчерёнок скажут. НЯНД. Падчерёнко-то был Васько. ПЛЕС. Если неродной сын – так падчерёныш. ПЛЕС. Падчерок был. НЯНД.* Лексемы *падчерёнок* и *пасынок* могут находиться в отношении синонимии в одном говоре: *Падчерица, падчерёнок – пасынок больше всё говорят. Сын-то падчерёнок, или пасынок. УСТЬ.*

Часто имеет место гендерное различие при разных корнях или одном и том же: *Две падчерицы, если мальчик – пасынок. УСТЬ. Падчерица, пасынко. ЛЕШ. Наверно, падчерёнок называют и там падчеруха, если девушка. НЯНД. Её-то падчерёнок с падчерухой. ПЛЕС.*

Во мн. числе *падчерятами* и *пасынками* являются дети безотносительно к гендерным различиям, одинаково мальчики и девочки: *Падчерята, как мне неродные дети. КАРГ. Ну вот она им мацеха была, а они ей падчерята. КАРГ. Падчерята-те ездят, неродны-то дочери. КАРГ. Сыны неродные – падчерята всё. НЯНД. Мать помрёт, другу жёну возьмёт, дети – пасынки, она – мачеха. ПИН. Пять пасынков у неё было девок. Пять было пасынков, всё девки. ВИЛ.*

Суффикс *-ёнок-* может использоваться не только для обозначения детеныша, но и для обозначения взрослого человека: *Падцирёнок говорит: ты нам хозяйство правь, а трудодни-то уж мы на тебя заработам. КАРГ. Одного посадили, Аниного падчерёнка-то. ПЛЕС. Падчерёнка-то отделили, а ницё не дали. ПЛЕС.*

В зависимости от характера усыновления номинация в отношении к приемным детям может различаться. *Взятыш, воспитанник, выкормок, выкормыш, деревеничик, неродной* – это ребенок, принятый на воспитание в новую семью. Дериваты имеют прозрачную семантику: *взяли на воспитание > взятыш: Как нету детей, возьмут у цюжих людей, то взятыш. ПЛЕС. Взятыш – если сын не родной, если взяли и растёт. Была взята взятышем. КАРГ. Приняли на воспитание > приёмыш, приемник, приёмщик, приёмка: Когда нету детей, так приёмыш зовут. В-Т. Она себе сына взяла приёмника. ВИЛ. Сын у нево был приемник. ВИЛ. Приёмшык. Принимают. ПРИМ. Тоже дети-то не были, приёмку взяли. ПИН. Если вышла она на детей, так то падчерята, а если приёмный безродный принимается, то приёмыш. ОНЕЖ. Добавили ребенка в семью > добавушка: Я старша была, ещё добавушка – шеста. ПИН. Воспитали, выкормили > воспитанник, выкормок: **Выкормок** – ну вот какой-нибудь без матери или какой-нибудь беспризорной. ПРИМ. Деревенский сирота, ребенок, о котором должна заботиться деревенская община, – *деревеничик: Мало без детей, так они чужих берут, деревенички назывались. ЛЕН.**

В случаях, когда в одном доме вместе оказываются члены семьи, пришедшие «со стороны», может происходить рапределение лексем; например, разделяются 'муж, пришедший жить в дом жены' (зд. *приёмыш*) и 'приемный ребенок' (зд. *взятыш*): *Зятя берут в дом – это приёмыш, а робёнка берут – это взятыш. КАРГ. Взяты-*

ша не любили в семье, ейной **приёмши** его не любил. ПЛЕС.

Разделение по способу усыновления достаточно условно, наблюдается диффузия значений в лексемах, обозначающих чужих детей, появившихся в семье в результате брака или взятых на воспитание независимо от него: *Он ишо взял с приёмшиом – сын, приёмши. ОНЕЖ. Подцерёнок – ребёнок, которого взяли в дом, чужой ребёнок. КАРГ.*

Родной ребенок противопоставляется неродному. Могут противопоставляться родная дочь (родной сын) и падчерица, пасынок: *Ты кабыть сынок, а она пасынок. ПИН. Падцеруху обижала, а доць заморозили (из сказки). КАРГ.*

Регулярно для обозначения приемных детей используются термины кровного родства: *У той-то дочери, у падцерухи-то, пять литров наварёно-то. ПЛЕС. Была одна доць – падцеруха. КАРГ. Падчериця дочку звали, пасынок – если сына приёмново, дак и по имени звали, а больше не знаю. КАРГ.*

Для обозначения приемных детей употребляются словосочетания *неродная дочь* (дочи, дочка, доча, дочеръ, девочка), *восприёмная дочь*, *чужая дочь*; *неродной (приёмной) сын*, *неродные дети*, *приёмное детище*. Примеры на сочетаемость являются по большей части описательными, пояснительными: *Неродной сын и есть пасынок. МЕЗ. Сыны неродные – падцерята всё. НЯНД. Если неродной сын – так падчерёныш. ПЛЕС. А я чужой да сын, да, видно, пасынок... МЕЗ. А мать приходит на неродную доць – так падчериця. ВЕЛЬ. Робёнок мужа от первой жены – падчериця, неродная доць. УСТЬ. А неродные доцки – это называеця падцерухи. КОН. Неродны ему девочки. ШЕНК. Столько лет прошло, она чужую выкормила доць. ВИЛ. Я дочку росла тоже восприёмную, дак она увезла место-то (матрас). МЕЗ. Неродных трудно растить детей, но всё же я доросла. МЕЗ.*

Примеров самостоятельного употребления сочетаний в нашем материале оказалось мало: *Там у меня неродна доць вышла взамуж. ПИН. Это мне доча неродная. ШЕНК. Она приёмного детишиа вырастила. ПИН.*

Выйти (выходить) замуж за человека, имеющего детей от прежнего брака, – *выйти (выходить, прийти, пойти) на (за) пасынков (пасынка, падчерят, детей), чужих ребят: Она на пасынков вышла, муж у ней умер дак. Она сразу вышла не за глухонемого, на пасынков. ВИЛ. Верно, на пасынков пришла. ЛЕШ. От у меня свекровка на пасынка пошла. ЛЕН. Дуня тожо на падчерят пошла. ОНЕЖ. Мужик рано помер, на падчерят вышла, двух падчериц взамуж отдала. ОНЕЖ. Мама-то вышла на падчерят.*

КАРГ. За падчерят вышла. ОНЕЖ. Дети не родные были, она выходила на детей. ВИН. Пришла на чужих ребят. ВИЛ.

Заместительное родство распространяется не только на родителей и детей, но и на внуков, правнуков: *А у Анны Фёдоровны падцерёнка, не от родного сына. Падчерёнка она Анне Фёдоровне-то, живёт у неё. КАРГ. Моя правнунька, только не родненька. ПИН. Внуки муж – внука-то ей неродная, но всё равно. ПЛЕС. При этом обычно уточняется, кто именно (дочь, сын, внучка) явился приемным: *Внучка от падчерици. МЕЗ. Это ейной дочери падчериця. МЕЗ.* Оно может подчеркиваться, даже когда речь идет о боковом родстве: *Она тётке моей Серафимы падцеруха. ОНЕЖ.**

Есть случаи, когда заместительное родство распространяется на свойственников, т. е. родственников через брак, и тогда появляются *неродная свекровка (свекровка) 'мачеха мужа'*: *У меня свекровка неродна была. ЛЕШ. Мне свекровка неродная. ШЕНК.*

4. Двойные дети. Дети, рожденные от разных браков отца и / или матери и живущие в одной семье, будут *сводными* или *двойными* детьми: *Будут у тебя сводны дети, они всё отработают, всю судьбу твою повторяют. ВИН. Двойные дети – ну как будто совместные дети, ну у матери и у отца есть дети, так и называют двойные дети. ШЕНК. Радуйсе, а то двойны дети, падцеруха. КАРГ. Встретились даже тройные дети (ребята): *Тройные ребята* воспитывала. ШЕНК. То есть воспитывала своих детей и детей от разных браков мужа. *Он три раза женился, были тройные дети. ПЛЕС.* Такие дети могут жить как в одной семье, так и в разных.*

Имеются уточнения, с какой именно стороны наблюдается или отсутствует родство: *И она вот сеструха-то по отцу. ВИЛ. По матери родна сестра, сводная. ПРИМ. А сестру-то вот всё ругает выbledком, не одново отца, дак она ругает. ВИЛ. Сестра была не одной матери. УСТЬ. Сестра у ей не родимая, отцы разные. УСТЬ.*

5. Помощники-наследники. Лексемы *дворяга, дворяк*, а также *дворянин, дворовой* и проч. чаще всего используются для обозначения 'мужа, пришедшего жить в дом жены', но могут относиться и к заместительному родству, когда речь идет о помощнике, которого принимают в дом пожилые люди. Такой помощник ухаживает за стариками до их смерти и получает в наследство дом и все их имущество: *Нао ей какой-то дворяга, штоб докормили до смерти. Новое (иногда) так со стороны дворягу берут, стариков докормят и останутся тут жить. К Дуне придите жить во дворяги. В-Т.*

Семы 'приемный ребенок, принятый на воспитание' и 'помощник / помощница по дому' могут объединяться: *Старухе-то они дворяки будут. Всё равно, хоть маленькой, а всё дворяк. МЕЗ. Двороуха – девушку берут вместо дочки. ПИН. Каку деушку во двор возьмут, дак ростят, вот и скажут: двороушка. МЕЗ.*

Чаще в качестве помощников все же берут не маленьких детей, а взрослых: *Я остарела, возьму во двор дворовуху. На дворовуху переписано всё хозяйство. Анна – двороуха, вы-то не двороухи, вы постоялки. Двороуха у ей есть, Катя. ПИН. Девку во двор взяли, дак скажут – двороуха. ПИН. Два плата подарила дворянке, узорчатых. ВИЛ. Она из Закурья пришла в дворяна, Катя Дворянка. ВИЛ.*

6. Сироты. Лексико-семантическая группа «Приемные дети» тесно соприкасается с группой «Сироты». Большое количество терминов являются дериватами от основы *сирот-* (*сирота, сиротка, сиротья, сиротина, сиротинка, сиротиночка, сиротинушка*): *Отец помрёт – полсиротины, а мать помрёт – цела сиротина дитя. ЛЕШ. Сирот у нас в Явзоре не было, только одна девка была сиротина. ПИН. Сиротина и есть сиротина, все пойдут со своим родителями, а я уж сиротина и есть сиротина. МЕЗ. Сиротинушка детей без родителей всё звали-то. ЛЕШ. В лесе леса стало мало, вересиночку срублю, у милого нет мамаша – сиротиночку люблю (фольк.). ВЕЛЬ.*

Ребенок, потерявший мать, – *безматерной: Безматерный мальчик рос. МЕЗ. Безматерны девушки, всё я растила. МЕЗ. Безматерна была: жила и худо, жила и хорошо. ПРИМ. Безматерна девка, я жалею, безматерна. Безматерно дитя, никто не скажет, куда хоть. Безматерно дело, плоха жись без матери, кто вырос без матери. МЕЗ. Такой ребенок растет безматерно: Бесприютно останутся, некоторые безматерно, безотцебно. МЕЗ. Матери-то нет, мацеха, безматерно. ПИН. Мальчик, оставшийся без матери, – матечёнок, матешонок: Мама умерла – ты мате-цёнок. КРАСН. Уж как я с матёшонком буду водиться? Мачеха мацёшонка выгнала. КРАСН.*

Ребенок, не имеющий отца, оказывается безотным, безотцовым, безотецким, безотчим, безотцовщиной, безбатьковщиной: *Мальчик безотной рос. МЕЗ. Безотцовые дети. КОН. Безотций сирота. ВЕЛЬ. Горе безотецкое. МЕЗ. А много здесь безотцовщины осталось: сорок человек не вернулось с войны. ПРИМ. Моё поколение все безотцовщины росли, а похоронка придёт, так всей деревней ревели-горевали. МЕЗ. Безотцовщина он, отца на войну взяли. ВЕЛЬ. А я безбатьковщина был, в тридцать восьмом году бревном убило (отца). В-Т. В то же время*

безотцовщиной будут называть незаконнорожденного ребенка. Ребенок, лишившийся отца, может также называться *вдовым* (*вдовой парень, вдовье дитё, вдовьи детешки*): *Он вдовой парень-то. ПИН. Ишо званье тако было: вдовье дитё – это сиротина. МЕЗ. А нам, вдовым детешам, справки не дали. ЛЕШ.*

Безотный может также означать 'не имеющий никаких родителей – ни отца, ни матери': *Одна безотна, не отца, не матери нет. МЕЗ. Одни оставаются, так безотны дети называются. ПИН. Человек, не имеющий никаких родственников, – безродной, бесплеменной: Неужели я безродная, неужели бесплеменная? (фольк.). ВИЛ. Осталица, осталец – тоже ребенок, оставшийся сиротой: Осталица девка. ПИН. Девка осталица у той, пожалела, набралась, отнесла (старые вещи). ЛЕШ. Он тожо осталец от матери-то был, осталец малой. Они тоже осталицы, осталисе малы. ЛЕШ.*

7. Переносные значения. Как и термины кровного родства, термины заместительного родства обладают способностью экстраполироваться на растительный, животный и предметный мир (см.: [Качинская 2008, 2012]). Чаще всего в переносных значениях выступают лексемы *мачеха* (и ее дериваты) и *пасынок*.

Коннотации 'мать' = «хорошо, удачно, приятно», 'мачеха' = «плохо, неудачно, неприятно» отразились в пословице: *Когда рыбалка да охота – когда мать, когда мачеха – не надо сердиться, когда добыдешь, когда нет, – не сеял. ПИН.*

Они отразились и в названии растений. Травянистое растение мать-и-мачеха имеет несколько похожих названий: *мать-и-мачеха, мать-мачеха, мачеха-трава, мачехин лист (листок), мачеха, мачешник: Мать-и-мачехи и бабушки-варварушки (ромашки) от хорошо. КАРГ. Мать-мацеха около озера растёт, самая первая вырастает. ВЕЛЬ. Мать – это тёпла сторона, беленька, а мачеха – та холодна сторона, гладкая. ВЕЛЬ. За чё она называется: это сторона холодна, это мачеха. А эта тёпла – эта мать. ПРИМ. Жар вытягиват мацеха-трава. ПЛЕС. Эта трава называется мачехин листок, она горькая. Где пуста голодна земля, наростёт мачехин листок. КАРГ. Мачеха – на опухоль налаживать хорошо. МЕЗ. Где мацёха растёт, там вода ближе. УСТЬ. По берегу растёт мацесеньник. ВЕЛЬ.*

Мачешник – это еще и травянистое водяное растение кувшинка желтая: *Есть трава в реке растёт, мачешник, цветы, как самоварчики. КОН. В Каргопольском районе встретилось травянистое растение со стелющимся стеблем с названием мачехин сын.*

Картофелина, от которой отводятся новые клубни, – *мачеха: Мацехой называют карто-*

фелина, когда выростет новая, а старая остаётся. Старый картофель называеце **мачехой**. КАРГ. *Стара картовина останется – мачеха*. ПЛЕС. *Мачеха-то – картошка, котору садыт*. ПЛЕС.

Новая кора березы, выросшая на месте однажды содранной бересты: **мачеха** или **мачехина берёста**: *У берёзы оторвана береста-то, не мачеха... Снова зарастает, и второй-то слой. Не родимо, короче. К камусным лыжам всё приколочивал – штоб снег не так налипал на лыжи, вместо резинки, и штоб нога не так скользила на лыжи*. ПИН. *Берёста – белая кора берёзы. Вторично нарастает – мачехина берёста*. МЕЗ. *Мачихино бересто, только мачихино бересто идёт на лыжи*. ЛЕШ.

Лексема **пасынок** имеет много ботанических значений. Это отводки, отростки от материнского растения: *Погода тёплая, этих пасынков лес, а огурцей нет*. ХОЛМ. *Приросток около дерева – пасынок*. МЕЗ. *Пустит картовица новую дудку, от этих пасынков пойдёт нова картовь*. КРАСН. *Вот я сажу всё по три пасынка. Все пасынки снизу оборваны*. ВЕЛЬ.

Утолщение у зонтичных растений: *Дудка. Подцерёнок звали*. ПЛЕС.

Второй ствол дерева: *Суцья, а вверх идёт – пасынок, второй ствол*. КРАСН. *Вот сосна, она с двумя, она с пасынком*. Ну, **пасынок** – дополнительный. ВИН.

Сучок на дереве: *А как два дерева раздвоая, дак у дерева сук дак пасынок*. ПЛЕС. *Это лес, какой он хорошенькой да без суцья, это первой сорт, он гладенькой. А тот уж, с суцьями, второй. А если уж есть пасынки какие да суцье большое, то третей*. УСТЬ. *Сук если толстый у ели растёт – пасынок*. ЛЕШ. *Россоха ведь пасынок-от, пойдё в другу сторону. А быва от пасынка и гниль*. ПИН. Ср. с этим переносные значения лексемы **отрок**: ‘отросток, побег растения’ (Свердл.) ‘комель, отпиленный от бревна’ (Перм.) ([СРНГ, 24: 299]. Похожие значения у деривата **отрокаль** (**отроколь**) см.: [там же] (подборка значений **отрок** указана в [Мороз 2000]).

От семы ‘сучок’ появляется метонимический перенос – ‘гниль в стволе дерева’, в этом значении используются лексемы **пасынок** и **падчерица**: *Есть с губой, есть с пасынком, с гнилью*. В серёдке называют **пасынок**. УСТЬ. *Ой, это дерево с падчерицей – гнилое*. ПЛЕС.

Термины кровного родства распространяются на животных, используются в зоологическом коде. Например, **дочи-дочи** – подзывное для овец, **сыни-сыни** – подзывное для коров. Зафиксирована лексема **падчерята** в значении ‘цыплята’: *Я падчерят-то зря не выпустила, не всякий день так солнышко горячит*. ОНЕЖ.

Слово **пасынок** постоянно употребляется в предметных значениях, отчасти совпадающих с общим значением в ботаническом коде: это какая-то дополнительная, новая, вынимающаяся деталь, подпорка. ‘Надставка к бревну’: *Если не хватило бревна, то поцставляли, и это будет пасынок*. Проходящие брёвна, под ними – **пасынки**. ВИН. ‘Подпора к столбу’: *Они столбы с пасынками ставили, а здесь без пасынков понаставили, дак они сгниют и падают*. ХОЛМ. *Новый столб поставлен с пасынком*. ПИН. ‘Деревянные столбы, сваи (нов. – цементные плиты), установленные в фундамент дома’: *Столбы такие, пасынки называются, сваи деревянные*. ХОЛМ. *Строят этима, на пасынках*. *Теперь на пасынках строят, плитья таки цементированы, пасыныки называются*. ХОЛМ. ‘Планка, вставка в другую деталь’: *Пасынком закрывают, вставляют туда*. ЛЕН. ‘Вынимающаяся часть ткацкого станка, палка, на которую навивается нить основы’: *Ко сволоку привязываца пасынок, выемка, да ешио нитками привязом*. **Пасынок** – *така вот палочка, а на сволоку така выемка, петелки наложатся на пасынок, раз обернём, он крепко дёржится, там и навивам*. ПИН. *На пасынок нитки навивают*. ПИН. *Сверху петли и накладывают на пасынок*. ШЕНК.

Пасынок – ‘очёски льна’: *Сначала отрепья были, потом пасынки, а потом лён уже ткали*. ШЕНК. ‘Льдины, оставшиеся на берегу после весеннего половодья’: *Вода ушла, а пасынки остались на берегу. Это пасынки – льдины на реки*. ШЕНК. Похожие значения есть и в русских говорах Карелии (см. **пасынок-1** и **пасынок-3** в [СРГК, 4: 407]). У В. И. Даля эта лексема зафиксирована также в значении ‘третий слив пива’ [Даль, 3: 54].

Слово **пасынок** встретилось и в качестве топонима: *Урочище у д. Семёнова – Пасынок*. ПЛЕС.

Примечание

¹ Работа основана на материалах вышедших в свет томов «Архангельского областного словаря» [АОС 1–16; Обратный словарь], картотеки АОС – бумажной и электронной [КАОС] и собственных полевых записях автора.

Список сокращений названий районов Архангельской области

В-Т. – Верхнетоемский
 ВЕЛ. – Вельский
 ВИЛ. – Вилегодский
 ВИН. – Виноградовский
 КАРГ. – Каргопольский
 КОН. – Коношский
 КОТЛ. – Котласский

КРАСН. – Красноборский
 ЛЕН. – Ленский
 ЛЕШ. – Лешуконский
 МЕЗ. – Мезенский
 НЯНД. – Няндомский
 ОНЕЖ. – Онежский
 ПИН. – Пинежский
 ПЛЕС. – Плесецкий
 ПРИМ. – Приморский
 УСТЬ. – Устьянский
 ХОЛМ. – Холмогорский
 ШЕНК. – Шенкурский

Список литературы

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. М., 1980–2015. Вып. 1–16– (изд. продолжается).

Даль 1994 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. Т. III.

КАОС – Картотека «Архангельского областного словаря» / Моск. гос. ун-т, филол. фак-т, каф. русского языка, каб. русской диалектологии.

Качинская И. Б. Термины родства и предметный мир (Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // *Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX)* / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2008. С. 265–283.

Качинская И. Б. Заместительное родство. Приемные дети (по материалам архангельских говоров) // *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: тезисы докл. Междунар. конф. 19–21 октября 2009 г.* М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. С. 104–106.

Качинская И. Б. Термины родства и растительный мир (по материалам архангельских говоров) // *Севернорусские говоры.: межвуз. сб.* / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. Вып. 12. С. 83–96.

Качинская И. Б. Термины родства и наименования людей по полу и возрасту: диффузность смыслов // *Cilveks valoda: etnolingvistika, lingvistisk, pasaules aina* (Человек в языке: этнолингвистика, лингвистическая картина мира) // *Komparativistikas almanahs. Nr. 4(33)*. (Альманах компаративистики. № 4(33)). Даугавпилс. Латвия, 2014. С. 198–214.

Мороз А. Б. Чтоб ты лихая немочь изняла! // *Русская речь*. 2000. № 1. С. 89–94.

Обратный словарь 2006 – Обратный словарь архангельских говоров. М.: Наука, 2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2015–. Вып. 1–48–. (изд. продолж.). СПб., 1989. Вып. 24.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. Вып. 4.

Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // *Категория родства в языке и культуре* / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 7–22.

References

Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' [The Arkhangelsk Region Dialect Dictionary]. Ed. by O. Getzova, E. A. Nefedova. Moscow, 1980–2016. Vol. 1–16.

Dahl V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Ed. by Baudouin de Courtenay. Vol. 3. Moscow, 1994.

Kachinskaya I. B. *Terminy rodstva i predmetnyj mir (po materialam arkhangel'skikh govorov)* [Kinship terms and the material world (a case study of Arkhangelsk dialects)]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology. III (IX)]. Ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, Nauka Publ., 2008. P. 265–283.

Kachinskaya I. B. *Zamestitel'noje rodstvo. Priemnye deti (po materialam arkhangelskikh govorov)* [Adoptive relationship. Adoptive children (a case study of Arkhangelsk dialects)]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii i issledovaniya staroobryadchestva* [Current problems of Russian dialectology and study of the old believers]. Abstracts of the International conference, 19–21 October 2009. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute Publ., 2009. P. 104–106.

Kachinskaya I. B. *Terminy rodstva i rastitel'nyj mir (po materialam arkhangelskikh govorov)* [Kinship terminology and the world of plants (a case study of Arkhangelsk dialects)]. *Severnorusskie govory* [Northern Russian dialects]. Vol. 12. Ed. by A. S. Gerd. St. Petersburg University Publ., 2012. P. 83–96.

Kachinskaya I. B. *Terminy rodstva i naimenovaniya ludej po polu i vozrastu: diffuznost' smyslov* [Terms of kinship and designation of people according to their gender and age: diffuse meanings]. *Cilveks valoda: etnolingvistika, lingvistisk, pasaules aina (Chelovek v yazyke: etnolingvistika, lingvisticheskaya kartina mira)* [Man in the Language: ethnolinguistics, linguistic picture of the world]. *Komparativistikas almanahs (Al'manaxhi komparativistiki)* [Anthology of comparative studies]. 2014. Iss. 4(33). P. 198–214.

Moroz A. B. *Chtob tya likhaja nemoch iznyala* [Let sickness take you]. *Russkaja rech* [Russian speech]. 2000. Iss. 1. P. 89–94.

Obratnyj slovar' Arkhangel'skikh govorov [Reverse dictionary of the Arkhangelsk region dialects]. Ed. by O. Getzova. Moscow, Nauka Publ., 2006.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian dialects]. Vol. 24. St. Petersburg, 1989.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei [Dictionary of Russian dialects of Karelia and neighboring regions]. Ed. by A. S. Gerd. Vol. 4. St. Petersburg, 1999.

Tolstaya S. M. *Kategoriya rodstva v etnolingvističeskoj perspektive* [Category of kinship from the ethnolinguistic perspective (instead of Preface)]. *Kategoriya rodstva v jazyke i kul'ture* [Category of kinship in language and culture]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2009. P. 7–22.

TERMS FOR ADOPTIVE PARENTS AND ADOPTIVE CHILDREN IN ARKHANGELSK DIALECTS

Irina B. Kachinskaya

Junior Researcher in the Department of Russian Language
Lomonosov Moscow State University

Lexemes denoting adoptive parents and adoptive children – stepfather, stepmother, stepson, stepdaughter, stepsibling – refer to the notion “adoptive relationship”. Close to this group are those lexemes which name orphans and also children and adults who were taken to one’s home as helpers and inherited property later on. The article deals with the terms used to name adoptive parents and children or to address them. Forms of address, as a rule, involve terms of consanguinity. Both separate terms and combinations can be found. Motivation for the terms with the meaning “adoptive children” is also shown. As a rule, the inventory of terms of any lexical-semantic group is much more abundant in dialects than in literary language, primarily due to word-forming and also semantic derivation. However, this also concerns terms of adoptive relationship. These terms presuppose metaphoric transfer to the botanical field (e. g. *mat'-i-macheha* (foalfoot, in literal translation – mother-and-stepmother) is known to have offshoots called *pasynki* (stepsons)). Examples of metaphoric transfer in dialects are much more numerous, they relate not only to the botanical field but also to the zoological one and are used in the objective and abstract spheres. *Macheha* (stepmother) and *pasynok* (stepson) tend to develop transferred meanings more often than other lexemes.

In the article, terms of adoptive kinship in their direct and transferred meanings are considered, Arkhangelsk dialects being the case study.

Key words: terms of kinship; adoptive parents; adoptive children; Russian dialectology; Northern dialects.

УДК 811.161.1'373.215(470.11)
doi 10.17072/2037-6681-2016-4-13-21

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА С СЕМОЙ 'СУХОЙ' В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Ольга Анатольевна Теуш

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. olga.teush@yandex.ru

В статье рассматривается русская диалектная лексика с семой 'сухой' имеющая иноязычное происхождение. Выявляются языки-источники заимствования – языки народов, издревле населявших Европейский Север России (прибалтийско-финские языки, саамский язык и язык коми). В результате проведенного этимологического анализа корректируются имеющиеся в научном обороте этимологии. Для большинства лексем предлагаются авторские этимологические решения, основанные на материалах новейших источников по русскому и финно-угорским языкам, что позволяет ввести в научный оборот дополнительные данные, расширяющие представления о межязыковых контактах на Европейском Севере России. Основной массив заимствованных лексем с семой 'сухой' имеет прибалтийско-финское или саамское происхождение. Коми и ненецкие заимствования редки. География заимствованных слов широка: фиксируются на всей территории исследуемого региона.

Ключевые слова: лексика; диалект; заимствование; происхождение; семантика; этимология; прибалтийско-финские языки; саамский язык; язык коми; Европейский Север России.

Наименования сухих мест в диалектах Европейского Севера России многочисленны. Выявляется обширная группа русских по происхождению лексем, номинирующих места с сухой почвой, а также высохшую траву, деревья, кустарники. Вместе с тем многочисленны заимствования. Основной массив заимствованных слов на территории Русского Севера – лексемы финно-угро-самодийского происхождения. Несколько десятков географических терминов, заимствованных из прибалтийско-финских языков, рассматривались в работе Я. Калимы «Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen» [Kalima], в которой как суммированы достижения исследователей XIX в. в интерпретации финно-угорских заимствований, так и предложены собственные этимологические разработки. Прибалтийско-финские заимствования (среди которых есть и географические термины) в сопредельных исследуемым обонежских говорах послужили основой работы С. А. Мызникова (Санкт-Петербург) «Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья» [Мызников 1994], а затем с привлечением новых фактов и более подробно были рассмотрены в монографии того же автора «Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследо-

вание лексики прибалтийско-финского происхождения» [Мызников 2003]. Заимствованная лексика в говорах поморов Карелии изучалась И. В. Сало (Москва) в работе «Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии» [Сало 1966]. Часть рассмотренных этими исследователями лексем бытует и на территории Архангельской и Вологодской областей. Несколько саамских по происхождению географических терминов проинтерпретированы Т. Итконеном в статье «Lappische Lehnwörter im Russischen» [Itkonen]. Около десятка географических лексем, заимствованных из коми языка, рассматривается в работе Я. Калимы «Syrjanisches Lehngut im Russischen» [Kalima]. В последнее время к отдельным прибалтийско-финским и саамским элементам в русской географической терминологии обращался А. Л. Шилов (Москва) в связи с анализом субстратной топонимии Европейского Севера России, см., например: «Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология заволочьской чуди» [Шилов 1997].

Наибольший вклад в исследование заимствованной географической терминологии в говорах Русского Севера внесли ученые Уральской топонимической школы, которые на протяжении бо-

лее чем 40 лет занимаются изучением диалектной лексики и топонимии Русского Севера, особенно лексических заимствований и субстратной топонимии.

Несколько десятков географических терминов прибалтийско-финского и саамского происхождения рассмотрены А. К. Матвеевым в связи с интерпретацией топонимических детерминантов в книге «Субстратная топонимия Русского Севера» [Матвеев 2001]. Отдельные географические лексемы интерпретировались тем же автором в таких работах, как «Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования» [Матвеев 2001: 332–355], «Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов» [Матвеев 2001: 29–42] и др. Заимствованной географической терминологии Белозерья (западная часть Вологодской области и юго-западная Архангельской) посвящено исследование Л. А. Субботиной «Заимствования в географической терминологии Белозерья» [Субботина 1984]. Около десятка финно-угорских по происхождению географических лексем, зафиксированных на юго-востоке Вологодской области, описано в диссертации О. В. Вострикова «Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья» [Востриков 1981]. Отдельные термины ландшафта, распространенные в устье р. Северной Двины, рассматривались Н. В. Кабининой в связи с интерпретацией субстратной топонимии региона в работе «Субстратная топонимия Архангельского Поморья» [Кабинина 2011]. Названия лесных локусов в аспекте соотношения своего и чужого являлись предметом работы О. В. Мищенко «Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера» [Мищенко 2000]. Некоторые ненецкие заимствования в русской географической терминологии описаны в работах А. А. Пантелеевой «Ненецкие заимствования в севернорусских говорах» [Пантелеева 1969] и А. К. Матвеева «Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах» [Матвеев 1996]. Ряд географических терминов коми происхождения проинтерпретирован А. К. Матвеевым в статье «Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала» [Матвеев 1964: 285–315]. Заимствования в области географической терминологии из западноевропейских языков (зафиксировано на исследуемой территории не более одного десятка) рассматривались Н. М. Ивашовой в диссертации «Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера» [Ивашова 1999]. При наличии большого комплекса исследований, посвященных заимствованиям в лексике Европейского Севера России, следует отметить, что лексемы неисконного происхождения с семей 'су-

хой' специально не рассматривались, большая часть из них не введена в научный оборот и не интерпретирована этимологически.

Далее описывается и этимологизируется лексика Европейского севера России, имеющая сему 'сухой'.

Акора 'стоящее засохшее дерево с отслоившейся корой' (Помор.) [КСПЯ: 35].

Преобразование (с утратой начального *в-*) из *в́акора* 'вывороченное с корнем дерево' (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., К.-Б., Уст., Холм.; Влг.: В.-Важ., В.-Уст., К.-Г., Ник.), 'кривое сучковатое дерево; коряга' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Уст., Шенк.; Влг.: К.-Г., Ник.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *vekkara* (*vekkara*) 'косо растущее дерево или сук дерева', 'большой кривой, изогнутый на конце крючком предмет, например, большой удильный крючок или его бородка', 'деревянная палка с железным крючком на конце, которой охотник на тюленей вытаскивает добычу из проруби', 'большой коготь, зубец' и т. п., в ряде говоров также *väkärä* (*väkkärä*) 'кривое изогнутое дерево или сук', 'деревянный крюк' [SKES: 1687–1688].

Бутня, *бутова́* 'сухая моховина выше уровня тундры' (Арх.) [Даль 1: 147].

Близкое по семантике *бу́та* 'верхний торфяной слой почвы в тундре' (Арх.) [Даль 1: 145] А. Е. Аникин рассматривает как девербатив от праслав. **butěti* 'пухнуть, набухать' (русск. *бу́теть*). «От *бу́та* образовано *бу́тить* 'сдирать верхний слой торфа во время палов и лесных пожаров' (Арх.), отсюда *бу́тня* 'сухая моховина выше уровня тундры' [Даль 1: 147], *бу́тня* 'торфяник' (Арх.) [СРНГ 3: 316]» [Аникин РЭС 5: 214]. Возможно всё же, связано с саам. патс. *puččtes*, норв. *puččtes*, кильд. *puččte š*, *puččtas*, тер. *puččtes* 'чистый' [KKLS 1: 413].

Вельга 'сухое место на болоте' (Влг.: Баб., Бел., Кад., Чаг.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *väljä* 'разница, различие, промежуток', карел. *väl'lä*, ливв. *väl'li* 'широкий, неприкрепленный, обширный, редкий', 'негороженный (лес)', вепс. *väl'* 'слабый', 'неплотный, рыхлый, свободный', 'тощий (о почве)' [SKES: 1837; SSA 3: 481], фин. *välkeä* 'обширный, широкий, просторный, редкий', 'чистый', *välkevä* 'пустой, пустынный (о месте)', *välkky* 'открытое место (в лесу)', 'невсхожее место', 'проталина, пятно', юж.-карел. (< фин.) *välkkü* 'оставшееся незасеянным место на поле' [SKES: 1838; SSA 3: 481]. Приведенные лексемы производны от фин. *väli* 'промежуток, пространство, расстояние', карел.-ливв. *väli*, *väl'i* 'дисциплина, порядок', 'соединение, связь', 'перегородка', люд. *väli* 'промежуток' [SKES: 1836–1837; SSA 3: 480–481].

Вельтіна 'засыхающее на корню дерево' (Арх.: Мез., Пин.), *вельтінник* 'то же' (Арх.: Пин.), 'засыхающий на корню хвойный лес' (Арх.: Пин.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *veltto*, *veltii*, *velttana* 'вялый, дряблый, расслабленный, неустойчивый, неподтянутый' [SKES: 1694], фин. *veltostua* 'становиться вялым, расслабляться, лишаться энергии', *veltostunut lihas* 'вялая дряблая мышца', *veltostuneet lehdet* 'вялые листья' [ФРС: 723]. Этимологию см. подробнее: [Мищенко 2001: 71–73], а также [Аникин РЭС 6: 207].

Вёшкома 'сухое место в лесу' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС].

< Саам., ср. прасаам. *vēkse 'прочный, крепкий': южн. *veäkseke*, ум. *viäk'sa*, ар. *viēk'sa*, лул. *viēksēs*, сев. *viēvses*, ин. *viēksa*, колт. *viðhss* [YS: 148–149], патс. *vjēx̄s^A* 'сильный, могучий, крепкий', 'крепкий, прочный' [KKLS: 740]. Финаль *-ма-* суффиксального происхождения (< *-m-*).

Волгас 'сухое место на болоте' (Арх.: К.-Б.) [КСГРС].

< Саам. патс. *vuälli*, аттр. *vuäll'jps*, нот. *vjällēi*, аттр. *vjällēyps*, кильд. *vülle^(s)*, аттр. *vüll^(e)yes*, тер. *villē^g*, аттр. *villēges*, им. *vuolli* 'низменный, низинный, низкий', сонг. *uallaš*, *vualgaš* 'находящийся на нижней стороне' [KKLS: 786].

Рассматриваемое значение вторично, ср. *волгас* 'сырое травянистое место' (Арх.: К.-Б., Пин.) [КСГРС].

Ворожник 'засыхающее поврежденное дерево' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС].

Суффиксальное образование от *ворга* 'трещина вдоль ствола дерева' (Арх.: Вин., В.-Т., К.-Б.) [КСГРС], < коми вв., лет., нв., печ., скр., сс. *ворга* 'желоб, желобчатое углубление' [ССКЗД: 60], уд. *ворга*, *ворган* 'то же' [УД: 121]. География подтверждает возможность коми истоков. Этимологию см.: [Kalima SLR: 20–21; Фасмер 1: 351].

Вору́й 'сухое возвышенное место на болоте' (Арх.: Леш.), *вору́истый* 'сухой, возвышенный' (Арх.: Леш.) [КСГРС].

< Саам. или приб.-фин., ср. прасаам. *vārē, саам. лул. *vārrē*, сев. *varre*, ин. *vāāri*, колт. *vāā'rr*, кильд. *vā'rr*, тер. *varre* 'гора', 'сопка' [YS: 144–145], фин. *vaara* 'гора, сопка', 'холмистая местность', карел.-ливв. *voara*, *vuara*, *vuaru*, *vaaru* 'поросшая лесом сопка, гора' [SKES: 1580], при этом прибалтийско-финские лексемы, возможно, имеют саамский источник [SKES: 1580; SSA 3: 386], ср. также фин. *vuori* 'гора', карел.-ливв. (< фин.) *vuori* 'гора', карел.-ливв. (< фин.) *vuori* 'скалистая гора' [SKES: 1821–1822; SSA 3: 475]. С точки зрения вокализма корня и финального оформления лексемы (-*үй*), наиболее близки карельские данные. О приб.-фин. *-u* > русск. *-уй* в ауслауте см.: [Kalima, 67].

Гиву́шка 'сухое место на болоте, поросшее лесом' (Влг.: Вож.) [КСГРС]. Возможно, прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. *hiukka*, *hiuka*, *hiuke*, *hiue* 'песок, песчаная почва', *hiuve* 'длинный низкий каменистый берег моря', карел. ливв. *hiukku* 'ил, песок' [SKES 1: 78].

Наиболее важна из перечисленных форма *hiue* 'песок, песчаная почва', при заимствовании которой можно предполагать переход интервокального *u* > *в*.

Запу́шица 'сухое пространство между двумя болотами' (Влг.: М.-Реч.) [КСГРС].

Корень *пуш-* может быть соотнесен с финно-угорскими данными, ср. коми *понпуш* 'высохший гриб-дождевик' (при *пон* 'собака', скр., сс. *пушйод* 'побег, поросль, отросток') [КЭСК: 225]. Общий компонент семантики 'выпуклость' мог реализоваться в географической лексеме.

Карáвая сосна́ 'подсохшая сосна на низких местах' (Влг.: Череп.) [Герасимов: 49].

< Вепс. *kar* 'зарубка, надрез, разрез, дыра' [СВЯ: 179] или фин. *kara* 'засохшая ветвь' [Kalima: 105], ср. также фин. *karahka* 'сухая ветка; молодая ель', карел. *karahka* 'высохший сук', 'молодая елочка' [ПФГЛ: 36]. Иначе: с отвердением из *корявый* [Фасмер 2: 190].

Кондача́ 'высохший на корню лес' (Арх.: Вил.) [КСГРС].

Согласно Я. Калима [Kalima: 238], является результатом диссимилиации в *конга* (< приб.-фин., ср. фин. *honka*, род. п. *hongan* 'зрелая сосна', ср. также карел. *hongažikko*, ливв. *honguažikko*, *hongužikko* 'сосняк (место, где много сухостойной сосны)', вепс. *hongišť*, *hongžom* 'сосновый лес' [ПФГЛ: 30–31]).

Кубарина́ 'сухое, возвышенное место на болоте' (Влг.: Ваш.) [КСГРС].

Возможно, связано с карел. *kukkura*, *kukkuri*, ливв. *kukkuri* 'крутая гора', 'холм', 'вершина горы или сопки', фин. *kukkura* 'вершина (горы)' [ПФГЛ: 45]. Интервокальное *-б-* в русском слове – результат диссимилиации.

Курба́ 'сухой пригорок на болоте' (Влг.: Бел.) [КСГРС].

< Приб.-фин. или саам., ср. фин. *kurppa* 'горб', 'сверток, узел, узелок, кипа, связка' (< саам.), саам. норв. *gur'pe* 'узел, узелок, маленькая ноша, кладь' [SKES: 246].

Ламбас 'сухое возвышенное место' (Арх.: Пин.) [КСГРС].

< Коми иж. *ламда* 'низкий холмик' [Туркин 1985: 119], ср. также ненец. *ламдо* 'низкий', *ламдова* 'низина, низменное место' [НПС: 175]. Суффикс *-as* имеет семантику отношения к чему-л.

Лáхта 'гряда суши среди болота, трясины, заросшего озера' (Влг.: Выт.) [СРГК 3: 102], *лахтіна* 'то же' (Влг.: Устюж.), *лахтіна* 'сухая

часть болота, на которой растут ягоды' (Влг.: Баб.) [КСГРС].

< Вепс. *laht* 'низкий берег озера или реки, заливаемый водой во время половодья' [СВЯ: 271]. География подтверждает возможность заимствования из вепсского.

Лизьма 'сухое место среди болота' (Влг.: Выт.) [КСГРС].

< Вепс. *l'izm* 'илистый', *lizmekaz* 'скользкий' [СВЯ: 293]. Семантика лексемы *лизьма* сформировалась на русской почве.

Лы́ва 'осушенный участок земли для покоса' (Влг.: К.-Г.), 'покос на сухом месте среди болота' (Арх.: Нянд.), 'сухой покос' (Влг.: К.-Г., Ник.) [КСГРС].

Рассматриваемая семантика вторична к *лы́ва* 'зыбкое, топкое место на болоте', 'лужа после дождя', 'густой лес на болотистой почве' (Олон., Арх., Влг.) (< карел. *liiva* 'ил, тина' [Фасмер 2: 540], ср. также карел. *liiva*, ливв. *liivu*, люд. *l'iv*, *l'ive*, фин. *liiva* 'кашеобразная масса, грязь', 'ил, тина', 'гной, слизь' [SKES: 294]).

Лы́пак 'сухое возвышенное место на болоте' (Помор.) [КСПЯ: 78].

Связано с саам. норв. *l'yo wss^A*, нот. *l'jõ p̄s^A*, кильд. *l'ups* 'угол' [KKLS: 230]. Суффикс *-ак* русского происхождения.

Ма́рек 'место сухое, покрытое лесом и притом доступное для проезда' (Олон.) [Куликовский: 54].

Возможно, является сложным словом: первая часть *ма-* < приоб.-фин., ср. фин. *maa*, карел., ливв. *toa*, *tua*, *таа*, люд. *tua*, *тио*, *тоа*, вепс. *та*, *таа* 'земля, почва' [ПФГЛ: 60]; вторая часть *-рек* < карел. *rikeä*, ливв. *rigie* 'густой перелесок, чаща' [ПФГЛ: 79].

Нива 'участок леса, расположенный на сухом возвышенном месте' (Арх.: Карг.; Влг.: Бел.; Карел.: Пуд.) [СРГК 4: 21].

< ? Приоб.-фин., ср. фин. *niukka* 'маленький, недостаточный, тощий, худой, скудный', *niukas* 'скудный, убогий, бедный', карел. *niukka* 'скудный, убогий, бедный' [SKES: 387]. Если это так, нужно предполагать обратное словообразование: **ни́вка* > *ни́ва* с вычленением суффикса *-к-*. Исходной для *ни́ва* следует считать сему 'сухой'.

Пёхта 'засохшее на корню дерево' (Влг.: Баб., Бел., Кир.), *пехта́* 'то же' (Влг.: Кир.), *пехто́вник* (Влг.: Бел.), *пехта́рник* 'засохший на корню лес или кустарник' (Влг.: Кир.), *пёвка* 'сухой пенёк' (Арх.: В.-Т.), *пихта* 'засохшее на корню дерево' (Влг.: Бел.), *пихта́* 'то же' (Влг.: Кир.), *пихто́вник* 'то же' (Влг.: Бел.), *пихто́рь* 'сухой березовый пенёк с выгнившей сердцевинной' (Арх.: Плес.) [КСГРС].

< Приоб.-фин., ср. фин. *pihka* 'живица, смола', карел. ливв. *pihku* 'то же', 'смолистое дерево',

люд. *pihk* 'живица, смола', вепс. *pihk* 'сосновая смола', 'молодой, густой сосновый лес', 'густой хвойный лес', 'лиственный лес', 'сосняк', 'глухой дремучий лес', вод. *pihk* 'живица, смола', *pihku* 'сосна', эст. *pihk* 'живица, смола', (> саам. кольск. *pi'k'k^E*, *pe'k'k^E*, кильд. *pe'k'k^E* 'живица, смола') [SKES: 541]. Формы с вокализмом *-е* имеют саамское происхождение, с *-и* – прибалтийско-финское.

Русто́йник 'подсохшее на корню дерево' (Влг.: М.-Реч.), 'подсохший на корню лес' (Влг.: М.-Реч.) [КСГРС].

< Карел.-ливв. *ruoste* 'ржавчина, пораженное появившейся краснотой ущербное растение' [SKES 4: 874].

Рям 'сухое место на болоте' (Влг.: Кир.), *сухорёмок* 'сухое болото' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС].

< Приоб.-фин., ср. фин. *räme*, *rämeikkö* 'болото с чахлым сосновым лесом', карел. *räme*, *räme(j)ikkö*, *rieme*, *rieme(j)ikkö*, *rämei*, люд., вепс. *rämik*, *rämeğišt* 'болото, поросшее чахлым лесом; бурелом' [ПФГЛ: 83]. Этимологию см.: [Kalima: 210; Фасмер 3: 537].

Сайма 'высокое сухое место со строевым лесом' (Влг.: Выт.) [КСГРС], 'заросшая травой сухая часть болота' (Влг.: Ваш.) [СРГК 5: 622–623].

Нельзя отделять от коми диал. *сойим* 'густой ельник на сухом месте', иж., лет. 'густой труднопроходимый лес на болотистом месте', лет. *сойим*, *сойым* 'густой лес на сухом месте' [КЭСК: 260], однако география необычна для коми заимствований.

Сóхра 'сухое ровное место' (Влг.: М.-Реч.), 'засохший на корню лес' (Влг.: М.-Реч.), 'сухое дерево' (Влг.: М.-Реч., Сямж.), *сохра́* 'сухое дерево' (Влг.: М.-Реч.), 'лес на сухом месте' (Влг.: М.-Реч.), 'засохший на корню лес' (Арх.: Вил.) [КСГРС].

Я. Калима [Kalima: 16–17] и М. Фасмер [Фасмер 3: 706] считают неясным. Наиболее убедительна этимология А. К. Матвеева [Матвеев 2001: 244]: < саам., ср. саам. норв. *soarve*, ин. *soarvi*, кильд. *suerv-* 'сухостойная сосна' с восстанавливаемой праформой *sörvē [YS: 126–127].

Стра́домина 'поросший лесом сухой островок среди болота' (Арх.: Нянд.) [КСГРС].

Нельзя отделять от *ра́да*, *ра́довина* 'сухое место на болоте, обычно поросшее лесом' (Арх.) [КСГРС]. Иные значения: 'низкое, сырое, заболоченное место, поросшее кустарником и/или мелким лесом', 'труднопроходимая лесная чаща на сыром месте' [КСГРС].

При учете соответствия приоб.-фин. *e* ~ субстр. *a* (см.: [Матвеев 1968: 121–126]) лексема может быть возведена к неизвестному финно-угорскому языку, в котором функционировало слово, родственное карел. ливв. *redu* 'грязь',

слякоть', люд. *redu* 'грязь', вепс. *redu, ředu* 'грязь, ил' [SKES: 773].

Тыкола 'засохшее болото' (Арх.: Лен.) [КСГРС].

В других значениях: *тыкала, тыкало* 'пересыхающий заболочиваемый залив', 'озеро с заболоченной водой', *тыкола* 'топкое болото', 'рукав реки', 'пересыхающая старица', 'окно воды в болоте' [КСГРС], *тыкола* 'озерное место' (Влг.) [Опыт: 234], 'многоозерное, озеристое место' (Влг.) [Даль 4: 447].

В. И. Даль указывал на «зырянское» происхождение слова. Источником заимствования является коми вым., нв., скр., уд. *тыкӧла*, вв., печ., уд. *тыкола*, иж. *тыкела* 'небольшое озерко', 'сырое заболоченное место (на старицах, вокруг озера) с небольшими озерками' [ССКЗД: 389]. Этимологию см.: [Kalima SLR: 40].

Хойка 'сухой бугор в тундре' (Арх.: Мез.) [КСГРС].

< Ненец. *хой* 'гора, хребет, холм' [НРС: 708], *-ко* – уменьшительный суффикс: *хойкко* [Lehtisalo: 189]. Финаль слова в русском языке осмыслена как суффикс *-ка*. Этимологию см.: [Матвеев 1996: 78].

Хонга 'сухостойное дерево, как правило, сосна' (Арх.: В.-Т., К.-Б., Леш., Мез., Нянд., Пин., Плес., Прим., Холм.) [КСГРС], (Арх.: Мез., Пин., Шенк.) [Подвысоцкий: 184], (Помор.) [КСПЯ: 121], *хонка* 'то же' (Помор.) [КСПЯ: 121], *хоньга* 'то же' (Арх.: Холм.) [КСГРС], *хоножник* 'сухой, усохший сосновый лес' (Арх.: Мез., Пин., Шенк.) [Подвысоцкий: 184].

< Приб.-фин., ср. фин. *honka*, ливв. *honŋu*, люд., вепс. *honŋ* 'сосна (кондовая)' [SKES 1: 80]. Этимологию см.: [Kalima: 238; Фасмер 4: 261].

Чуржа 'сухое место в лесу, где добывают песок, гальку' (Влг.: Бел.) [КСГРС].

< Приб.-фин. или саам., ср. карел. *čuuru*, ливв. *čuur*, *čuuru*, вепс. *čuru*, *čuur* 'крупный песок; почва с мелкими камешками', саам. *sjärra*, *čiewrâ*, *tšjur*, *tšewr^e*, *tšjur^a* 'крупный гравий' [ПФГЛ: 25].

Шарина 'сухостой' (Арх.: Пин.) [КСГРС].

Можно сопоставить с саам. йок. *t'särra* 'возвышенность, заросшая ягелем' [KKLS: 647], саам. *čärr* 'тундра' [СРС: 387]. В начале слова произошло упрощение аффрикаты. Зафиксированное значение вторично.

Юрмала 'сухой песчаный луг' (Арх.: Холм.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин., карел. *juuri* 'корень, комель', 'основание, низ', 'край'; фин. *malo* 'низкая вода', эст. *mala* 'песчаный берег моря' [Матвеев 2004: 267–273].

Ягра 'сухое возвышенное каменистое место' (Арх.: Он.), *ягрин* 'то же' (Арх.: Кон.), *ягрыня* 'то же' (Влг.: Вож.) [КСГРС].

< Саам. патс. *arv^a-* (ср.: *arv^a-tšà^ttš^é* 'морской отлив, убывающая вода', тер. *āra-* (ср.: *āra-vjəlai* 'морской отлив, самое низкое состояние морской воды') [KKLS: 15, 17, 786]. Этимологию см.: [Кабинина 2012: 186–188].

Янга 'сухое возвышенное каменистое место' (Арх.: Плес.) [КСГРС].

< Приб.-фин. или саам., ср. фин. *jänkä*, карел. *jänkä* 'болото', саам. швед. *jegge*, норв. *jægge* [SKES: 130], им. *jänk* 'болото' [KKLS: 53], < прасаам. *jeŋkē [YS: 36].

Основной массив заимствованных лексем с семой 'сухой' имеет прибалтийско-финское или саамское происхождение. Коми и ненецкие заимствования редки. География заимствованных слов широка: фиксируются на всей территории исследуемого региона.

Список литературы

1. Словари

Аникин РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

Герасимов – Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.

КСГРС – Картоотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

КСПЯ – Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

Куликовский – Куликовский Г. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

МСФУЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Вып. 1: А–И. Екатеринбург, 2004.

НРС – Ненецко-русский словарь / сост. Н. М. Терещенко. М., 1965.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Император. Академии наук. СПб., 1852.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПФГЛ – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.

СРС – *Саамско-русский словарь*. М., 1985.

ССКЗД – *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар, 1961.

ТСРЯ – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. М., 2008.

УД – *Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.

KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. LSFU, XV. Helsinki, 1958.

Lehtisalo – *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. LSFU, XIII. Helsinki, 1956.

SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I–VII. LSFU. XII. Helsinki, 1958–1961.

SSA – *Suomen sanojen alkuperä*. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

YS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. MSFOu. 200. Helsinki, 1989.

2. Исследования

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. Свердловск, 1981. Вып. 2. С. 3–45.

Ивашова Н. М. Прямые заимствования из западноевропейских языков в говорах Русского Севера // *Ономастика и диалектная лексика*. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 185–190.

Кабинина Н. В. К этимологии беломорского ягра ‘отмель’ // *Этнолингвистика. Ономастика*. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2012. С. 186–188.

Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 342 с.

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // *Acta Linguistica Hung.* Т. XIV, F. 3–4. Budapest, 1964. S. 285–315.

Матвеев А. К. Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах // *Этимологические исследования: материалы I–II науч. совещ. по русск. диал. этимологии*, Екатеринбург, 10–12 окт. 1991 г., 17–19 апр. 1996 г. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 72–79.

Матвеев А. К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимии Русского Севера // *Советское финно-угроведение*. 1968. № 2. С. 121–126.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001. Ч. 1; 2004. Ч. 2.

Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и аппеллятивные заимствования // *Этимология* 1971. М., 1973. С. 332–356.

Мищенко О. В. Из этимологий дендрологических терминов Русского Севера // *Этимологические исследования*. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 63–73.

Мищенко О. В. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

Пантелеева А. А. Ненецкие заимствования в севернорусских говорах // *Взаимодействие языков: Ученые записки УрГУ*. № 80. Сер. Филология. Вып. 8. Свердловск, 1969. С. 45–57.

Сало И. В. Влияние прибалтийско-финских языков на русские говоры поморов Карелии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

Субботина Л. А. Заимствования в географической терминологии Белозерья: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984.

Туркин А. И. Коми местные географические термины ненецкого и обско-угорского происхождения // *Топонимия Урала и севера Европейской части СССР. Вопросы ономастики*. Свердловск, 1985. Вып. 17. С. 117–125.

Шилов А. Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочьяской Чуди // *Вопросы языкознания*. М., 1997. № 6. С. 3–21.

Itkonen T. Lappische Lehnwörter im Russischen // *Suomen Tiedeakatemia Toimituksia*. Bd. XXVII. Helsinki, 1931. S. 47–65.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. MSFOu. XLIV. Helsinki, 1919.

Kalima J. Syrjanisches Lehngut im Russischen. FUF. XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

Список используемых сокращений

1. *Названия административных районов и областей*

- Арх. – Архангельская область (губерния)
- Баб. – Бабаевский р-н Архангельской обл.
- Бел. – Белозерский р-н Вологодской обл.
- Ваш. – Вашкинский р-н Вологодской обл.
- В.-Важ. – Верховажский р-н Вологодской обл.
- Вель. – Вельский р-н Архангельской обл., Вельский уезд Вологодской губернии
- Вил. – Вилегодский р-н Архангельской обл.
- Вин. – Виноградовский р-н Архангельской обл.
- Влг. – Вологодская область (губерния)
- В.-Т. – Верхнетоемский р-н Архангельской обл.
- В.-Уст. – Великоустюжский р-н Вологодской обл.

Выг. – Вытегорский р-н Вологодской обл.,
 Вытегорский уезд Олонецкой губернии
 Кад. – Кадуйский р-н Вологодской обл.
 Карг. – Каргопольский р-н Архангельской
 обл., Каргопольский уезд Олонецкой губернии
 К.-Б. – Красноборский р-н Архангельской обл.
 К.-Г. – Кичменгско-Городецкий р-н Вологод-
 ской обл.
 Кем. – Кемская волость Архангельской гу-
 бернии
 Кир. – Кирилловский р-н Вологодской обл.
 Лен. – Ленский р-н Архангельской обл.
 Леш. – Лешуконский р-н Архангельской обл.
 Мез. – Мезенский р-н Архангельской обл.
 М.-Реч. – Междуреченский р-н Вологод-
 ской обл.
 Ник. – Никольский р-н Вологодской обл.
 Нянд. – Няндомский р-н Архангельской обл.
 Олон. – Олонецкая губерния
 Пин. – Пинежский р-н Архангельской обл.
 Плес. – Плесецкий р-н Архангельской обл.
 Помор. – Поморье (побережье Белого моря)
 Прим. – Приморский р-н Архангельской обл.
 Сямж. – Сямженский р-н Вологодской обл.
 Уст. – Устьянский р-н Архангельской обл.
 Устюж. – Устюженский р-н Вологодской обл.
 Холм. – Холмогорский р-н Архангельской обл.
 Чаг. – Чагодощенский р-н Вологодской обл.
 Череп. – Череповецкий р-н Вологодской обл.
 Шенк. – Шенкурский р-н Архангельской обл.

2. Языки и диалекты

ар. – диалект Арьеплуге саамского языка
 вв. – верхневычегодский диалект коми языка
 вепс. – вепсский язык
 вод. – водский язык
 вым. – вымский диалект коми языка
 иж. – ижемский диалект коми языка
 им. – диалект Имандра саамского языка
 ин. – диалект Инари саамского языка
 йок. – диалект Йоканьга саамского языка
 карел. – карельский язык
 кильд. – кильдинский диалект саамского языка
 колт. – колтовский диалект саамского языка
 кольск. – кольский диалект саамского языка
 лет. – летский диалект коми языка
 ливв. – ливвиковский диалект карельского
 языка
 лул. – диалект Луле саамского языка
 люд. – людиковский диалект карельского
 языка
 нв. – нижневычегодский диалект коми языка
 ненец. – ненецкий язык
 норв. – саамский норвежский язык
 нот. – нотозерский диалект саамского языка
 патс. – диалект Патсайоки саамского языка
 печ. – печорский диалект коми языка
 прасаам. – прасаамское
 праслав. – праславянское

приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
 русск. – русский язык
 саам. – саамский язык
 сев. – северный диалект саамского языка
 скр. – присыктывкарский диалект коми языка
 сонг. – сонгельский диалект саамского языка
 сс. – среднесыольский диалект коми языка
 тер. – терский диалект саамского языка
 уд. – удорский диалект коми языка
 ум. – диалект Ууме саамского языка
 фин. – финский язык
 швед. – саамский шведский язык
 эст. – эстонский язык
 южн. – южный диалект саамского языка
 юж.-карел. – южнокарельское

3. Прочие

аттр. – атрибутив
 субстр. – субстратное

References

1. Dictionaries

Anikin A. E. *Russkij etimologičeskij slovar'* [The etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 2007. Iss. 1.

Gerassimov M. K. *Slovar' uezdnogo cherepovetskogo govora* [The dictionary of Cherepovez district dialect]. St. Petersburg, 1910.

Dahl V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T. 1–4* [The Explanatory dictionary of the living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, 1955.

KSGRS – *Kartoteka «Slovarja govorov Russkogo Severa»* [The card-catalogue of “The dictionary of the Russian North dialects”]. Kept at the Department of Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University.

KSPJa – Moseev I. I. *Pomor'ska govorja. Kratkij slovar' pomorskogo jazyka* [The brief dictionary of coast-dwellers dialect]. Arkhangelsk, 2005.

Kulikovskij G. *Slovar' oblastnogo olonetskogo narečija v jego bytovom i etnograficheskom primenienii* [The dictionary of regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic use]. St. Petersburg, 1898.

KESK – Lytkin V. I., Gul'jajev E. I. *Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka* [The brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow, 1970.

MSFUZ – *Materialy dlja slovarja finno-ugro-samodijsskikh zaimstvovanij v govorakh Russkogo Severa. Vyp. 1. A–I* [Materials for the dictionary of Finno-Ugric and Samoyedic linguistic borrowings in the Russian North]. Ed. by A. K. Matveev. Iss. 1. Ekaterinburg, 2004.

NRS – *Nenetsko-russkij slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Comp. by N. M. Tereshhenko. Moscow, 1965.

Opyt oblastnogo velikorusskogo slovar'a, izdannij Vtorym otdelenim Imperatorskoj Akademii

Nauk [The Experience of the regional Great Russian Dictionary, published by the 2nd department of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1852.

Podvysotskij A. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechija v jeho bytovom i ehntnograficheskom primenenii* [The dictionary of regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic use]. St. Petersburg, 1885.

PFGL – Mamontova N. N., Mullonen I. I. *Pribaltijsko-finskaja geograficheskaja leksika Karelii* [The Baltic-Finnish geographical lexis of Karelia]. Petrozavodsk, 1991.

SVJa – Zajtseva M. I., Mullonen M. I. *Slovar' vepsskogo jazyka* [The Veps language dictionary]. Leningrad, 1972.

SRGK – *Slovar' russkikh govorov Karelii i so-predel'nykh territorij*. T. 1–6 [The dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent territories. Vol. 1–6]. St. Petersburg, 1994–2005.

SRS – *Saamsko-russkij slovar'* [Sami-Russian dictionary]. Moscow, 1985.

SSKZD – *Sravnitel'nyj slovar' komi-zyrjanskikh dialektov* [The Comparative dictionary of Komi-Zyrian dialects]. Syktyvkar, 1961.

TSRJa – *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljuchenijem svedenij o proiskhozhdenii slov* [The explanatory dictionary of the Russian language including information on words origin]. Moscow, 2008.

UD – Sorvacheva V. A., Beznosikova L. M. *Udorskij dialekt komi jazyka* [Udorsky dialect of the Komi language]. Moscow, 1990.

Fasmer M. *Etymologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1964–1973. Vol. 1–4.

KKLS – Itkonen T. I. *Koltan ja Kuolanlapin sanakirja*. I–II. LSFU, XV. Helsinki, 1958.

Lehtisalo T. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. LSFU, XIII. Helsinki, 1956.

SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I–VII. LSFU. XII. Helsinki, 1958–1961.

SSA – *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

YS – Lehtiranta J. *Yhteissaamelainen sanasto*. MSFOu. 200. Helsinki, 1989.

2. Research works

Vostrikov O. V. Finno-ugorskie leksicheskie elementy v russkikh govorakh Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya [Finno-Ugric lexical elements in Russian dialects of the Volga-Dvina area]. *Etymologicheskie issledovaniya* [Etymological Research]. Iss. 2. Sverdlovsk, 1981. P. 3–45.

Ivashova N. M. Pryamyje zaimstvovaniya iz zapadnoevropejskikh yazykov v govorakh Russkogo Severa [Direct borrowings from Western European languages in dialects of the Russian North]

Onomastika i dialektnaya leksika [Onomastics and dialect vocabulary]. Iss. 3. Ekaterinburg, 1999. P. 185–190.

Kabinina N. V. K etimologii belomorskogo jagra “otmel'” [To the etymology of the Belomorsk jagr ‘shoal’]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologija: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnolinguistics. Name study. Etymology: proceedings of the 2nd International sci. conf.]. Ekaterinburg, 2012. P. 186–188.

Kabinina N. V. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomor'ya* [Substrate toponymy of the Arkhangelsk Pomor region]. Ekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2011. 342 p.

Matveev A. K. Zaimstvovaniya iz permskikh yazykov v russkikh govorakh Severnogo i Srednego Urala [Borrowings from the Permian languages in Russian dialects of the North and Middle Urals]. *Acta Linguistica Hung.* Vol. XIV. Pt. 3–4. Budapest, 1964. P. 285–315.

Matveev A. K. Novyje dannyje o nenetskikh zaimstvovaniyah v severnorusskikh govorakh [New data on Nenets linguistic borrowings in the Russian North dialects]. *Etimologicheskije issledovaniya: Materialy I–II nauch. soveshhanij po russk. dial. etimologii*, Ekaterinburg, 10–12 oktjabrja 1991 g., 17–19 aprelja 1996 g. Vyp. 6 [Etymological researches: Proceedings of the 1–2nd scientific meetings on the Russ. dial. etymology, Ekaterinburg, 10–12 Oct., 1991. 17–19 Apr., 1996]. Ekaterinburg, 1996. P. 72–79.

Matveev A. K. Ob otrazhenii odnogo finsko-russkogo foneticheskogo sootvetstvija v substratnoj toponimii Russkogo Severa [On reflection of one Finnish-Russian phonetic correspondence in the substrate toponymy of the Russian North]. *Sovetskoe finno-ugrovedeniye* [The Soviet Finno-Ugric studies]. 1968. Iss. 2. P. 121–126.

Matveev A. K. *Substratnaja toponimija Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North]. Pt. 1. Ekaterinburg, 2001.

Matveev A. K. *Substratnaja toponimija Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North]. Pt. 2. Ekaterinburg, 2004.

Matveev A. K. Etimologizatsiya substratnykh toponimov i apellyativnye zaimstvovaniya [Etymologization of substrate toponyms and appellative borrowings]. *Etimologiya 1971* [Etymology 1971]. Moscow, 1973. P. 332–356.

Mishhenko O. V. Iz etimologij dendrologicheskikh terminov Russkogo Severa [From etymology of dendrology terms of the Russian North]. *Etimologicheskije issledovaniya*. Vyp. 7 [Etymological research. Iss. 7]. Ekaterinburg, 2001. P. 63–73.

Mishhenko O. V. *Leksika lesnykh lokusov v govorakh Russkogo Severa*. Diss. kand. filol. nauk [Forest loci vocabulary in dialects of the Russian North. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2000.

Myznikov S. A. *Leksika pribaltijsko-finskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Obonezh'ya*. Diss. kand. filol. nauk [Words of the Baltic-Finnic origin in Russian dialects of the Lake Onega area. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1994.

Myznikov S. A. *Russkie govory Obonezh'ya: areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltijsko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian dialects of the Lake Onega area: etymological research into vocabulary of the Baltic-Finnic origin]. St. Petersburg, 2003.

Panteleeva A. A. *Nenetskie zaimstvovaniya v severnorusskikh govorakh* [Nenets borrowings in the Russian North dialects]. *Vzaimodejstvie yazykov. Uchenyye zapiski UrGU. № 80. Seriya filologicheskaya* [Interaction of languages. Proceedings of the Ural State University. № 80. Philology]. Iss. 8. Sverdlovsk, 1969. P. 45–57.

Salo I. V. *Vliyanie pribaltijsko-finskikh yazykov na russkie govory pomorov Karelii*. Diss. kand. filol. nauk [Influence of the Baltic-Finnic languages on Russia dialects of the Pomors of Karelia. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1966.

Subbotina L. A. *Zaimstvovaniya v geograficheskoy terminologii Beloz'er'ya*. Diss. kand. filol. nauk [Bor-

rowings in geographical terminology of Belozerye. Cand. philol. sci. diss.]. Sverdlovsk, 1984.

Turkin A. I. *Komi mestnyje geograficheskije terminy nenetskogo i obsko-ugorskogo proiskhozhdeniya* [Komi local geographical terms of the Nenets and Obsko-Ugric origin]. *Toponimija Urala i severa Evropeiskoj chasti SSSR. Voprosy onomastiki*. Vyp. 17 [Toponymy of the Urals and the north of the European part of the USSR. Onomastic questions. Iss. 17]. Sverdlovsk, 1985. P. 117–125.

Shilov A. L. *Areal'nye svyazi toponimii Zavoloch'ya i geograficheskaya terminologiya Zavoloch'skoj Chudi* [Areal connections of toponymy of Zavolochye and geographical terminology of the Zavolochye Chude]. *Voprosy yazykoznanija* [Topisc in the study of language]. № 6. Moscow, 1997. P. 3–21.

Itkonen T. *Lappische Lehnwörter im Russischen. Suomen Tiedeakatemia Toimituksia*. Bd. XXVII. Helsinki, 1931. P. 47–65.

Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. MSFOu. XLIV. Helsinki, 1919.

Kalima J. *Syrjanisches Lehngut im Russischen*. FUF. XVIII. Helsinki, 1927. P. 1–56.

LOANWORDS WITH THE SEME “DRY” IN DIALECTS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

Olga A. Teush

Associate Professor in the Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University

The article deals with the Russian dialect vocabulary of foreign origin with the seme “dry”. The author considers the sources of borrowings to be the languages of peoples who have inhabited the European North of Russia from the earliest times (the Baltic-Finnic languages, the Sami language and the Komi language). The etymological analysis conducted led to the revision and updating of the current scientific etymology. For the majority of lexemes, the author suggests etymological solutions based on the latest sources in the Russian and Finno-Ugric languages, which makes it possible to introduce into scientific use new data that extend the knowledge of interlingual contacts in the European North of Russia. The bulk of the borrowed lexemes with the seme “dry” is of the Baltic-Finnic or Sami origin. Komi and Nenets borrowings are uncommon. The loanwords have a broad geography – they occur over the entire territory of the region under study.

Key words: lexicon; dialect; borrowing; origin; Baltic-Finnic languages; Sami language; Komi language; European North of Russia.

УДК 811.511.13

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-22-30

ОРНИТОНИМ *РАКА* «ВОРОНА (ВОРОН)» В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Алевтина Степановна Лобанова

к. филол. н., доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. lobanova@pspu.ru

В статье рассматриваются существующие в сознании коми-пермяков типичные представления, связанные с орнитонимом *рака* «ворона». С опорой на функционально-семантический метод исследования выявляются стереотипы, связанные с вороной, наиболее интересными среди них являются стереотипы эстетической неприглядности, рассеянности, финансовой несостоятельности.

Предметом анализа послужили народные приметы и суеверия, заговоры, пословицы и фразеологизмы, в которых фигурирует названная птица. В лингвокультурологическом плане анализируемый орнитоним широко представлен в устойчивых словах и выражениях, в других паремиях образ вороны встречается значительно реже.

Народные толкования, связанные с окружающим миром, красотой и неряшливостью, достатком и бедностью человека, коми-пермяками зачастую интерпретируются с использованием образа этой птицы. Лингвистические материалы позволяют выделить несколько мотивированных коннотаций: статус, внешний вид, физическое и эмоциональное состояние субъекта.

Представляет большой интерес и является сугубо национальной составляющей то, что *рака* «ворона» в сознании коми-пермяков в большей степени ассоциируется с мужским началом. Осуждением социальной или финансовой несостоятельности мужчины демонстрируется национальный семейный код: он (мужчина) должен иметь свой дом, должен крепко стоять на ногах, у него должна быть добротная одежда как первый визуальный признак успешности.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; орнитоним; лингвокультура; стереотип; устойчивое выражение.

Птицы в традиционной культуре коми-пермяков занимают довольно значимое место [Климов, Чагин 2005: 142–144]. Они изображены на многих бронзовых скульптурах, доставшихся этому народу в наследство. В научных кругах древний вид искусства принято называть *пермским звериным стилем* [Грибова 1975]. По поводу птиц, изображенных на древних скульптурах, известный коми-пермяцкий фольклорист В. В. Климов писал: «Птица, несущая на себе и в себе людей, – это все-таки божество, покровитель и вдохновитель увтыра. На нем держится судьба общины; в его лоне – зародыш нового поколения или символ генофонда» [Климов 2007: 202].

С наступлением весны коми-пермяки с большой опаской ожидают впервые услышать кукушку: звуки *ку-кку, ку-кку*, раздающиеся со сто-

роны затылка, – к возможной смерти в этом году, с левой или правой стороны – к неприятностям, со стороны лица – к благополучию. Предвестниками смерти являются мелкие птицы, чаще скворцы (*сьодкай* досл. «чёрная птица»). Символ смерти, связанный именно с этой птицей, возник скорее всего по причине её чёрного оперения. Скворцы дают знать о предстоящем горе в семье: либо залетают в дом, либо налетают на лобовое стекло движущейся машины.

По народным поверьям, души умерших также переселяются в птиц. В течение сорока дней после смерти они часто дают о себе знать: стучат клювом о стекло окна в родном доме. По мнению коми-пермяков, таким образом они будят родственников в поминальные дни, чтобы те не опоздали приготовить поминальную трапезу. Эта роль, как правило, отводится уже воробьям или

синицам. *Ой, кыз таун рудкайыс асывнас стукотис ойынас. Этö кöзьяныс воввис, саймötис* «Ой, как сегодня воробей утром стучал по стеклу. Это хозяин приходил, будил» (Кудымкарский район, д. Селёва, 2013 г.).

Объектом нашего внимания в данной статье стала ворона – *рака*. Попытаемся рассмотреть типичные представления, существующие в сознании коми-пермяков, связанные с данной птицей и данным орнитонимом. В качестве предмета анализа обозначим народные приметы и суеверия, пословицы и фразеологизмы, в которых так или иначе фигурирует данный субъект. Основным методом исследования является функционально-семантический. Народные толкования о мире, красоте, неряшливости, достатке и бедности интерпретируются в том числе и с помощью образа вороны, вернее, стереотипов, связанных с этой птицей. Языковая сфера, а также определенное ритуальное поведение позволяют продемонстрировать сложившийся комплекс, называемый этнической картиной мира.

Ворона и ворону коми-пермяки называют одним словом – *рака*. При необходимости четкой родополовой дифференциации к названной лексеме присоединяется компонент *айпöв* в значении «особь мужского пола» (где *ай* «отец», *пöв* «часть, половина»; *айпöв рака* в зн. «ворон») или *иньпöв* – «особь женского пола» (*инь* «женщина, жена»; *иньпöв рака* в зн. «ворона»). Семантику «самка птицы» можно передать и с помощью компонента *көн-*, например, *көнтар* «самка тетерева» (*тар* «тетерев») или *көндозмөр* «самка глухаря» (*дозмөр* «глухарь»). Однако в отношении вороны вариант *көнрака* в коми-пермяцком языке не употребителен. По мнению составителей Краткого этимологического словаря коми языка, «самки этих птиц (*тетерева и глухаря*. – А. Л.) по цвету оперения резко отличаются от самцов... Этот цвет напоминает конопляное семя. Видимо, *көн* одного происхождения с *көнтусь* «конопля (семя)» [КЭСКЯ 1970: 141].

Грача как близкого родственника вороны коми-пермяки называют *сьодрака* (досл. «черный ворон»).

Ворону (ворона), а заодно и грача коми-пермяки не жалуют. Эта мысль довольно часто подтверждается и художественными текстами. Вот как описывается отношение к этой птице в рассказе И. Минина «*Комолöй чёрт*» (Комолый чёрт) *И пöрись рака, кöда эта кадö пыр сунасьлис гуна сайись косьмöm көз вылын, шевк шевк керис борддэзнас да резьötис асывса воздухö нёштöm голосөн: «Кар-р-р!» – и виньдис, бöра, тыдалö, онмössис. Старик грöзитис сылань кулакнас и эз вунöt сьöвзыны: «Тьфу,*

тьфу, нечистöй дук! Аслат юр вылö карзан, срам!»! Мырьячын быд суевернöй морт тöдö, что пöрись рака эта одза карзö не бур одзын: кöсий сйа, нёштöm дук, кытишöмкö оказия. Вот мыля Попан Илья лöга сьöвзис, паськыта пернапасасис и кöсийсис талун жö веитисьны ракаыскöт [Пармалөн шыэз 1997: 93]. (И старая ворона (или ворон, по тексту это непонятно. – А. Л.), которая в это время обычно дремала за гумном на высохшей ели, вспорхнула крыльями и, разрывая утренний воздух некрасивым голосом, каркнула: «Кар-р-р!» – и подавилась, снова, кажется, уснула. Старик пригрозил в ее сторону кулаком и не забыл плюнуть: «Тьфу, тьфу, нечистый дух! На свою голову каркаешь, срам!»! В Мырьячине всякий суеверный человек знает, что старая ворона в такую рань каркает не к добру: предвещает она, вонючая дрянь, какое-то несчастье. Вот почему Попан Илья сердито плюнул, широко перекрестился и решил сегодня же расправиться с вороной). Кстати, по сюжету рассказ завершается тем, что персонаж убивает ворону из ружья.

В другом рассказе этого же автора «*Вишлок Пронялөн медбöрья ой*» (Последняя ночь Вишлок Прони) отмечено следующее. *Забор саяс, ыджыт кыздзез вылын, быдкодö нёштöm голосөн карзöны сьодракаэз, видчöны öтамöдныскöт, споритöны, некызд оз вермö артавны кытишöмкö дело. Вишлоклö охота босьтны пишаль да бузнитны-лыйны ойынсянас, мед оз нёштöмасьö, лёквиррез. Но керны этö оз лысьт. Эм сэтшöм примета: виан сьодракаöс, дак сэсса олансö он ни адззыв, быдöс добротö тöвныр нöбötас. И Пронялö ковсьö терпитны [Пармалөн шыэз 1997: 102]. (За забором, на больших березах, разными некрасивыми голосами каркают грачи, ругаются, спорят друг с другом, никак не могут решить какое-то дело. Вишлоку охота взять ружьё да бабахнуть-выстрелить из окна, чтоб заткнулись, твари. Но сделать так не смеет. Есть такая примета: убьешь грача, так жизни больше не увидишь, все имущество ветром унесет. И Проне приходится терпеть.)*

В рассказе А. Ермакова «*Кылис спасибосö*» (Услышал спасибо) есть такой эпизод. *Горш Голукöс деревняс тöдöны кызд бур вöралисьöс ... Öтöрас öдва югдыштас, босьтас кияс пишаль да ракаэзöс лыйлö горт гөгöрсис....*

– *Мый тэ ракаэслись асывсянь коран? – сид шуис Петраыс, кызд бытьтö асывсянас эз туй нем керны, а павжун бöрсянь туйö.*

– *Кольттесö тай бöра гусялöмась шой дукось воканнес. Ме нылö мыччала часöт.*

– *Мый жыд, курöггес разь тöвнас кольт-тялöны? [Пармалөн шыэз 1997: 388].*

(Горш Голюка в деревне знают как хорошего охотника... На улице едва рассветет, он берет в руки ружье и во всей округе стреляет в ворон ....

– Что тебе надо с утра от ворон? – так сказал Петра, словно с утра ничего нельзя делать, а после обеда можно.

– Так яйца опять украли эти заразы (досл. «лохани») с запахом трупа. Я им сейчас покажу.

– Что ты, зимой разве курицы несутся?).

В приведенных отрывках авторами применены довольно грубые выражения, направленные в адрес вороны (грача) и в целом характеризующие ее крайне отрицательно. К сожалению, при дословном переводе этих выражений происходит значительная утрата их значения, еще в большей степени разрушается стилистическая окрашенность текста. Однако это свойственно большинству переводов. Попробуем прокомментировать некоторые слова и выражения, характеризующие ворону или направленные в ее адрес. Заметим, что все они являются общеизвестными и активно употребляются в речи коми-пермяков.

Самое безобидное выражение в приведенных отрывках, которым называют эту птицу, – это *нёштём дук* (где *нёштём* «некрасивый, неприятный»). Коми-пермяками оно воспринимается в двух семантических аспектах: либо когда речь идет о мерзком запахе, либо когда оно тождественно русскому выражению «нечистый дух». Однозначно современное коми-пермяцкое *дук*, употребляющееся в значении «вонь, нехороший запах», является сравнительно ранним русским заимствованием. Наряду с этим коми-пермяки употребляют вариант *дук* и в значении «дух». В приведенном контексте, скорее всего, ворона ассоциировалась с нечистым духом, а не с мерзким запахом. Одним словом, общее значение выражения имеет явно отрицательную коннотацию и в данном случае характеризует ворону далеко не с лучшей стороны.

Следующее выражение *нечистой дук* (< рус. *нечистый дух*), заимствованное коми-пермяками из русской фразеологии и имеющее те же сферы применения, что и в языке-оригинале, могло поспособствовать появлению варианта *нёштём дук*, который только что был рассмотрен. Заметим, что при образовании последнего варианта использовался уже исконный материал.

Другие выражения отрицательной составляющей в семантике нагружены еще в большей степени. Дисфемизмом *лэквир* (в приведенном отрывке *лэквиррез* – форма множественного числа имени существительного) обычно называют мужчину, который в социальном плане находится едва ли не на самой низкой ступени. В данном случае этим грубым словом (где *лэк* «злая», *вир* «кровь») называют ворону.

В тексте А. Ермакова в адрес вороны направлено еще одно выражение *шой дукось воканнес* (досл. «лохани с запахом трупа»). Последний компонент *вокань* (в отрывке *воканнес* – форма множественного числа имени существительного с указательно-выделительным компонентом *-с*) в смысловом отношении чем-то близок к предыдущему варианту, им также ругают, как правило, мужчину, неопрятного, пьяного, безвольного. *Вокань* по своему происхождению, скорее всего, от русского *лохань* со значительной семантической деривацией в языке коми-пермяков. Первые два слова данного выражения *шой дукось* (досл. «с запахом трупа») значительно усиливают семантическую нагрузку определяемого слова *вокань*. Трехкомпонентное выражение следует понимать как нечто плохое с запахом трупа.

Одним словом, коми-пермяцкие художественные тексты демонстрируют ярко выраженную отрицательную экспрессию, связанную с вороной. Синонимический ряд с доминантой *рака* (*ворона*) складывается из следующих компонентов: *нёштём дук*, *нечистой дук*, *лэквир*, *шой дукось вокань*.

Попробуем разобраться с ролью вороны (*рака*) в традиционной картине мира коми-пермяка. В энциклопедии «Мифы народов мира» в словарной статье, связанной с вороном, отмечается: «Ворон широко распространён в мифологических представлениях, обладает значительным кругом функций, связывается с разными элементами мироздания (подземным миром, землёй, водой, небом, солнцем), что свидетельствует о глубокой мифологической семантике этого персонажа. Она обуславливается некоторыми универсальными свойствами ворона как птицы, в частности резким криком и чёрным цветом. ... ворон олицетворяет некий компромисс между хищными и травоядными, противопоставление которых друг другу оказывается в конечном итоге смягчением фундаментальной антиномии жизни и смерти. Поэтому ворон воспринимается как медиатор между жизнью и смертью. Как трупная птица чёрного цвета с зловещим криком ворон хтоничен, демоничен, связан с царством мёртвых и со смертью, с кровавой битвой (особое развитие получает мотив выклёвывания вороном глаз у жертвы), выступает вестником зла. Поскольку ворон в поисках пищи копается в земле, он связывается и с нею; как всякая птица, ворон ассоциируется с небом. Ворон выполняет посреднические функции между мирами — небом, землёй, загробным (подземным или заморским) царством, являясь, таким образом, медиатором между верхом и низом» [Ворон 2009: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=856705>].

В русской и вообще славянской традиционной культуре черный цвет ворона воспринимался как знак нечистой силы [Левкиевская 2000: 109]. Не случайно ворон в фольклорных и мифологических текстах выступает предвестником смерти, войны и крови [Топорков 2013: 275]. Одним словом, образ ворона в русской лингвокультурологии имеет четко обозначенную некрологическую семантику. В коми-пермяцкой культуре «смерть чаще предвещают мифические персонажи, такие как домовый, леший, водяной» [Томилина 2014: 207].

Длительное совместное проживание коми-пермяков и русских наложило свой отпечаток. По этой причине видение окружающего мира зачастую у двух народов имеет много общего. Тем не менее национальная специфика, в данном случае связанная с образом вороны (ворона), должна сохраниться в коми-пермяцкой паремии. Попытаемся её выявить и прокомментировать.

В известном сборнике коми-пермяцких фольклорных текстов *Кытчö тійö мунатö* (Куда вы уходите, 1991) встречаем примету: *Керку юр вылын рака карзö – хозяйныслö умöль олан көсьö*. «На крыше дома ворона каркает – хозяину плохую жизнь предвещает» [Кытчö тійö мунатö 1991: 203]. Подобное нам удалось зафиксировать и в полевых условиях: *Умöль одзын кокавö рака керку крыша, сэтön (керкуас) воас беда*. «Не к добру клюёт ворона крышу дома, там (в доме) будет беда» (Кудымкарский район, д. Москвино, 2013 г.). Согласно этим приметам ворона является предвестником несчастья, горя либо хозяину дома, либо всей семье. Однако в них отсутствует прямое указание на предстоящую смерть. Плохая жизнь может быть связана с возможной болезнью, разлукой, бедностью, но не со смертью. На это же, кстати, указывает и приведенный нами второй отрывок художественного текста. Иных примет, связанных с этой птицей, выявить не удалось.

Ворона фигурирует в народной пословице *Йöз муас и гортись ракалö рад* в значении «На чужбине и родной вороне радуешься» [Кытчö тійö мунатö 1991: 196]. Пожалуй, это единственная паремия, где образ интересующей нас птицы представлен в определенной степени позитивно. Здесь она символизирует связь с домом, семьей; демонстрируется тоска по родным местам.

В коми-пермяцких заговорах лексема *рака* (ворона) встречается крайне редко. Вот что зафиксировано в упомянутом выше сборнике фольклорных текстов: *Карзись ракалö: Карзы аслат юр вылö, Мекшорись бабайлö, Лёкубись дедöлö, а не ме вылö* (Каркающей вороне: Каркай на свою голову, бабаю из Мекшора, деду моему из Лёкуба, а не на меня», пер. – А. Л.) [Кытчö

тійö мунатö 1991: 81]. Надо полагать, что первая часть заговора является компонентом русской народной традиции, а вот продолжение напрямую связано с коми-пермяцкой: всё плохое, дурное переадресовывать нечистым силам. В сборнике «Образцы удмуртской речи» (2015), автором-составителем которого является известный финно-угровед В. К. Кельмаков, мы обнаружили следующий заговор (приводим уже переводной вариант. – А. Л.): *Тьфу! Тьфу! Тьфу! Синие глаза, зелёные глаза, красные глаза сглазили. Их все ворона унесла* [Кельмаков 2015: 79]. Там же зафиксировано проклятие, в сюжете которого фигурирует ворона: *Пока на моих ладонях волосы не вырастут, пока из лутюшки² кровь не появится, пока у воронья молоко не выйдет – чтоб до тех пор ему счастья не видать* [Кельмаков 2015: 80].

Орнитоним *рака* крепко «прилипал» к мужчине, не имеющему своего жилья и после женитьбы пришедшему жить в дом жены. Эта унижительная участь была уготована, как правило, старшим и средним сыновьям многодетной семьи, когда у отца не было возможности помочь им построить или купить дом. Даже если этот мужчина через определенное время сам обеспечивал свою семью уже своим домом, его по-прежнему называли именем птицы, но уже другой: *кырныш* «жоршун». *Рака Степан менам пыр вöви ним, көть ме öнi Кырныш ни* «Меня всегда называли Рака Степан, хоть я сейчас уже Кырныш» (со слов Лесникова С. И., 1931 г. р., Селёва, Кудымкарский район). В статье А. С. Лобановой, С. С. Шляховой «Об отражении гендера в коми-пермяцком языке» отмечено: «С высокой долей вероятности можно предположить мужское доминирование в коми-пермяцкой культуре в прошлом и «гендерный» сдвиг в современности» [Лобанова, Шляхова 2012: 109].

Гнездо вороны в народном понимании воспринимается как нечто некрасивое, невзрачное, непрочное. Не зря о торчащих в разные стороны волосах говорят *рака поз* (воронье гнездо) (см. далее). Нет ли здесь семантических параллелей? В традиционной культуре практически всех народов всегда было принято родниться с семьей своего уровня, ранга. Скорее всего, жена, приютившая мужа в своем доме, также не выделялась особыми внешними данными, статусом или богатством, иначе она была бы замужем за другим мужчиной. А символом обеспеченности всегда являлся дом, крепкий, красивый, добротный. Добавим, что в северных районах Коми-Пермяцкого округа о мужчине, пришедшем жить к своей жене, говорят, что он зашел в хлев (*картаö пырны*). Мотив бедности в связи с вороной будет продемонстрирован дальше и на других

примерах, но этот социальный статус женатого мужчины, связанный с образом ворона, несомненно, является коми-пермяцкой национальной спецификой.

Возможно, здесь уместно напомнить еще об одном выражении, в составе которого имеется анализируемый орнитоним. О бездетной семье, у которой нет наследников, часто говорят: «Доброньыс катиша-ракалө дөнзяс» (досл. «Их добро воронью достанется») в зн. «Их добро так и не достанется никому; оно будет растаскано, украдено».

Согласно приведенным выше сведениям у коми-пермяков в связи с отдельными представителями семейства вороновых наблюдается явное к ним негативное отношение. Следовательно, в языке, в частности во фразеологизмах, должен быть хоть каким-то образом реализован этот весьма своеобразный познавательный и эмоциональный опыт этноса. Почему именно ворона и похожие на нее (ворон, грач, черный ворон) представители птичьего мира получили негативную оценку в народном сознании коми-пермяков? Её довольно крупный размер, чёрный цвет, преобладающий в её оперенье, относительная смелость – ворона может позволить себе довольно близко приблизиться к человеку, не самый приятный голос – всё это способствовало возникновению этого несимпатичного образа.

Фразеологизмов с компонентом *рака* «ворона» в современном коми-пермяцком языке довольно много, судя по Коми-пермяцко-русскому словарю (1985) еще в недавнем прошлом их было значительно больше. Попробуем прокомментировать некоторые из них. Остановимся на устойчивых выражениях, в которых интересующий нас объект – ворона – имеет при себе определение.

Устойчивое выражение *бордтөм рака* (досл. «бескрылая ворона»), согласно О.А. Поповой, соответствует русскому выражению *без руля и ветрил* [КПФС 2010: 31]. Этим выражением не назовут женщину, оно адресовано только мужчине и семантически переплетается с социальным положением женатого мужчины, не получившего своего наследства от родного отца (см. выше). Бесправный, ущемленный – в смысловом отношении близкие синонимы выражению *бордтөм рака*. Оно символизирует постоянные качества или статус мужчины. *Ванька Петяыс эд кыдз бордтөм рака, сійө инькаыс насъмек видзö* в зн. «Петр Иванович ведь совершенно бесправный, жена его нисколько не уважает».

Бедного, неимущего мужчину можно назвать *куштөм рака* (досл. «общипанная ворона»), это выражение близко к русскому *гол как сокол*. Однако коми-пермяцкий вариант подразумевает, что человек в прошлом не был нищим, он им стал в

силу каких-то жизненных обстоятельств (его общипали, т. е. чего-то лишили). *Сія öні куштөм рака, нем сы вылö надейтчыны* в зн. «Он теперь беден, на него надеяться бесполезно».

Два фразеологизма *бордтөм рака* «бескрылая ворона» и *куштөм рака* «общипанная ворона» имеют общую смысловую нагрузку – человека лишили чего-нибудь. Причем метафора, связанная с лишением крыльев, как и следовало ожидать, имеет более суровые последствия (постоянный статус, ущербная доля), чем переосмысление, связанное с лишением перьев (временное состояние, возможность исправить создавшуюся ситуацию).

Семантическое развитие, точнее, конкретизация, с компонентом *рака* «ворона» наблюдается в выражении *пасьтөм рака* (букв. «раздетая, голая ворона; ворона без одежды»). Так называют человека, имеющего большую нужду в хорошей одежде, оно близко русскому *оборванец*. *Пасьтөм ракаöн овö, бур сапогсö коквас некöр эз адззыв* (досл. «Живет голой вороной, т. е. очень бедно, добрых сапог на ногах никогда не видел», пер. – А. Л.) [КПФС 2010: 145]. Если в предыдущих выражениях фигурировали слова, так или иначе связанные с тематической группой *рака* «ворона» (крылья, общипанная), то в этом случае появилось понятие «раздетая, голая, без одежды», что меньше всего характерно для птицы. Стилистически ярко в анализируемых фразеологизмах выступают мотивы ущербности и бедности. И чаще всего ими все-таки наделяют мужчин. Смеем предположить, что *рака* «ворона» в сознании коми-пермяков в большей степени ассоциируется с мужской составляющей. Осуждением социальной или финансовой несостоятельности мужчины демонстрируется национальный семейный код: он (мужчина) должен иметь свой дом, должен быть успешным в течение всей жизни, у него должна быть добротная одежда как первый визуальный признак успешности.

Следующая тематическая группа фразеологизмов с компонентом *рака* «ворона» связана с невнимательностью и рассеянностью человека, что также не совсем обычно. С одной стороны, считается, что ворона – предусмотрительная, осторожная и внимательная птица, с другой стороны, лингвокультурологический материал показывает, что для нее характерна и рассеянность. «Умение подражать человеческой речи, а возможно, и долголетие, способствовали возникновению представлений о вороне как о мудрой вещи птице (ср. его связь с загробным миром). Наряду с этим (особенно в северных мифологиях) ворона воспринимается как посредник между мудростью и глупостью (он – «муд-

рый» шаман и плут-трикстер, попадающий впросак или совершающий «безумные» поступки») [Ворон 2009: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=856705>]. Поэтому не так и беспочвенно появление в коми-пермяцкой фразеологии довольно употребительного устойчивого выражения *осьта ѓма рака* (досл. «ворона с открытым ртом»). Так называют невнимательного, рассеянного человека. Фразеологизм реализует постоянные или длительные свойства субъекта. Он чаще адресован детям, хотя применим и по отношению к взрослым. *Мый, осьта ѓма рака, нем эн вежбѳт* (досл. «Что, ворона с открытым ртом, ничего не поняла»? Пер. – А. Л.) [КПФС 2010: 129].

О невнимательном, рассеянном в данный момент человеке можно сказать *ѳшѳм рака* (досл. «потерявшаяся ворона»). Этим выражением могут наделить любого, но оно обозначает не постоянный признак субъекта, а его временное состояние. *Ме талун кыдз ѳшѳм рака* «Я сегодня как потерявшаяся ворона», т. е. невнимательна.

Сильно замерзшего человека коми-пермяки назовут *гѳжѳм рака* (досл. «окоченевшая ворона»). Чаще этим выражением называют детей. *Тэ тай чисто кымѳмат, гѳжѳм рака лѳмат* в зн. «Ты сильно замерз, окоченел» (досл. «Ты, однако, совсем замерз, окоченевшей вороной стал»). Выражение не несет ярко выраженной отрицательной коннотации, но интересными здесь являются параллели, возникающие между замерзшим человеком, утратившим некоторые физические способности и наделенным определенными внешними признаками, и вороной, по внешнему виду которой сложно судить о ее физическом состоянии.

Мы рассмотрели в функциональном плане активные коми-пермяцкие устойчивые выражения, объектом восприятия (ассоциаций) в которых была ворона (*рака*). В них она наделяется самыми разными определениями: ворона то бескрылая, то общипанная; то голая, то полоротая; народная фразеология демонстрирует ее то потерявшейся, то замерзшей. Семантически эти определения направлены на субъект и характеризуют не самые лучшие его качества.

Далее остановимся на фразеологизмах, в которых интересующий нас орнитоним ворона (*рака*) сочетается с глаголом какого-либо действия. Эти фразеологизмы характеризуют не социально-финансовую сторону человека, не его психоэмоциональную составляющую, а чаще всего отражают физическое состояние.

Обветренные, потрескавшиеся на морозе руки, причиняющие боль и некрасиво выглядящие, коми-пермяки называют *рака ки* досл. «воронья рука» или *Рака кеписсез козьналѳм* досл.

«Ворона холщовые варежки подарила». *Рака кизтѳ лечитны колѳ* в зн. «Потрескавшиеся руки лечить надо». *Да тэныт тай рака кеписсез козьналѳм, мавт жѳ кизтѳ мыйѳнкѳ* досл. «Да тебе ворона холщовые варежки подарила, смажь же руки чем-то». А если кожа потрескалась на ногах, то скажут *Рака котизз босѳтѳм* досл. «Ворона коты купила» или *Рака сапоггез сетѳм* досл. «Ворона сапоги дала». *Гѳжумнас коккез чисто потласясѳ, вот и шуѳны, что рака сапоггез сетѳм* «Летом ноги сильно потрескаются, вот и говорят, что ворона сапоги дала». Действующим лицом в данных предложениях / фразеологизмах (кроме *рака ки* «воронья рука») является ворона (*рака*). Она покупает, отдает или дарит вроде бы нужные вещи, только общая семантика выражения не связана с позитивными ощущениями. Наоборот, в них содержится мотив боли и эстетической неприглядности. В этих выражениях ворона наделяется антропоморфными признаками, что также является довольно редким явлением.

Далее остановимся на устойчивых выражениях, в которых *рака* «ворона» выступает в качестве определения (в коми-пермяцком языке в именных словосочетаниях существительное + существительное первый компонент всегда является определением. – А. Л.). Один такой пример уже был рассмотрен выше (см. *рака ки* «воронья рука»).

Устойчивым выражением *рака ѳм* (досл. *рака* «ворона», *ѳм* «рот») «вороний рот» коми-пермяки называют болтливую человека [КПФС 2010: 158]. Хотя полевые материалы, собранные нами в южных районах Коми-Пермяцкого округа (Кудымкарский, Юсьвинский районы), демонстрируют, что оно (данное выражение) имеет еще одну семантическую нагрузку – так могут охарактеризовать не совсем симпатичный, точнее, большой рот собеседника. *Настаысѳн ѳмыс томсянь вѳви ыдѳжыт, рака ѳм и эм* досл. «У Насты рот смолodu был большим, вороний рот и есть» (Кудымкарский район, д. Селѳво, 2013 г.).

За человеком с плохим зрением может закрепиться выражение *рака син* «вороний глаз». *Кытѳ, рака син тэ, гѳппезас пыран* (Куда ты, вороний глаз, в лужи лезешь», пер. – А. Л.) [КПФС 2010: 158]. Фразеологизм *рака син* нельзя путать с фитонимом *ракасин* «воронец».

Неухоженные волосы или некрасивая прическа могут быть названы выражением *рака поз* «воронье гнездо». *Менам талун юр вылам рака поз* «У меня сегодня на голове воронье гнездо». В Коми-пермяцко-русском словаре (1985) зафиксировано выражение *дѳраыс рака поз кодѳ* (досл. «холст словно воронье гнездо»). Авторы названного источника утверждают, что так говорят о

запутанной основе холста [КПРС 1985: 399]. Поскольку ткачество сегодня является занятием довольно редким, данное выражение постепенно уходит из активного употребления.

Довольно неожиданное выражение *рака пиян чужёма* «лицом похож на воронёнка» направлено в адрес чумазого, несимпатичного ребенка. *Зонныс рака пиян чужёма* «Их сын похож на воронёнка».

Таким образом, в рассмотренных выше фразеологизмах компонент *рака* «ворона» является центральным, независимо от того, какую роль в выражении он играет: является ли определением, или определяющим словом. Остальные компоненты служат своеобразным «строительным материалом», способствующим раскрытию того образа, в основе которого лежит *рака*. С учетом того что фразеологизмы обладают экспрессивно окрашенным значением, повышается стилистическая значимость выражения. Удивляет тот факт, что *рака* «ворона» в рассмотренных фразеологических единицах отражает мотивы, не всегда находящиеся в одной синонимической плоскости. Вернее, выделяется несколько образно мотивированных коннотаций: статус, внешний вид, физическое состояние, эмоциональное состояние.

Образ вороны в мировидении коми-пермяка, являясь экспрессивной метафорой, характеризует человека в разных аспектах. И здесь наблюдаем некоторое противоречие. Согласимся с тезисом, что «зоонимические метафоры в культурах разных народов чаще всего представляют собой образы-эталон в обиходной языковой картине мира. Они основаны на характерологической подмене свойства человека представителем животного мира, имя которого становится знаком некоторого свойства, доминирующего в данном животном, с точки зрения обиходного опыта народа, своеобразным эталоном культуры» [Язык и культура 1999: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm]. Тем не менее вынуждены признать, что образы и мотивы, связанные с вороной, в коми-пермяцкой лингвокультурологии слишком неоднозначны. Они охватывают очень широкий семантический диапазон. Одно можно утверждать с большой долей уверенности, что орнитоним *рака* «ворона» в общем и целом содержит отрицательную коннотацию. В коллективном сознании носителей коми-пермяцкого языка ворона воспринимается как нечто некрасивое, плохо пахнущее, предвещающее неприятности. Её образ способствует реализации мотива боли, бедности, ущербности, рассеянности.

Кстати, данное наблюдение подтверждается и другими коми-пермяцкими фразеологизмами, в

которых фигурируют представители животного мира (овца, лошадь, корова). Их семантика, направленная на человека, также содержит отрицательную коннотацию [Попова 2014: 202].

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-14-59602 «а(р)» «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте».

² Лутошка – молодая липа 5–10 летнего возраста и около 1 врш. в диаметре у комля, срубленная для сдирки лыка [Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона].

Список литературы

- Ворон* // Энциклопедия «Мифы народов мира». М.: Директ-Медиа, 2009. 8875 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=856705> (дата обращения: 12.08.2016).
- Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. М., 1975. 147 с.
- Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 3. Южные говоры 1. Ижевск, 2015. 422 с.
- Климов В. В., Чагин Г. Н.* Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар, 2005. 256 с.
- Климов В. В.* Корни бытия. Этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар, 2007. 368 с.
- Коми-пермяцко-русский словарь* / авт.-сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.
- КПФС – Коми-пермяцкий фразеологический словарь.* Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII. / авт.-сост. О. А. Попова. Пермь, 2010. 344 с.
- Кытчö тійö мунатö Т. II* / авт.-сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1991. 286 с.
- КЭСКЯ – Краткий этимологический словарь коми языка* / авт.-сост. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М., 1970. 386 с.
- Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 528 с.
- Лобанова А. С., Шляхова С. С.* Об отражении гендера в коми-пермяцком языке // Пермистика 13. Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар, 2012. С. 108–114.
- Пармалён шыэз / Голоса Пармы.* Проза на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1997. 456 с.
- Попова О. А.* «Бытшöмыс» да «нёштöмыс» морт вывтырын коми-пермяцкöй фразеологизм-мез пырйöt // Коми-пермяцкий этнографический сборник. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X. СПб., 2014. С. 199–202.

Томилина М. А. Образы смерти и ее предвестников в коми-пермяцкой культурной традиции // Коми-пермяцкий этнографический сборник. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X. СПб., 2014. С. 203–210.

Топорков А. Л. Ворон в русских заговорах: между мифологией, фольклором и книжностью // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. М., 2013. С. 273–281.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1890–1907. СПб. URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Lutoshka-129203.html> (дата обращения: 10.09.2016).

Язык и культура / отв. ред. Е. О. Опарина. М., 1999. URL: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm (дата обращения: 23.09.2016).

References

Voron [Raven]. *Entsiklopediya 'Mify narodov mira'* [Encyclopedia 'National myths']. Moscow, "Direkt-Media" Publ., 2009. 8875 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=856705> (accessed 12.08.2016).

Gribova L. S. *Permskiy zverinyj stil'* [Perm animal style]. Moscow, 1975. 147 p.

Kelmakov V. K. *Obraztsy udmurtskoy rechi 3. Juzhnye govory 1* [Samples of the Udmurt speech 3. Southern dialects 1]. Izhevsk, 2015. 422 p.

Klimov V. V., Chagin G. N. *Kruglyj god prazdnikov, obryadov i obychayev komi-permyakov* [Year-round festivals, rites and customs of the Komi-Permyaks]. Kudymkar, 2005. 256 p.

Klimov V. V. *Korni bytiya. Etnograficheskiye zametki o komi-permyakakh* [The roots of being. Ethnographic notes about the Komi-Permyaks]. Kudymkar, 2007. 368 p.

Komi-permyatsko-russkij slovar' [Komi-Permyak Russian Dictionary]. Comp. by R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. Moscow, 1985. 624 p.

KPFS – *Komi-permyatskij frazeologicheskij slovar'*. *Trudy Instituta jazyka, istorii i traditsionnoj kul'tury komi-permyatskogo naroda* [KPPB – Komi-Permyak phraseological dictionary. Proceedings of the Institute of language, history and traditional culture of the Komi-Permyaks]. Iss. 7. Comp. by O. A. Popova. Perm, 2010. 344 p.

Kytchö tijö munatö? T. 2 [Where are you going?]. Vol. 2. Comp. by V. V. Klimov. Kudymkar, 1991. 286 p.

KESKJa – *Kratkij etimologicheskij slovar' komi jazyka* [Short etymological dictionary of the Komi language]. Comp. by V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. Moscow, 1970. 386 p.

Levkievskaya E. E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russians]. Moscow, Astrel, 2000. 528 p.

Lobanova A. S., Shlyakhova S. S. *Ob otrazhenii gendera v komi-permyatskom yazyke* [Reflection of gender in the Komi-Permyak language]. *Permistika 13. Voprosy permskogo yazykoznanija* [Permistika 13. Questions of Perm linguistics]. Syktyvkar, 2012. P. 108–114.

Parmalön shyez / Golosa Parmy. Proza na komi-permyatskom jazyke [The voices of Parma. Fiction in the Komi-Permyak language]. Kudymkar, 1997. 456 p.

Popova O. A. *"Bytshömys" da "njoshötömys" mort vyvtyryn komi-permyatskøj frazeologizmmez pyrjöt* ["Beauty" and "ugliness" in people's images within Komi-Perm phraseological units]. *Komi-permyatskij etnograficheskiy sbornik. Trudy instituta jazyka, istorii i traditsionnoj kul'tury komi-permyatskogo naroda* [Komi-Permyak ethnographic collection. Proceedings of the Institute of Language, history and traditional culture of the Komi-Permyaks]. Iss. 10. St. Petersburg, 2014. P. 199–202.

Tomilina M. A. *Obrazy smerti i yeyo predvestnikov v komi-permyatskoy kul'turnoy traditsii* [Images of death and its precursors in the Komi-Permyak cultural traditions]. *Komi-permyatskij etnograficheskiy sbornik. Trudy instituta jazyka, istorii i traditsionnoj kul'tury komi-permyatskogo naroda* [Komi-Permyak ethnographic collection. Proceedings of the Institute of Language, history and traditional culture of the Komi-Permyaks]. Iss. 10. St. Petersburg, 2014. P. 203–210.

Toporkov A. L. *Voron v russkikh zagovorakh: mezhdru mifologiej, fol'klorom i knizhnost'yu* [Raven in Russian incantations: between mythology, folklore and literature]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira* [Language and the world view]. Moscow, 2013. P. 273–281.

Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Collegiate Dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. 1890–1907. Available at: <http://enc-dic.com/brokgause/Lutoshka-129203.html> (accessed 10.09.2016).

Jazyk i kyl'tyra [Language and Culture]. Ed. by E. O. Oparina. Moscow, 1999. Available at: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm (accessed 23.09.2016).

THE ORNITHONYM *RAKA* “CROW” IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE: LINGUOCULTURAL ASPECT

Alevtina S. Lobanova

**Associate Professor in the Department of Teaching Methods for Russian Language and Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

The article considers views associated with the ornithonym *raka* “crow” that are typical of the Komi-Permyak people. The stereotypes related to the crow are identified by means of the functional-semantic research method. The most interesting ones among them are the stereotypes of aesthetic ugliness, absence of mind, financial insolvency.

The research involves analysis of folk sayings and superstitions, proverbs and idioms connected with this bird. From a linguoculturological perspective, the ornithonym under study is frequently used in similes and set expressions while in other paroemias this image is rather rare.

Folk explanations concerning the environment, beauty and carelessness, prosperity and poverty are often interpreted by the Komi-Permyak people by means of the image of a crow. Based on linguistic data, one can distinguish several metaphorically motivated connotations: status, appearance, physical and emotional state of the subject.

It is noteworthy that the image of *raka* “crow” is referred by the Komi-Permyak people mostly to male characteristics, which is considered by the author to be an exceptionally national feature. It implies the condemnation of the social or financial failure of a man and represents the national family code: a man should own a house, must be successful throughout his life and wear good quality clothes, regarded as the first visual sign of his success.

Key words: Komi-Permyak language; ornithonym; linguoculture; stereotype; set expression.

УДК 811.161.1'373.612

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-31-39

ВОКРУГ РУССКОГО *МЫТАРЬ*: О РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА И ЕГО СИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА¹

Валерия Станиславовна Кучко

аспирант, лаборант топонимической лаборатории

кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. kuchko@inbox.ru

научный сотрудник

Российский государственный профессионально-педагогический университет

620012, г. Екатеринбург, Машиностроителей, 11

В центре внимания автора статьи находится семантика слова *мытарь* – ‘сборщик налогов в Древней Иудее, сборщик пошлин в Древней Руси’ – и его семантических и словообразовательных дериватов. Прослеживается история развития семантики слова в русском литературном языке, унаследовавшем его из церковнославянского. С опорой на контекстный анализ у лексемы отмечается не фиксируемое в современных лексикографических источниках новейшее значение – ‘работник налоговой службы’, практически лишенное отрицательных коннотаций. Рассматривается спектр значений, которые слова с основой *мытар-* развивают в русских народных говорах. Осуществляется попытка установить логику семантического развития внутри рассматриваемого гнезда. Выявляются формальные и семантические связи слов с основой *мытар-* с другими лексемами в диалектной языковой среде, в частности, с дериватами корней *мот-*, *мут-*, *мыт-*, а также с продолжениями родственного изучаемому слову *мыто* ‘пошлина’. Делается вывод о формировании морфосемантического поля, внутри которого трудно однозначно установить происхождение конкретной языковой единицы от того или иного корня.

Ключевые слова: русская диалектная лексикология; историческая лексикология; семантика; контаминация; словообразовательное гнездо; морфосемантическое поле.

Слово *мытарь* в русском языке известно в значении ‘сборщик налогов, податей (*мыта*)’; причем под *мытарем* понимается как откупщик в Древней Иудее, и в этом случае слово отсылает нас к библейскому тексту (ср. хотя бы новозаветную притчу о мытаре и фарисее, текст которой приводится в Евангелии от Луки), так и сборщик пошлин в Древней Руси (за проезд по определенной территории, пользование переправами и под.). Это слово и его производные формируют в русском языке семантико-словообразовательное гнездо, привлекающее к себе внимание многообразием смысловых линий, вдоль которых оно строится, и их взаимодействием. На протяжении разных периодов истории гнезда в нем актуализируются различные семантические участки. Одни из них исчезают на новых этапах развития слов, другие, наоборот, появляются. Выход на первый план тех или иных смыслов

зависит и от того, в каком языковом пласте они функционируют – в литературном языке, просторечной среде или народных говорах. Особенно интересной нам кажется семантическая жизнь *мытаря* в диалектах: большое число питающих ее стимулов делает языковой образ мытаря многоликим (подчас неузнаваемым с позиции книжного языка), а его деривационное гнездо – средоточием самых разных смыслов. В их формировании начинают участвовать гнезда других, близких по звучанию, корней. Таким образом, *мытарь* вовлекается в морфосемантическое поле, образованное несколькими гнездами, и сам начинает влиять на семантическое развитие входящих в это поле гнезд. Однако, так как рассматриваемое слово имеет книжное происхождение, уместным представляется сначала дать обзор его литературных значений, после чего обратиться к диалектной семантике.

1. Мытарь в русском литературном языке

Слово *мытарь* ‘сборщик податей’ является общеславянским и представлено во всех группах славянских языков, см.: [ЭССЯ 21: 74]. Вопрос о его этимологии имеет два возможных решения: оно трактуется и как общеславянское заимствование из древневерхненемецкого *mūtâri* ‘то же’, и как славянское новообразование, возникшее в праславянский период с помощью суффикса *-arь* из общеславянского **mytь / *myto* ‘пошлина’, восходящего к древневерхненемецкому *mûta* ‘то же’. Обе версии как альтернативные излагаются, в частности: [Фасмер 3: 25; ЭСРЯ 10: 382; ESJS 9: 511], причем в ESJS высказано замечание о том, что предпочесть ту или другую затруднительно, а в ЭСРЯ более популярным признается предположение о заимствовании. Как производное от **mytь / *myto* слово трактуется в источниках: [ЭССЯ 21: 74; Orel 2: 725].

В старославянском языке значение ‘сборщик податей’ отмечается как единственное; в памятниках письменности слово служит соответствием греческому *τελώνης* [ССЯ 2: 249; Цейтлин 1994: 337]. В древнерусском языке, наследующем слово в этом значении (см.: [Срезневский 2: 218]), оно функционирует и как церковно-книжное (относясь к библейскому дискурсу), и как обиходное, ср. *мытарь* ‘сборщик податей, откупщик в Древней Иудее’, ‘сборщик налога, пошлины за проезд и провоз товаров в Древней Руси’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 335]². От этого слова образуется несколько лексем, описывающих ситуацию таможенных сборов, ср. *мытарство* ‘сбор податей, пошлин’ [ССЯ 2: 240], ‘место сбора пошлин (то же, что *мытница*)’, ‘пошлина’ [Дьяченко 1899: 322]; *мытарница* ‘место сбора пошлин’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 335] и др.

Мытарь – обозначение по роду занятий – имеет предпосылки для формирования других семантических линий внутри гнезда его дериватов, в том числе культурно-исторические, которые состоят в том, что «библейская» семантика не является нейтральной: она включает культурные коннотации, связанные с историческим контекстом. Приведем пояснение, которым Г. Дьяченко сопроводил слово в своем «Церковнославянском словаре»: «Мытари пользовались большой ненавистью у своего народа, хотя были иудеи. Их уравнивали с язычниками и прелюбодееми и смотрели на них, как на великих грешников. Талмуд повелевает иудея, сделавшегося сборщиком податей, отлучать от того религиозного общества, к которому он принадлежал. Мытари должны были строить таможи, собирать подати, быть таким образом римскими экзекуторами, и поэтому они презирались своими соотечественниками, как лица, отнимавшие у них собственные их богатства, деньги, свободу» [Дьяченко 1899: 322]. В контекстах, приводимых словарями, *мытарь* нередко упоминается в одном ряду с теми, чья деятельность или образ жизни оцениваются резко отрицательно, ср., к примеру: «Аще же и о цръкви неродити начьнетъ, да бждеть ти ѡко ѡзычьникъ и мытарь» (Остромирово евангелие), «Ѧко блудницу и разбоиника и мытаря помиловаль ѡси, тако и на грѣшны помилуи» (Почуение Владимира Мономаха) [Срезневский 2: 218].

Восприятие мытаря как притеснителя, занимающегося нечестивым делом и мучающего других, питает круг значений, связанных с идеей страдания. В древнерусском языке эти смыслы не выходят за рамки церковного учения о посмертных мытарствах души, ср. *мытарство* ‘различные состояния, через которые проходит душа после смерти человека’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 335], очевидно, возникшее на базе *мытарство* ‘место притеснения’ (фиксируемое только в словаре: [Дьяченко 1899: 322]) ← ‘место сбора податей’. Однако в XVIII в. слово в значении ‘страдание, мучение’ употребляется уже в бытовых контекстах: «Ну уж поход мнѣ выдался! сущее здѣсь знать мытарство» (реплика героя комедии, написанной в 1788 г.) [СлРЯ XVIII в. 13: 100].

Еще одна семантическая линия, разрабатываемая в гнезде лексемы *мытарь*, связана с обманом. «Обманные» коннотации слова *мытарь* фиксируются в языке XVIII в., ср. *мытарь* ‘кто через разные обманы, разными оборотами снискивает, достает что-нибудь’ [САР 4: 555], ‘тот, кто обманом добывает, достает что-л.’ [СлРЯ XVIII в. 13: 100]. Как видно, имеется в виду мошенничество, обман, связанный с нечестным денежным оборотом или нечестным приобретением материальных ценностей. Оба источника уточняют, что слово в этом значении является просторечным. Кроме того, в словарях языка XVIII в. появляются не отмечаемые прежде глагольные дериваты слова *мытарь* в его обманно-денежном смысле: *мытарю* ‘в просторечии: несправедливо поступаю, обманываю’, *промытарить*, *размытарить* ‘в просторечии значит распутно, мотовски расточить что’ [САР 4: 356], *мытарить* простореч. ‘обманывать, плутовать’, ‘тратить попусту’ [СлРЯ XVIII в. 13: 99–100]. Таким образом, в процессе внутригнездового словопроизводства в просторечной среде языковые факты закрепили семантику растраты и мотовства, а семантика обмана была расширена, утратив обязательную связь с денежным мошенничеством.

Словари современного литературного языка фиксируют слово *мытарь* лишь в своем историческом значении (‘в церковных текстах – сбор-

щик податей, откупщик в Иудее, сборщик мыта в Древней Руси' [Ефремова 2000; ССРЛЯ 6: 1427]; 'в библейских сказаниях – сборщик податей в Иудее' [Шведова 2007: 469]). Как обсуждалось выше, это значение имеет устойчивые культурные коннотации. Тем не менее можно говорить о новейшем употреблении лексемы *мытарь* в значении 'таможенник, налоговый инспектор'. Приведем несколько контекстов из НКРЯ, которые датируются XXI в.: «Международных рейсов из Питера почти нет, таможенники подняли головы, но сил разомкнуть веки не нашли. *Мытари* ненавидели все виды багажа и само это слово» (В. Солдатенко, 2010) [НКРЯ]; «Упрощать информирование граждан *мытари* намерены, отказываясь от большого количества авансовых платежей и документов с предварительными расчетами. Проблемы, по словам главного налогового, возникают в связи с правилами муниципальных образований по исчислению авансовых платежей» (М. Селиванова, 2009) [НКРЯ]; «Еще через год – Букаев становится министром России по налогам и сборам. <...> Предшественник Букаева – А. Починок – на прощальной министерской коллегии не скрывал своего изумления. Тем более, что Починок за время пребывания Букаева в должности главного московского *мытаря* успел вклеить ему два выговора, в том числе – строгий» (Ю. Сергеева, 2004) [НКРЯ]. В двух из выбранных предложений присутствуют контекстные синонимы изучаемой лексемы – это, соответственно, *таможенник* и *налоговик*. Контексты подобного рода, кажется, свободны от выраженной иронической окраски. Следы отрицательных коннотаций *мытаря* в них возможны, но все же чувствуется тенденция к их стиранию или даже утрате. Такая тенденция представляется вполне закономерной с точки зрения истории слова: лексема *мытарь*, как говорилось выше, в древнерусском языке могла употребляться в «профессиональном» значении 'сборщик пошлины за проезд и провоз товаров' вне библейского контекста: «При сем корчемники и мытаря и торжняя тамги (вид пошлины. – В. К.) истребишася» (1399 г., Симеоновская летопись) [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 335].

2. *Мытарь* в языковой системе русских говоров

В пространстве говоров обнаруживается значительное число лексем, в составе которых можно выделить основу *мытар-*. Эти слова, с одной стороны, формируют обширное семантико-словообразовательное гнездо, сохраняющее и развивающее основные смыслы, присущие «литературному» *мытарю*. С другой стороны, при попадании в диалектную языковую среду «мытарные» слова начинают функционировать в

значительном отрыве от культурного прецедента – библейского текста, поэтому культурные коннотации перестают действовать как фактор, сдерживающий развитие их семантики. Начинают действовать собственно языковые законы, включающие лексемы с основой *мытар-* в разнообразные (формальные и смысловые) связи с рядом слов иного происхождения. Благодаря этому формируется морфосемантическое поле, в котором *мытарь* и его дериваты являются только одной из составляющих это поле частей.

Мытарь, будучи «культурным» словом, унаследованным русским языком из церковнославянского, в смысле описанного выше механизма активной семантической деривации и участия в контаминационных процессах, который запускается при его попадании в диалектную языковую среду, может сравниваться с другими попавшими в говоры лексемами библейской традиции. В частности, принцип действия этого механизма по отношению к библейским антропонимам, функционирующим в русских говорах, подробно описан И. В. Родионовой: в своей кандидатской диссертации она многократно подтверждает мысль о неизбежной деактуализации в диалектной среде стоящего за агнионимом прецедентного содержания и частотных фактах, когда дальнейшая формально-семантическая деривация внутри гнезда направляется влиянием других языковых гнезд, см.: [Родионова 2000].

Ниже диалектный материал будет подан в двух подразделах. В подразд. 2.1 представлена семантическая характеристика русских диалектных слов с основой *мытар-*, которые, как кажется, являются первичными образованиями гнезда лексемы *мытарь*. Эти слова могут испытывать притяжение к другим фонетически сходным единицам, однако на их первичность указывает как формальный признак (возможность выделить у них основу *мытар-* в неизменном виде), так и семантический (их объяснимая семантическая «выводимость» внутри гнезда). В подразд. 2.2 указаны слова, образовавшиеся в рамках гнезд других корней, которые испытали вторичное влияние со стороны лексем с основой *мытар-*.

Первичность или вторичность образований внутри гнезда *мытар-* бывает сложно определить однозначно. В частности, в подразд. 2.1 будет рассмотрен ряд глаголов, имеющих параллельную форму с гласной *у* (*мутар-*). Включение видоизмененной основы *мы* допустили ввиду того, что формы с такой основой являются параллельными формам с основой *мытар-*, причем последние вполне могут принадлежать «мытарному» гнезду с точки зрения семантики, кроме того, эти глаголы функционируют в системе одного – псковского – говора.

2.1. Слова с основной *мытар-*

В говорах, как и в литературном языке, разрабатывается семантика страданий, мучений, испытаний. Однако, в отличие от литературного языка, где под мытарствами подразумеваются скорее нравственные страдания, акцент сделан на физических муках, ср. пск. *мытарить* / *мутарить*³ ‘причинять физические страдания’: «Мужик и на людях мытарить мяня», пск. *мытариться* / *мутариться* ‘страдать от какой-н. болезни, боли’, ‘ходить до изнеможения’ [ПОС 19: 134]. Об этом свидетельствуют и контексты, нередко рисуемые ситуации физических неудобств или даже издевательств, ср. смол. «В лясу кьмары цельный день мяне мьторили» [ССГ 6: 119], новг. «Пьё и над маткой мытарится», новг. «Мытарь, а не человек, издевается над бабой и ребятами» [НОС: 577]. Наблюдается нехарактерная для литературного языка поляризация значений: *мытарем* называется не только истязатель, но и сам мученик (новг. *мытарь* ‘тот, кто перенес муки, испытания’: «Да, посмотришь на беднягу Иваныча, ну уж настоящий он мытарь»), и даже, вопреки отрицательному образу библейского мытаря-грешника, святой (новг. *мытарь* ‘святой, подвергшийся мучениям за веру’: «Мытарь молился Богу, он святой»⁴ [НОС: 577]).

Парадоксальным в свете «мученических» смыслов кажется ср.-урал. *мытарить* ‘усиленно ухаживать за кем-л., обхаживать’: «Гляжу, шибко мытарят меня», «Уж меня мытарили, как дочь» [ДСРГСУ: 313]. Своеобразный семантический «мостик» к этому значению помогает перекинуть другой глагол изучаемого гнезда – вят. *мытариться*: «Он долго с ней мытарился, а не женился, помытарились и всё» [ОСВГ 6: 110]. Он снабжен определением ‘дружить, общаться’, однако словарный контекст позволяет заключить, что семантика совместной траты времени здесь важнее, чем идея дружбы. В случаях значений ‘издеваться над кем-л.’, ‘усиленно ухаживать за кем-л.’ и ‘совместно проводить время’ мы имеем дело с разными поворотами идеи взаимодействия кого-либо с кем-либо в течение некоторого времени (с отрицательным, положительным и нулевым результатом соответственно).

Особый случай страданий, выпадающих на чью-либо долю, – мучительная, непосильная работа: ср.-урал. *мытарь* ‘батрак’: «Мы с мужиком работали как мытари» [СРГСУ 2: 150], без указ. места *мытарь* ‘о человеке, много работающем, но мало получающем за труд’ [СРНГ 19: 64], пск. *мытарить* ‘много, до изнеможения работать’: «Там в Гирмании я и мытарил на фабрике» [ПОС 19: 133], влад., тул. *замытариться* ‘захлопотаться, замучиться в хлопотах’: «Ноньче

даже не присела, совсем замытарилась по хозяйству» [СРНГ 10: 271].

Церковное учение о хождениях души по мытарствам в литературном языке отразилось в особом значении лексемы *мытарства* ‘мучительные скитания’; говоры же расширили эту область семантически и словообразовательно, ср. появление в диалектах семантики бродяжничества – костр., новг., рус. одес. *мытарь* ‘бродяга, бездомный человек без определенных занятий’ [Ганцовская; НОС: 577; СРГО 1: 312], а также глагольную вариативность – морд. *мытарить* ‘скитаться, переезжать’ [СРГМ 1: 550; СРНГ 19: 63], прииртыш. *мытариться* ‘скитаться, бродить’ [СРСГСП 2: 145], перм. *мытарствовать* ‘быть паломником’ [СПГ 1: 533]. Представляется, что влад. *мытарный* ‘обладающий опытом’ [СРНГ 19: 64], а также приставочное енис. *намытарь* ‘человек, до тонкости знающий свое дело, мастер’ [СРНГ 20: 45] возникли как продолжения смыслов частого перемещения: «опытный» может интерпретироваться как «бывший в разных местах», «много повидавший».

Семантика перемещения, активного движения может «освобождаться» от идеи скитания, ср. смол. *мытарь* ‘непоседливый человек’ [ССГ 6: 124], без указ. места *мытарить* ‘тормозить’ [Даль 2: 957], пск. *мытарить* / *мутарить* ‘суеливо бегать взад и вперед’ [ПОС 19: 133].

Идея беспорядочного движения переводится в этический план, ср. тюмен., тобол. *мытарь* ‘о легкомысленном, беспутном, разгульном человеке’ [СРНГ 19: 64], вят., орл. *мытарная девка* ‘гулящая’ [ОСВГ 6: 110; СРНГ 19: 64].

В говорах подробно разрабатываются «денежные» смыслы. Сохраняется и расширяется ушедшая из литературного языка семантика мотовства – ср. олон., петерб., брян., перм., урал. *мытарь* ‘мот, расточитель’ [СРНГ 19: 64], влад., яросл., тамб., тул., вят., оренб., перм. *мытарить* яросл. ‘нерасчетливо тратить средства, мотать’ [Малеча 2: 459; ОСВГ 6: 110; СРНГ 19: 63; ЯОС 6: 71]. Идея расхода денег доводится до логического предела – семантики нужды, бедности: ряз., олон. *мытарить* ‘жить в нужде, бедствовать’ [СРНГ 19: 63], оренб. *мытариться* ‘бедствовать, обивать пороги’ [Малеча 2: 459], влг. *замытарить* ‘впасть в бедность’ [СРНГ 10: 271].

Растрачивается, как правило, чужое состояние («Што мытаришь женино-то добро?» [Малеча 2: 459], «Досыть ему буде мутарить чужое богатство» [СРНГ 19: 63] и под.), что отражается в пск., твер. *мытарить*, *мытарствовать* ‘жить за чужой счет’ [ПОС 19: 134; СРНГ 19: 64], без указ. места *мытарничать* ‘то же’ [Даль 2: 957]. Номинируются другие способы нечестного обращения с чужим имуществом – вымо-

гательство (новг. *мытарь* 'вымогатель': «Ты мытарь, наживаешься за счёт моих кровных копеек» [НОС: 577]) и отказ возвратить чужое (влг., ворон., смол. *замытарить* 'присвоить чужое, зажилить': «Он замытарил мою книжку» [СРНГ 10: 271]).

В русле «имущественной» линии актуализируется идея утраты чего-либо разными путями (потери, продажи, разрушения): ворон., пск. *замытарить* 'потерять, запрятать, засунуть что-либо' [СРНГ 10: 270], перм., свердл. *размытарить* 'распродать': «Не долго постоял с возом, все картошь размытарил» [СРНГ 34: 31], пск. *смытарить* 'упразднить, разрушить': «Лошадь надо продавать и хозяйство смытарить» [СРНГ 39: 77].

Наконец, в гнезде диал. *мытар-* получают развитие различные негативно-оценочные смыслы. В говорах *мытарем* называется хитрый, нечестный человек, обманщик, ср. карел. «Васька у нас такой мытарь, ну хитрюга по-нашему» [СРГК 3: 279], арх. «Мытарь всё исподтишка делает» [КСГРС], новг. «Мытарём зовут, кто хитрит» [НОС: 577], вят. «Нашли какого-то мытаря, дак ухлопал он все документы, мытарь экий» [ОСВГ 6: 110], морд. «Ну и мытэри вы с Васнёй, капейку нильзя доверить» [СРГМ 1: 550], оренб. «У нас один казак был мытарем, жульством занимался» [Малеча 2: 459], «Мытарь – вилючий, хитрый человек: то тебе скажет, друго про тебя скажет» [СРГА 3/1: 103]. Это слово образует производные, называющиеся как обманщиков, так и обманные действия: *мытарник* новг. 'лживый, неискренний человек': «Мытарник он, врёт всё» [НОС: 577], *мытарка* пск., вят. 'хитрая женщина': «Ана така хороша, ни мытарка, прямой чилавек, ничиво не мытарит» (пск.) [ОСВГ 6: 109; ПОС 19: 134], *мытарить* арх., влг., новг., яросл., морд., ср.-урал. 'плутовать, обманывать': «Против меня не мытарь; это вам нужно, так и скажи» (влг.), «С тобой играть-то неинтересно, потому что ты всегда мытаришь, а мы ведь честно играть договаривались» (новг.), «Мытарить-ть ана умет, любовь пръвидёт» (морд.) [ДСРГСУ: 313; НОС: 577; СРГК 3: 279; СРГМ 1: 550; ЯОС 6: 71].

Для традиционного социума важной характеристикой человека является его отношение к труду. Негативный потенциал семантики гнезда вырабатывает зону значений, принадлежащих только диалектной лексике, связанных с ленью и бездельем: вят., пск., алт. *мытарь* 'лодырь, ленивый человек или животное' [ОСВГ 6: 110; СРГА 3/1: 103; ПОС 19: 134], пск. *мытарить* / *мутарить* 'отлынивать от работы': «Только мытарит: напещца, наестицца, а работат не хоче» [ПОС 19: 133], пск., твер. *мытарничать* 'бегать

от дела' [ДО: 120], новг. *мытарить* 'бездельничать, уклоняться от работы' [НОС: 577]. Соединение в одном словообразовательном гнезде семантики обмана и лени – нередкий случай, пример типичной логики семантического развития языковой системы (единицы, реализующие модель 'бездельничать' + 'обманывать', 'лентяй' + 'обманщик', см.: [Еремина 2003]).

Отметим также случаи обобщенной негативной оценки: *мытарный* твер. 'негодный, непрочный' [Опыт: 118], орл. 'плохой' [СРНГ 19: 64].

2.2. Взаимодействие слов с основой *мытар-* с другими лексемами

• контаминация с продолжениями *motъ, *motati

Ряд слов с формантами *-ар* и *-ыр*, в составе которых можно выделить корень *мот-*, являются семантически аналогичными словам с основой *мытар-* (в разных значениях): влг. *мотарь* 'мошеник, плут': «Вот вчера обсчитала на рубль тридцать продавщица-то, я разругалась с ней, говорю: «Шкварь негодная, мотарь»» [СВГ 5: 6], омск. *мотарить* 'заставлять работать': «А меня везде мотарили в колхозе» [СРГС 2: 297], перм. *мотарить* 'жить с трудом, маяться': «Мужа на войне убили, я одна мотарила, робят растила» [СПГ 1: 526], перм. *мотарить* 'тратить деньги попусту, без надобности; мотать' [СРНГ 18: 295], перм. *мотырить* 'то же' [там же: 307], пск., твер. *мотыриться* 'издеваться над кем-л.' [ДО: 118].

Названные лексемы *мотырить* и *мотыриться* авторы ЭССЯ характеризуют вместе с диал. *мотыра* 'егоза, непоседа' и диал. *мотырь* 'шест, кол, служащий для ряда хозяйственных нужд' как производные *motъ, *motati [ЭССЯ 20: 88]. Ряд фактов, тем не менее, позволяет констатировать влияние на эти два глагола и перечисленные в предыдущем абзаце слова основы *мытар-* – скудость представленного в ЭССЯ гнезда, отсутствие в нем инославянских единиц (в нем присутствует только четыре русских диалектных лексемы) и его семантическую неоднородность; наличие для всех предполагаемых контаминантов семантических дублетов в гнезде *мытар-*; возможность подобной мены гласных в диалектных словах (скажем, шест, упоминаемый выше, может именоваться *мотырь*, *мытарь* [СРНГ 19: 64], *муторь* [там же: 32]).

• контаминация с продолжениями *motъ, *motiti

Несколько глаголов с корнем *мут-* и формантами *-ар*, *-ор*, *-ыр* связаны с семантикой мучений, тяжелой работы, скитаний: влг. *мутариться* 'мучиться' [Герд 2004: 234], прикам. *муторить*, *муториться* 'мучиться, работать': «Я боле тридцати годов на ферме муторилася» [СРГЮП 2:

114], смол. *муты́рить* ‘работать долго и изнурительно’: «Мутыриш на етым поли день и ночь», смол. *муты́риться* ‘мучиться, блудить, испытывать мытарства’: «Раз ён в лису три дни мутырился. Куда ни пайдёт, усе лес» [ССГ 6: 120], ср. также олон. *мутáрсливый* ‘связанный с мытарствами, муками’: «Хоть не дальняя дорожка – безызвестная. Не лесные перелески – мутарсливые» (фольк.) [СРНГ 18: 367].

В качестве наиболее убедительной версии происхождения рус. диал. *мутóрить* ‘сбивать с толку; волновать; тошнить’, *мутáрить* ‘подстрекать’ и некоторых других лексем в ЭССЯ реконструируется форма **mutoriti*, родственная **mōtiti* [ЭССЯ 20: 202] (к этому же гнезду относится литер. *муторный*). А. С. Герд в «Материалах для этимологического словаря севернорусских говоров» добавляет сюда же и влг. *мутáриться* ‘мучаться’ [Герд 2004: 234]. На мысль об участии глагола *мытарить* в образовании лексем, формально соответствующих приведенным в ЭССЯ, наводит их особая «мученическая» семантика.

Как было показано в предыдущем разделе, некоторые диалектные глаголы (пск. *мы́тарить* и *мутáрить*, пск. *мы́тариться* и *мутáриться*) в семантическом отношении являются тождественными, несмотря на свою многозначность.

•взаимодействие *мыт-* и *мытар-*

Слова-дериваты *мыта* в значении ‘пошлина’, образованные на русской почве, могут испытывать влияние со стороны семантики слов с основой *мытар-*. В говорах они могут развивать значения, не фиксируемые в исторических словарях и несвойственные литературному языку, или сразу возникать в рамках гнезда *мыт-* под воздействием «мытарских» смыслов: оренб. *мыт* ‘непорядок, мытарства, козни’, оренб. *мытница* ‘мытарства, маята’ [Малеча 2: 459], карел. *мы́та́ться* ‘издеваться над кем-н.’: «Муж-то пьяница, до смерти мытался над ней» [СРГК 3: 279], забайк. *промы́тить* ‘прожить, пробыть в течение какого-л. времени в качестве кого-л.’: «В работниках пришлось мне все молодые лета промытить» [СРНГ 32: 193], *мы́та́ться* ‘жить с трудом, маяться’ «Тяжко мне приходится без пенсии, так и мытаюсь всё» [СПГ 1: 533] (ср. в ЭССЯ замечание о том, что рус. диал. *мы́та́ться* ‘издеваться’ можно интерпретировать как производное от *мыта*, но при этом нельзя исключать возможность вторичного образования этой формы под влиянием диал. *мытариться* [ЭССЯ 21: 75]).

К участию в семантическом взаимодействии может подключаться еще один актант – глагол *мыть*. Семантика физического воздействия на

объект мытья способствует развитию у этого глагола значений вроде *мыть* карел. ‘мучить, истязать’: «Отец-покойник мыл мать, оттого и померла», ленингр. ‘тяготить, расстраивать’: «Ее-то моет, что картошка не объехана» [СРГК 3: 279], которые, в свою очередь, поддерживают «мученические» смыслы у продолжений *мыта*. Можно констатировать возникновение морфосемантического поля, единицы которого с трудом поддаются однозначной интерпретации как дериваты того или другого корня, ср., к примеру, три значения оренб. *мы́тница*: ‘место, где можно посудачить’: «Люблю я улицу-мытницу», ‘женщина-сплетница’: «Агня такая мытница, она всем соседям косточки перемыла», ‘мытарства, маята’: «Жизня-то – мытница» [Малеча 2: 459]. Первые два лексико-семантических варианта, как кажется, образовались под двойным воздействием исторического *мытница* ‘мытня, место сбора пошлин’ (→ ‘многолюдное, шумное место’) и семантического потенциала глагола *мыть*, участвующего в выражениях вроде литер. *мыть косточки*, калуж., влад. *перемывать* ‘недоброжелательно обсуждать кого-л.’ [СРНГ 26: 169] и др. Последний же, очевидно, возник под влиянием семантики гнезда *мытар-*.

***

Для русского языка характерна своеобразная омонимия – столкновение лексем *мытарь* ‘сборщик податей в Иудее’ церковно-книжного языка и *мытарь* ‘сборщик пошлины в Древней Руси’ языка обиходного (используемого при устном и деловом общении). Народные говоры не были изолированы от обоих культурных пластов – и слово *мытарь* и его дериваты могли проникать в них разными путями. В частности, образ библейского мытаря мог быть знаком в народной среде благодаря самому библейскому тексту и, скорее, текстам-адаптациям канонических произведений, бытующим в устной традиции (ср. его «память» в народном календаре, сохраняемая вслед за церковным календарем: пск. *мытарева неделя* ‘десятое воскресенье перед Пасхой и следующая за ним неделя’ [ПОС 19: 133]), представление о мытарствах души – из сказаний о житиях святых и произведений лубочной культуры. Посредствующим звеном выступала просторечная среда, в которой активно разрабатывались денежные и обманные смыслы единиц изучаемого гнезда.

В говорах «мытарные» слова вступили в контактирование с несколькими фонетически близкими единицами (дериватами корней *мот-*, *мут-*, *мыт-*) и родственными лексемами, образованными от *мыто* ‘пошлина’, тем самым значительно расширив свое семантическое поле и сформировав отдельное морфосемантическое поле, еди-

ницы которого нельзя рассматривать в изоляции друг от друга.

Широте семантики «мытарных» слов способствовал и негативный смысловой заряд, присущий лексеме *мытарь* в библейской традиции, притягивающий самые разные отрицательные характеристики явлений с тем, чтобы участвовать в их обозначении. При этом любопытно, что современный литературный язык оказался способен «забыть» об отрицательных коннотациях *мытаря* и допускает его нейтральное употребление в значении «работник налоговой службы».

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

² О фиксации слова *мытарь* в памятниках старославянской письменности, а также об отношениях синонимии со словами *мытник*, *мздоимец* см.: [Львов 1966: 178–179]).

³ Указание на формальную вариацию основы, свидетельствующее об активных контаминационных процессах в гнезде, перенесено сюда из псковского словаря без изменений.

⁴ Возможно, на появление этой лексемы оказали влияние упоминаемые в Евангелии сведения о том, что апостол Матфей до встречи с Иисусом Христом был мытарем, которые могли быть почерпнуты, в частности, из сборников житий святых.

Список источников

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи (с эпицентром акающих говоров). Рукопись.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909. Т. 1–4.

ДО – Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1858. 330 с.

ДСРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Г. Дьяченко. М.: Тип. Вильде, 1899. 1120 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. М.: Дрофа; Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 16.08.2016).

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002–2003.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2016).

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подг. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1852. 275 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Коннектика; Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

САР – Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / ред. С. Г. Бархударов. Л.; СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 1999–2002.

СРГА – Словарь русских говоров Алтая: в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Иванова. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993–1997.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2013. Ч. I. С. 1–672. Ч. II. С. 673–1560.

СРГО – Словарь русских говоров Одесщины. Одесса, 2000. Т. 1–2.

СРГС – Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

СРГЮП – Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья:

в 3 вып. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1893–1912.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СРСГСП – *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*: в 3 ч. / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1993.

ССГ – *Словарь смоленских говоров*: в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск: СГПИ / СГПУ, 1974–2005.

ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

ССЯ – *Словарь старославянского языка*: в 4 т. [Репринтное издание]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Цейтлин 1994 – *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

Шведова 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

ЯОС – *Ярославский областной словарь*: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Список литературы

Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) // *Севернорусские говоры* / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. Вып. 8 286 с.

Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 251 с.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.: Наука, 1966. 321 с.

Родионова И. В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 250 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

ЭСРЯ – *Этимологический словарь русского языка* / под ред. и рук. Н. М. Шанского, А. Ф. Журавлева. М.: Изд-во МГУ, 1963–. Т. 1–.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд* / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (вып. 32–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

ESJS – *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Brno; Praha: Academia; Tribun EU, 1989–. Seš. 1–.

Orel V. E. *Russian Etymological Dictionary*: in 3 vols. Calgary: Octavia, 2007–2008.

References

Gerd A. S. *Materialy dlja etimologičeskogo slovarja severnorusskikh govorov (I, K, L, M)* [Materials for the etymological dictionary of the Northern Russian dialects]. *Severnorusskie govory* [Northern Russian Dialects]. Ed. by A. S. Gerd. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. Vol. 8. 286 p.

Eremina M. A. *Leksiko-semantičeskoe pole “Otnošenje čeloveka k trudu” v russkikh narodnykh govorakh: etnolingvističeskij aspekt*. Diss. kand. fil. nauk [The lexical-semantic field of “the person’s attitude to work” in Russian folk dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2003. 251 p.

L’vov A. S. *Očerki po leksike pamjatnikov staroslavjanskoi pis’mennosti* [Notes on the vocabulary of Old Slavic manuscripts]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 321 p.

Rodionova I. V. *Imena biblejsko-khristianskoj tradicii v russkikh narodnykh govorakh*. Diss. kand. fil. nauk [Names of biblical and Christian tradition in Russian folk dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2000. 250 p. *ESRJa – Etimologičeskij slovar’ russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by N. M. Shanskij, A. F. Zhuravlev. Moscow, Moscow State University Publ., 1963. Vol. 1.

Fasmer M. *Etimologičeskij slovar’ russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1964–1973. Vol. 1–4.

ESRJa – Etimologičeskij slovar’ russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by N. M. Shanskij, A. F. Zhuravlev. Moscow, Moscow State University Publ., 1963. Vol. 1.

ESSJa – Etimologičeskij slovar’ slavjanskikh jazykov: praslavjanskij leksičeskij fond [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical stock]. Ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev. Moscow, Nauka Publ., 1974. Vol. 1.

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského [Etymological dictionary of Old Church Slavonic]. Brno; Prague: Academia; Tribun EU, 1989. Vol. 1.

Orel V. E. *Russian Etymological Dictionary*. In 3 vols. Calgary, Octavia, 2007–2008.

**THE RUSSIAN MYTAR (“TAX COLLECTOR”): ON THE DEVELOPMENT
OF THE SEMANTICS OF THE WORD AND ITS SYSTEM RELATIONS
IN VARIOUS FORMS OF THE LANGUAGE EXISTENCE**

Valeriya S. Kuchko

Postgraduate Student, Lab Assistant in the Toponymic Laboratory
of the Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University

Researcher

Russian State Vocational Pedagogical University

The article focuses on the semantics of the word *mytar* (“tax collector in Ancient Judea, tollman in Ancient Rus”) and its semantic and word formation derivatives. The history of the word semantics is traced in the Russian literary language, which inherited it from Old Church Slavic. Based on a contextual analysis of the lexeme *mytar*, the author reveals its latest meaning “tax officer”, which is almost devoid of negative connotations and does not occur in modern lexicographic sources. A variety of meanings of the words with the stem *mytar-* developed in Russian regional dialects are considered. An attempt to identify the logic of semantic development inside the word family is made. Formal and semantic relationships of words having the stem *mytar-* with other lexemes in Russian dialects, in particular with derivatives of the roots *mot-*, *mut-*, *myt-* and derivatives of the word *myto* (“toll”), are found out. The conclusion is made about the formation of the morphological and semantic field within which it is difficult to establish the origin of a particular linguistic unit from a particular root.

Key words: Russian dialect lexicology; historical lexicology; semantics; contamination; word family; morphological and semantic field.

УДК 811.161.1'371+81'276.12

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-40-48

НЕВЕСТА БЕЗ МЕСТА, ЖЕНИХ БЕЗ УМА: О МНОЖЕСТВЕ СМЫСЛОВ ОДНОЙ ПАРЕМИИ¹

Олеся Дмитриевна Сурикова

редактор топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. surok62@mail.ru

научный сотрудник

Российский государственный профессионально-педагогический университет
620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11

Статья посвящена установлению смысла известной пословицы *Невеста без места, жених без ума* и, в частности, фигурирующего в ней широкозначного слова *место*. Учитывая матримониальный характер паремии, автор рассматривает ее в контексте свадебного обряда и приходит к выводу, что в основе этого текста лежит игровой прием неразличения нескольких значений лексемы *место*: 'почетное место на свадьбе', 'приданое', 'супружеское ложе' и 'vagina'. В зависимости от того, какое из значений слова актуализировано, непригодность невесты к свадьбе объясняется как в самом невинном, так и в скабрёзном ключе: невеста, лишённая полагающегося ей места за свадебным столом; бесприданница; неспособная к сексуальной жизни или нечестная. Для подтверждения гипотезы к анализу привлекается русская диалектная, просторечная и жаргонная лексика, некоторые инославянские лексические факты, а также фольклорные тексты (пословицы, загадки, частушки, песни, любовные заговоры, сказки), в которых слово *место* выступает в качестве эвфемизма и называет женские половые органы. Реконструируется смысл ряда «темных» слов (*малое место*) и паремий (*Добивай шило в черен! Осаживай обручи до места!*).

Ключевые слова: русская диалектная лексикология; фольклор; этнолингвистика; семантико-мотивационная реконструкция; теория многозначности; свадебный обряд.

В статье пойдет речь о широко известной пословице *Невеста без места, а жених без ума* [Даль ПРН 1: 454; Снегирев 1999: 183], смысл которой часто остается неясным для современного носителя русской культурно-языковой традиции. Это подтверждает толкование, распространенное в сети Интернет и впервые предложенное Н. М. Никольским в его «Истории русской церкви»:

«С XVIII в. наследственная передача церковных приходских должностей и торговля ими стали постоянным и повсеместным обычаем. <...> Взрослый сын наследовал место отца. <...> При отсутствии сыновей место передавалось дочери, т. е. ее мужу. Невеста выбирала себе жениха и представляла его на утверждение владыки. <...> Так как от кандидатов на священнические места требовался образовательный ценз, то “жених без ума” не годился, искали жениха “с умом”. <...> Если невеста по бедности прихода или по своим личным качествам попадала в такое неприятное положение, что к ней “не случается ни философ

ни богослов”, то к ней приходил на помощь архиерей. Он отправлял ее в бурсу, и училищное начальство объявляло о ней всем “философам и богословам”, а для удобства “оглядин” ставило невесту у дверей класса. Если не всегда находилась жених “с умом”, то не всегда оказывалась и невеста “с местом”. <...> Теперь для нас понятна поговорка “Невеста без места, жених без ума”. Хуже этой комбинации в духовной среде XVIII и начала XIX в. ничего не могли себе представить» [Никольский 1985: 213–214].

Об ошибочности такой трактовки свидетельствует хотя бы наличие у пословицы вариантов: *Невеста без места, жених без куска / без уса / без порток* [Даль ПРН 1: 454; 2: 331; Подвысоцкий 1885: 95]. Замена атрибута жениха – *ума* (при неизменности атрибута невесты) – приводит к разрушению всей концепции.

Предпосылка заблуждения интерпретаторов состоит в полисемичности слова *место*, называющего в пословице некую необходимую принадлежность невесты. Ср. только некоторые его зна-

чения в русском литературном языке и народных говорах: общенар. ‘пространство земной поверхности’, ‘определенное пространство, на котором можно расположиться, поместиться; пространство, предназначенное, определенное для кого-либо’, разг. ‘должность, служба’; литер. ‘какая-либо часть, отрывок (книги, музыкального произведения и т. п.)’; спец. ‘отдельная вещь, отдельный предмет багажа, груза (тюк, кипа, ящик, штука и т. п.)’ [ССРЛЯ 6: 884–890]; диал. ‘город’, ‘родина, место рождения’, ‘какая-либо вещь, предмет’, ‘вес чего-либо’, ‘определенный отрезок времени’ [СРНГ 18: 128–131] и мн. др. (о причинах подобного семантического синкретизма см.: [Варбот 2007; Топоров 2004]).

Задача автора этой статьи – попытаться установить значение (или значения) лексемы *место*, которое реализуется в паремии, и, отталкиваясь от этого, объяснить смысл всего текста. Для этого необходимо учитывать матримониальный характер пословицы и рассматривать ее в контексте свадебного обряда, принимая во внимание высокую символичность свадебного текста и полисемичность составляющих его символов.

В свадебном словаре лексема *место* входит в ряд устойчивых сочетаний, зачастую непосредственно связанных с образом невесты: яросл. *садиться в княжеское место* ‘выходить замуж’ [СРНГ 13: 348], ленингр. *на место посадить* ‘выдать замуж, пристроить’ [СРГК 3: 230], влг. *обдуть местечко* ‘получить возможность выйти замуж’ [СРНГ 22: 25], орл. *откупать место* ‘в свадебном обряде – во время девичника вносить плату деньгами, конфетами и т. п. за возможность жениху сесть рядом с невестой’ [СОГ 6: 128], пск. *место покупать* ‘после венчания платить подругам невесты, сидящим за столом, чтобы они оставили невесту одну’ [СРНГ 18: 130], орл., омск., приирт. *место продавать* ‘просить выкуп (деньги, угощение и т. п.) с жениха и (или) его друга за право сесть рядом с невестой’ [Костромичева 1998: 79; СРГС 2: 274; СРСГСП 2: 129], перм. *место греть* ‘обрядовая процедура приготовления места для жениха и невесты во второй день свадьбы’ [ЭССТСП: 44]. В символическом словаре свадьбы приведенные фразеологизмы реализуют пространственный код: слово *место* в их составе означает ‘пространство, на котором можно расположиться, сесть’, но не любое, а вполне определенное – почетное место, занимаемое молодоженами, в частности невестой, на свадьбе (ср. здесь влад. *княжеское место* ‘почетное место на свадьбе’ [СРНГ 18: 130], др.-рус., ст.-рус. *мѣсто* ‘украшенное сиденье, кресло, трон для почетных или высокопоставленных лиц (обычно на возвышении)’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 115]). Пословичное указание на отсутствие у невесты *места* – обязательного ролевого обрядово-

го локуса – определяет, таким образом, статус девушки: она вовсе не невеста (ср. редуцированный вариант паремии: пск., яросл., костром. *невеста без места* ‘о девушке, долго не выходящей замуж’ [СРНГ 20: 334; ЯОС 6: 126; ЛКТЭ]).

Однако принять эту интерпретацию как единственно возможную не позволяет многозначность слова *место* не только в системе языка в целом, но и непосредственно в свадебном дискурсе. Так, привлекает внимание дон., ворон., влг., арх., кемер. *глядеть (смотреть) место* ‘в свадебном обряде – глядеть, осматривать хозяйство жениха’ [СРНГ 18: 129], влг. ‘осматривать хозяйство жениха или невесты’ [СВГ 4: 82], волг. ‘осматривать подворье и приданое невесты’ [БСП: 397], а также арх., влг. *местогляды* ‘сваты’ [КСГРС]. Вероятно, эти «имущественные» смыслы лексемы *место* сформировались на базе присущей ей семантики освоенного пространства, ср. ю.-урал., ср.-урал., свердл., ряз. *место* ‘земельный участок отдельного хозяйства, усадьба’, томск. *подворное место* ‘усадьба’ [СРНГ 18: 128], а также однокоренное слово *помѣстье* в аналогичных значениях (влг., свердл., омск., енис., амур. ‘дом с надворными постройками’), в том числе в словаре свадьбы: карел. (рус.) *женихово помѣстье* ‘дом жениха’, арх., дон. *помѣстье глядеть, смотреть* ‘свадебный обряд осмотра имущества жениха (дома, построек, скота и т. п.)’ [СРНГ 29: 208], енис. *помѣстник* ‘один из участников свадебного обряда’ [СРНГ 29: 207] (судя по контексту, *помѣстниками* называются сваты: «Нет ли, может, на княжем месте и поместников? – Есть видно! Так благословите русу косу выкупить!»).

Если *место* в значении ‘хозяйство, подворье’ реализует ту же семантическую линию, что и лексема *помѣстье*, то арх. *место* ‘приданое’ [СРНГ 18: 129], кажется, должно иметь иной мотивационный генезис – или, по крайней мере, дополнительный смысловой импульс. Связано это с обстоятельствами экстралингвистического характера. Как известно, состав приданого определялся благосостоянием семьи невесты, при этом земельный надел, скот, домашняя утварь и хозяйственные орудия не были обязательными его элементами – в «минимальный набор» входили личные вещи и одежда невесты (см.: [Гура 2012: 320]), а кроме того, постельные принадлежности. Стоит ожидать, что представления о приданом должны оязыковляться в рамках предметного, а не пространственного кода.

Действительно, лексема *место* имеет ряд «материальных» значений, которые могли повлиять на возникновение интересующей нас семантики: олон., карел., арх., перм., свердл. ‘какая-либо вещь, предмет’, сиб., камч. ‘шкурка соболя, лисицы’, свердл. ‘товар, богатство’ [СРНГ

18: 129], ст.-рус. *мѣсто* ‘отдельный предмет из кладки, груза; штука, мешок’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 117]². Однако гораздо более значимыми представляются случаи обозначения с помощью слова *место* базового элемента приданого – постели и постельных принадлежностей³: *место* арх., влг., пск., печор., ср.-урал., оренб., сев.-двин., коми (рус.), якут. ‘постель’ [КСГРС; ПОС 18: 174; СРГНП 1: 416; СРГСУ 2: 128; СРНГ 18: 128], арх. ‘постель, перина, тюфяк, ложе’ [Даль 2: 966], печор., мурм. ‘принадлежности для спанья’, печор. ‘перина’ [СРГНП 1: 416–417; Меркурьев 1979: 77], мурм., арх. ‘всякая постельная принадлежность’, арх., мурм., карел. (рус.) ‘мягкая подстилка на кровать, набитая пухом, перьями или ватой; перина, матрас’ [СРГК 3: 227–228], сев.-вост. ‘постель, постельные принадлежности’ [Зотов 2010: 271], ср. еще моск. *выкупать мѣсто* ‘в свадебном обряде: выкупать постель’ [СРНГ 18: 130]⁴. Вероятно, следует говорить о генерализации семантики лексемы *место* в свадебном дискурсе: ‘постельные принадлежности’ → ‘приданое’, ср. показательные контексты: мурм. «А придано – места: перины, простыни да подушки, у кого есть из посуды» [СРГК 3: 227–228]; печор. «Невеста будет наперво место готовить: перину, две подушки, две простыни» [СРГНП 1: 416–417]⁵.

Таким образом, можно принять версию, что в пословице *Невеста без места*... речь идет о бесприданнице. Подобное объяснение смысла паремии было предложено А. И. Подвысоцким [1885: 95]: арх. *Невеста без места, жених без порток* – «о бедных брачующихся». Обращение к символическим значениям атрибутов жениха, которые упоминаются в вариантах пословицы, подтверждает справедливость такой трактовки: *жених без порток* (ср. арх. *беспорто́чник* ‘нищий, оборванец’ [АОС 2: 14]), *жених без куска* (ср. пск., иркут. *кусóк* ‘пища, питание; стол’, новг. *в кускѣ жить* ‘жить в достатке’, нижегор. *колотиться с кускá на кусóк* ‘испытывать большую нужду’ [СРНГ 16: 158] и пр.). Тем не менее и такая интерпретация не может быть признана окончательной.

Причина состоит в том, что *место* в словаре свадьбы называет не только постель (любую) и постельные принадлежности, но и непосредственно супружеское ложе – «место совершения супружеского акта молодых в брачную ночь, связанное с символикой девственности и дефлорации невесты и продолжения рода» [Гура 2012: 331]: *мѣсто* печор., беломор. ‘свадебная постель, супружеское ложе’ [СРНГ 18: 128; СРГНП 1: 416–417], беломор. ‘кровать с настланными на нее постелями, подушками и одеялом для новобрачных, убранная кровать молодоженов’ [Дуров 2011: 223]. Учитывая, с одной стороны, выде-

ленность постели – брачного ложа в предметном коде свадебного обряда⁶, а с другой стороны, наполненность свадьбы эротической символикой, тяготение текста свадебного обряда к эвфемизации, можно заподозрить существование у пословицы *Невеста без места, жених без ума* сексуального подтекста⁷. Это предположение поддерживается и спецификой жанра – известной склонностью паремий к двусмысленности и иносказательности: в пословицах и загадках часто используются эротические ассоциации при метафорическом представлении бытовых ситуаций, а невинные на первый взгляд тексты нередко имеют сексуальную подоплеку / разгадку.

Чтобы обосновать гипотезу о «заветном» смысле пословицы *Невеста без места*..., нужно обратиться к эвфемистической функции лексемы *место* и сочетаний с ее участием. Это слово способно номинировать любую часть человеческого тела, ср. карел. (рус.), ленингр. *мѣсто* ‘члены, органы, части тела’ [СРГК 3: 227–228], печор. *всякое (каждое) место* ‘каждый член тела, всё тело’ [СРГНП 1: 417]. Подобные значения продолжают базовую пространственную семантику *места*: добавляя к этой лексеме указательные местоимения (*то, это* и под.) и иллюстрируя высказывание соответствующими жестами, можно обозначить любой предмет в пространстве, а также всякую точку пространства, в том числе всякую точку человеческого тела (ср. фразы типа *в том месте утонул ребенок; у меня болит в этом месте*, аналогичные по смыслу сообщениям, в которых используются указательные наречия (наречия места): *там утонул ребенок; у меня болит здесь / тут*). Если есть необходимость назвать конкретный соматический объект, универсальный топографический индикатор *место* сопровождается уточняющей характеристикой: *пóлое мѣсто* влг. ‘висок’ [СВГ 4: 82], карел. ‘место между талией и грудью’ [СРГК 3: 200], иркут. ‘жировые и мышечные ткани в организме’ [СРНГ 18: 130], печор. *родовое мѣсто* ‘родимое пятно’ [СРГНП 1: 418], яросл. *рóбкое мѣсто* ‘локтевой сустав, который очень болит при ушибе’ [ЯОС 8: 133]⁸. Однако чаще всего описательные конструкции, реализующие модель «N место», выступают в качестве эвфемизмов и обозначают органы телесного низа / половые органы: простореч., шутол. *мягкое место*, разг. *одно место*, разг. *чувствительное место*, урал. казаки *целое место* ‘зад, ягодицы’ [БСРП: 397–398; Малеча 2: 423], разг. *причинное место*, разг. *одно место*, разг. *интимные места*, простореч. обл. *грѣшное мѣсто*, простореч. *стыдное место*, разг. *чувствительное место*⁹, перм. *неудобное мѣсто*, волг. *притимное место* ‘половые органы’ [БСРП: 396–397; Сеничкина 2008: 145; ФСПГ: 216; СВДГ: 316], яросл. *ста-*

рое *место* ‘женские половые органы’ [СРНГ 18: 130], коми (рус.) *сладенько место* ‘о детородном органе’ [СРГКПО: 148], разг. *чувствительное место* ‘женская грудь’ [БСРП: 398], ленингр. *пустое место* ‘место между бедрами в нижней части живота; пах’ [СРГК 3: 228] и т. д.¹⁰

Симптоматично, что табуированные части тела и органы могут номинироваться с помощью лексемы *место* и без привлечения конкретизаторов: арх. *мистечко* ‘пах’ – «Кила-то в мистечке была у парнишки, килы в мистечках у их часто», влг. *местечко* ‘женские половые органы (и далее – девичья честь)’ – «Местечко своё до сварьбы уберегла» [КСГРС], ср. белорус. диал. (туров.) *место* ‘зад человека’ [ТС 3: 77]. В подобных случаях *место* лишается роли универсального топографического индикатора, которую оно играет в описательных конструкциях, и становится «самостоятельным» эвфемизмом (эвфемизация на основе механизма генерализации семантики: ‘запретные’ органы’ → ‘любая часть человеческого тела’ (*место*) – как в известных примерах типа ‘волк’ → ‘любое животное’ – *зверь*).

Заместительная номинация *место*, функционирующая самостоятельно или в составе сочетаний, имеет традицию употребления в фольклоре, где обозначает в большинстве случаев женские половые органы (ср. выражение *местечко отмыкать* ‘процесс совокупления’, которое А. В. Сидорович [2009] относит к числу базовых средств номинации коитуса)¹¹. Показательны следующие контексты:

● загадка, оперирующая смелыми ассоциациями:

*Не знаю, какое место́
Все шерстью поросло:
Придет беда –
Потечет вода <глаза> (Татар. АССР)
[Миненок 1995: 377];*

● фрагмент песни:

*Ты не сказывай, Дуняша,
Что я лазил на тебя,
Ты скажи, скажи, Дуняша,
Что я козу доила,
Она рогом пробила.
Никогда это местечко
Коза рогом не будет,
Оботрется, обомнется,
Все по-старому пойдет,
Ена мохом зарастет (перм.)
[Иванова, Кляус, Черных 1995: 135];*

● частушка:

*Ох вы, глазки мои,
Что-то замутились?
За чувствительное место
Парни ухватились! (моск.)
[Кулагина 1999: 130];*

● присказка, по всей вероятности, иносказательно изображающая коитус:

Добивай шило в черен! Осаживай обручи до места! [Даль ПРН 1: 649]¹².

Эвфемистическая конструкция *N место* встречается в рукописных любовных заговорах:

*...Как стоят столбы дубовые верей, яеновые, и так бы стояли у сего раба Божия имярек семьдесят жил, семьдесят составов и становая жила, белые муди, румяные и ярые яйца, шли бы всякое в **полое место**, в жену или девку, в парня, в гузно и в п**ду, во всякой день и во всякой час, в денных и ноцных, поутру и вечерью... (1734 г., арх.?) [Кляус 1995: 353];*

*...Так бы и у меня, раба Божия (имярек), все семьдесят три жилы и вси семьдесят три жилы-суставы были бы костяны, и вся и становая ж жила была бы костяна, и стояла б она на жуе сто раз и тысячу на пострекание, на **малое место** на женскую нифцу и девичью... (сер. XVIII в., костром.?) [Кляус 1995: 355]¹³.*

Малое место, которое появляется в последнем тексте, означает, как и в прочих случаях, ‘vagina’, ср. параллели в других славянских языках, приводящиеся в [СД 5: 249]: «У женщин утроба состоит из двух частей, которые противопоставляются как верхняя и нижняя или как большая и малая (болг. *горен / долен корем*, *горно / должно сърце*, *голям / малък корем*), причем в нижней части находится орган деторождения – матка». О том, что для русской языковой традиции такое воплощение представлений о женских половых органах не окказионально, свидетельствует фрагмент сказки, в которой обыгрывается матримониальная ситуация – первая брачная ночь:

Вот пришел Иванушка ночью и лег с Машуткою. Она и спрашивает:

*<...>
– Надо посмотреть: хороши ли у тебя струмент?*

– На, посмотри, – сказал он и развязал гашиник, – я этим богат!

*– Да эдакой-то мне велик! Посмотри, **какая** у меня **маленькая!***

*<...>
– Дай-ка я попробую: придется ли?*

И стал пробывать; х** у него колом стоит; как махнет ее – ажно изо всех сил она закричала:

– Ох, как больно кусается!

*– Не бось! Ему **места мало**, так он и сердится.*

*– Ну вот, я ведь сказывала, что **место-то** для него **мало!** («Первое знакомство жениха с невестой») [Афанасьев 1997: 57–58].*

Смеховой эффект в этом тексте достигается путем неразличения двух значений слова *место* – ‘определенное пространство’ и ‘vagina’. Думается, что подобный игровой прием лежит и в основе разбираемой нами поговорки *Невеста без места, жених без ума*: полисемичность *места* в

свадебном и «околосвадебном» дискурсе позволяет трактовать паремию разными способами, объясняя непригодность невесты как в самом невинном, так и в скабрёжном ключе – невеста, лишённая полагающегося ей места за свадебным столом; бесприданница; неспособная к сексуальной жизни¹⁴ или нечестная (ср. приводившийся выше пример: влг. *местёчко* ‘женские половые органы (и далее – девичья честь)’ – «Местешко своё до сварьбы уберегла» [КСГРС]).

На мотиве нечестности невесты следует остановиться подробнее. Соответствующий феномен, как и супружеская измена, устойчиво табуизируется (см.: [СД 5: 225]), и выражения, содержащие лексему *место* ‘постель’ / ‘супружеское ложе’ / ‘vagina’, способны иносказательно описывать оба явления. Ср., например, волг. *ещё и место не простыло* ‘употр. при оценке поведения супруга(-и): быстро забыть о смерти жены (мужа) и снова жениться (выйти замуж)’ – «Ищё и места ни прастыла – эт када жына умирла, пахаранил и сразу уже бабу привёл» [СВДГ 3: 316]. Здесь же необходимо упомянуть пословицы *Жених с места, другой на место* [Даль ПРН 1: 455] и *Хваля другу невесту, а сам к месту* [Снегирев 1999: 267]. Примечателен обценный текст, сопровождающий свадебный пир на Пинеге, который завершается следующим пассажем: *Стряпка стряпала блины с заплатками, пироги с надставками: снизу подгорело, по краям заплело, в середине тесто, тут тебе, е**на мать, и место* [Иванова, Кляус 1995: 165]. Можно предположить, что это своего рода предупреждение о возможной нечестности невесты (еще не проверенной женихом): в случае если невеста оказывалась «порченной», во время застолья во второй день свадьбы «семья жениха проделывала отверстия в еде (блине, хлебе, пироге, яичнице), подавала напитки в худой посуде или в черепках» [СД 2: 36], обозначая таким образом нарушение целостности *хупен*. Сексуальные коннотации текста усиливает упоминание блинопечения – яркой метафоры коитуса (подробно об этом см.: [Мороз 2016]).

Отдельного рассмотрения заслуживает реплика дружки, которая приводится в [Даль ПРН 2: 337] и произносится, по всей видимости, при обряде выкупа невесты или выкупа постели у ее родственников и подруг: *Пожалуйте мне невесту, уступите место!* Кажется, в этом случае мы снова имеем дело с жонглированием смыслами, присущими лексеме *место*: слова дружки, с одной стороны, могут расцениваться как «законное» требование «женским» персонажам (F-персонажам в терминологии Г. А. Левинтона [1991]) передать невесту в «стан» жениха или освободить постель новобрачных; с другой стороны, в реплике может содержаться шуточный

намек на сексуальные «полномочия» дружки, который не только имеет непосредственный доступ к супружескому ложу и молодоженам во время первой брачной ночи, но и «в случае необходимости замещает жениха, совершая дефлорацию невесты» [Гура 2012: 133].

В завершение снова обратимся к паремии *Невеста без места...*, точнее ко второй ее части, где упоминаются атрибуты жениха: *ум, усы, кусок и портки* (в разных вариантах текста). Символика большинства этих объектов подтверждает гипотезу об эротическом подтексте пословицы: портки напрямую связаны с телесным низом и сферой сексуального¹⁵ (жених без порток нелеп, а невеста без места бесчестна); усы – маркер половой и социальной зрелости мужчины (безусый жених так же не готов к свадьбе, как неспособная к сексуальной жизни невеста); жених, лишенный ума, не бдителен и берет в жены нечестную девушку (ср. паремию, указывающую на мнительность жениха: *Жениху много на ум идет* [Снегирев 1999: 107]).

Разумеется, на «заветном» содержании нашей пословицы (определяющемся контекстной семантикой слова *место* – ‘vagina’ → ‘честь’ / ‘сексуальная пригодность’) невозможно настаивать: результаты произведенного исследования сложно верифицировать, а каждая из «невинных» трактовок (невеста, лишённая почетного обрядового локуса; бесприданница) имеет право на самостоятельное существование – и, вероятнее всего, существует. Однако, думается, рассмотрение «темного» слова *место* в свадебном дискурсе (где оно особенно активно не только в силу своей полисемичности, но и за счет удачной рифмовки с ключевым термином *невеста*), установление его семантических возможностей и функциональной роли – в том числе в качестве эвфемизма – в текстах других фольклорных жанров и в системе языка небесполезны для понимания «многослойности» фольклорного произведения, в котором это слово встречается, для осознания игрового и контекстного потенциала паремий¹⁶.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

² Существует версия, что слово *место* в значении ‘какая-либо вещь, предмет, совокупность предметов’, фигурирующее в сочетаниях типа *каждое место, всякое место* ‘всё’, ‘всякая всячина’ (арх., перм., свердл., вят., ср.-урал., тобол.) [СРНГ 18: 130; КСГРС], является финно-угорской семантической калькой (ср. вепс. *kaik sijad* ‘всё, букв. всякое место’, карел. *joga sija* ‘всё, всякое, каждое место’) [Теуш 2015]. Отметим,

что возникновение подобных значений на собственно русской (славянской) почве тоже вполне вероятно, ср. рассуждение В. Н. Топорова о связи пространственной и «предметной» семантики слова *место*: «Если же речь заходит о самом “месте”, то тут возникает вопрос о том, чем оно заполнено, потому что “место” есть прежде всего вместилище чего-то» [Топоров 2004: 27].

³ Логика развития смысла ‘постельные принадлежности’ прозрачна: *место* с наиболее общей семантикой ‘пространство земной поверхности’ → ‘определенное пространство, на котором можно расположиться, поместиться’ (первая фиксация в таком значении – ст.-сл. *мѣсто* ‘специально оборудованное место, где можно разместиться, стоять, сидеть или лежать’ в Остромировом евангелии, 1057 г., см.: [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 115]) → ‘постель’ (а также др.-рус., ст.-рус. *мѣсто* ‘украшенное сиденье, кресло, трон’ [там же], *мѣсто* арх. ‘стул, скамья’, сиб. ‘оленья шкура для подстилки’ [СРНГ 18: 128–129]) → ‘постельные принадлежности’. Семантику ‘пространство, где можно поместиться’ продолжает также простореч., диал. *мѣсто* ‘временный орган у беременной в виде оболочки плода; плацента’ [ССРЛЯ 6: 890]: плацента (ср. *детское место*) – пространство, где помещается ребенок.

⁴ Ср. реализацию значения ‘постель’ в фольклорных текстах, например, в рукописном заговоре-присушке: *...Призываю я вас к себе и посылаю я вас к сей рабе (имярек), подите вы и послужите и своего царя, отца Сатану, посудушайте <...> и зажгите, и пострелите, смутите и подкните, искусите сию рабу (имярек), где вы застанете: в ночи на месте, а в день при беседе, в пути, или на дороге...* (женская издевка на похоть, 1734 г., арх.?) [Кляус 1995: 352–353]. Можно предположить, что *место* имеет подобную семантику и в известной присказке *На новом месте приснишь жених невесте*.

⁵ Ср. другие случаи, когда приданое номинируется через обозначения постели и постельных принадлежностей: ульян., с.-прикам., орл., *постель*, с.-прикам. *постеля, постелье, пух, пухи, пуховое*, орл. *выкупная постель*, новг. *постельница*, дон. *подушки*, арх. *перина* и др. [Гура 2012: 322], ср. также сиб. *провожа́тый постѣли* ‘человек со стороны невесты, сопровождающий приданое’ – «Праважатый пастели приданна визѣт» [ЧРДФ: 104].

⁶ О ритуалах приготовления и опробования брачного ложа, использования постели в качестве свидетельства «честности» невесты и др. см.: [Гура 2012: 331–337].

⁷ О реализации эротической семантики на акциональном и вербальном уровнях свадебного обряда (в том числе в свадебном фольклоре), а также о сексуальном поведении его участников

см. хотя бы: [Варганова 1995; Гуржий 1995; Иванова, Кляус 1995; Кирюшина 1995; Кулагина 1995; Логинов 1999: 167–168; Милорадович 1894; СД 5: 592–593].

⁸ Ср. то же при уточнении свойств пространства: влг. *водоплавное мѣсто* ‘место, покрываемое водой при разливе’, сиб. *забиенное мѣсто* ‘глухое, захолустное место’, новосиб. *крепкое мѣсто* ‘целина’, горно-алт. *ломкое мѣсто* ‘пересеченная местность’, новосиб. *полое мѣсто* ‘незамерзшая часть реки’, томск. *черное мѣсто* ‘чернолесье’ [СРНГ 18: 130] и т. д.

⁹ Ср. польск. диал. *najczulsze miejsce* ‘penis’ (букв. «самое чувствительное место») [Krawczyk-Tугра 2001: 113].

¹⁰ Ср. еще эвфемизмы с указанием на функцию *места*: разг., шутил.-ирон. *место, которым детей делают* ‘детородные органы’ [БСРП: 397], разг. *место, откуда ноги растут* ‘ягодицы’ [Сеничкина 2008: 196] и пр.

¹¹ Возможно употребление в значениях ‘пах’, ‘penis’, как в пословице *За шапку, так и за место* [Даль ПРН 2: 425], для понимания которой нужно представить движение, с которым хватаются за шапку, висящую на поясе.

¹² Ср. калуж. *обручи* ‘зубья бороны’ [СРНГ 22: 214]. Борона обладает ярко выраженной фаллической и эротической символикой за счет наличия у нее зубьев в сочетании с ячейками, брачной символикой, связанной с «использованием ее в аграрной практике, направленной на достижение плодородия» [СД 1: 236]; боронение – одна из распространенных метафор коитуса, см.: [СД 1: 235–237; 2: 526–527].

¹³ *Жуй* и *нифца* – названия мужского и женского половых органов, написанные «тарабарской грамотой» – с помощью замены букв (подробней об этой примитивной шифровке в рукописных источниках см.: [РЭФ: 594]).

¹⁴ Ср. здесь описание магического обряда, направленного на то, чтоб сделать невесту фригидной: «У русских в Новгородской губ. известен способ порчи невесты с целью сделать ее неспособной к совершению супружеского акта. Для этого колдун перед приездом молодых из церкви незаметно бросает под ноги молодой лягушку или старый лапоть со словами: “Лапоть ты, лапоть, лежишь ты на земле, а теперь пристань к бабьей п...”» [Гура 2012: 526]. Ср. здесь еще укр. диал. (кат.) *Не свисти, бо буде жінка без м*нди* [Номис 1993: 706].

¹⁵ Ср. здесь хрононим *Беспорто́чная неделя* (арх.) ‘неделя перед Масленой неделей. Этой неделей завершался сезон свадеб, поэтому многие торопились вступить в брак именно в это время. Поскольку свадебный обряд предполагает обязательное мытье в бане, то неделя называлась Беспорто́чной’ [РНК: 46].

¹⁶ Среди примеров других поговорок с «двойным дном» следует привести неочевидный – *Не в свои сани не садись*. Е. Л. Березович [2013] показала, что, рассматривая эту прозрачную, на первый взгляд, паремию в широком культурном контексте, можно реконструировать ее эвфемистический смысл – обозначение матримониальной девиации, ситуации, когда младшая сестра выходит замуж вперед старшей.

Список источников

Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М.: ИТИ Технологии, 2004. 238 с.

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

Афанасьев 1997 – *Народные* русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857–1862 / изд. подг. О. Б. Алексеева и др. М.: Ладомир, 1997. 736 с.

БСРП – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989). Т. I–IV.

Даль ПРН – *Пословицы* русского народа / сб. В. Даля. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1879. Ч. 1–2.

«Дубинушка» на свадьбе (публ. Т. В. Кирюшиной) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 169–172.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. 453 с.

Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

Кляус В. Л. Заговоры и магические средства // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 344–361.

Костромичева М. В. Словарь свадебной лексики Орловщины. Орел: Изд-во ОГПИ, 1998. 218 с.

КСГРС – *картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – *лексическая* картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002–2003. Т. 1–4.

Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1979. 184 с.

Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке інше / упоряд., приміт. та вступна ст. М. М. Пазяка. Київ: Либідь, 1993. 768 с.

Песни в записях второй половины XIX – XX вв. (публ. А. А. Ивановой, В. Л. Кляуса и А. В. Черных) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 99–138.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. 198 с.

ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

СД – *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1995–2012. Т. 1–5.

РНК – *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с.

РЭФ – *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. 640 с.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. Т. 1–12.

СВДГ – *Словарь* донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.

Сидорович А. В. Русские эротические стихи, загадки, частушки, пословицы и поговорки. СПб.: Ленингр. изд-во, 2009. 320 с. URL: <http://libatriam.net/read/306450/> (дата обращения: 13.07.2016).

СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / изд. подг. Е. А. Костюхин. М.: Индрик, 1999. 624 с.

СОГ – *Словарь* орловских говоров / ред. Т. В. Бахвалова. Ярославль; Орел: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского; ОГПУ, 1989–. Вып. 1–.

СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Т. 1–6.

СРГКПО – *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа* / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГНП – *Словарь русских говоров Низовой Печоры* / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: СПбГУ, 2003–2005. Т. 1–2.

СРГС – *Словарь русских говоров Сибири* / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.

СРГСУ – *Словарь русских говоров Среднего Урала* / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Ср.-урал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987. Т. 1–7.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СРСГСП – *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья* / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1993. Ч. 1–3.

ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка* / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965. Т. 1–17.

ТС – *Тураўскі слоўнік* / склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982. Т. 1–5.

Фрагменты пинежской свадьбы (публ. А. А. Ивановой и В. Л. Кляуса) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 165–168.

ФСПГ – *Фразеологический словарь пермских говоров* / сост. К. Н. Прокошева. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.

Эпизоды чухломской свадьбы (публ. А. В. Кулагиной) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 173–174.

Эротический фольклор вятской свадьбы (публ. Т. Г. Гуржий) // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 157–164.

ЭССТСП – *Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 359 с.

ЯОС – *Ярославский областной словарь* / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. Вып. 1–10.

Список литературы

Березович Е. Л. Садиться не в свои сани: этнолингвистический комментарий к фразеологизму // *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С. М. Толстой* / ред. А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович. М.: Индрик, 2013. С. 169–178.

Варбот Ж. Ж. К этимологии праслав. *město // *Словенска етимологија данас: зб. симпозијума одржаног од 5. до 10. септембра 2006. године* /

ур. А. Лома. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 57–65.

Варганова В. Сексуальное в свадебном обряде // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 149–156.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.

Кулагина А. В. Русская эротическая частушка // *Эрос и порнография в русской культуре* / под ред. М. Левитта и А. Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1999. С. 94–162.

Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // *Этнические стереотипы мужского и женского поведения* / ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон. СПб.: Наука, 1991. С. 210–234.

Логинов К. К. Элементы «порно» в народной культуре русских Карелии // *Эрос и порнография в русской культуре* / под ред. М. Левитта и А. Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1999. С. 163–190.

Милорадович В. Деревенская оргия (картинка сельской свадьбы) // *Живая старина*. 1894. № 12. С. 488–491.

Миненок Е. Народные песни эротического содержания // *Русский эротический фольклор* / сост., науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 21–31.

Мороз А. Б. Про блины, зятя и тещу // *Живая старина*. 2016. № 2 (90). С. 13–17.

Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985. 448 с.

Теуш О. А. Семантическое развитие как результат языкового взаимодействия (на материале севернорусской лексики). Рукопись.

Топоров В. Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого (1923–1996)* / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 12–106.

Krawczyk-Gyrpa A. Tabu w dialektach polskich. Bydgoszcz: Akad. Wydgoska, 2001. 345 s.

References

Berezovich E. L. Sadiť'sya ne v svoi sani: etnolingvističeskij kommentarij k frazeologizmu [“Sadiť'sya ne v svoi sani”: the ethnolinguistic comment to the phraseological unit]. *Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira* [Slavica Svetlanica. The language and the world picture]. Ed. by A. V. Gura, O. V. Belova, E. L. Berezovich. Moscow, Indrik Publ., 2013. P. 169–178.

Varbot Zh. Zh. K etimologii praslav. *město [To the etymology of proto-Slavic *město]. *Slovenska etimologija danas. Zbornik simpozijuma održanog od 5. do 10. septembra 2006 godine* [Slavic etymo-

logy today. Proceedings of the Symposium, September 5–10, 2006]. Ed. by A. Loma. Belgrade, Institute for the Serbian Language of the Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 2007. P. 57–65.

Varganova V. Seksual'noe v svadebnom obryade [The sexual in a wedding ceremony]. *Russkij eroticheskij fol'klor* [Russian erotic folklore]. Ed. by A. L. Toporkov. Moscow, Lodomir Publ., 1995. P. 149–156.

Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbols]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 p.

Kulagina A. V. Russkaya eroticheskaya chashtushka [Russian erotic ditty]. *Eros i pornografiya v russkoj kul'ture* [Eros and Pornography in Russian Culture]. Ed. by M. Levitt, A. L. Toporkov. Moscow, Lodomir Publ., 1999. P. 94–162.

Levinton G. A. Muzhskoj i zhenskij tekst v svadebnom obryade (svad'ba kak dialog) [The male and female text in a wedding ceremony (wedding as a dialogue)]. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic stereotypes of male and female behavior]. Ed. by A. K. Bajburin, I. S. Kon. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. P. 210–234.

Loginov K. K. Elementy "porno" v narodnoj kul'ture russkikh Karelii ["Porn" elements in the folk culture of Russians in Karelia]. *Eros i pornografiya v russkoj kul'ture* [Eros and Pornography in Russian Culture]. Ed. by M. Levitt, A. L. Toporkov. Moscow, Lodomir Publ., 1999. P. 163–190.

Miloradovich V. Derevenskaya orgiya (kartinka sel'skoj svad'by) [The rural orgy (the picture of a rural wedding)]. *Zhivaya starina* [Living olden times]. 1894. Iss. 12. P. 488–491.

Minenok E. Narodnye pesni eroticheskogo soderzhaniya [Erotic folk songs]. *Russkij eroticheskij fol'klor* [Russian erotic folklore]. Ed. by A. L. Toporkov. Moscow, Lodomir Publ., 1995. P. 21–31.

Moroz A. B. Pro bliny, zyatya i teshhu [About pancakes, son-in-law and mother-in-law]. *Zhivaya starina* [Living olden times]. 2016. Iss. 2 (90). P. 13–17.

Nikol'skij N. M. *Istoriya russkoj cerkvi* [History of the Russian Church]. 3rd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 448 p.

Teush O. A. *Semanticheskoe razvitie kak rezul'tat yazykovogo vzaimodejstviya (na materiale severnorusskoj leksiki)*. Rukopis' [Semantic development as a result of the language interaction (a case study of the Northern Russian vocabulary)]. Manuscript].

Toporov V. N. O ponyatii mesta, ego vnutrennikh svyazyakh, ego kontekste (znachenie, smysl, etimologiya) [On the concept of "space", its internal links, its context (importance, meaning, etymology)]. *Yazyk kul'tury: Semantika i grammatika* [The Language of Culture: Semantics and Grammar]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2004. P. 12–106.

Krawczyk-Tyrpa A. *Tabu w dialektach polskich* [Taboo in Polish dialects]. Bydgoszcz, Akad. Bydgoska Publ., 2001. 345 p.

NEVESTA BEZ MESTA, ZHENIKH BEZ UMA: ON SEVERAL MEANINGS OF ONE PROVERB

Olesya D. Surikova

**Editor in the Toponymic Laboratory of the Department
of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University**

Researcher

Russian State Vocational Pedagogical University

The article considers the meaning of the well-known proverb *Nevesta bez mesta, zhenikh bez uma* and in particular of the polysemantic word *mesto* used in it. Taking into account the matrimonial nature of the proverb, the author examines it in the context of the wedding rite and comes to the conclusion that the proverb is based on the non-distinction of several meanings of the lexeme *mesto*, which are as follows: 'seat place of honor at the wedding', 'marriage portion', 'nuptial bed', and 'vagina'. Depending on the actualized meaning of the word, the bride's unsuitability for the wedding can be explained both in the most innocent and scabrous sense: bride deprived of her proper place at the wedding table; bride without marriage portion; bride incapable of sexual life or dishonest. To confirm the hypothesis, the author analyzes the Russian dialect, colloquial and slang vocabulary, some lexical facts in other Slavic languages as well as folklore texts (proverbs, riddles, ditties, songs, love charms, tales) in which the word *mesto* is an euphemism and calls the female genital organs. The meanings of a number of "dark" words (*maloye mesto*) and proverbs (*Dobivay shilo v cheren! Osazhivay obruchi do mesta!*) are reconstructed.

Key words: Russian dialect lexicology; folklore; ethnolinguistics; semantic-motivational reconstruction; theory of polysemy; wedding rite.

УДК 81'27 (581)

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-49-57

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ван Минь**аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. wmrussia@163.com

доцент кафедры русского языка**Шаньдунский женский институт**

250300, Китай, г. Цзинань, Университетский просп., 2399

Статья посвящена процессу развития гендерных исследований в китайской лингвистике, которые были начаты в конце 70-х – начале 80-х гг. Автором выделено два органически связанных периода развития исследований в китайской лингвистике в этом направлении: на первом этапе ученые в основном знакомились с работами по гендеру коллег из Европы и Америки; на втором этапе они приступили к изучению своих языковых материалов в аспекте гендера. Описываются основные проблемы, рассматриваемые китайскими лингвистами с позиций гендерного подхода. Дается обзор главных тем, связанных с гендерными исследованиями, например, изучение языковых и речевых различий у мужчин и женщин на уровне фонетики, лексики и стратегии в речевом поведении, исследование гендерной асимметрии и дискриминации в китайском языке в плане словообразования, порядка слов и обращений.

Ключевые слова: гендерные исследования; китайская лингвистика; различие; асимметрия; дискриминация.

Гендерные исследования в научном мире бурно развиваются с 60-х гг. XX в. [Кирилина 1999; Пермякова, Гаранович 2009; 周民权 (Чжой Миньцюань) 2014]. В Китае гендерные исследования начинаются только в конце 70-х – начале 80-х гг. [赵学德 (Чжао Сюедэ) 2008; 姚春林 (Яо Чуньлин) 2009; 黄千 (Хуан Цянь) 2011]. Внимание отечественных ученых к гендерной проблематике связывается с наступившей открытостью китайского общества после политики реформ и открытости. С одной стороны, для китайских лингвистов появилась возможность обмена информацией с зарубежными учеными, а с другой – бурное развитие феминизма в Америке также не могло не оказать влияние на китайское общество. Поэтому с 80-х гг. в Китае начинается системное исследование гендерной проблематики.

Интерес к проблемам этого направления в Китае можно разделить на два периода: на первом этапе китайские лингвисты в основном знакомились с тематикой и результатами изучения гендера лингвистами Европы и Америки; на втором – началось изучение своих языковых материалов в аспекте гендера. Правда, надо заметить,

что эти два периода не были строго отделены друг от друга, а были взаимосвязаны. С одной стороны, ученые изучают зарубежные теории и методы гендерных исследований, с другой – центр их внимания переносится на материалы китайского языка. Китайские лингвисты достигли определенных успехов в гендерном исследовании, но очевидно, что есть проблемы, требующие изучения. Эта статья посвящена обзору гендерных исследований в Китае, и представлено основное содержание гендерных исследований в течение названных периодов их развития в китайской лингвистике.

Гендерные исследования начинаются в Китае с ознакомления с зарубежными работами о гендере. В это время внимание исследователей сосредоточено главным образом на переводе зарубежных работ и на сопоставлении иностранных языков с китайским в аспекте гендера. Так, например, в 1979 г. в журнале «Иностранный язык» Ван Вэньчжан опубликовал статью «Chairman или Chairperson – феминистское движение и языковая реформа в Америке» – это была первая статья о зарубежных гендерных исследова-

дованиях [姚春林 (Яо Чуньлинь) 2009]. Тань Чжиьмин, Сяо Сяоцюань (1990) и Чжоу Шаодай (1992) перевели работу P. Trudgill «Sociolinguistics. An introduction to language and society»; Чжоу Хуни Чжу Ваньцзинь сделали перевод работы D. Tannen «You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation»; Дин Шиньшань познакомил с работой R. Hudson «Социолингвистика». Кроме вышеназванных, следует упомянуть ещё ряд работ о феминизме, также переведенных в Китае: Сан Чжуин, Нань Шань перевели часть произведения Симона де Бовуар «Второй пол» [桑竹影 (Сан Чжуин), 南珊 (Нань Шань) 1986]; работа Бетти Фридан «Тайна женственности» была переведена Чэн Шилинь, Чжу Хуэй [程锡麟 (Чэн Силинь), 朱徽 (Чжу Хуэй) 1988].

Следующий этап развития гендерной теории в Китае знаменуется активной публикацией работ о языковых различиях и асимметриях, касающихся мужчин и женщин в китайском и других языках, например, в английском, русском, японском и т. д. Большинство статей о гендерной дискриминации и гендерной асимметрии были выполнены на материале английского языка. По статистике авторитетного научного сайта Чживан в период с 2001 по 2016 г. было опубликовано 1309 статей с ключевым словом «гендерные исследования в английском языке», в то время как с ключевым словом «гендерные исследования в японском языке» – 64 статьи, а гендерных исследований в русском языке – всего 48 статей. Главное содержание этих исследований заключается в следующем:

– обобщение гендерных исследований в конкретном языке (английском, японском, русском и т. д.);

– анализ материалов о гендерных различиях, асимметриях или дискриминациях в конкретном языке;

– сопоставление гендерных различий, асимметрий или дискриминаций в китайском и другом конкретном языке.

В последние годы Ши Гэншань, Чжан Шанлянь Ван Лецин опубликовали ряд статей о гендерной лингвистике в Китае. В статье Ши Гэншань и Чжан Шанлянь «Общее об исследовании гендерной асимметрии в китайской лингвистике» описаны теоретические основания гендерной теории и гендерной стратегии в речевом поведении, проанализировано понятие гендерной дискриминации в языке, а также даны примеры гендерной асимметрии [史耕山 (Ши Гэншань), 张尚莲 (Чжан Шанлянь) 2006]. Ван Лецин в статьях «О состоянии и перспективе исследования гендерной лингвистики» и «О тенденции

исследования гендерной лингвистики в мире 21 века» рассматривает состояние гендерных исследований, включая основное содержание, направление исследований, главные школы и их установки [王烈琴 (Ван Лецин) 2003, 2009]. Если говорить о гендерных исследованиях применительно к русскому языку, то прежде всего надо упомянуть ученого Чжоу Миньчуань. В последние годы он все внимание и силы отдал гендерному исследованию в китайском и русском языках. С одной стороны, он описал гендерные исследования в России: историю их развития и философские основания [周民权 (Чжоу Миньчуань) 2010, 2011, 2012, 2014]; с другой стороны, провёл сопоставление между китайским и русским типами извинения, комплимента, обращения, отказа и т. д. в гендерном аспекте [周民权 (Чжоу Миньчуань) 2013; 陈春红 (Чэн Чуньхун), 周民权 (Чжоу Миньчуань) 2014; 刘星 (Лю Син), 周民权 (Чжоу Миньчуань) 2016].

Именно эти работы послужили началом теории гендера и гендерных исследований в Китае. Они дают возможность познакомиться китайских лингвистов с методами изучения гендера и проведения гендерных исследований в других иностранных языках и способствуют развитию гендерных исследований в китайской лингвистике.

Выделяют следующие основные направления исследований в китайской лингвистике:

1. Гендерное различие в китайском языке

В основном оно выражается в следующих аспектах:

1.1. Звуковые различия

Особенности в произношении возникают с помощью вибрации голосового органа. Из-за физических различий у мужчин и женщин их голоса имеют разный тембр. В то же время социальная культура и социальная психология тоже оказывают влияние на особенности произношения [赵学德 (Чжао Сюедэ) 2008]. К сожалению, в настоящее время эта область гендерной теории недостаточно изучена. Китайские исследования гендерной специфики звуковых различий сосредоточены в основном на явлении Нюй Гуо Инь. Нюй Гуо Инь – это особая фонетика у девушек в возрасте 15–30 лет в пекинском диалекте. Этот альтернант отличается от произносительной нормы, характерной для населения Китая, и существует только среди грамотных девушек. Особенность такого альтернанта состоит в том, что больше слышны переднезубные согласные. По мнению Ху Миняна, такое явление возникло не из-за физических особенностей, а по социопсихологической причине, ср. хотя бы бытующее в обществе мнение о том, что девушки, имеющие

голос с высоким (тонким, звонким) тоном, считаются нежными и красивыми [胡明扬 (Ху Миньян) 1987].

1.2. Лексика

Гендерные исследования лексики – одно из главных направлений в китайской лингвистике. В отличие от русского языка, в котором существует грамматическая категория рода, в китайском языке слово само по себе не имеет грамматической категории рода, но китайский иероглиф – это пиктографическое письмо. В этом направлении ученые изучают обычно три типа лексики:

– во-первых, иероглифы с ключом 女 (женщина), например, 奴, 妓 и т. д. С одной стороны, такие лексические единицы отражают женские характеры, а с другой – выражают неуважение к женщине;

– во-вторых, иероглифы без ключа 女 (женщина). С их помощью в контексте слова или словосочетания выявляется гендерное значение как дополнительное, как особый когнитивный оттенок. Например, имя существительное 凤 (фэн – самец феникса) 凰 (хуан – самка феникса), 祸水 (хо шуй – губительная вода, обычно означает беду, вызываемую женщинами); имя прилагательное 水性杨花 (шуй син ян хуа – прямое значение ‘текучая вода’ и ‘цветы ивы’, переносное значение ‘легкомысленная женщина’), 闭月羞花 (би юе сю хуа – прямое значение ‘затмить луну и посрамить цветы’, переносное значение ‘похвалить красоту женщин’) и т. д.

– в-третьих, в китайском языке материалом исследования служат слова, различающие пол. Ву Вэйминь в кандидатской диссертации «Исследование слов, различающих пол в китайском языке», рассматривая такие слова, как 男女 (нань и нью – мужчина и женщина), 雌雄 (цы и сюн – женский и мужской), 公母 (гун и му – самец и самка), делает анализ развития семантического поля этих слов и указывает симметрию, асимметрию и отсутствие некоторых слов, различающих пол [吴为民 (Ву Вэйминь) 2011].

1.3. Стратегия в речевом поведении

Стратегия в речевом поведении является популярным направлением исследования гендера. Мужчины и женщины используют разные стратегии и тактики с целью достижения успеха в коммуникации. Эта тема тоже интересует китайских лингвистов. Например, исследовательница Пан Сяоянь на основе теории вежливости П. Браун и С. Левинсон (P. Brown & S. Levinson) проводила эксперимент с целью исследования разных стратегий извинения у мужчин и женщин. В результате Пан Сяоянь получила следующие результаты: 1) женщины чаще извиняются,

чем мужчины; 2) женщины чаще выбирают прямую стратегию извинения; 3) женщины чаще используют наречие степени 真 (чжэнь – очень), 十分 (ши фэнь – очень) во время извинения [潘小燕 (Пан Сяоянь) 2004]. Речевое поведение – это сложный процесс мозгового движения. Оно реализуется в конкретных видах и стратегиях в зависимости от темы, обстановки, ролевых отношений коммуникантов, их социального статуса и т. д. Гендер является одним из факторов, оказывающих влияние на речевое поведение, но не единственным. Дуань Чжэнган, используя модель эксперимента Д. Брауэр (D. Brouwer 1982), анализировал использование вежливой речи покупателей и продавцов в железнодорожных кассах. Автор пришел к таким выводам: 1) гендер покупателей не является одним из важных факторов, оказывающим влияние на использование ими (покупателями) вежливой речи; 2) возраст покупателей служит важным фактором, оказывающим влияние на использование ими вежливой речи, и 3) гендерные характеристики и возраст продавцов являются важными факторами для использования ими (продавцами) вежливой речи [段成钢 (Дуань Чжэнган) 2008].

2. Гендерная дискриминация в китайском языке

Вопрос о языковой дискриминации традиционно является важным аспектом в гендерных исследованиях. В китайском языке гендерная дискриминация реализуется в словообразовании, в асимметрии способов выражения обращения в языке женщин и мужчин, в порядке слов в словосочетаниях.

2.1. Словообразование

В китайском языке существует ряд слов с ключом 女 (женщина), которые имеют следующие значения: 1) предосудительное, противоречащее нормам морали нравственное поведение или отрицательные черты характера лиц обоего пола, например: 嫉妒 цзи ду – ‘завидовать, ревновать’; 奸 цзян – ‘коварный, вероломный, предатель’; 婪 лань – ‘алчный, жадный’; 媚 мэй – ‘льстить, угождать, заискивать’; 妨 фан – ‘причинять вред, препятствовать’; 妄 ван – ‘абсурдный, опрометчивый, необдуманный, неразумный’; 妖 яо – ‘зловещий, бесовской, вредный’; 2) предосудительная внебрачная связь между мужчиной и женщиной, например: 奸 цзян – ‘развратничать, прелюбодействовать’; 嫖 пiao – ‘распутничать, развратничать, ходить по публичным домам’; 娼 чжан – ‘певичка, проститутка, публичная женщина’; 姘 пинь – ‘иметь или вступать в незаконную связь, состоять в тайной

половой связи'; 妓 цзи – 'проститутка'; 婊 бяо – 'проститутка'. Посредством такого способа словообразования в языке фиксируется уничижительное отношение к женщине, дается указание на ее низкое социальное положение. Это традиционное для китайской культуры явление берет истоки в конфуцианстве. По мнению конфуцианских проповедников, женщина предстает как символ зла, коварства, злопамятства и легкомыслия. Женщину в конфуцианстве очень часто сопровождает именно отрицательная оценка. Отсюда понятно, почему уничижительное отношение к женщине на века закрепилось в национальном самосознании китайцев и нашло отражение в китайской письменности.

2.2. Асимметрия между «женским» и «мужским» типами

В Китае сложилась сложная система обращения, основанная на патриархате и распространяющаяся на бытовые и социальные отношения. Китайский русист Чжоу Миньчуань в статье «Анализ различия обращения в китайском и русском языках» перечисляет четыре явных различия обращений: использование слова 老 (старый); использование административной должности; использование профессии или ученого звания; обращение с позиции мужа или сына [周民权 (Чжоу Миньчуань) 2013]. В этой статье автор описывает разницу обращений в России и Китае с позиции кросскультурной коммуникации, где присутствует асимметрия обращения женского и мужского пола и дискриминация женщин. Например, в китайском языке, кроме конструкции «老 (лао – 'старый') или 小 (сяо – 'молодой') + фамилия», ещё существует конструкция «аффикс 老 + существительное», например, 老爷们儿 (лао е мэнъер – 'мужчина, мужик'), 老娘们儿 (лао нян мэнъер – 'женщина, баба'). Обращение 老爷们儿 часто ассоциируется с сильным, ответственным, мужественным мужчиной, которого надо почитать, а обращение 老娘们 означает уничижительное отношение к женщине, часто ассоциируется с невежественной или поверхностной женщиной. При обращении к должностному лицу в Китае принято сочетать фамилию с должностью, или профессией, или ученым званием, например, 李主任 (Ли Чжу Жэнь – 'заведующий Ли'), 王医生 (Ван И Шэн – 'врач Ван'), 孙博士 (Сунь Бо Ши – 'доктор или кандидат Сунь'), 赵教授 (Чжао Цзяо Шоу – 'профессор Чжао'). В неофициальной ситуации эти обращения не имеют явного указания на пол, но в официальной ситуации, если обращаются к женщине, принадлежность к полу необходимо дополнительно подчеркивать. Для этого в китай-

ском языке существуют специальные средства, например, словосочетания 女市长 (Нюй Ши Чжан – 'женщина-мэр'), 女强人 (Нюй Цян Жэнь – 'успешная женщина'), 女博士 (Нюй Бо Ши – 'доктор-женщина' или 'кандидат-женщина'). Такие обращения имеют отрицательный оттенок, отражающий пренебрежительное отношение китайцев к образованной женщине. Например, в последнее время появилось много докторов-женщин и кандидатов-женщин, и как реакция на это в бытовом общении сформировалось выражение: «в мире существует три рода человека: мужчина, женщина и женский доктор или кандидат».

В обращениях в кругу семьи тоже есть асимметрия. В китайском языке родственники по линии отца и матери имеют четкое неравенство. Русские обращения «бабушка» и «дедушка», употребляющиеся всегда одинаково независимо от отцовской или материнской линии родства, в китайском языке четко разделяются: бабушка – это либо 奶奶 (най най – 'мать отца'), либо 外婆 (вай по – 'мать матери'), а дедушка – либо 爷爷 (е е – 'отец отца'), либо 外公 (вай гун – 'отец матери'). При этом в обращениях 外婆 (вай по – 'мать матери') и 外公 (вай гун – 'отец матери') существует иероглиф 外, имеющий значение 'чужой, посторонний'.

К братьям отца можно обращаться так: 伯伯 (бо бо – 'старший брат отца') и 叔叔 (шу шу – 'младший брат отца'). Если перепутаешь, то это рассматривается как неуважение к ним. А для сестер отца есть только одно обращение 姑姑 (гу гу – 'сестра отца'). Для братьев и сестер матери также не надо различать старший или младший, просто называть соответственно 舅舅 (цзю цзю – 'брат матери') и 姨妈 (и ма – 'сестра матери'). Китайцы считают, что после замужества родственники, даже родные женщины, уже стали посторонними, важны только родные и родственники мужчины, особенно мужские родные и родственники, например братья мужа.

2.3. Порядок слов в словосочетаниях

В русском языке порядок слов в предложении свободный, а в китайском языке очень строгий. Разный порядок слов выражает совсем разное значение в китайском языке. Например, в обоих предложениях «我爱你» и «你爱我» только три иероглифа: 我 (во – 'я, тебе, тебя'), 你 (ни – 'ты, тебе, тебя'), 爱 (ай – 'любить'), но значения совсем разные: «я тебя люблю» и «ты меня любишь».

В китайском языке порядок слов важен не только для предложения, но и для словосочета-

ния. Так, например, в словосочетаниях, где есть указание на пол, слова, относящиеся к мужчине, всегда стоят прежде, чем слова, относящиеся к женщине. Например, **男女** (нань нюй – ‘мужчина и женщина’), **夫妇** (фу фу – ‘супруг и супруга’), **夫妻** (фу ци – ‘муж и жена’), **父母** (фу му – ‘отец и мать’), **公婆** (гун по – ‘свёкор и свекровь’), **兄妹** (сюн мэи – ‘брат и сестра’), **夫唱妇随** (фу чан фу суй – ‘муж запекает, жена подпевает’), **男耕女织** (нань гэн нюй чжи – ‘мужчины пахут, а женщины ткут’), **男盗女娼** (нань дао нюй чжан – ‘мужчины воруют, женщины занимаются проституцией’), **男婚女嫁** (нань хунь нюй цзя – ‘мужчины женятся, женщины выходят замуж’), **男尊女卑** (нан цзунь нюй бэй – ‘уважение к мужчине и презрение к женщине’). Такой порядок – сначала мужской пол потом женский пол – выражает превосходство мужчины над женщиной. Этот вопрос освещают многие ученые в своих статьях (см., например: [赵学德 (Чжао Сюедэ) 2008; 姚春林 (Яо Чуньлин) 2009]).

Завершая анализ состояния гендерных исследований в китайской лингвистике и некоторых особенностей выражения гендерных различий в китайском языке, подчеркнем следующее:

1. В китайском языке гендерные исследования сосредоточены на исследовании языкового различия у мужчин и женщин и на дискриминации женщин. Но другие темы тоже интересуют ученых, например, гендерный фактор в учебном процессе [张萍 (Чжан Пин) 2002; 韩亚文 (Хан Явэнь) 2004], гендерное исследование в языках национального меньшинства и диалектах [丁爱侠 (Дин Айся) 2012; 沈海英 (Шэнь Хайин), 沈海梅 (Шэнь Хаймэй) 2013].

2. Для разных исследований нужны соответствующие им разные научные методы. Гендерные исследования – синтетическая тематика, объединяющая лингвистику, социологию, психологию и т. д., так что следует использовать синтез традиционных для лингвистики, социолингвистики и психолингвистики методов исследования. Мы заметили, что в китайской лингвистике гендерные исследования сосредоточены в основном на методе семантического анализа, особенно в направлении анализа гендерных различий и дискриминаций. В исследованиях гендерных различий в речевом поведении ученые предпочитают применять практические методы, например, анкетирование, эксперименты и статистический анализ [潘小燕 (Пан Сяоянь) 2004; 段成钢 Дуань Чжэнган 2008].

3. Работ и диссертаций о гендерных исследованиях в Китае пока немного [白解红 (Бай

Сэхун) 2000; 赵蓉晖 (Чжао Жунхуэй) 2003; 周民权 (Чжоу Миньчуань) 2014]. Сегодня перед китайскими лингвистами стоят серьезные задачи по созданию и развитию своей, китайской, теории гендера, расширению направления гендерных исследований, воспитанию своих квалифицированных ученых разного ранга – от докторов до аспирантов и студентов в разных областях.

Список литературы

Бай Сэхун. Гендерный язык и культура в аспекте прагматики. Чанша: Изд-во «Хунаньское образование», 2000. 224 с. // 白解红. 性别语言文化与语用研究. 长沙: 湖南教育出版社. 2000. 224 p. (Bai Xiehong. Xing bie yu yan wen hua yu yu yong yan jiu. Changsha: Hunan jiao yu chu ban she. 2000. 224 p.).

Фридан Б. Тайна женственности / пер. Чэн Шилинь, Чжу Хуэй. Город Чэн Ду: Сычуаньское народное изд-во, 1988. 499 с. 弗里丹·贝蒂. 女性的奥秘. 陈锡麟, 朱徽(译). 成都: 四川人民出版社. 1988. 499 p. (Fulidan Beidi. Nv xing de ao mi. Chen Xilin, Zhu Hui(yi). Chengdu: Sichuan ren min chu ban she. 1988. 499 p.).

Ву Вэйминь. Исследование слов, различающих пол, в китайском языке: дис. ... канд. филол. наук. Чунцин, 2011. 188 с. // 吴为民. 汉语性别词研究. 汉语言文字学博士论文. 重庆. 2011. 188 p. (Wu Weimin. Han yu xing bie ci yan jiu. Bo shi lun wen. Chong qing. 2011. 188 p.).

Дин Айся. Речевое различие в диалекте Ганюй в аспекте гендер // Современный китайский язык. 2012. № 9. С. 27–28. // 丁爱侠. 江苏赣榆方言词汇的性别差异. 现代语文. 2012(9). P. 27–28. (Ding Aixia. Jiang su gan yu fang yan ci hui de xing bie cha yi. Xian dai yu wen. 2012(9). P. 27–28).

Дуань Чжэнган. Исследование вежливой речи в китайском языке в аспекте гендера и возраста // Речевое обучение и исследование. 2008. № 3. С. 57–63. // 段成钢. 汉语礼貌语言使用的性别与年龄差异研究. 语言教学与研究. 2008(3). P. 57–63. (Duan Chenggang. Han yu li mao yu yan shi yong de xing bie yu nian ling cha yi yan jiu. Yu yan jiao xue yu yan jiu. 2008(3). P. 57–63).

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 155 с.

Ли Юеэ. Рецензия на книгу «Женщина, мужчина и вежливость» // Современная лингвистика. 2001. № 1. С. 56–65. // 李悦娥. 《女性、男性与礼貌》简介 // 当代语言学. 2001(1). P. 56–65. (Li Yue'e «Nv xing, nan xing yu li mao» jian jie // Dang dai yu yan xue. 2001(1). P. 56–65).

Лю Син, Чжоу Миньчуань. Прагматическое сопоставление речевого поведения отказа в аспекте гендера // Русский язык в Китае. 2016. № 2. С. 32–37. // 刘星, 周民权. 俄汉拒绝言语行为的语用对比研究. 中国俄语教学. 2016(2). P. 32–37. (Liu Xing, Zhou Minquan. E han ju jue yan yu xing wei de yu yong dui bi yan jiu. Zhongguoyeuyjiaoxue. 2016(2). P. 32–37).

Пан Сяоянь. Исследование гендерного различия в речевом поведении извинения в китайском языке // Вестник Юго-западного университета Цзяо Тун. 2004. № 1. С. 89–92. // 潘小燕. 汉语道歉言语行为的性别差异研究. 西南交通大学学报. 2004(1). P. 89–92. (Pan Xiaoyan. Han yu dao qian yan yu xing wei de xing bie cha yi yan jiu. Xi nan jiao tong da xue xue bao. 2004(1). P. 89–92).

Пермякова О. В., Гаранович М. В. Гендерная стилистика / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 159 с.

Симона де Бовуар. Второй пол / пер. с фр. Сан Чжуин, Нань Шань. Город Чанша: Хунаньское издательство культуры и искусства, 1986. 524 с. // 西蒙娜·德·波伏娃. 第二性. 桑竹影, 南珊(译). 长沙: 湖南文艺出版社. 1986. 524 p. (Simone de Beauvoir. Second sex. Sang Zhuying, Nan Shan(yi). Chang Sha: Hu nan wen yi chu ban she. 1986. 524 p.).

Хан Явэнь. Различия на процессе освоения языка в аспекте гендера // Вестник Нанькинского индустриального университета. 2004. № 4. С. 101–104. // 韩亚文. 语言习得中的性别差异探析. 南京工业大学学报. 2004(1). P. 101–104. (Han Yawen. Yu yan xi de zhong de xing bie cha yi tan xi. Nan jing gong ye da xue xue bao. 2004(1). P. 101–104).

Ху Миньян. Исследование «Нюй Гуо Инь» в пекинском диалекте // Строительство филологии. 1988. № 1. С. 26–31. // 胡明扬. 北京话“女国音”调查. 语文建设. 1988(1). P. 26–31. (Hu Mingyang. Bei jing hua «Nv guo yin» diao cha. Yu wen jian she. 1988(1). P. 26–31).

Цинь Сюбай. Диахронический культурный анализ гендерной дискриминации в английском языке – рецензия на книгу «Грамматика и гендер» // Современные иностранные языки. 1996. № 2. С. 18–25. // 秦秀白. 英语中性别歧视现象的历时文化透视 – 评介 «Grammar and Gender». 现代外语. 1996(2). P. 18–25. (QinXiubai. Yingyu zhong xing bie qi shi xian xiang de li shi wen hua tou shi – ping jie «Grammar and Gender». Xiandaiwaiyu. 1996(2). P. 18–25).

Чжан Пин. Гендерное различие в стратегии освоения лексики у учащихся английскому языку // Иностранные языки и их преподавание. 2002. № 7. С. 35–37. // 张萍. 英语学习者词汇观念和策略的性别研究. 外语与外语教学. 2002(7). P. 35–37. (Zhang Ping. Ying yu xue xi zhe han yu guan

nian he ce lue de xing bie yan jiu. Wai yu yu wai yu jiao xue. 2002(7). P. 35–37).

Чжао Жунхуэй. Язык и гендер: социолингвистическое исследование устной речи. Шанхай: Изд-во «Образование иностранных языков», 2003. 318 с. // 赵蓉晖. 语言与性别: 口语的社会语言学研究. 上海: 外语教育出版社. 2003. 318 p. (Zhao Ronghui. Yu yan yu xing bie: kou yu de she hui yu yan xue yan jiu. Shang Hai: Wai yu jiao yu chu ban she. 2003. 318 p.).

Чжао Сюедэ. Общее о гендерном различии в китайском языке // Коллекция исследований о женщинах. 2008. № 6. С. 77–81. // 赵学德. 汉语的性别差异研究综述. 妇女研究论丛. 2008(6). P. 77–81 (Zhao Xuede. Han yu de xing bie cha yi yan jiu zong shu. Funvyanjiuluncong. 2008(6). P. 77–81).

Чжоу Миньчуань. Об исследовании гендерной лингвистики в России // Русский язык в Китае. 2010. № 3. С. 12–16. // 周民权. 当代俄罗斯社会性别语言学研究论略. 中国俄语教学. 2010(3). P. 12–16 (Zhou Minquan. Dang dai e luo si she hui xing bie yu yan xue yan jiu lun lue. Zhong guo e yu jiao xue. 2010(3). P. 12–16).

Чжоу Миньчуань. Об исследовании гендерной лингвистики китайских русистов // Русский язык в Китае. 2011. № 2. С. 24–28. // 周民权. 国内俄语学界社会性别语言学研究略论. 中国俄语教学. 2011(2). P. 24–28. (Zhou Minquan. Guo nei e yu xue jie she hui xing bie yu yan xue yan jiu lun. Zhongguoyeuyjiaoxue. 2011(2). P. 24–28).

Чжоу Миньчуань. Философские и методические основания гендерной лингвистики // Обучение иностранным языкам. 2011. № 4. С. 47–51. // 周民权. 社会性别语言学的哲学渊源及方法论探究. 外语教学. 2011(4). P. 47–51 (Zhou Minquan. She hui xing bie yu yan xue de zhe xue yuan yuan ji fang fa lun tan jiu. Waiyujiaoxue. 2011(4). P. 47–51).

Чжоу Миньчуань. Об исследовании гендерных стереотипов в России // Русский язык в Китае. 2012. № 4. С. 24–28. // 周民权. 俄罗斯语言学界社会性别原型研究概观. 中国俄语教学. 2012(4). P. 24–28. (Zhou Minquan. E luo si yu yan xue jie she hui xing bie yuan xing yan jiu gai guan. Zhongguoyeuyjiaoxue. 2012(4). P. 24–28).

Чжоу Миньчуань. Прагматическое сопоставление речевого поведения комплимента в аспекте гендера // Вестник Чжэцзинского института иностранных языков. 2013. № 1. С. 14–19. // 周民权. 俄汉恭维语的社会性别语用对比研究. 浙江外国语学院学报. 2013(1). P. 14–19. (Zhou Minquan. E han gong wei yu de she hui xing bie yu yong dui bi yan jiu. Zhejiangwaiguoyu xue yu an xue bao. 2013(1). P. 14–19).

Чжоу Миньчуань. Анализ различия обращения в китайском и русском языках // Русский

язык в Китае. 2013. № 4. С. 42–47. // 周民权. 汉语称呼言语行为的社会性别语用对比分析. 中国俄语教学. 2013(4). P. 42–47 (Zhou Minquan. Han e cheng hu yan yu xing wei de she hui xing bie yu yong dui bi fen xi. Zhongguoeyujiaoxue. 2013(4). P. 42–47).

Чжоу Миньчуань. Сопоставительно-прагматическое исследование русско-китайского гендерного языка. Пекин: Пекин. унив. изд-во, 2014. 285 с. // 周民权. 俄汉社会性别语言的语用对比研究. 北京:北京大学出版社. 2014. 285 p. (Zhou Minquan. E han she hui xing bie yu yan de yu yong dui bi yan jiu. Beijing: Bei jing da xue chu ban she. 2014. 285 p.).

Чжоу Миньчуань. Философские основания исследования гендерных стереотипов в России // Русский язык в Китае. 2014. № 4. С. 28–33. // 周民权. 俄罗斯学界社会性别语言定型哲学渊源研究. 中国俄语教学. 2014 (4). P. 28–33 (Zhou Minquan. E luo si xue jie she hui xing bie yu yan ding xing zhe xue yuan yuan yan jiu. Zhongguoeyujiaoxue. 2014(4). P. 28–33).

Чэн Чуньхун, Чжоу Миньчуань. Прагматическое сопоставление речевого поведения извинения в аспекте гендера // Русский язык в Китае. 2014. № 2. С. 34–38. // 陈春红, 周民权. 俄汉道歉言语行为的社会性别语用对比研究. 中国俄语教学. 2014(2). P. 34–38 (Chen Chunhong, Zhou Minquan. E han dao qian yan yu xing wei de she hui xing bie yu yong dui bi yan jiu. Zhongguoeyujiaoxue. 2014(2). P. 34–38).

Ши Гэншань, Чжан Шанлянь. Исследование гендерной асимметрии в китайской лингвистике // Обучение иностранным языкам. 2006. № 3. С. 24–27. // 史耕山, 张尚莲. 国内语言性别差异研究概述. 外语教学. 2006(3). P. 24–27. (Shi Gengshan, Zhang Shanglian. Guo nei yu yan xing bie cha yi yan jiu gai shu. Wai yu jiao xue. 2006(3). P. 24–27).

Шэнь Хайин, Шэнь Хаймэй. Речевое конструирование в аспекте гендера – на основе анализа трех национального меньшинства в провинции Юньнань // Вестник Юньнаньского национального университета. 2013. № 4. С. 37–43. // 沈海英, 沈海梅. 社会性的语言建构 – 基于云南三个少数民族社会的分析. 云南民族大学学报. 2013(4). P. 37–43. (Shen Haiying, Shen Haimei. She hui xing bie de yu yan jian gou – ji yu yun nan san ge shao shu min zu she hui de fen xi. Yunnan-minzudaxue xuebao. 2013(4). P. 37–43).

Яо Чуньлин. Об исследовании языка и гендера в Китае // Вестник Синьцзянского педагогического университета. Социология. 2009. № 3. С. 110–117. // 姚春林. 国内有关语言与性别研

究述评. 新疆师范大学学报 Journal of Xinjiang Normal University. 2009(3). P. 110–117. (Yao Chunlin. Guo nei you guan yu yan yu xing bie yan jiu shu ping. Xin jiang shi fan da xue xue bao. 2009(3). P. 110–117).

Хуан Цянь. О результате тридцатилетнего исследования гендерной лингвистики в Китае // Современный китайский язык. 2011. № 3. С. 4–8. // 黄千. 性别语言学三十年研究成果综述. 现代语文. 2011(3). P. 4–8. (Huang Qian. Xing bie yu yan xue san shi nian yan jiu cheng guo zong shu. Xian dai yu wen. 2011(3). P. 4–8).

References

Bai Xiehong. *Gendernyj yazyk i kul'tura v aspekte pragmatiki* [Gender language and culture in the aspect of pragmatics]. Changsha, Khunan'skoe obrazovanie Publ., 2000. 224 p.

Friedan B. *Tajna zhenstvennosti* [The Feminine Mystique]. Transl. by Chen Xilin, Zhu Hui. Chengdu, Sychuan'skoe narodnoe izdatel'stvo Publ., 1988. 499 p.

Wu Weimin. *Issledovanie slov, razlichayushhikh pol, v kitajskom yazyke*. Diss. kand. fil. nauk [The study of gender words in Chinese. Cand. philol. sci. diss.]. Chongqing, 2011. 188 p.

Ding Aixia. *Rechevoe razlichie v dialekte ganyuj v aspekte gendera* [Gender speech differences in Ganyu dialect]. *Sovremennyj kitajskij yazyk* [Modern Chinese]. 2012. Iss. 9. P. 27–28.

Duan Chenggang. *Issledovanie vezhljivoj rechi v kitajskom yazyke v aspekte gendera i vozrasta* [Studying gender and age aspects of the polite speech in Chinese]. *Rechevoe obuchenie i issledovanie* [Foreign language teaching and research]. 2008. Iss. 3. P. 57–63.

Kirilina A.V. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 155 p.

Li Yue'e. *Recenziya na knigu "Zhenshhina, muzhchina i vezhlivost"* [Review of the book "Woman, man and politeness"]. *Sovremennaya lingvistika* [Contemporary linguistics]. 2001. Iss. 1. P. 56–65.

Liu Xing, Zhou Minquan. *Pragmaticheskoe sopostavlenie rechevogo povedeniya otkaza v aspekte gendera* [Pragmatic comparative research on the language behavior in case of refusal in Russian and Chinese]. *Russkij yazyk v Kitae* [The Russian language in China]. 2016. Iss. 2. P. 32–37.

Pan Xiaoyan. *Issledovanie gendernogo razlichiya v rechevom povedenii izvneniya v kitajskom yazyke* [Studying gender differences in the language behavior in case of apology in Chinese]. *Vestnik Yugo-zapadnogo universiteta Czyao Tun*

[Journal of Southwest Jiaotong University]. 2004. Iss. 1. P. 89–92.

Permyakova O. V., Garanovich M. V. *Gendernaya stilistika* [Gender stylistics]. Perm, Perm State University Publ., 2009. 159 p.

Simone de Beauvoir. *Vtoroj pol* [The Second Sex]. Transl. by Sang Zhuying, Nan Shan. Chang Sha, Khunan'skoe izdatel'stvo kul'tury i iskusstva Publ., 1986. 524 p.

Han Yawen. Razlichiya v processe osvoeniya yazyka v aspekte gendera [Gender differences in language acquisition]. *Vestnik Nan'kinskogo tekhnicheskogo universiteta* [Journal of Nanjing University of Technology]. 2004. Iss. 1. P. 101–104.

Hu Mingyang. Issledovanie "Nyujo Guo In" v pekinskom dialekte [Research on «Nv guo yin» in Beijing dialect]. *Formirovanie yazyka* [Language formation]. 1988. Iss. 1. P. 26–31.

Qin Xiubai. Diakhronicheskij kul'turnyj analiz gendernoj diskriminacii v anglijskom yazyke – recenzija na knigu "Grammatika i gender" [Diachronic cultural analysis of gender discrimination in the English language – review of the monograph "Grammar and gender"]. *Sovremennye inostrannye yazyki* [Modern foreign languages]. 1996. Iss. 2. P. 18–25.

Zhang Ping. Gendernoe razlichie v strategii osvoeniya leksiki u uchashhikhsya anglijskomu yazyku [Gender differences of English language learners in the vocabulary development strategy]. *Inostrannye yazyki i ikh prepodavanie* [Foreign languages and language teaching]. 2002. Iss. 7. P. 35–37.

Zhao Ronghui. *Yazyk i gender: sociolingvisticheskoe issledovanie ustnoj rechi* [Language and gender: sociolinguistic study of speech]. Shanghai, Obuchenie inostrannym yazykam Publ., 2003. 318 p.

Zhao Xuede. Obzor issledovanij po voprosam gendernyx razlichij v kitajskom yazyke [Review of research on gender differences in Chinese]. *Kollekcija issledovanij o zhenshinakh* [Collection of studies on women]. 2008. Iss. 6. P. 77–81.

Zhou Minquan. Ob issledovanii gendernoj lingvistiki v Rossii [On research into gender linguistics in Russia]. *Russkij yazyk v Kitae* [The Russian language in China]. 2010. Iss. 3. P. 12–16.

Zhou Minquan. Ob issledovanii gendernoj lingvistikj kitajskimi rusistami [On study of gender linguistics by Chinese Russianists]. *Russkij yazyk v Kitae* [The Russian language in China]. 2011. Iss. 2. P. 24–28.

Zhou Minquan. Filosofskie i metodicheskie osnovaniya gendernoj lingvistiki [Philosophical and methodological foundations of gender linguistics]. *Obuchenie inostrannym yazykam* [Foreign Language Teaching]. 2011. Iss. 4. P. 47–51.

Zhou Minquan. Ob issledovanii gendernyx stereotipov v Rossii [On research into gender stereotypes in Russia]. *Russkij yazyk v Kitae* [The Russian language in China]. 2012. Iss. 4. P. 24–28.

Zhou Minquan. Pragmaticheskoe sopostavlenie rechevogo povedeniya komplimenta v aspekte gendera [Gender pragmatic comparative study of language behavior in case of compliment in Russian and Chinese]. *Vestnik Chzheczinskogo instituta inostrannykh yazykov* [Journal of Zhejiang International Studies University]. 2013. Iss. 1. P. 14–19.

Zhou Minquan. Analiz razlichija obrashheniya v kitajskom i russkom yazykakh [Gender comparative analysis of the vocative in Chinese and Russian]. *Russkij yazyk v Kitae* [The Russian language in China]. 2013. Iss. 4. P. 42–47.

Zhou Minquan. *Sopostavitel'no-pragmaticheskoe issledovanie rusko-kitajskogo gendernogo yazyka* [Comparative-pragmatic study of Russian-Chinese gender language]. Beijing, Peking University Publ., 2014. 285 p.

Zhou Minquan. Filosofskie osnovaniya issledovaniya gendernyx stereotipov v Rossii [Philosophical foundations for research on gender stereotypes in Russia]. *Russkij yazyk v Kitae* [The Russian language in China]. 2014. Iss. 4. P. 28–33.

Chen Chunhong, Zhou Minquan. Pragmaticheskoe sopostavlenie rechevogo povedeniya izviveniya v aspekte gendera [Gender pragmatic comparative study of language behavior in case of apology in Russian and Chinese]. *Russkij yazyk v Kitae* [The Russian language in China]. 2014. Iss. 2. P. 34–38.

Shi Gengshan, Zhang Shanglian. Issledovanie gendernoj asimmetrii v kitajskoj lingvistike [Research on gender asymmetry in Chinese linguistics]. *Obuchenie inostrannym yazykam* [Foreign Language Teaching]. 2006. Iss. 3. P. 24–27.

Shen Haiying, Shen Haimei. Rechevoe konstruirovanie v aspekte gendera – na osnove analiza trekh nacional'nykh men'shinstv v provincii Yun'nan' [Speech construction in terms of gender (a case study of three Yunnan national minorities)]. *Vestnik Yun'nan'skogo nacional'nogo universiteta* [Journal of Yunnan Nationalities University]. 2013. Iss. 4. P. 37–43.

Yao Chunlin. Ob issledovanii yazyka i gendera v Kitae [On research into language and gender in China]. *Vestnik Sin'czyanskogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Xinjiang Normal University]. 2009. Iss. 3. P. 110–117.

Huang Qian. O rezul'tate tridcatiletnego issledovaniya gendernoj lingvistiki v Kitae [On the result of three decades of research on gender linguistics in China]. *Sovremennij kitajskij yazyk* [Modern Chinese]. 2011. Iss. 3. P. 4–8.

GENDER STUDIES IN CHINESE LINGUISTICS

Wang Min

**Postgraduate Student in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University**

**Associate Professor in the Department of Russian Language
Shandong Women's University**

The article discusses the development of gender studies in Chinese linguistics. In China gender research started in the late 1970s – early 80s. The article shows two interconnected periods of the development of the research in Chinese linguistics: at the first stage, Chinese linguists got acquainted with works on gender by European and American linguistics; at the second stage, they began studying Chinese language sources from a gender perspective. The article covers the main issues studied by Chinese linguists in the field of gender. It provides an overview of the main subject matters related to gender studies, such as analysis of speech and language differences between men and women at the levels of phonetics, vocabulary and strategies in verbal behavior, analysis of gender asymmetry and discrimination in word formation, word order and vocatives in the Chinese language.

Key words: gender research; Chinese linguistics; difference; asymmetry; discrimination.

УДК 808.03.111=161.1

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-58-65

ВОЗМОЖНОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *DISRESPECT* В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

Алексей Генриевич Минченков

д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков

для физического и химического факультетов

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. alexey.minchenkov@gmail.com

Александра Александровна Горелова

старший преподаватель кафедры иностранных языков

для физического и химического факультетов

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. alexandra-gorelova@rambler.ru

Цель статьи – описать средства, репрезентирующие концепт *DISRESPECT*, выявить, какие субконцепты актуализируют эти средства, а также определить комбинаторику актуализируемых субконцептов. Материалом для исследования послужили художественные произведения авторов, чей язык отражает состояние английского языка в период с середины до конца XIX в. Установлено, что анализируемый концепт имеет разнообразные средства репрезентации в тексте, относящиеся к различным частям речи, большинство из которых составляют прилагательные и причастия в функции определения. Среди существительных, актуализирующих концепт *DISRESPECT*, особую группу составляют инвективные единицы. Кроме того, концепт *DISRESPECT* могут актуализировать словосочетания и иллокутивные частицы. Особую группу средств репрезентации концепта *DISRESPECT* образуют лексические единицы различной частеречной принадлежности, которые актуализируют его только в конкретном когнитивном контексте. Выявлена важная типологическая особенность анализируемого концепта: он представляет собой векторный концепт-схему, репрезентирующий два типа ситуаций – проявление *DISRESPECT* и реакцию на *DISRESPECT*.

Векторный тип концепта нередко влияет на комбинаторику субконцептов. При проявлении *DISRESPECT* актуализируемые субконцепты чаще принадлежат к области *BEHAVIOUR*, хотя встречаются ситуации, когда один субконцепт относится к области *BEHAVIOUR*, а другой – к области *FEELING*. В ситуациях, обозначенных как реакция на *DISRESPECT*, обычно одновременно актуализируются субконцепты из двух разных когнитивных областей.

Ключевые слова: концепт; векторный концепт; концепт *DISRESPECT*; субконцепт; когнитивная область; когнитивный контекст.

Цель данной статьи – описать средства, репрезентирующие концепт *DISRESPECT*, на материале англоязычных художественных текстов определить, какие субконцепты актуализируют эти средства в том или ином контексте, и выявить комбинаторику актуализируемых субконцептов.

На первом этапе исследования был выделен ряд характеристик концепта *DISRESPECT*, являющегося ценностным, эмотивным и ключевым для концептосферы английского языка. Кроме того, были намечены основные направления ис-

следования и проведен лексикографический анализ указанного концепта, который показал наличие в структуре *DISRESPECT* целого ряда субконцептов, в частности, *IMPOLITENESS*, *RUDENESS*, *IMPUDENCE*, *DERISION*, *CONTEMPT*, *ANNOYANCE*, *INCONSIDERATION*. Были выделены также две когнитивные области, в которые входит анализируемый концепт и структурирующие его субконцепты – *HUMAN BEHAVIOUR* и *FEELING* [Минченков, Горелова 2015: 122–129]. Используемый термин «субконцепт» употребляется в русле сетевой концепту-

альной модели [Langacker 2008] и предполагает, что концепт, являясь гештальтом и часто присутствуя в сознании как целое, допускает выделение внутри себя составляющих, являющихся полноценными концептами, но не сводится при этом к их сумме и не разлагается на конечное число составляющих. По отношению к анализируемому концепту составляющие, выделяемые в его структуре при анализе, являются субконцептами [Минченков 2011: 120–121].

Следующим этапом исследования является анализ средств репрезентации концепта на материале художественных произведений. Данное направление исследования концепта имеет ряд преимуществ по сравнению с лексикографическим анализом. Во-первых, оно позволяет расширить номенклатуру средств репрезентации. Здесь важно отметить следующее. Мы исходим из того, что выделяемые нами в тексте средства репрезентации функционируют не просто в контексте, а в когнитивном контексте. Последний понимается как структура или структуры знаний, отражающие весь познавательный опыт человека и лежащие в основе формирования и интерпретации языковых значений [Болдырев 2014: 119]. Исследование возможностей репрезентации интересующего нас концепта в когнитивном контексте, с одной стороны, позволяет выделить языковые единицы, которые вне контекста не репрезентируют этот концепт; они актуализируют его лишь в конкретном контексте, как бы «впитывая» в себя смысл/смыслы из когнитивного контекста. С другой стороны, единицы, предлагаемые словарями как средства репрезентации указанного концепта, могут в когнитивном контексте актуализировать набор субконцептов, отличный от того, который они репрезентируют вне контекста.

Во-вторых, подобный анализ дает возможность выявить дополнительные субконцепты в структуре *DISRESPECT*. Возможность этого подтверждена предшествующими работами, например, исследованием А.З. Хусаеновой, посвященным концепту *PRIVACY*, в котором ярко показаны преимущества анализа текстов в сравнении с лексикографическим анализом [Хусаенова 2009].

В-третьих, анализ средств репрезентации концепта на материале художественных текстов очевидно позволяет выявить комбинаторику субконцептов, актуализируемых в том или ином контексте. Наконец, принимая во внимание замечание Н. Н. Болдырева о том, что «через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» выявляются концептуальные характеристики [Болдырев 2001: 31], мы выдвигали

гипотезу о том, что исследование средств репрезентации концепта в тексте даст возможность получить дополнительную информацию о специфических характеристиках анализируемого концепта по сравнению с другими концептами.

Необходимо отметить, что в задачи нашего исследования входит изучение развития концепта *DISRESPECT* и средств его языковой объективации в диахронии (начиная с середины XIX в. и по настоящее время). Так как рассматриваемый концепт является ценностным, то рабочая гипотеза состояла в том, что структура и содержание концепта менялись на протяжении более чем 150 лет вместе с культурными ценностями. Об изменении содержания концептов в диахронии пишут ряд авторов, в частности, М. Н. Коннова в работе, посвященной анализу когнитивных механизмов семантических сдвигов в структуре прилагательного «вечный» в русском языке, и Е. В. Зилова, анализирующая концепт *PROSPERITY* в английском языке [Коннова 2015: 269–310; Зилова 2014: 20–24].

Для исследования репрезентации концепта в тексте середина XIX в. выбрана в качестве отправной точки неслучайно. Это время расцвета Викторианской культуры, ценностные ориентиры которой достаточно сильно отличались от ценностей современной Великобритании. На данной стадии работы материалом для исследования послужили художественные произведения авторов, чей язык отражает состояние английского языка в период с середины до конца XIX в. Примеры собирались методом сплошной выборки из следующих произведений: Ч. Диккенс «*Great Expectations*», Д. Голсуорси «*The Forsyte Saga, Volume I*», «*Silver box*», С. Моэм «*Theatre*», «*Cakes and Ale: or The Skeleton in the Cupboard*», «*The Merry-go-round*», А. Кристи «*Five little pigs*». Всего проанализировано 1298 печатных и 2096 электронных страниц текста. Собрано 346 примеров.

Проведенный ранее лексикографический анализ [Минченков, Горелова 2015] уже позволил выделить такие основные средства репрезентации концепта *DISRESPECT*, как *contempt, scorn, disdain, disregard, derision, mockery, discourtesy, rudeness, impoliteness, insolence, impudence, impertinence*. При этом данный способ анализа имеет ряд ограничений. Во-первых, средства репрезентации, предлагаемые словарями, нередко оказываются привязанными к той части речи, какой является слово, номинирующее концепт. Как видно из приведенных выше примеров, найденные средства репрезентации, как правило, являются существительными, как и единица *disrespect*. Некоторые единицы являются глаголами, образованными по конверсии от отдельных ука-

занных выше существительных, например, *disregard* и *disdain*.

Во-вторых, словарь, даже самый полный, объективно не может зафиксировать все возможные средства актуализации концепта, а фиксирует лишь наиболее очевидные. Обычно это единицы, синонимичные в той или иной степени слову, номинирующему концепт, и в которых этот концепт или те или иные структурирующие его субконцепты формируют ядро значения или входят в него неотъемлемой частью.

Начнем описание проведенного анализа с единиц, актуализирующих DISRESPECT во всех или в подавляющем большинстве контекстов. Анализ показывает, что эти единицы представляют собой различные части речи, многие из которых оказываются однокоренными. При этом наибольшую группу средств актуализации, несмотря на частеречную принадлежность слова, номинирующего концепт, составляют прилагательные и причастия в функции определения. К ним относятся: *contemptuous, contemptible, impudent, insolent, impertinent, defiant, scornful, supercilious, condescending, disreputable, haughty, churlish, inconsiderate, facetious, blasphemous, pompous, tawdry, rude, snappish, coarse, abusive, bullying, vicious, insulting, taunting, half-taunting, shameless, ludicrous, derisive, mocking, degraded, disregarded*. Всего к данной группе относится 25 % примеров. Приведем несколько из них:

(1) I felt that for two pins he would have joined in the conversation and I assumed a haughty demeanor (M2, 54).

В описываемой ситуации автор крайне неодобрительно отнесся к незнакомцу, который пытался вступить с ним в диалог, так как более высокий социальный статус автора не позволяет ему таких фамильярностей. Даже не познакомившись со случайным попутчиком, автор отмечает, что не может уважительно общаться с людьми более низкого социального класса. Актуализируются субконцепты ARROGANCE и CONTEMPT.

(2) ... to anyone who knows and appreciates the great masters, these daubs of Mr Crale's are really ludicrous (Chr, 176).

Данный пример представляет собой крайне нелестный отзыв героини о художественном творчестве одного из героев. Героиня считает его картины нелепой мазней, проявляя явное неуважение к результатам его профессиональной деятельности. Концепт DISRESPECT актуализируется в виде субконцепта CONTEMPT, причем интересно отметить, что последний дополнительно актуализируется также существительным *daub*.

Второе место по количеству примеров занимают существительные. Чаще всего в художественных текстах встречаются средства актуали-

зации, выделенные нами при лексикографическом анализе, а именно *contempt, scorn, insolence, impudence, mockery, disdain, impertinence*. Однако анализ текстов позволил расширить их количество. Были добавлены следующие существительные: *insult, aversion, taunt, affront, indifference, neglect, carelessness*. Количество существительных составляет 18,5 % относительно общего числа примеров. Рассмотрим некоторые из них:

(3) She was looking at me then with a look of supreme aversion (Dickens, 137).

Речь идет о двух детях, которых заставили играть вместе. При этом девочка всем своим видом и репликами показывала полное неуважение к мальчику. Чувство неуважения у одного ребенка к другому вызвано более низким социальным статусом одного из них. Актуализируются субконцепты CONTEMPT и ARROGANCE.

(4) It was true that I had bicycled with him and sailed with him, but he wasn't a sahib and it was an insult to me to give me five shillings (M2, 88).

В данном примере главный герой считает, что не может принять деньги от человека более низкого социального статуса, и воспринимает это как оскорбление, неуважение к себе. Учитывая когнитивный контекст, мы делаем вывод об актуализации субконцептов IMPUDENCE и RUDENESS.

Третья по численности группа примеров – это глаголы. К ним относятся: *despise, disdain, disapprove, disregard, look down, detest, denounce, bully, humiliate, snub, affront, degrade, ignore, defy, resent, scoff*. Количество примеров составляет 18 % общего числа и приблизительно равняется количеству существительных. Рассмотрим некоторые из них:

(5) You have plenty of poor relations – bully them (M3, 13).

Данный пример – это отрывок из эмоционального разговора двух героинь, у одной из которых после многочисленных придирок и угроз кончилось терпение, и она предлагает собеседнице в дальнейшем помыкать другими бедными родственниками, а не ею. Актуализируются субконцепты AUTHORITY, RUDENESS, THREAT.

(6) If she had racked her brains for a week she couldn't have thought of anything that would humiliate Tom more bitterly (M1, 168).

Речь идет о том, что главная героиня придумала способ унижить своего любовника намеком на его бедность, оставив ему деньги на чаевые для дворецкого, шофера и горничной. Концепт DISRESPECT актуализируется в виде субконцептов DERISION и INCONSIDERATION.

Еще одна группа примеров – это наречия, актуализирующие DISRESPECT. Среди них были

выявлены: *insolently, defiantly, scornfully, saucily, unceremoniously, pompously, snappishly, disdainfully, contemptuously, conceitedly, superciliously, mockingly*. Всего это 6 % общего количества примеров. Как можно заметить, большинство выделенных наречий образованы от соответствующих прилагательных, которые, как сказано выше, составляют наибольшую группу примеров.

(7) Mrs. Joe, who always took explanations upon herself, said, snappishly, “Escaped. Escaped” (Dickens, 26).

Это реплика героини, которая всегда очень грубо и неуважительно разговаривает со своим младшим братом. В данном случае она вставляет свою реплику в разговор брата со своим мужем и делает это очень резко. Актуализируются субконцепты RUDENESS и INCONSIDERATION.

(8) On my politely bidding him Good morning, he said, pompously, “Seven times nine, boy?” (Dickens, 121).

Главный герой сетует на то, что дядюшка абсолютно не уважал его, практически не кормил и интересовался исключительно его успехами в арифметике. На вежливое пожелание доброго утра дядюшка с важным видом предлагает ему задачу по арифметике. Актуализируются субконцепты ARROGANCE и INCONSIDERATION.

Отдельно стоит оговорить случаи, когда перечисленные выше части речи встречаются вместе, тем самым усиливая друг друга и актуализируемый концепт DISRESPECT, например, *scornful derision, scornful insolence, scornful indifference, rude neglect*. Иногда встречается интенсификатор, который вне контекста может и не выражать DISRESPECT, например, *icy, cold, disillusioned, unbearably – icy contempt, cold scorn, disillusioned contempt, unbearably insolent*.

Кроме того, стоит отметить, что анализ текстов позволяет выделить в качестве средств актуализации интересующего нас концепта различного рода словосочетания, в том числе содержащие предикативную единицу. К ним относятся, например, *have the nerve, hold no brief, have no very high opinion of, not treat with civility, not be up to somebody’s mark, throw dreadful things up*. Приведем несколько примеров:

(9) What had Tom meant by saying that she ate out of his hand? (M1, 204).

Это отрывок из внутреннего монолога главной героини, где она задается вопросом, почему ее любовник так уничижительно отзывается о ней в обществе, считая, что она все делает так, как он захочет. Когнитивный контекст позволяет говорить об актуализации субконцептов AUTHORITY и ARROGANCE.

(10) You would be surprised if I told you the terms some of them have the nerve to ask (M1, 14).

Герой жалуется собеседнику на неблагодарных авторов, которые пишут плохие пьесы и при этом смеют выставлять актерам неоправданные условия. Актуализируются субконцепты ARROGANCE, IMPUDENCE и ANNOYANCE.

Дополнительный анализ указанных выше средств актуализации концепта DISRESPECT позволил выявить его важную особенность. Можно говорить о том, что с точки зрения типологии концептов DISRESPECT представляет собой концепт-схему как «мыслительный образ предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер» [Болдырев 2001: 36]. Другими словами, это векторный концепт. Причем его векторная направленность может быть разной, и она нередко связана с частеречной принадлежностью актуализирующей концепт единицы. Мы наблюдали два основных типа ситуаций. Первый тип можно обозначить как проявление DISRESPECT. В таких случаях DISRESPECT мыслится в рамках пространства, в котором присутствуют субъекты или субъект и объект/объекты и субъект проявляет определенный тип отношения к другому субъекту или объекту. Образно говоря, DISRESPECT направляется от одного субъекта к другому субъекту или, реже, неодушевленному объекту (неслучайно в английском языке прилагательное *rude*, например, сочетается с предлогом *to*, репрезентирующим направление движения). Речь идет об определенном типе поведения, которое мотивируется или сопровождается наличием DISRESPECT у одного субъекта по отношению к другому. Такой тип DISRESPECT чаще всего актуализируется глаголами, а также сочетаниями глагола с наречиями или глагола-связки *be* с прилагательным в предикативной позиции. Приведем несколько примеров:

(11) They read of some famous woman criminal that killed because she’d been snudded by her father when she was three years old (Chr, 90).

В примере (11) описана ситуация, в которой один субъект (отец) регулярно проявлял DISRESPECT в виде RUDENESS, INCONSIDERATION и, возможно, DERISION по отношению к другому субъекту (своей дочери).

(12) She had ignored Caroline pointedly, persistently addressing the conversation to Amyas (Chr, 210).

В примере (12) говорится о том, как субъект (любовница мужа) совершенно явно и открыто игнорирует другого субъекта (законную жену своего возлюбленного), тем самым проявляя неуважение к ней. Актуализируются субконцепты ARROGANCE, IMPOLITENESS, CONTEMPT.

(13) No cherished opinion of Miss Dwarris was safe from satire; even her Evangelicism was laughed at... (M1, 210).

Пример (13) описывает ситуацию, в которой субъект открыто проявляет неуважение к другому субъекту (своей старшей родственнице), высмеивая ее религиозные убеждения. Актуализируются субконцепты DERISION, INCONSIDERATION, CONTEMPT.

Второй тип ситуации можно описать как реакцию на DISRESPECT. В этом типе ситуации мы имеем дело с двумя или нередко тремя субъектами. Один субъект ведет себя определенным образом по отношению ко второму субъекту. Второй субъект или еще один третий субъект (которым может быть автор произведения) реагирует на это поведение, категоризируя его как неуважительное, хотя первый субъект при этом, возможно, так не считает и/или не имеет намерения проявить неуважение. В данном типе ситуации, в сущности, присутствуют два вектора: один направлен от первого субъекта ко второму, а второй вектор (реакция) – от второго или третьего субъекта к первому. Что касается частеречной принадлежности средств актуализации, то чаще всего в этом типе ситуаций встречались либо существительные (нередко в сочетании с глаголами широкой семантики типа *have*), либо прилагательные, а также наречия. Приведем несколько примеров:

(14) Miss Greer's manner had been unbearably insolent the last few days (Chr, 264).

Данный пример показывает реакцию гувернантки на поведение любовницы мужа хозяйки по отношению к хозяйке, которое она категоризирует как проявление DISRESPECT. В мысленном пространстве присутствуют три субъекта. Актуализируются субконцепты IMPUDENCE и ANGER.

(15) From the moment when James had the impertinence to pry into his affairs – as he put it – old Jolyon no longer chose to credit this story about Bosinney (Gals1, 433).

В примере (15) речь идет о реакции одного брата на то, что другой вмешивается в его личные дела. В мысленном пространстве присутствуют два субъекта. Актуализируются субконцепты IMPUDENCE и ANNOYANCE.

Отдельную группу средств актуализации DISRESPECT, как показывает наше исследование, составляют существительные или сочетания существительных с прилагательными, выражающие оскорбления/ругательства. Причем следует отметить, что нередко эти существительные актуализируют только концепт DISRESPECT в виде того или иного субконцепта из когнитивной области FEELING (например, ANNOYANCE или ANGER), но не называют конкретное качество субъекта, вызвавшее DISRESPECT. В этом случае такие свойства или качества субъекта могут

быть поняты только на основе анализа когнитивного контекста. Такого рода примеры составляют 10 % общего числа. Рассмотрим наиболее яркие из них:

(16) The man is an audacious ruffian! (Gals2, 87).

Реплика принадлежит знатной даме, которая возмущена кражей серебряной табакерки, но не знает подробностей преступления и личности преступника. В данном случае концепт DISRESPECT актуализируется в виде субконцепта INDIGNATION.

(17) It was not likely that he was going to be drawn into an argument with an obstinate beggar like Swithin, pig-headed as a mule, who had never known a statue from a straw hat (Gals1, 139).

Герой мысленно рассуждает о своем брате и наделяет его нелицеприятными эпитетами. При этом последний не является по-настоящему нищим, так что существительное *beggar* очевидно десемантизировано, а все эпитеты вместе актуализируют DISRESPECT в виде субконцептов ANNOYANCE и CONTEMPT, хотя при этом актуализируются и другие концепты, например, OBSTINATE, не входящие в структуру DISRESPECT.

Отдельную большую группу, как показывает исследование, составляют различные части речи и словосочетания (причем как свободные, так и фразеологизированные), которые актуализируют концепт DISRESPECT в конкретном когнитивном контексте. Рассмотрим следующие примеры:

(18) She thinks it fashionable, and the county in London has to take so many precautions not to seem provincial (M3, 36).

В примере (18) DISRESPECT в виде субконцепта CONTEMPT актуализируется прилагательным *provincial* и существительным *county* (курсив в примере авторский). Это становится понятным из анализа когнитивного контекста: героиня, которой принадлежит реплика, сама живет в Лондоне и иронично относится к провинциалам, которые стремятся перенять столичные обычаи. Актуализации DISRESPECT способствует также употребление неодушевленного собирательного существительного *county* для обозначения людей и наших структур знаний, включающих знания о моделях поведения некоторых выходцев из провинции в столице и по отношению к ее жителям. В других контекстах прилагательное *provincial* может не актуализировать DISRESPECT, а существительное *county* обычно не актуализирует его.

(19) I always treated him as a larger species of child and as no more than my equal (Dickens, 16).

Взятые отдельно друг от друга лексические единицы, составляющие подчеркнутое словосочетание в примере (19), обычно не репрезенти-

руют анализируемый концепт. Последний актуализируется лишь при анализе всего когнитивного контекста, когда мы понимаем, что перед нами реплика ребенка по отношению к взрослому мужчине, которого он считает недостаточно зрелым и неспособным принимать самостоятельные решения и, как следствие, не уважает.

Среди единиц, актуализирующих *DISRESPECT* в конкретном контексте, большой интерес представляют слова, относимые к иллокутивным частицам [Hervey, Higgins 1999: 52; Минченков 2004: 10], многие из которых обладают нечетким прототипическим значением [Минченков 2011: 240–241]. Приведем некоторые примеры:

(20) *With this boy? Why, he is a common laboring boy!* (Dickens, 134).

Содержащаяся в примере (20) частица *why* вне контекста имеет нечеткое прототипическое значение. В наиболее общем виде можно говорить о том, что она актуализирует когнитивную область *FEELING*. Конкретная эмоция, выражаемая этой частицей, становится понятной лишь в контексте [Минченков 2004: 74–75]. В анализируемом примере частица *why* вместе с прилагательным *common* и репликой *With this boy?* актуализирует концепт *DISRESPECT* через субконцепты, входящие в область *FEELING* – *CONTEMPT* и *INDIGNATION*, причем последние две лексические единицы помогают читателю актуализировать в сознании указанные субконцепты. Реплика принадлежит девочке, которая возмущена тем, что ей предлагают играть с простым деревенским мальчишкой.

(21) “*Well?*” said my sister, in her snappish way (Dickens, 114).

В примере (21) понять, какой концепт актуализирует иллокутивная частица *well*, помогает, помимо когнитивного контекста, словосочетание *said... in... snappish way*. Концепт *DISRESPECT* актуализируется через субконцепт *ARROGANCE*. Анализируемая частица, вероятно, также актуализирует концепт *IMPATIENCE*, не входящий в структуру *DISRESPECT*.

Важной задачей нашего исследования был анализ комбинаторики субконцептов, структурирующих *DISRESPECT*. Анализ показал, что чаще всего актуализируются два субконцепта одновременно, причем их сочетание может быть разнообразным. Актуализация одного субконцепта или одновременно трех происходит гораздо реже. Было выявлено, что два актуализируемых одновременно субконцепта нередко могут принадлежать разным когнитивным областям – *BEHAVIOUR* и *FEELING*, и это в определенной степени связано с векторной направленностью концепта. В первом типе ситуаций, который был обозначен как проявление *DISRESPECT*, чаще

актуализируется когнитивная область *HUMAN BEHAVIOUR*, причем так, что оба актуализируемых субконцепта принадлежат этой области. В частности, встретились такие сочетания, как *AUTHORITY + RUDENESS*, *AUTHORITY + ARROGANCE*, *ARROGANCE + INCONSIDERATION*, *DERISION + INCONSIDERATION*, *RUDENESS + INCONSIDERATION*. При этом были выявлены случаи одновременной актуализации субконцептов из двух разных областей, в частности, такие сочетания, как *ARROGANCE + CONTEMPT*, *DERISION+CONTEMPT*, *RUDENESS + ANNOYANCE*, *RUDENESS + ANGER*. Когда проявление *DISRESPECT* происходит в виде ругательств, то достаточно часто наблюдается актуализация сочетания двух субконцептов из области *FEELING*, например *ANNOYANCE + CONTEMPT*, *ANGER + CONTEMPT*.

Двухвекторная специфика второго типа ситуации – реакции на *DISRESPECT* – предопределяет тот факт, что в большинстве случаев актуализируются две когнитивные области одновременно. Характеристика поведения (вербального или невербального) одного субъекта по отношению ко второму со стороны третьего обычно сопровождается эмоциональной реакцией последнего. Чаще всего наблюдались сочетания субконцепта *IMPUDENCE* или *SHAMELESSNESS* из области *BEHAVIOUR* с субконцептами *ANGER*, *ANNOYANCE* или *INDIGNATION* из области *FEELING*.

Таким образом, проведенное исследование показало, во-первых, что анализируемый концепт имеет разнообразные средства репрезентации в тексте, причем их перечень оказывается гораздо шире того, который предлагают словари английского языка. Лексические единицы, актуализирующие концепт *DISRESPECT*, относятся к различным частям речи, большинство из которых составляют прилагательные и причастия в функции определения. Среди существительных, актуализирующих интересующий нас концепт, особую группу составляют инвективные единицы. Кроме того, концепт *DISRESPECT* могут актуализировать словосочетания, а также иллокутивные частицы. Особую интересную группу средств репрезентации концепта *DISRESPECT* составляют лексические единицы различной частеречной принадлежности, которые актуализируют его только в конкретном когнитивном контексте.

Исследование позволило выявить важную типологическую особенность интересующего нас концепта. Он представляет собой векторный концепт-схему, репрезентирующий два типа ситуаций – проявление *DISRESPECT* и реакцию на *DISRESPECT*. В последнем случае он становится двухвекторным.

Анализ средств актуализации концепта DISRESPECT в тексте также дал возможность расширить номенклатуру субконцептов, структурирующих указанный концепт. В перечень возможных субконцептов были добавлены ARROGANCE, AUTHORITY, THREAT (когнитивная область BEHAVIOUR) ANGER, INDIGNATION (когнитивная область FEELING). Изучение комбинаторики субконцептов показало, что они нередко комбинируются в зависимости от векторного типа концепта. При проявлении DISRESPECT актуализируемые субконцепты чаще принадлежат к области BEHAVIOUR, хотя встречаются ситуации, когда один субконцепт относится к области BEHAVIOUR, а другой – к области FEELING. В ситуациях, обозначенных как реакция на DISRESPECT, обычно одновременно актуализируются субконцепты из двух разных когнитивных областей. Время от времени встречаются ситуации, когда актуализируется один субконцепт или одновременно три.

Список источников

Dickens – Dickens Ch. Great Expectations. Public Domain, 2010. URL: <https://itun.es/ru/kl2Kx.l> (дата обращения: 02.04.2016).

Gals1 – Galsworthy J. The Forsyte Saga. Vol. 1. Public Domain, 1933. URL: <https://itun.es/ru/qfBUD.1> (дата обращения: 19.07.2016).

Gals2 – Galsworthy J. Complete Plays of John Galsworthy. Project Gutenberg, 2015. URL: <https://itun.es/ru/oTG74.1> (дата обращения: 02.04.2016).

M1 – Maugham W. S. Theatre. СПб.: Изд-во Капо, 2015. 384 с.

M2 – Maugham W. S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard. М.: Прогресс, 1980. 237 с.

M3 – Maugham W. S. The Merry-go-round. Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin Books, 1987. 341 p.

Chr – Christie A. Five little pigs. London: HarperCollins, 2007. 336 p.

Список литературы

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ, 2001. 123 с.

Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челяб. гос. ун-та. № 6(335). Филология. Искусствоведение. 2014. Вып. 88. С. 118–122.

Зилова Е. В. Содержание концепта «БЛАГОПОЛУЧИЕ» / «PROSPERITY» в художественных произведениях британской прозы XIX–XX вв. // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докл. VI Междунар. интернет-конференции «Иностранные языки в

контексте межкультурной коммуникации». Саратов: ИЦ «Наука», 2014. С. 20–24.

Коннова М. Н. Когнитивные сдвиги в семантике темпоральных лексем: корпусный аспект // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: Языки слав. культуры, 2015. С. 269–310.

Минченков А. Г. Английские частицы: функции и перевод. СПб.: Антология, 2004. 95 с.

Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 278 с.

Минченков А. Г., Горелова А. А. Концепт DISRESPECT и возможности его изучения // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 2. С. 122–129.

Хусаенова А. З. Когнитивно-лингвистическое исследование кластерного концепта PRIVACY: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 17 с.

Hervey S., Higgins I. Thinking Translation. London: Routledge, 1999. 261 p.

Langacker R. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.

References

Boldyrev N. N. Kognitivnaja semantika: kurs lektisij po anglijskoj filologii [Cognitive semantics: a course of lectures on English philology]. Tambov, Tambov St. Univ. Publ., 2001. 123 p.

Boldyrev N. N. Rol' kognitivnogo konteksta v interpretatsii mira i znanij o mire [The role of cognitive context in the interpretation of the world and our knowledge of the world]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 6 (335). Filologija, iskusstvovedenije. [Chelyabinsk State University Bulletin. № 6(335). Philology. Study of Art]. 2014. Iss. 88. P. 118–122.

Zilova E. V. Soderzhanije kontsepta 'BLAGOPOLUCHIJE'/'PROSPERITY' v khudozhestvennykh proizvedeniyakh britanskoj prozy 19–20 vv. [The content of the concept 'PROSPERITY' in the British prose of the 19–20th centuries]. Inostrannyje jazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikatsii: Materialy dokladov 4 Mezhdunarodnoy Internet-Konferentsii "Inostrannyje jazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikatsii" [Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication: Collection of reports of the 4th International Internet-Conference "Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication"]. Saratov, Nauka Publ., 2014. P. 20–24.

Konnova M. N. Kognitivnyje sdvigi v semantike temporal'nykh leksem: korpusnyj aspekt [Cognitive shifts in semantics of temporal lexemes: corpus-based approach]. Metody kognotivnogo analiza se-

mantiki slova: kompjuterno-korpusnyj podkhod [Methods of cognitive analysis of word semantics: computer-corpus-based approach]. Moscow, Jaziki Slavjanskoj Kul'tury Publ., 2015. P. 269–310.

Minchenkov A. G. Anglijskije chastitsy: funktsii i perevod [English particles: functions and translation]. St. Petersburg, Antologija Publ., 2004. 95 p.

Minchenkov A. G. *Kognitivno-evristicheskaya model' perevoda* [Cognitive-heuristic model of translation]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2011. 278 p.

Minchenkov A. G., Gorelova A. A. Kontsept DISRESPECT i vozmozhnosti ego izuchenija [The concept DISRESPECT and ways of studying it].

Vestnik SPbGU. Philologija. Vostokovedenije. Zhurnalistika [Vestnik of St. Petersburg State University. Philology. Asian Studies. Journalism]. 2015. Iss. 2. P. 122–129.

Khusaenova A.Z. *Kognitivno-lingvisticheskoje issledovanije klasternogo kontsepta PRIVACY*. Diss. kand. filol. nauk [Cognitive-linguistic study of the cluster concept PRIVACY. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 17 p.

Hervey S., Higgins I. *Thinking Translation*. London, Routledge, 1999. 261 p.

Langacker R. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford, Oxford University Press, 2008. 562 p.

MEANS OF REPRESENTING THE CONCEPT DISRESPECT IN ENGLISH TEXT

Alexey G. Minchenkov

Professor in the Department of Foreign Languages for Students of Physics and Chemistry
Saint Petersburg State University

Alexandra A. Gorelova

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages for Students of Physics and Chemistry
Saint Petersburg State University

The aim of the article is to describe the means of representing the concept DISRESPECT in text and to identify subconcepts evoked by these means and also possible combinations of the subconcepts. The study is based on texts by British fiction authors of the second half of the 19th – early 20th century. It is shown that the concept in question has a variety of textual means of representation, which belong to different grammatical classes, mainly adjectives and participles functioning as attributes. Among the nouns that express the concept, a special group is distinguished that includes invectives. In addition, the concept can be expressed by phrases and illocutionary particles. Of special interest are means belonging to different grammatical classes that express DISRESPECT only in specific contexts. The study reveals an important feature of the concept – it appears to be a vector concept representing two types of situations: showing disrespect and reacting to disrespect. The vector type of the concept quite often determines how the subconcepts combine with each other. When disrespect is shown, it is more often that the subconcepts evoked belong to the cognitive domain BEHAVIOR, although they can sometimes belong to two different domains – BEHAVIOR and FEELING. In situations identified as reaction to perceived disrespect, subconcepts that belong to the two different domains are normally evoked together.

Key words: concept; concept DISRESPECT; vector concept; subconcept; cognitive domain; cognitive context.

УДК 81.111'37

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-66-74

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ, НОМИНИРУЮЩИМИ СФЕРУ ЗДОРОВЬЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Марина Анатольевна Витько

аспирант кафедры фонетики и лексики английского языка

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1. marina20-07@yandex.ru

преподаватель

ГБОУ «Школа № 118»

119311, г. Москва, ул. Строителей, 15

Данное исследование направлено на описание особенностей моделирования пространства и категоризации пространственного опыта на основе изучения фразеологических единиц со значением здоровья в английском языке. В работе сделана попытка представления когнитивно-ориентированного подхода и рассмотрены аксиологические характеристики исследуемых единиц. Здоровье рассматривается не только в его физическом проявлении, но и с учетом ментальной и психологической составляющих. Кроме того, внимание в исследовании уделяется и второстепенным признакам здоровья (внешность, настроение, поведение) и их репрезентации языковыми средствами. В статье проанализированы ориентационные метафоры главных составляющих здоровья: телесных свойств человека, ментальной (умственной) деятельности и душевного равновесия (эмоционального состояния). В когнитивной деятельности человека они представляют собой ментальные пространства с ориентационными метафорами «внутри» – «внутрь», «верх» – «вверх». Во фразеологических оборотах предложные наречия указывают направление движения, расстояние и расположение объектов в пространстве, а также отражают статичность и динамичность.

Ключевые слова: фразеологическое моделирование; ориентационная метафора; предложное наречие; физическое здоровье; ментальное здоровье; эмоциональное состояние; концепт «здоровье».

Проблема моделирования пространства с помощью фразеологических единиц (далее – ФЕ) и фразовых глаголов представляет одну из малоисследованных областей в английской фразеологии. Актуальность нашего анализа подтверждается тем, что пространство для человека наиболее приоритетно в процессе восприятия и концептуализации окружающей действительности. Процесс концептуализации представляет собой осмысление «поступающей информации в человеческое сознание, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [Болдырев 2001: 22]. После анализа явления, включающего зрительный образ и экстралингвистические знания, человек создает номинативную единицу. В ней находит

воплощение интерпретирующая функция человека, содержание которой – оценка, отрицание, приближение к ориентиру, экспрессивность. По мнению Н. Н. Болдырева, интерпретация – это процесс и результаты объективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, вместе с тем, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это проекция мира, или мир, «погруженный» в индивидуальное сознание человека [Болдырев 2011: 12]. Интерпретирующая функция находит отражение в метафоризации или метонимизации представляемого явления, при этом наблюдается положительная или отрицательная оценка через соответствующие эмоции: радость, ободрение, прилив сил или печаль, огорчение. Оценка и

эмоциональность, существующие неразрывно в общей структуре ФЕ, свидетельствуют о возможности моделирования фразеологического значения, которое строится нами на теории концептуальной метафоры. Данная теория раскрывается в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 1980], в которой понятие метафоры было переосмыслено. Концептуальные метафоры уже находятся в понятийной системе людей, человеку свойственно ими мыслить, в то время как языковые метафоры в традиционном понимании становятся только внешним выражением мыслей человека. Дж. Лакофф и М. Джонсон, основываясь на принципах физического воплощения сознания (*mind embodiment*) и его метафоричности, анализируют процесс деления мира как его концептуальную метафоризацию. Под структурными метафорами сами авторы М. Джонсон и Дж. Лакофф понимали те случаи, когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого. Структурным метафорам противопоставлены ориентационные метафоры, которыми они называют организацию целой системы понятий по образцу некоторой другой системы. Поскольку такие метафоры связаны с пространственной ориентацией, они получили название ориентационных [там же: 125].

В соответствии с точкой зрения Л. Теньера и Е. С. Кубряковой, любой глагол рассматривается в виде ситуации, показывающей событие [Теньер 1988: 256; Кубрякова 1992: 85]. Мы присоединяемся к мнению Е. Е. Голубковой, которая справедливо замечает, что во фразовых глаголах предлог метонимически в сокращенном виде означает «ситуацию действия» по аналогии с ситуацией движения у Л. Талми [Голубкова 2015: 153; Талми 1975: 120]. Необходимо заметить, что у Л. Талми нет строгого разграничения между состояниями движения и покоя. Глагол состояния или покоя *to be* имплицирован при его отсутствии, ср.: *(as) straight / stiff as a poker / ramrod / steeple* “very straight”: *The old lady’s back is still as straight as a ramrod* [CALDT]; *in the best of health* “very healthy”: *Bill is in the best of health. He eats well and exercises* [MHDAlPhV]. Импликация происходит вследствие того, что оценка (*straight*) и объект (*poker / ramrod / steeple*) предполагают описанное состояние.

Чтобы изучить пространственное моделирование фразовыми глаголами и ФЕ, рассмотрим сначала базовые концептуальные признаки концепта “health” как центра «конденсата смысла» на основе его словарных дефиниций, ср.:

– the state of being hale, sound, or whole, in body, mind, or soul; especially, the state of being free from physical disease or pain [MWD];

– a healthy state of wellbeing free from disease; “physicians should be held responsible for the health of their patients” [WC];

– the condition of your body [CDO];

– the state of being free from illness or injury [OED].

Исходя из определений слова «health», можно констатировать, что оно выражается, прежде всего, в определенном состоянии человека (*state*) – the physical or mental condition that someone or something is in [LDOCE]. Заметим, что «Словарь современного английского языка» издательства Лонгман указывает на условие, в котором кто-то или что-то находится – condition that someone or something is *in* [LDOCE].

Второстепенными признаками оказываются те, которые ассоциируются с внешней привлекательностью, благоприятными для жизни условиями, улучшением состояния здоровья, активностью, вызывающими положительное отношение со стороны внешнего наблюдателя. Состояние человека описывается на основе комплекса физических (*body*), психологических (ментальных) признаков здоровья (*mind*) и душевного состояния (*soul*) индивида. Эти базовые признаки представляют три сферы здоровья.

Основным признаком физического здоровья является указание на состояние тела человека. Этимологический анализ лексемы *health* акцентирует внимание на физической целостности тела, которая находила отражение еще в древнеанглийском языке. В частности, этимологический словарь английского языка представляет значение слова *hælf* через «физическую целостность» – “wholeness”, a being whole, sound or well, а также *hal*, определяемое как *hale, whole* [OED]. Становится понятным, что эта «физическая целостность» проявляется в словах *wholeness, whole, sound*, причем *whole*, имеющее значение «целый» или «весь» – *entire all of*, представляет собой именно физическую характеристику [<http://www.oxfordreference.com>]. Слово *sound*, также указанное в этом списке лексем, определяющих здоровье, означает «неповрежденность» (*unhurt, uninjured*), что имеет отношение прежде всего к физическому телу, а только затем – к разуму. Лексические единицы, зафиксированные в дефиниции, а именно *hale*, имеют значение «сильный» – *strong, healthy* – «здоровый», что характеризует тело в первую очередь.

Проанализируем слово *mind* в соответствии с дефиницией из словаря английского языка, в котором фиксируется несколько значений: 1. The part or faculty of a person by which one feels, perceives, thinks, remembers, desires, and imagines; 2. Individual consciousness, memory, or recollection; 3. A healthy mental state; sanity: losing one's

mind [АНДЕЛ]. Из этих определений ясно, что mind концептуализируется как орган мышления человека. Изначально лексема mind имела отношение к древнеанглийскому *gemund* «тмотоу, remembrance, state of being remembered» [Манерко 2015: 210]. В сочетании с оценочным прилагательным лексема mind имеет уточненную концептуализацию, например: «joyful and undaunted mind» или «unmetaphysical mind», ср.: *This confession also, by the help of God, we will retain to our last breath when we shall go forth from this life to the heavenly fatherland, to appear with joyful and undaunted mind...* [BNC]. *These fifty-three pages had been entirely devoted what seemed to my rather unmetaphysical mind a not very luminous or edifying dissertation on the difference between Ansicht and Einsicht – between mere Opinion and true critical Insight...* [BNC].

Анализирующая функция сознания категоризуется прилагательными в виде оценок. Сознание наделяется качествами человека: радостью, неустрашимостью, могуществом, физическим восприятием действительности.

Лексема mind концептуализируется чаще всего в виде вместилища, ср.: *Probably as early as this time the idea of a western voyage was in his mind.* [Stevens, Westcott 1920: 315]. *Did you have anyone in mind for the job?* [MHDAlPhV]. *My mind was active but curiously placid* [BNC]. В данных примерах mind воспринимается в виде вместилища идеи о путешествии, сознание представляется активным. Ум как средоточие рационального начала в человеке соотносится в языковой картине мира с сознанием как вместилищем всего разумного в человеке.

Soul также имеет несколько определений, из которых к здоровью можно отнести два: 1. A part of humans regarded as immaterial, immortal, separable from the body at death, capable of moral judgment, and susceptible to happiness or misery in a future state; 2. A person's emotional or moral nature [АНДЕЛ]. Этимологически soul восходит к старонглийскому *sawol* «духовная и эмоциональная часть человека, оживленная сущность» [OED]. В словаре Cambridge Dictionary On-Line “Soul – is the spiritual part of a person that some people believe continues to exist in some form after their body has died, or the part of a person that is not physical and experiences deep feelings and emotions” [CDO].

Подобно слову mind, атрибутивный компонент к слову soul категоризует семантику душевных качеств в каждом конкретном случае, показывает целое через часть. Так же во многих случаях действует приём олицетворения, ср.: *...be scarcely fair to describe Hermione's tone as a suspicious, for she was a loyal soul.* [Tracy 1912: 42]. *There are different shades in love – the love of gratitude...the love of complacency, with which the holy*

soul admires him who is fairer than the sons of men... [Meyer 1898: 385].

Несмотря на отсутствие физических границ, soul также воспринимается в виде вместилища, ср.: *... far greater and more glorious is the work when, by his inward presence in the soul, he makes it victorious over all «the sufferings of this present time»* [BNC]. *It was as if she was giving him every opportunity to look down through them and see what was in her soul* [BNC].

Данные определения показывают разницу между mind и soul в том, что mind имеет больше физических характеристик, нежели soul. Отличаются они и моральной, духовной или эмоциональными составляющими, которые больше соотносятся с soul, в то время как рационализм больше присутствует в mind.

Итак, этимологический анализ лексем health, mind и soul показал, что здоровье категоризуется телесными и одновременно ментальными и психическими признаками. Р. Лэнкер считает, что основная часть когнитивных процессов протекает для человека бессознательно, несмотря на то, что эти процессы сознания происходят при концептуализации реальности и конструировании значения в процессе создания языковых единиц [Langacker 2000: 46]. Теперь обратимся к каждому из этих трех концептуальных признаков, чтобы проанализировать возможности моделирования пространства каждого из них. Из всего множества фразеологических оборотов тематики здоровья были выбраны только те, частицы которых отражают пространственные характеристики, а именно траекторию движения.

Языковая концептуализация физического здоровья выражается ориентационными метафорами «внутри», «вверх», «избыточность», «на поверхности» с наличием предлогов и предложных наречий: in, through, up, over, а также экспликацией других языковых средств. Обратим внимание на ориентационный признак «вверх»: *build up one's health* “to develop or increase in stages or by degrees”: *A sea-voyage will build up his health* [АНДЕЛ]. Лексема tall во фразеологическом обороте *(as) tall as a maypole / steeple* “very high person” [MHDAlPhV] позволяет концептуализировать признак избыточности, преувеличенные характеристики тех норм, которые указывают на физическую сторону телосложения. В данных примерах становится очевидным, что здоровье и самочувствие нацелены вверх.

Наиболее частотный предлог in фиксирует признак «внутри». Во фразеологической единице *in case* “to be in good health” здоровье рассматривается как некий контейнер (тело) и связано с его содержимым (case – health). Сам человек тоже может являться контейнером для своего состояния: *breathe a new life into someone / smth* “to

bring new ideas and energy to something”: *We need some new people to breathe life into this project* [CED] («вдохнуть новую жизнь»). Признак целостности ориентируется «внутри», например, во фразеологизме (*safe and*) *sound in life/ wind and limb* этим контейнером оказываются варианты *life/ wind and limb; (all) in one piece* “not damaged” («цел и невредим»): *She was relieved when he returned from Nepal in one piece* [AHD1]; *with/in a whole skin* “with no injury”; “unhurt”; “safely”: *The boy was lucky to escape with a whole skin when the car went off the road* [DAI]. Следовательно, естественное состояние человека – это его пребывание в здоровом состоянии в данномместилище. Целостность тела и отсутствие повреждений концептуализируются отсутствием опасности или избеганием беды: *by the skin of one’s teeth* (inf.) “by an extremely narrow margin”; “just barely”; “scarcely”: *We made the last train by the skin of our teeth*. («чудом уцелеть»); (*escape with*) *life and limb* “get away from danger unharmed” [EED]. Целостность фокусирует внимание также на сравнении с объектом, ср.: (*as*) *sound as a pound* (UK) “very good or reliable” [CID].

Мы согласны с точкой зрения Б. Б. Базаровой, что «характеризуя предлоги, лучше и целесообразнее указать на те прототипические конструкции, в которых этот предлог участвует» [Базарова 2007: 40]. Рассмотрим четыре основных значения этого предлога, в двух из которых (значения 2 и 4) наблюдается пространственное видение некоторого контейнера, имеющего внешние границы, а в двух других значениях передается указание на время: 1. Expressing the situation of something that is or appears to be enclosed or surrounded by something else: *I’m living in London*; 2. Expressing a period of time during which an event happens or a situation remains the case: *They met in 1885*; 3. Expressing the length of time before a future event is expected to happen: *I’ll see you in fifteen minutes*; 4. (often followed by a noun without a determiner) expressing a state or condition: *to be in love* [OALD]. В своем исследовании, посвященном сателлиту *in* (термин Л. Талми), Б. Б. Базарова доказала, что если данная частица присутствует в качестве префикса, постпозитивной частицы, предлога или наречия, то выражение передает концептместилища или направления в сторонуместилища [Базарова 1999: 32]. Понятие «сателлита глагола» введено Л. Талми [Talmy 2007: 66] о движении, выражающемся не глаголом, а отдельным компонентом.

Приведем пример пространственных параметров денотативной ситуации *be in good form / on top form* “in very good physical condition” [MHDAIPhV]: “be” – находиться в пространстве, “in/on” – вариантная сущность, дополняемая предшествующим глаголом, британский вариант

предполагает предлог *in*, американский – *on*. Под денотативной ситуацией понимается референт высказывания, элементы объективного мира, заключенные в тексте, которые характеризуются признаком событийности, в основе денотативной ситуации лежит определенное событие [Гак 1972: 46]. Очевидно, здесь имеет место различие взглядов на ключевое слово *in form/ on top*. Для британцев в данном выражении таким словом выступает *form* (как ёмкость), в то время как для американцев – *top* (как поверхность). Так выявляется, что вариантность предлога не случайна, а определяется последующими пространственными характеристиками. Пространственные представления лежат в основе структурирования многих категорий в сознании человека, как пространственных, так и непространственных [Гак 2000: 127].

Проанализируем ментальное здоровье с тех же позиций пространства, как и физическое. Фразовые глаголы со значением умственного здоровья чаще всего содержат компоненты *mind / senses* и характеризуются одним из концептуальных признаков «внутри»: *be in one’s (right) senses / mind* “sane” [OD]; *come in/to one’s senses* “to begin to use good judgment” [CALDT]; *be of sound mind / be sound in mind* “be mentally healthy” [OD]. Так как считается, что порядок имеет некий вид, форму, то и правильные мысли могут находиться в определенной «форме»: *get / put one’s ideas into shape* “organize, remedy, renew” [BLTWCB].

Если состояние здоровья – это норма, то выход из нее является атипичным состоянием, поэтому предложное наречие *back* объясняется естественной концептуализацией возврата в нормальное состояние. Во фразеологизмах предлоги и предложные наречия, являясь составным элементом, могут фиксировать направление, расстояние, расположение в пространстве. Например, предлог *to* указывает на заданное направление: *to bring smb to his senses*.

Ориентационный признак избытка (переполнения, выхода за пределы границ) может фокусировать внимание на негативной стороне. Например, излишняя мечтательность приводит к отрыву от реальности и наоборот: *down-to-earth* “realistic or interested in everyday occurrences”: *She is a very down-to-earth person, not at all involved with the glamour of Hollywood* [AHD1] («приземленный»). В данном предложении концептуальный признак *down* имеет положительное восприятие, несмотря на то, что направленность здоровья ума вниз не свидетельствует о его улучшении. Но признаки, выражающие избыток, не всегда отрицательные: *mind over matter* “an instance where there are intellectual powers overriding threats, difficulties, or problems”: *You need to concentrate harder. Pay no attention to your surround-*

ings. This is a case of mind over matter [MHDAlPhV]. Таким образом, рассмотренные примеры признака «чрезмерности» позволяют интерпретировать их как стремление к норме в языковом конструировании опыта.

Душевное (эмоциональное) здоровье – многогранный ментальный аспект психической жизни также категоризируется с помощью разных ориентационных метафор: *bob up like a cork* «воспрянуть духом», *to be in high / good spirits, keep up one's spirit, put on/up a (front), take heart from* «воспрянуть духом». Языковая концептуализация предложного наречия *up* метафорически указывает на движение вверх, увеличение силы, размера. Его метафорическое значение возникло из буквального значения и закрепилось в ФЕ.

Мы видим, что эмоциональное здоровье в большинстве случаев объективируется в сознании на пространственном признаке «вверх». Проанализируем еще некоторые выражения, основанные на том же признаке: *keep one's pecker up* “remain cheerful, maintain good spirits, courage and resolution” [CDO]; *bob up like a cork: It is very difficult to keep him down. He is always bobbing up like a cork* [CDO]; *keep up one's spirit* “to be brave”: *He didn't think that he would ever get out of the jungle alive, but he kept his spirit up* [DAI]; *put on/up a (bold) front* “to pretend to feel a certain way”: *He hasn't shown any signs of grief over his father's death, but I'm sure he's just putting up a front* [CID]; *keep up one's courage* “to be brave enough to act according to your beliefs” [CID]. Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что эмоциональное состояние оттеняет и высвечивает разные сущности душевного состояния: страх, активность, производительность человека, характеризующиеся направленностью вверх.

Душевное состояние человека также характеризуется наличием какого-либо вместилища с ориентационным признаком «внутри» (*be*) *in good heart* “in good courage”; “in good hope, healthy” [WRUD]. Примеры с соматическим «контейнером» интересны тем, что, несмотря на «соматический» сосуд, они концептуализируют эмоциональное здоровье. *A shot in the arm* (inf.) “something that has a sudden and positive effect on something, providing encouragement and new activity”: *Fresh investment would provide the shot in the arm that this industry so badly needs* [CALDT]. *Take / get oneself in hand* “to start to be in charge of someone or something, especially in order to improve a situation or someone's behavior” [CALDT]; *hold/ keep oneself in hand* “to control one's feelings, not to get angry, to be reserved, to be self-contained” [CALDT]. Рассмотренные примеры ориентационного признака «внутри» имеют меньшее употребление в речи, чем признак «вверх», однако некоторые примеры могут быть осмыслены с

совмещением этих двух ориентиров «внутри» и «вверх»: *to be in high/good spirits* “lively and cheerful behaviour or mood” [CID]. Психическое состояние человека представлено в языке и мышлении как психологическая устойчивость и сила духа индивида.

Проанализируем пространственные характеристики выражения *put on/up a (front)* “to pretend to feel a certain way”: *He hasn't shown any signs of grief over his father's death, but I'm sure he's just putting up a front* [CID]. В выражении присутствует вариантность предлогов *up/on*, “front” – (боевой дух) сущность, не имеющая физического восприятия, с точки зрения пространственных характеристик она аморфна. Поэтому в данном случае предлоги *on/up* не имеют горизонтальных или вертикальных границ.

Теперь попробуем выяснить пространственную концептуализацию данных свойств во фразеологизмах наряду с физическими данными, ментальным здоровьем (умом) и психологическим самочувствием отдельно в дополнительных категориях активности и внешности.

Если исходить из определения здоровья, то в отсутствие болезней в норме тело человека имеет вертикальное положение, поэтому признак активности можно категоризовать на языковом уровне указанием «вверх», который, как правило, ориентирован на положительное, а «вниз» – на отрицательное. Это иллюстрируется такими выражениями, как *come/be up to (the) mark/scratch/par/snuff* “to be good enough” [CDO] («находиться в прекрасной форме»); *at the peak* “the point of greatest development, value, or intensity” [AHDEL]; *at the height of one's powers* “if someone such as a great writer or musician is at the height of their powers, they are doing the best work of their whole life” [CDO]; *feel up to* “to feel able to, esp. to feel strong or healthy enough to” (usually used with a negative or in a question): *I don't feel up to going out tonight* [RHKWCD]; *be up and about (amer. be up and around)* “recovered and able to move about”; “once again in good health after an illness”: *My sister was ill for several weeks, but is now up and about again* [DAI]. Ориентационный признак избыточности концептуализируется полнотой тех качеств, которые характеризуют активного человека: *full of beans* (Informal) “energetic”; “vigorously active”; “vital”: *He is still full of beans at 95* [<http://www.thesaurus.com>]; *full of bush fire* “energetic”; “frisky”: *The children were too full of beans to sit still* [AHDEL]; *with might and main* “with all the vigor, force, or energy at one's command”: *They pulled with might and main* [CID] («изо всех сил»).

Можно обнаружить характеристику активности в концепте «здоровье» с ориентационным признаком «внутри» в многочисленных примерах: *in the prime of (one's) life/ in one's prime* “in

the best, most successful, most productive stage” [CALDT]; *in high gear* (Am) “very active and productive” [CDO]. Представленные во фразеологизмах ориентационные метафоры организуются в сознании за счет концептуальных признаков: high, prime, perfection, которые имеют основные значения «первосортный», «превосходный»: *Her mind was in high gear during the debate competition* [AHDEL].

Так же можно охарактеризовать ФЕ *in shape/condition* “in good condition”; “able to perform well” [DAI] как имеющий вещественную форму контейнера form или не имеющий никакой наглядно-чувственной формы condition. Соответственно можно разделить все фразеологизмы, независимо от ориентационного признака, на выражающие в своих вариантах вещественную и невещественную формы.

Представителями вещественной формы являются идиомы *have quick silver in (one’s) veins* “be quick and alive” [DAI]; *fire in smb’s / the belly* inf. “if you have fire in your belly, you are ready to fight with energy and determination for what you believe is right”: *He will approach the committee with plenty of fire in his belly* [CID]; *(be) back in the fast lane* или подобное выражение *life in the fast lane* “a way of living that is full of excitement, activity, and often danger”: *Parties and women – he was living life in the fast lane* [CALDT].

Нередки примеры с невещественной формой вместилища: *in fighting/ good trim* “ready to deal with a situation, especially because you are in good physical condition”. *It was a challenging performance, but the dancers were in fighting trim* [CID]. Концептуализацией силы и энергии человека в большинстве рассмотренных примеров является локализация, гораздо реже встречаются ФЕ о перемещении объекта, например: *come in / to one’s senses* 1) «прийти в себя»; 2) «взяться за ум»; 3) «прийти в сознание».

Перейдем к рассмотрению ФЕ горизонтально-го измерения активности с предлогом on: *be / hit / run / fire / operate / work on all (four/six) cylinders* (уст. сленг) 1. «прекрасно себя чувствовать, быть в прекрасной форме»; 2. «работать на полную мощность» (не покладая рук); 3. «действовать осмысленно, разумно». В данном выражении пространственные параметры денотативной ситуации различны: “be / hit / run / fire / operate / work” – это движение, “on” – это горизонтальная плоскость, “all (four, six)” определенное количество объектов, “cylinders” – совокупность однородных объектов.

Не менее важной частью содержимого health является красивый внешний вид, который не упоминается в определении health, а значит, является вторичным. Рассмотрим его концептуализацию с ориентационным признаком «внутри»:

in the pink (of health / condition / perfection) “in very good health” [CALDT]; *in blooming health / blooming with health* “flourishing” [CED]; *be in face* “look good” [CED] (уст. «прекрасно выглядеть»); *to be in full / fine / good / great feather* “in good form”; “in good spirits”. *Mary was really in fine feather tonight. Her concert was great! I feel in fine feather and ready to go!* [MHDAIPhV]; *be in fine/ good/ high fettle* “looking healthy, alert, well dressed and in good spirits”. В данной идиоме fettle означает порядок, поэтому быть в полном порядке – значит быть в здравии. Внешность объективируется в сознании как состояние в некотором вместилище, обладающее (face) или не обладающее (pink, health) границами. Усиление когнитивного фокуса на положительном качестве вместилища эксплицируется положительным его свойством (fine, good, high).

Противоположным признаку «внутри» является признак «снаружи». В категории внешности этот признак проявляется во внешнем наведении красоты, лоска: *be / look rosy about (around) the gills* “to have a fresh complexion” [CID] (амер. иметь здоровый вид, выглядеть здоровым, бодрым): *Binnie, as brisk and rosy about the gills as chanticleer, broke out in a morning salutation* [Large English-Russia phrasebook]. Внешность категоризуется с помощью предлогов around / about “position in a particular place” or “position around a place, often without a clear purpose or order” [CDO].

В признаке «избытка» в категории внешности сознание стремится к большему, так как обладание большим положительно, меньшим – отрицательно. *Gain colour* “increase in healthy colour” [AHDOPV] («приобрести румянец»); *to gain strength* “to increase with respect to something”: *The athlete gained in strength, but lost in agility* [AH-DOPV]; *to brim over with health* “to become full of something, especially a liquid”: *He brims over with health* [CDO]; *bursting with health* “(one is) very healthy-looking, with good facial colour” [CDO].

Особенностью ориентационных метафор является наличие в них предлогов, обозначающих определенное пространственное положение, которое соотносится с оппозиционными концептами: «внутри-снаружи», «верх-низ», «над-под». Такие пространственные отношения объясняются взаимодействием человека с окружающим миром, физическим и культурным опытом человека.

Проанализировав фактический материал по основным (физическое, ментальное, душевное) и дополнительным (активность, внешность) категориям здоровья, приходим к выводу, что их появление обусловлено когнитивными процессами в сознании, тем, что тело человека имеет определенные свойства и границы и проявляет свои

свойства в окружающем физическом пространстве. Человек является определенным объектом в пространстве, отграниченным своими физическими характеристиками от этого пространства, поэтому наиболее частой ориентацией является противопоставление «внутри-снаружи».

Исходя из представленных особенностей восприятия пространства и категоризации ориентационных метафор, можно количественно представить пространственные обозначения: «внутри» – 35 ФЕ, «на» – 18 ФЕ, «вверх» – 24 ФЕ. Из общего количества единиц, номинирующих здоровье, отобраны только те, которые указывают на движение или ориентацию в пространстве. Исследованные фразеологизмы с предлогом (предложным наречием) *in* указывают на статичное пребывание в определенном месте или направлении движения. При этом большинство ФЕ показывают статичное состояние, это обусловливается самим определением здоровья как нормального состояния. Поэтому чаще всего в словарях устойчивые выражения даны с глаголом *be*, а в случае его отсутствия данный глагол имплицитно, особенно если учесть, что одно из четырех основных значений предлога *in* имеет отношение к состоянию здоровья и кодирует один из важнейших человеческих концептов.

Направление движения выражает конкретную локализацию объекта в пространстве, она концептуализируется: вещественно или невещественно. «Избыток» подчеркивает не столько предлог (предложное наречие) *over*, сколько общее значение фразеологизма ввиду входящих в него признаков данной семантики полноты или избытка (*more*, *full of* и др.).

Таким образом, мы видим в значениях устойчивых выражений различное пространственное восприятие здоровья, которое колеблется от отчетливого, узкого к максимально широкому, расплывчатому и абстрактному. Предлоги помогают человеку осуществлять языковую концептуализацию пространства себя и других объектов. Представленный спектр оценочности во всех описанных категориях показывает яркую положительную оценку, симпатию, радость, эмоциональный подъем. Из рассмотренных признаков здоровья преобладает признак активности, так как он связан одновременно со всеми остальными базовыми и дополнительными составляющими здоровья, а значит, любая единица данной тематики охватывается данным признаком.

Список литературы

Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 208 с.
Базарова Б. Б. Концептуальный анализ частицы *in* в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 174 с.

Базарова Б. Б. О семантике пространственных частиц // Базарова Б. Б. Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. М.: Рязань: Институт РАН; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2007. Вып. 5. С. 39–41.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Филология. Искусствоведение: Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 1(93). С. 11–16.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской фразеологии. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2001. С. 123.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 127–134.

Голубкова Е. Е. Диалектная вариативность лексики как проявление альтернативных способов концептуализации действия (на материале фразовых глаголов английского языка) // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 19(730). С. 152–158.

Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 84–90.

Манерко Л. А. Перевод как средство взаимодействия культур // II Междунар. науч. конф. М.: Москов. гос. ун-т им. Ломоносова. Высшая школа перевода, 2015. С. 206–213.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

ANDEL – *American Heritage Dictionary of the English Language*. 5th ed. US: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2011. 2074 p.

ANDI – *The American Heritage Dictionary of Idioms* / C. Ammer. US: The Houghton Mifflin Harcourt, 2003. 474 p.

ANDOPV – *The American Heritage Dictionary of Phrasal Verbs*: by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2005.

BLTWCB – *Burton's legal thesaurus* William C. Burton, Fourth Edition: McGraw-Hill, 2006. 1040 p.

BNC – *British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 21.04.2016).

CALDT – *The Cambridge Advanced Learner's English Dictionary*. Cambridge University Press, 2003. 1550 p.

CDAI – *The Cambridge Dictionary of American Idiom*. Cambridge: Cambridge University Press 2003. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 15.04.2016).

CED – *The Collins English Dictionary*. URL: <http://dictionary.reference.com/> (дата обращения: 12.04.2016).

CID – *Cambridge Idioms Dictionary*. 2nd ed. UK: Cambridge University Press, 2006 [reproduced

with permission]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 27.03.2016).

CDO – *Cambridge Dictionary Online*. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 30.03.2016).

DAI – *Dictionary of American Idioms*. URL: <http://www.idioms.enacademic.com/> (дата обращения: 04.04.2016).

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 256 p.

Langacker R. *Grammar and Conceptualisation*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

LDOCE – *Longman Dictionary of Contemporary English*. 6th impr. England: Pearson Education Limited, 2003. 1950 p.

MHDAIPhV – *The McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*. US: The McGraw-Hill Companies, 2006. 1098 p.

MWD – *The Merriam-Webster's Dictionary online*. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 05.04.2016).

OALD – *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, by Oxford University Press, 2016. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 02.04.2016).

OED – *The Oxford English Dictionary online*. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 05.04.2016).

RHKWCD – *Random House Kernerman Webster's College Dictionary*. URL: <http://dictionary.reference.com/> (дата обращения: 17.04.2016).

TAHDOI – *The American Heritage® Dictionary of Idioms* by Christine Ammer, 1997 by The Christine Ammer. Published by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

Talmy L. *Semantics and Syntax of Motion // Syntax and Semantics*. New York; San Francisco; London: Academic Press, Inc., 1975. Vol. 4. P. 108–139.

Talmy L. *Lexical typologies // Language Typology and Syntactic Description*. Second edition. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon / ed. by T. Shopen. CUP, 2007. P. 66–168.

WC – *Word Crow Dictionary*. URL: <http://www.wordcrow.com/> (дата обращения: 14.04.2016).

WRUD – *Webster's Revised Unabridged Dictionary*, published 1913 by C. & G. Merriam Co.

References

Amosova N. N. *Osnovy angliyskoy frazeologii* [Fundamentals of English Phraseology]. Leningrad, St. Petersburg State University Publ., 1963. 208 p.

Bazarova B. B. *Kontseptual'nyi analiz chastitsy in v sovremennom angliyskom yazyke*. Diss. kand. fil. nauk [Conceptual analysis of the particle in]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1999. P. 174.

Bazarova B. B. O semantike prostranstvennykh chastits [On semantics of spatial particles]. *Baza-*

rova B. B. Kognitivnaja lingvistika: novyye problemy poznaniya. Sbornik nauchnykh trudov [Cognitive linguistics: new issues of cognition. Collection of scientific papers]. Ed. by L. A. Manerko. Moscow, Ryazan, 2007. Iss. 5. P. 39–41.

Boldyrev N. N. Interpretirujushchaya funktsija jazyka [The interpretive function of language]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences. Study of Art]. 2011. Iss. 1(93). P. 11–16.

Boldyrev N. N. *Kognitivnaja semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy frazeologii* [Cognitive semantics: Course of lectures on English phraseology]. Tambov, Tambov State University Publ., 2001. P. 123.

Gak V. G. Vyskazyvanie i situatsija [Utterance and the situation]. *Problemy strukturnoy lingvistiki. 1972* [Problems of structural linguistics. 1972]. Moscow, 1973.

Gak V. G. Prostranstvo vne prostranstva [Space outside space]. *Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv. Jazyki russkoj kul'tury* [Logical analysis of language. Languages of spaces. Languages of Russian culture]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. P. 127–134.

Golubkova E. E. Dialektnaya variativnost' leksiki kak projavlenie al'ternativnykh sposobov kontseptualizatsii dejstvija (na materiale angliyskogo jazyka) [Dialect vocabulary variation as manifestation of alternative ways for the action conceptualization (a case study of phrasal verbs in English)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University]. 2015. Iss. 19(730). P. 152–158.

Kubryakova E. S. Glagoly dejstvija cherez ikh kognitivnye kharakteristiki [Action verbs through their cognitive characteristics]. *Logicheskij analiz jazyka. Modeli dejstvija* [Logical analysis of language. Action models]. Moscow, Nauka Publ., 1992, P. 84–90.

Manerko L. A. Perevod kak sredstvo vzaimodejstvija kul'tur [Translation as a means of interaction between cultures]. *II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferentsija* [II International scientific conference]. Moscow, Lomonosov Moscow State University. Higher School of Translation and Interpretation Publ., 2015. P. 206–213.

AHDEL – *American Heritage Dictionary of the English Language*. 5th ed. US, Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2011. 2074 p.

AHDI – *The American Heritage Dictionary of Idioms* / C. Ammer. US, Houghton Mifflin Harcourt, 2003. 474 p.

AHDOPV – *The American Heritage Dictionary of Phrasal Verbs*. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2005.

BLTWCB – *Burton's legal thesaurus* / William C. Burton, Fourth Edition. McGraw-Hill, 2006. 1040 p.

CALDT – *The Cambridge Advanced Learner's English Dictionary*. UK, Cambridge University Press, 2003. 1550 p.

CDAI – *The Cambridge Dictionary of American Idiom*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. Available at: <http://idioms.thefreedictionary.com> (accessed 15.04.2016).

CED – *The Collins English Dictionary*. Available at: <http://dictionary.reference.com/> (accessed 12.04.2016).

CID – *Cambridge Idioms Dictionary*. 2nd ed. UK, Cambridge University Press, 2006 [reproduced with permission]. Available at: <http://idioms.thefreedictionary.com/> (accessed 27.03.2016).

CDO – *Cambridge Dictionary Online*. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/> (accessed 30.03.2016).

DAI – *Dictionary of American Idioms*. Available at: <http://www.idioms.enacademic.com/> (accessed 04.04.2016).

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. P. 256.

Langacker R. *Grammar and Conceptualization*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2000.

Large English-Russian phrasebook. Available at: http://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/ (accessed 23.06.2016).

LDOCE – *Longman Dictionary of Contemporary English*. 6th impr. England, Pearson Education Limited, 2003. 1950 p.

MHDAIPhV – *The McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*. US, McGraw-Hill Companies, 2006. 1098 p.

MWD – *The Merriam-Webster's Dictionary online*. Available at: <http://nws.merriam-webster.com/> (accessed 05.04.2016).

OALD – *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford University Press, 2016. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/> (accessed 02.04.2016).

OED – *The Oxford English Dictionary online*. Available at: <http://www.etymonline.com/> (accessed 05.04.2016).

RHKWCD – *Random House Kernerman Webster's College Dictionary*. Available at: <http://dictionary.reference.com/> (accessed 17.04.2016).

TAHDOI – *The American Heritage Dictionary of Idioms by Christine Ammer*. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 1997.

Talmy L. *Semantics and Syntax of Motion. Syntax and Semantics*. New York – San Francisco – London, Academic Press Inc., 1975. Vol. 4. P. 108–139.

Talmy L. *Lexical typologies. Language Typology and Syntactic Description*. Second edition. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon. Ed. by T. Shopen. CUP, 2007. P. 66–168.

Tesniere L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa [Fundamentals of structural syntax]*. Moscow, Progress Publ., 1988, 656 p.

WC – *Word Crow Dictionary*. Available at: <http://www.wordcrow.com/> (accessed 14.04.2016).

WRUD – *Webster's Revised Unabridged Dictionary*. C. & G. Merriam Co., 1913.

PECULIARITIES OF SPATIAL MODELING WITH PHRASEOLOGICAL UNITS NOMINATING HEALTH IN THE ENGLISH LANGUAGE

Marina A. Vitko

Postgraduate Student in the Department of English Phonetics and Lexis
Moscow State University of Education

Teacher of English and German
School № 118

The article investigates peculiarities of spatial modeling and categorization of spatial experience based on the study of phraseological units with the meaning of health in English. The work presents the cognitive-oriented approach and explores axiological characteristics of the units under study. Health is seen not only in its physical manifestation but also through its mental and psychological components. In addition, attention is paid in the research to secondary signs of health (appearance, mood, behavior) and their representation by linguistic tools. This article analyzes orientational metaphors of the main health components: physical, mental and emotional state. Within a human's cognitive activity, they represent mental spaces with orientational metaphors “inside” (where?) – “inwards” (where to?), “up” (where?) – “upwards” (where to?). Prepositional adverbs in phraseological units show the direction of movement, distance and location of objects in space and also identify static images and continuous motion.

Key words: phraseological modeling; orientational metaphor; prepositional adverb; physical health; mental health; emotional state; health concept.

УДК 81'34

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-75-82

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КОНЦЕПТОВ *LIST* И *CATALOG*: ВАРИАНТ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКА ДЛЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ СИСТЕМ

Андрей Валерьевич Носов

старший преподаватель кафедры иностранных языков и связей с общественностью
Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614013, г. Пермь, ул. Поздеева, 13, корп. Г. andrey.nosoff@gmail.com

В статье рассматриваются два близких по значению понятия, отражающие мировоззрение человека. Целью работы является определение наиболее подходящего концепта для его дальнейшего применения в качестве упорядочивающей или перечислительной единицы в семантических исследованиях. Эти единицы существуют независимо от наблюдателя и могут проявляться в системе различий и противопоставлений. С учетом нашего предположения, выделяем *LIST* и *CATALOG* как близкие по значению слова с целью выявления факторов, определяющих выбор того или иного концепта, исходя из объективных семантических критериев. С этой целью проводится предварительная разработка схемы логистического регрессионного анализа. В центре внимания оказывается выявление содержания и динамики понятий *LIST* и *CATALOG* с позиций (1) четырех стилевых регистров языка (академического, разговорного, литературного, газетного), (2) семантического признака притяжательного значения, (3) семантического признака единственного/множественного числа, (4) постмодификаций, (5) премодификаций и (6) конструкций родительного падежа.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика; логистическая регрессия; сравнительный анализ; семантика; близкие по значению понятия.

1. Introduction

Nowadays complexity in application of near-synonymous words motivates researchers in the field of lexical semantics to focus their attention on this phenomenon. We basically concentrate on varying degrees of loose synonymy with the aim to differentiate the concepts *LIST* and *CATALOG*. Here we refer to Miller & Charles (1991) who identify not only a significant conjunction in meaning between two notions, but also some contextual representation. This idea is supported by Leitner [Leitner 1993] in his work on the meaning of the words in the "real English" and developed by Hunston adopting corpus-based analyses of words within this problem. [Hunston 2002] Later Gries and others exemplified corpora based on naturally-occurring language samples [Gries 2006: 4, Geeraerts 2006, Gibbs 2007].

Today the widespread use of computers and the development of corpus semantics create a strong foundation in the study of near-synonymous words. Following the corpora Church, Ward, Gale, Hanks, Hindle and Moon [Church, Ward, Gale, Hanks, Hindle and Moon 1994] study the synonyms *ASK FOR*, *REQUEST* and *DEMAND*. Levshina, Speelman and

Geeraerts [Levshina, Speelman and Geeraerts 2014] investigate the difference between the Dutch causative verbs *DOEN* and *LATEN*, Gilquin [Gilquin 2003] analyzes verbs *GET* and *HAVE*, Gries [Gries 2001] compares English adjectives ending in *-ic* or *-ical*. Glynn [Glynn 2007] quantifies the similarity between *HASSLE*, *BOTHER* and *ANNOY*. Supakorn Phoocharoensil [Phoocharoensil 2010] examines *ASK*, *BEG*, *PLEAD*, *REQUEST*, *AND APPEAL*, concentrating on their lexical, syntactic, and stylistic information. K. Hoffmann [Hoffmann 2002] analyzes the six synonymously used adjectives *NICE*, *KIND*, *LOVELY*, *FRIENDLY*, *GORGEOUS* and *PLEASANT*. Gries and Otani [Gries and Otani 2010] test the near-synonyms *BIG*, *GREAT* and *LARGE* in a corpus study.

All of them apply the behavioral approach to gain round insights in the analysis of semantic differences of near-synonymous words. In this work I will also follow them to a certain extent.

2. Background information

The starting point of my analysis is to distinguish criteria for allocation of synonyms. In modern linguistic we can differentiate synonyms by:

1. Collocation analysis;
2. Definition of context register (style);
3. Grammatical pattern differentiation;
4. Dialect usage;
5. Referential analysis (connotations).

From this point of view a look at English dictionary definitions detects rather a few similarities in meaning between LIST, CATALOG, REGISTER, SCHEDULE, NOMENCLATURE, ROLL and INVENTORY. In fact, in certain cases the definitions of these lexical items seem to be circular. Considering these notions within a computational approach reduces the collection to two samples. Hence the most accurately allocated opposition is LIST and CATALOG. If we consider the definitions of LIST taken from several dictionaries (New Shorter Oxford English Dictionary (1993), Collins English Dictionary (1994), Collins Thesaurus of the English Language (2002), Longman Dictionary of Contemporary English (2009), Random House Webster's College Dictionary (1996), Ozhegov S. I. and Shvedova N. Yu Defining Dictionary of Russian Language (1992) and others) it becomes evident that REGISTER, SCHEDULE, NOMENCLATURE, INVENTORY, ROLL almost infallibly occur as one of the variations of LIST; at the same time CATALOG also has a strong resemblance to LIST, that U. Eco in his work "Infinity of Lists" [Eco 2009] often substitutes one for another. Thus I put a task to find out the main lines of these two concepts.

Firstly I give their definitions below:

LIST¹

1. A series of names or other items written or printed together in a meaningful grouping or sequence so as to constitute a record;
2. Computing a linearly ordered data structure;
3. A database containing an ordered array of items (names or topics);
4. Item, point;
5. An alphabetical index of names and topics along with page numbers where they are discussed.

CATALOG²

1. A list or itemized display, as of titles, course offerings, or articles for exhibition or sale, usually including descriptive information or illustrations, a publication, such as a book or pamphlet, containing such a list or display;
2. An enumeration;
3. A card of the contents of a library or a group of libraries, arranged according to any of various systems;
4. Any record;
5. A written work or composition that has been published (printed on pages bound together);
6. A complete list of things; usually arranged systematically;

7. A series, as of names or words, printed or written down.

By comparison of these dictionary definitions:

1. We note that the words LIST and CATALOG in modern English are poly-semantic (in the analysis I take into consideration only nucleus dictionary definitions which allow me to define their values in modern English; I don't consider obsolete definitions or others used for special purposes).

2. We appreciate the componential structure containing rather similar integrated and differential components. The Presence of integrated components in the structure of concepts under consideration is reflected by five groups of semantic elements:

1. *Series, set, sequence, grouping, array;*
2. *Things, names, numbers, items, members, words, topics, files, point;*
3. *Data structure, database, record;*
4. *Written, printed, imagined, ordered, contributed and stored;*
5. *Computing, containing, listing.*

At first glimpse the differential components in the structure of definitions reflected by verbal or non-verbal symbolic representations are the same. Eventually, it isn't difficult to find out some utterances where these concepts can replace each other:

(1) *Rather than lump genomics and genetically modified organisms (GMO) into the upcoming chapter where I elaborated the **list** of technologies that will transform agriculture, I chose to address them here because a topic so controversial and misunderstood warrants extra time to sort through.*

(2) *I have read every historical work that I have been able to lay my hands on, from a **catalog** of dry facts and dryer dates to Green's impartial, picturesque "History of the English People"; from Freeman's "History of Europe" to Emerton's "Middle Age"³.*

Elaborating the similarities in the usage of these words and in their context dependencies we seek to show a number of distinctions at the semantic level. At this stage we put forward **the first hypothesis**. In spite of the fact that CATALOG has more dictionary definitions (i.e. more concrete meaning) its scope is much narrower than the LIST one.

(3) *«... un caso de enumeración caótica, donde aparentemente no hay ningún nexo entre los varios elementos de la lista. No obstante, merece la pena desempolvar una distinción entre enumeración conjuntiva y enumeración disyuntiva. Una enumeración conjuntiva reúne también cosas distintas que aportan al conjunto una coherencia, ya que es el sujeto mismo el que las ve o están consideradas en un idéntico contexto; por el contrario, la enumeración disyuntiva expresa una fragmentación, una especie de esquizofrenia del sujeto que concibe una secuencia de impresiones*

disparatadas sin conseguir atribuirles utilidad ninguna» [Eco 2009: 2]⁴. This judgment underlines free and open character of the category LIST.

In the sentence below the semantics of LIST includes the meaning of CATALOG and transforms it into one of its features. Hence the sum of tokens LIST should be greater than the CATALOG one in the same corpus.

(4) *El catálogo de un museo representa un ejemplo de lista práctica, que se refiere a objetos existentes en un lugar determinado, y como tal está necesariamente acabada* (Translated by the author from Spanish: “The catalog of a museum represents an example of practical list, which refers to existing objects in certain place, and as such it is closed”) [Eco 2009: 20].

The second hypothesis. We reveal CATALOG in special contexts of *fiction*, *news* and *spoken* register too, but it has respectively low frequency. Hence I suppose the application of CATALOG is appropriate in more *academic* context whereas LIST is introduced in more universal way and is equally represented in all four registers. I will try to extract it from the data and theory focusing on (a) the distribution of LIST and CATALOG across four language registers mentioned above.

The third hypothesis considers the academic register as equally appropriate for both LIST and CATALOG.

(5) *For a list of Fourier's publications see the Catalog of Scientific Papers of the Royal Society of London.*

One more criterion we use of in order to distinguish LIST and CATALOG are grammatical patterns. Fairly often near-synonymous words don't have the similar grammatical patterns. Probably it is the most frequently corpus-linguistically studied area. In my research I come across four semantic features (possessive meaning, pre-modification, post-modification and genitive meaning)

The semantic feature of (b) **possessive meaning** that I analyze arises in this case from narrowing semantics and uniform effects of the notions LIST and CATALOG. R. Barker says that quantification property, termed possessive existential import, is intimately related to the notion of narrowing [Barker 1995], i.e. narrowing has implications for compositional analysis of any meaning. I apply these semantics to the issue of definiteness extent of LIST and CATALOG. Here I suppose LIST tends more than CATALOG to expanding semantics and not to narrowing (**the fourth hypothesis**).

One linguistic tool that reflects the semantic development level of the words is the analysis of the structural devices used to modify noun phrases. In English, modifiers stand before the head noun – (c) **pre-modifiers** – or after the head noun – post-

modifiers. Most pre-modifiers in English are phrasal. We allocate three main structural variants of pre-modifiers: nouns (*donor list*), participial adjectives (*detecting list*) and attributive adjectives (*short list*). The Difference in the level of interaction between pre-modifiers and head nouns LIST and CATALOG suggests their order of semantic covering and introspective degree. We assume LIST as more pre-modified than CATALOG (**the fifth hypothesis**).

In contrast, (d) **post-modifiers** indicate concept functionality degree i.e. show which concept has a larger functional area. We define two groups of post-modifiers:

1. clausal
  - finite relative clauses (*catalog indexes that represented this topic*)
  - non-finite participial clauses (*a. list tracking the polls; b. a new catalog held in position*)
  - to-clauses (*list to modify*)
2. phrasal
  - prepositional phrases ('Fashion', new catalog)
  - appositive noun phrases (list of requirements)

Pre-modifiers and post-modifiers are more common for informational written registers (fiction, newspaper or academic) than for others [Varantola 1984; Halliday 1987]. Generally, they are about equally common [Biber 2002: 578]. In this work, I admit that LIST being more general concept than CATALOG needs to be specified by operations, caused by it. I allow the hypothesis about LIST as more post-modified than the CATALOG in all the registers to extract from the data and theory (**the sixth hypothesis**).

In the present study we also introduce (e) **the genitive meaning predictor** (of-genitives and 's-genitives). I introduce some restrictions at this stage. Firstly, of-genitives and 's-genitives are considered as two roughly equivalent ways of saying the same thing [Labov 1972]. Secondly, “have sentences cannot account for the wide range of semantic readings available in many's genitive constructions”. [Shumaker 1975: 71] Hence we exclude this point from the analysis. Thirdly, we restrict our attention to genitive occurrences with non-pronominal possessors/possessums.

From this point of view the genitive meaning complements tenors of concepts in the ambiguous realizations, as well as their measuring and explanatory features based on the principle of similarity.

Our aim is to test two assumptions: (1) both variants LIST and CATALOG being self-determinate are not frequently represented within genitive constructions (**the seventh hypothesis**) and (2) LIST in

genitive constructions favors less written registers (newspaper, fiction or academic) (*the eighth hypothesis*).

3. The method

To model the joint impact of the features presented above on choice between LIST and CATALOG, I draw on logistic regression analysis. Multiple logistic regression performed in R quantifies the effect of individual explanatory factors on a binary dependent variable, such as the effect of repeatable characteristics.

The mechanism of multiple logistic regression also allows to measure the relationship between the categorical dependent variable and one or more independent variables by estimating probabilities using a logistic function, which is the cumulative logistic distribution. Thus, it considers the calculation of the most suitable option in the quantitative way. By means of regression I seek to predict a probability of application of a concept LIST as a computational unit and to build a strong base to avoid inaccuracies in the usage of terminology at further researches on semantics of ordering and enumerative units. The Performance of this task is conducted by comparing the predictors of concepts LIST and CATALOG.

3.1. The response variable

After having retrieved 1600 samples from the COCA, we annotated them for the variables below.

The response variable is encoded automatically with two values, CATALOG and LIST, with LIST as a success category.

3.2. The predictor register

Earlier we made the assumption that the CATALOG is used mainly in the strict professional and academic environment and is drawn towards a specification of the field of subjects covered by its semantics whereas the LIST has more common semantics and is respectively more open for a wide application.

In our work we considered distributions of these words across four registers of the language (academic, spoken, fiction, newspaper) on the data of the COCA.

Further we calculated a percentage ratio of the distributed cases in Excel according to 4 registers to the sum of all cases for the purpose of creation of more independent picture.

Then we allocated for the analysis 1600 occurrences in general and distributed 400 items in each register. On the basis of Table 1 containing a percentage ratio of words LIST and CATALOG we allocated their quantitative ratio.

Figure 1

Frequency plot of CATALOG and LIST

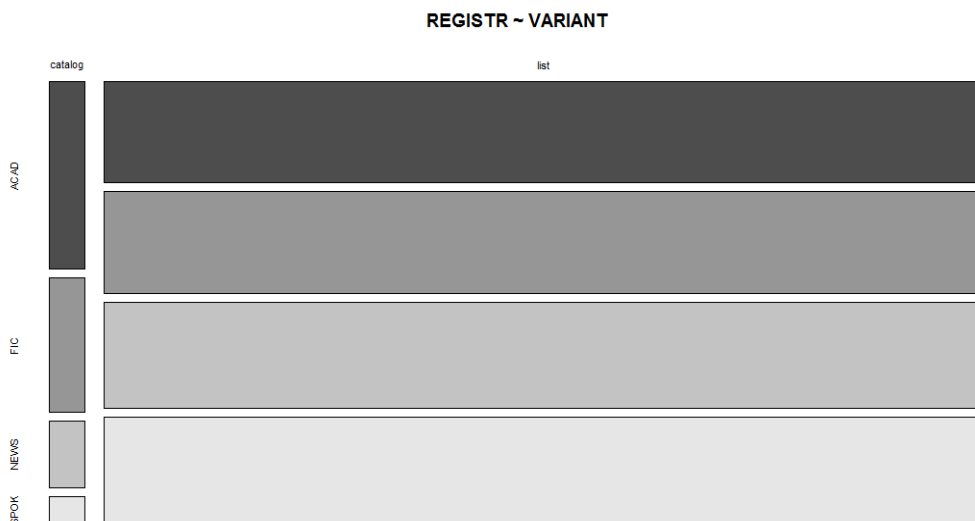

Table 1

The number of instances of CATALOG and LIST in the four sections of COCA (Corpus of contemporary American English) and their percentage within a particular register

	Academic	Spoken	Fiction	Newspaper
CATALOG	893 7%	117 1%	362 5%	423 2%
LIST	11926 93%	11181 99%	6628 95%	17812 98%
Total	12819	11298	6990	18235

Table 2

The number of instances analyzed in the case study

	Academic	Spoken	Fiction	Newspaper
CATALOG	28	4	20	10
LIST	372	396	380	390
Total	400	400	400	400

Based on the data of *Table 1* I draw a conclusion that the frequency rate of the word LIST considerably exceeds one of CATALOG. This fact corroborates our hypothesis about the scope of the word CATALOG in non-technical registers which is much narrower than the LIST one (2).

The additional conclusion for further research on semantics of CATALOG and LIST is about rather low realization regarding other registers of both words in the fiction register that means these concepts are not often represented in the non-formal context.

Table 2 shows that we observe CATALOG mainly in specialized, professional and academic contexts whereas LIST is inherent for both formal and spoken contextual environment. In spite of the fact that the percent of LIST samples at spoken register is rather high (11 181 occurrences), the newspaper register (17 812 occurrences) still remains the most appropriate for the word LIST. Hence the hypothesis that LIST is inherent for contextual environment of a spoken language partly came true.

The purpose of the predictor register is to show whether non-technical registers favor LIST in any layout, that is when REGISTER, SCHEDULE, NOMENCLATURE, ROLL, INVENTORY are left out of the picture.

3.3. The predictor QUANTIFIED POSSESSIVE MEANING

The semantic feature of possessive meaning that we analyze in our case study is based firstly on narrowing and uniformity effects within the utterances with the notions LIST and CATALOG. Barker points out that quantification property, termed possessive existential import, is intimately related to the notion of narrowing [Barker 1995], i.e. narrowing has implications for compositional analysis of the meaning. We apply the proposed semantics to the issue of definiteness extent of LIST and CATALOG. Even though both words can be used to illustrate the narrowing effect, LIST seems to exhibit more versatility.

Considering LIST and CATALOG we notice that they are not only automatically narrowed by possessives, but become a kind of non-symmetric quantified units. Thus particular quantified possessors present LIST and CATALOG as the phenomenon of quantification. Examples include:

(4) Not every of his *list* is as good as that one.

(5) Our *list* – a scrolling queue of names that lined his left forearm – was always changing.

(6) Most of my *catalogs* are better than in previous years.

Additionally we notice that presupposition is the pragmatic mechanism that enforces narrowing [Beaver 2001]. It might be suggested that this mechanism inserts a presupposition of one part of a sentence's meaning in another. Thus we can quantify narrowing by limiting to range only pre-possessors.

Hence:

1. Possessives are capable of narrowing the domain of quantification;

2. Possessive's narrowing ability is related to the common feature of the possessor quantification;

3. Narrowing can be accomplished by a quantification of the cases of pre-possession.

The presence of quantified possessive meaning is simply encoded as "yes" and the absence as "no". In the dataset of 1600 observations, there are 281 cases of *poss. meaning = yes* and 1319 cases of *poss. meaning = no*

3.4. The predictor PLURAL MODIFICATION

The probability of the use of LIST and CATALOG in plural form with a possessive pronoun increases in the presence of a negative estimated component in the semantics of the closest context.

(13) *Desire to be on these lists might unintentionally be contributing to not just the growth in AP test-taking revealed.*

(14) *Visualizing context and his knowledge of images in the earlier literature isn't evident in his catalogs.*

The main condition of using LIST in the form of plural is the contextual specification of noun meaning which can be carried out in two ways: as sampling in CATALOG case and unitarization of a lexical meaning of a noun in the LIST case.

(15) *News and World Reports to determine lists of "Best High Schools" of strongly integrates AP and International Baccalaureate.*

(16) *The 2005 workshop FRBR in 21st Century Catalogs (FRBR Workshop) is the first known venue.*

We observe the similar division in the combination with numerals and other quantitative determinants, and also in contexts with the indirect instruc-

tion on plurality of the considered concepts of LIST and CATALOG.

(17) *There were 21982 patients in the USA on waiting several lists for various organs but only 4248 cadaveric organ donors.*

(18) *Curators and educators as well take the information provided by these five catalogs as factual.*

In these cases they gain ability to transfer quantitative feature. It is possible to call this process quantification of LIST and CATALOG and in this regard to distinguish two ways of quantification: discrete and unitary.

There are 6 cases of plural modification and 1594 cases in singular form.

3.5. The predictor PRE-MODIFICATION

«Pre-modifiers are condensed structures. They use fewer words than post-modifiers to convey roughly the same information. Most adjectival and participial pre-modifiers can be rephrased as a longer, post-modifying relative clause...» [Pearson 2002]

LIST being less formal concept is more drawn towards pre-modification. There are certain types of contexts in which lists are rather consistently and regularly used in PRE.MOD utterances.

There are four major structural types of pre-modification in English:

- general adjective: (19) *official list*, (20) *new catalog*;
- -ed participial modifier: (21) *restricted list*, (22) *established catalog*;
- -ing participial modifier: (23) *waiting list*, (24) *publishing catalog*;
- noun: (25) *staff list*, (26) *sales catalog*

In addition, determiners, genitives, and numerals precede the head and modifiers, and help to specify the reference of noun phrases.

There are 868 cases of *pre.mod = yes* and 732 cases of *pre.mod = no*.

3.6. The predictor POST-MODIFICATION

We allocate the predictor **POST.MOD** which stands for post-modification. In this respect there are three values of post-modifiers: (1) prepositional phrases, (2) finite relative clauses, (3) ed-clauses and appositive noun phrases. These values are rather common for written language [Biber 1999]. All instances of phrases that consist of a preposition followed by another word, phrase or clause functioning as a prepositional complement are defined as prepositional phrases.

(27) *Data for our catalog*;

(28) *The list of guests*;

Finite relative clauses have three types: which/who-clauses, that-clauses and non-finite clauses.

(29) *I have a fantastic catalog which nobody has seen before*;

(30) *The librarian showed the catalog that contained all the milestones of the time*;

(31) *It was a list to revive the ancient traditional dish*;

Finally *ed*-clauses and appositive noun phrases seek to add new features to the noun and make the utterance more interesting.

(32) *Catalog presented in the Chapters below*;

(33) *Synonyms, list of frequencies*.

They are used in order to make a sentence more evident, to reflect a more particular component of the noun or to rename a noun beside it.

The presence of **POST.MOD** indicates the high level of internal componential structure of words, as well as the capacity of words to interact with other words and phrases, acting as a measure of something or explanatory tool based on the principle of similarity.

The purpose of the variable **POST.MOD** is to test, firstly, that both variants are post-modified, secondly, that LIST favors a more frequent post-modification.

There are 890 cases of *post.mod = yes*, 710 cases of *post.mod = no*.

3.7. The predictor GENITIVE MEANING

We split up genitive and possessive meanings due to the fact that the first has functions besides the possessive ones, such as:

(1) Indication of the whole/part relations: (34) *three pages of the list*, (35) *cover of the catalog*;

(2) Allocation of qualitative features: (36) *A strict mind of catalog*, (37) *We discuss an exceptional value of lists*;

(3) Designation of the subject of action: (38) *A compilation of lists*, (39) *In view of the growing popularity among young generation was planned a reissue of this catalog*;

(4) Reference to the object of action: (40) *A catalog's ordering*, (41) *A list's enumeration*;

(5) Quality, condition or action holder denotation: (42) *Relevance of the catalog*, (43) *Length of the list*;

(6) Explanation of a word to which it refers: (44) *A set of the list*, (45) *A text of the catalog*;

(7) Introduction of quantitative restrictions: (46) *In the modern world occur a lot of lists*, (47) *Most of the catalogs are built on the alphabetical principle*.

Another argument in favor of genitive meaning allocation apart from the possessive one is submitted by John Lyons [Lyons 1968: 394-395] and Charles Fillmore [Fillmore 1968: 49-50]. They consider that a derivation cannot account for the wide range of semantic readings available in many 's genitive constructions.

'S-genitives and of-genitives are considered as two roughly equivalent ways of saying the same

thing. [Labov 1972] Therefore we include of-genitive and s-genitive constructions in the analysis within the meanings outlined above. There are 371 cases of *genitive meaning = yes* and 1229 cases of *genitive meaning = no* in the corpus.

4. Concluding remarks

Elaboration of the preparatory stage of the analysis in the logistic regression acts an important role in producing quality results. Set parameters determine the course of the study case. All advanced hypotheses delimit the scope and do for verification models.

Explanatory notes

¹ URL: www.thefreedictionary.com.

² Ibid.

³ The examples are taken from the site: Davies M. The Corpus of Contemporary American English (COCA): 425 million words, 1990, URL: www.americancorpus.org.

⁴ a case of chaotic enumeration, where apparently there is no connection between different elements of the list. Nevertheless, it is worth dusting a distinction off between conjunctive enumeration and disjunctive one. A conjunctive enumeration assembles also different things that makes the set to be coherent, since the subject itself consider them in an identical context; on the contrary, the disjunctive enumeration expresses a fragmentation, a species of schizophrenia of the subject that conceives a sequence of ludicrous impressions without any utility feature.

References

- Barker Ch.* Possessive Descriptions. Stanford: CSLI Publications, 1995. 194 p.
- Beaver D.* Presupposition and Assertion in Dynamic Semantics. Stanford: CSLI Publications, 2001. 305 p.
- Biber D., Conrad S., Leech G.* Longman Grammar of Spoken and Written English. Pearson, 2002. 1204 p.
- Charles W. G.* Contextual Correlates of Meaning // *Applied Psycholinguistics*/ 2000. № 21(4). P. 505–524.
- Collins – *Collins English Dictionary* / Ed. by London: Harper Collins, 1994. 1791 p.
- Collins – *The New Collins Thesaurus* / Ed. by William T. McLeod, London: Collins, 2002. 759 p.
- Church K. W., Gale W., Hanks P., Hindle D., Moon R.* Lexical Substitutability // B. T. S. Atkins and A. Zampolli. Computational Approaches to the Lexicon. Oxford University Press, 1994. P. 153–177.
- Davies M.* The Corpus of Contemporary American English (COCA): 425 million words, 1990. URL: <http://www.americancorpus.org> (дата обращения: 11.06.2016).
- Eco U.* The infinity of lists. Pub: New York: Rizzoli, 2009. 408 p.
- Farlex – *Free Farlex Online Thesaurus* of synonyms, antonyms, and related words. URL: <http://www.thefreedictionary.com/list> (дата обращения: 09.06.2016).
- Fillmore Ch.* “The Case for Case”, In *Universals in Linguistic Theory* / Ed. by Emmon Bach and Robert T. Harms. New York: Holt, 1968. P. 49–50.
- Gilquin G.* Causative ‘get’ and ‘have’: So close, so different // *Journal of English Linguistics*. 2003. № 31(2). P. 125–148.
- Glynn D.* Mapping meaning. Towards a usage-based methodology in Cognitive Semantics. (Unpublished doctoral dissertation). University of Leuven, 2007. 163 p.
- Gries S. Th.* A corpus-linguistic analysis of -ic and -ical adjectives // *ICAME Journal*. 2001. № 25. P. 65–108.
- Gries S. Th. & Otani N.* Behavioral profiles: A corpus-based perspective on synonymy and antonymy // *ICAME Journal*. 2010. № 34. P. 121–150.
- Halliday M. A. K.* Spoken and written modes of meaning / ed. by Rosalind Horowitz and S. Jay Samuels. Comprehending Oral and Written Language. New York: Academic Press, 1987. P. 55–82.
- Hunston S.* Corpora in applied linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 241 p.
- Labov W.* The recent history of some dialect markers on the island of Martha’s Vineyard Mass / ed. by L. M. Davis. Studies in Linguistics in Honor of Raven I. McDavid Jr. University, Alabama Press. with Malcah Yaeger & Richard Steiner. A Quantitative Study of Sound Change in Progress. Philadelphia: U. S. Regional Survey, 1972. P. 1–31.
- Levshina N., Geeraerts D., Speelman D.* Dutch causative constructions with *doen* and *laten*: Quantification of meaning and meaning of quantification / ed. by D. Glynn & J. Robinson. Corpus Methods for Semantics: Quantitative studies in polysemy and synonymy. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 377–414.
- Longman – *Longman Dictionary of Contemporary English*. Fifth edition / Ed.: Harlow, Pearson, 2009. 2081 p.
- Lyons J.* Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge University Press, 1968. P. 394–395.
- Miller G. A., Walter G. Ch.* Contextual correlates of semantic similarity. *Language and Cognitive Processes*. 1991. № 6(1). P. 1–28.
- Peters S.* The Semantics of Possessives. Stanford University Press, 2013. 64 p.
- Phoocharoensil S. A.* Corpus-Based Study of English Synonyms. *International Journal of Arts and Sciences*. 2010. № 3(10). P. 227–245.
- Webster – *Random house Webster’s college dictionary*. Ed.: New York: Random House, 1996. 1567 p.

Shumaker W. The Semantics of the English's Genitive // American Speech. Vol. 50. № 1/2 Spring – Summer. Duke University Press Stable. 1975. P. 70–86.

Speelman D. Logistic regression: A confirmatory technique for comparisons in corpus linguistics. // Ed. by Glynn D. and Robinson J. Corpus Methods in Cognitive Semantics, Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 181–231.

The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles: in 2 vols. / Ed. By Brown L., Little W., Onions C. T. George Washington Salisbury Friedrichsen, Vol. 1 A–M; Vol. 2 N–Z, Oxford: Clarendon, 1993. 3801 p.

Varantola K. On Noun Phrase Structures in Engineering English, Annales Universitatis Turkuensis, Ser. B, Tom. 168), Edité par Turun Ylopisto Turku, 1984. 252 p.

LINGUISTIC PARAMETERS OF THE CONCEPTS *LIST* AND *CATALOG*: LANGUAGE PROCESSING VERSION FOR COMPUTER SYSTEMS

Andrey V. Nosov

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages and Public Relations
Perm National Research Polytechnic University

In this case study we present two near-synonymous concepts which reflect the human outlook. The aim of this work is to define the most appropriate one for its usage in the further investigations on semantics of ordering and enumerative units. Being unconscious and objective, these units exist irrespectively of the observer and can be defined by distinctions and oppositions. From this point of view we get *LIST* and *CATALOG* as near-synonymous words seeking to identify the factors that determine the choice of a concept by objective and semantic criteria. For this purpose we elaborate an outline of multiple logistic regression analysis. The focus of investigation is on the identification of the contents and dynamics of the concepts verbalized by *LIST* and *CATALOG* across (1) four registers of the language (academic, spoken, fiction, newspaper), (2) semantic feature of possessive meaning, (3) plural modification, (4) post-modification, (5) pre-modification and (6) genitive meaning.

Key words: computational linguistics; logistic regression; comparative analysis; semantics; near-synonymous concepts.

УДК 81'42

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-83-91

ЭКСПЛИКАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Евгения Николаевна Харебова

старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. eugene.meh@gmail.com

В статье показано, что тексты комментариев в политико-идеологическом секторе Рунета продуцируются под влиянием свойств массового сознания. Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что наиболее характерными признаками изученного дискурса являются повышенная эмотивность и приглушенность рационального начала, анонимность и ослабленность чувства ответственности пользователей, мозаичность, размытость и фрагментарность идеологических взглядов коммуникантов, стереотипность представлений о действительности и обезличенность продуцируемых речевых конструкций, а также динамичность и изменчивость воплощаемых идеологем. Оппозиционно настроенных пользователей объединяет в массу чувство враждебности по отношению к руководству страны и его сторонникам, которое проявляется в широком использовании негативно-оценочной, в том числе инвективной, лексики, регулярном нарушении этических и правовых норм, распространении стереотипов и нивелировании идеологических различий, существующих между политическими группами.

Ключевые слова: политический интернет-дискурс; комментарий; информативность; массовое сознание; аффективность; стереотипность.

Введение

Цель нашего исследования – изучение феномена враждебности в аспекте проблематики коммуникативно-речевых категорий, под которыми мы понимаем потенциал текстовых, речевых и языковых средств воплощения социально значимого взаимодействия [Мехонина 2015].

В соответствии с представлениями М. М. Бахтина о важнейших характеристиках высказывания как единицы речевого общения (предметно-смысловом содержании, эмоционально-оценивающем отношении и ориентации на собеседника) текстовый материал исследуется в аспекте признаков информативности, тональности и диалогичности.

Наше внимание сосредоточено на изучении содержательной стороны речевого произведения, которая, как известно, осмыслена в лингвистике как типологический признак (категория) информативности. Анализ осуществлялся на материале текстов комментариев к новостным сообщениям на портале Rambler.ru, к видеороликам на сайте youtube.com и постам в социальной сети ВКонтакте, освещающих тему выборов в Государственную Думу РФ 2011 г. и законопроектов, касающихся выборной системы.

В содержании текстов вслед за И. Р. Гальпериным мы различаем содержательно-фактуальную информацию, которая представляет собой сообщения о фактах, событиях, процессах внеязыковой действительности, и содержательно-концептуальную, передающую авторское переосмысление фактов, событий и процессов, происходящих в мире, отношений между явлениями и требующую толкования [Гальперин 1981: 27–28].

Как известно, содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация находятся в тексте в неразрывном единстве. Можно поэтому утверждать, что предметная тема представляет собой научную идеализацию: в речи участников коммуникации она всегда преломляется под воздействием авторского мировоззрения, идеологических оценок, мнений, убеждений и т. п. [Одинцов 1980; Васильева, Салимовский 2011].

Мысль о неизбежности оценки предмета речи автором находит обоснование в трудах М. М. Бахтина. Согласно мнению ученого, экспрессивный момент – оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому моменту высказывания – является конститутивной особенностью последнего, абсолютно нейтральное

высказывание невозможно, сам предмет речи «уже оговорен, оспорен, освещен и оценен по-разному, на нем скрещиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения, мировоззрения, направления» [Бахтин 1979: 270, 264, 274].

Естественно, что в разных сферах общения воплощаемая в тексте информация характеризуется качественным своеобразием. Наш материал показывает, что тексты комментариев в политико-идеологическом секторе сетевого пространства лишь в единичных случаях выражают фактуальное содержание, не осложненное оценочными смыслами. В то же время содержание данных текстов неверно было бы называть концептуальным, если под концептуальным содержанием понимать воплощение какой-либо концепции – «системы связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов» [Словарь 1982: 97], в том числе идеологической доктрины.

Как известно, идеологические концепции формируются на теоретическом уровне политического сознания. Между тем в интернет-коммуникации реализуется в основном не теоретический, а бытовой уровень [Ольшанский 2002: 20]. Поэтому есть все основания утверждать, что в анализируемых текстах воплощается та форма социально-политического сознания, которую в политико-психологических исследованиях принято называть массовым сознанием.

Согласно Д. В. Ольшанскому, массовое сознание представляет собой обыденную разновидность общественного сознания, объединяющую представителей разных социальных групп общими ценностями, переживаниями, настроениями и другими значимыми компонентами сознания в определенные периоды [Ольшанский 2002: 20].

Исследуя феномен массового сознания, М. М. Бахтин использовал понятие «жизненной идеологии» как совокупности жизненных переживаний и непосредственно связанных с ними внешних (прежде всего речевых) выражений, в отличие от сложившихся идеологических систем – искусства, морали, права [Бахтин 1993: 92]. Жизненная идеология, по мнению ученого, должна изучаться с двух сторон: «во-первых, с точки зрения ее содержания, т. е. с точки зрения тех тем, которые актуальны в ней в тот или иной момент, и, во-вторых, – с точки зрения тех форм и типов речевого общения, в котором данные темы осуществляются (обсуждаются, выражаются, испытываются, продумываются)» [там же: 23].

Результаты анализа

Как показал анализ материала, *содержательно-смысловая и собственно речевая организация комментариев политико-идеологического сектора Рунета определяется основными свой-*

ствами массового сознания. Действительно, в комментариях пользователей представлены все основные свойства массового сознания, которые находятся в неразрывном единстве и взаимно дополняют друг друга. К числу этих свойств относятся:

- 1) повышенная эмоциональность, приглушенность рационального начала;
- 2) анонимность и ослабление чувства ответственности индивида;
- 3) мозаичность, размытость, фрагментарность;
- 4) упрощение социальной действительности, стереотипность мышления и обезличенность;
- 5) динамичность и изменчивость сознания [Ольшанский 2002: 21].

В психологическом отношении массовизация предполагает повышенный уровень аффективности у каждого индивида, составляющего эту общность [Лебон 1896; Фрейд 2000; McDougall 1920]. Обязательным условием образования массы, согласно взглядам ученых, выступает «некоторая общность индивидов друг с другом: общий интерес к объекту, однородное чувство в определенной ситуации и (...вследствие этого) известная степень способности оказывать влияние друг на друга» [Фрейд 2000: 783–784].

Эти закономерности отчетливо проявляются в нашем материале. Так, единство оппозиционно настроенных пользователей в Рунете поддерживается разделяемым ими чувством враждебности по отношению к политическому руководству страны и его сторонникам.

Известно, что невозможность удовлетворить свои потребности способствует росту отрицательных настроений. Исследуя феномен фрустрации, психологи отмечают, что, чем больше различие между реальным и желаемым состоянием индивида, тем более агрессивным он становится в отношении предполагаемых виновников сложившейся ситуации [Экспериментальная 1975]. Если эмоциональное напряжение не находит выхода, наблюдаются «массовые выбросы отрицательных настроений», в частности, могут обнаружиться «нежелание масс снижать уровень притязаний, несмотря на неудачи, полное отрицание мыслей о том, что причины неуспеха могут крыться в них самих, стремление обвинить в своих неудачах кого угодно... а также чувство обиды и уверенность в несправедливости» [Ольшанский 2002: 193–194].

Приведем примеры, демонстрирующие повышенную аффективность текстов комментариев¹.

В анализируемых нами комментариях повышенная эмоциональность массового сознания проявляется в широком использовании слов со сниженной стилистической окраской, в том числе бранной и инвективной лексики:

Да не какая • Гаага? К. – падаль, К. надо удивить в параше. А сыкух К. привезти из Гааги и повесить здесь, чтобы воровали поменьше.

Дума, что нижняя, что верхняя, не нужны абсолютно. Это тупые туняядцы, прожиряющие бюджет.

Уже из этих примеров видно, что комментарии пользователей нередко обнаруживают признаки унижения чести и достоинства человека, оскорбления. Встречаются угрозы, а также речевые действия, квалифицируемые законодательством как проявления экстремистской деятельности [Салимовский, Ермакова 2011; Салимовский, Мехонина 2010].

Еще некоторые иллюстрации:

Слыш, • либерально-капиталистическая, когда к власти придут коммунисты, таким как ты просто • поотрезают. Такие мрази как ты, плодятся в России не будут.

Да заткнись ты •. Всем плевать на твое мнение. К. останется президентом и вся страна этому рада. Лучшие пойдут на улице об этом поговори сразу по • [лицу] получишь лох.

Как видим, пользователи угрожают своим оппонентам физической расправой.

К сожалению, многие высказывания содержат речевые показатели экстремизма. Ср.:

...А у нас граница как унитаз, а унитаз – он для чего?.. правильно догадался, читатель, то и плывет. А уже внутри отстреливать – бойцов не хватит, но: «К оружию, граждане!»

Они нам еще за Севастополь ответят гниды ламинские.

Первый комментарий содержит эллиптическую конструкцию (*К оружию, граждане!*), которая в контексте обсуждения возможности введения визового режима со странами Средней Азии представляет собой призыв к насильственным действиям против иммигрантов из этих государств. Второе сообщение включает уничижительную номинацию ряда этнических групп.

Как известно, аффективность предполагает ослабление контроля над рациональностью суждений. Интеллектуальные способности индивида в массе подавляются, снижается критичность его восприятия, что обуславливается повышением эмоциональности и приглушенностью рационального начала в массе [Лебон 1896]. Эта закономерность отчетливо проявляется в изучаемом интернет-дискурсе.

Так, суждения пользователей сети в ряде случаев противоречат здравому смыслу. Однако в самой коммуникативной среде блоггового общения они не воспринимаются как заведомо противоречащие действительности. Важно иметь в виду, что участники интернет-дискуссий проявляют чуткость к мировоззренческим элементам

содержания высказываний и в большинстве случаев не придают значения очевидному искажению действительности, если оно соответствует политическим интересам коммуникантов. Обратимся к речевому материалу:

Фактически К. уже президент [об оппозиционном политике, не зарегистрированном ЦИК и не имевшем практически никаких шансов на победу]. А К* дохаживает последние месяцы.

Если политик не зарегистрирован ЦИК, то он не может баллотироваться в президенты и тем более занимать эту должность.

А решение очень простое! Попалил инспектора на взятке, помог его привлечь, в этом случае снимать преследование за правонарушение с водителя! А инспектору пятерик минимум, и пожизненно лишить права работать в МВД!

Автор предлагает отменять наказание за нарушение правил дорожного движения, если водителю удастся зафиксировать факт принятия сотрудником взятки, что в реальной практике регулирования дорожного движения, конечно же, невозможно.

Как видим, в текстах интернет-комментариев воплощается одна из важнейших особенностей массового сознания – повышенная эмоциональность и связанная с нею приглушенность рационального начала. Не менее отчетливо отражается в текстах комментариев другая важная черта массового сознания – ослабленное чувство ответственности индивида.

В интернет-общении оно проявляется в резком нарушении анонимными пользователями этических, а в ряде случаев и правовых норм. Как уже говорилось, нередко высказывания, умаляющие честь и достоинство человека, оскорбляющие его, содержащие призывы к насильственным действиям и др. Отметим, что данное свойство массового сознания особенно явно проявляется в Рунете. Рассмотрим некоторые примеры:

К. конечно же ничего не знал, потому что он маленький баран с большой башкой, в которой • [ничего] нет <...>

Использование в отношении другого человека зоометафор, как правило, квалифицируется законодателем как оскорбление.

...Кто хоть немного возвышает голос против фюрера – вообще экстремист...

Автор приведенного выше комментария случайно использует немецкое слово «фюрер», являющееся в русском языке варваризмом и устойчиво ассоциирующееся с вождями фашистской Германии.

Ребята молодцы. Попытки очень нужны. В целях донесения правды. ...И пойдут ублюдков ментовских гасить. Судей, ламинцев, а потом властей. Это одного поля ягоды.

Налицо оскорбления (*ублюдков ментовских*) и побуждения (косвенный призыв) к насильственным действиям по отношению к полицейским, судьям, представителям органов власти, национальным меньшинствам.

Как отмечают психологи, человек массы зачастую утрачивает понятие о невозможном [Лебон 1896; Фрейд 2000]. Проявление этого эпизодически отмечается в Рунете.

Характерны комментарии:

Надо К. не вопросы такие задавать, а просто, прямо там ствол достать и башку снести, прямо в зале.

Отозвать лицензию у ЕР и разбомбить Кремль. Делов то. Расходы провести по статье «борьба с терроризмом и экстремизмом».

В данном случае, как, к сожалению, и во многих других, пользователи нарушают моральные и правовые нормы. Их комментарии содержат призыв к физической расправе над оппонентами (*надо... прямо там ствол достать и башку снести; разбомбить Кремль*). При этом – что важно – субъект речи рисует себе вымышленную картину действительности, в которой он и его сторонники готовы совершать такие действия, которые в реальных обстоятельствах невозможны.

Известно, что, в отличие от политической идеологии, которая целенаправленно разрабатывается представителями политической элиты и представляет собой цельную идеологическую систему, массовое сознание носит фрагментарный и мозаичный характер. В нем сосуществуют упрощенные неоднородные, зачастую противоречивые представления разных социальных групп о политических реалиях. Можно констатировать, что мозаичность массового сознания является следствием гетерогенности его носителей. Как пишет Д. В. Ольшанский, политические настроения, охватывая все большее количество людей, формируют массу. Она включает индивидов, «принадлежащих к разным группам и слоям общества ... охваченных в тот или иной момент ... общими настроениями» [Ольшанский 2002: 188]. При этом индивиды, образующие ту или иную группу, «одновременно входят и во многие другие более или менее широкие общности: демографические, региональные, этнические, политические» и в результате «оказываются носителями не одного (связанного с данной группой), а нескольких различных типов группового сознания» [Грушин 1987: 152].

В исследуемом оппозиционном дискурсе Рунета сосуществуют разные политические взгляды, зачастую плохо совместимые, но объединенные установкой их носителей на социальный протест. Во многих случаях протестные настро-

ения коммуникантов не выражают какой-либо явной идеологической позиции. В небольших по размерам текстовых фрагментах могут эклектически соединяться левые, либеральные и националистические идеологемы. Их содержанием является собственно неприятие существующего положения дел.

Так, критика российских судов в комментариях не дает возможности идентифицировать позицию пользователя:

Бред. Система садит людей по сфабрикованным козлами показаниям...

Неприкасаемых нет и быть не может, – заявил К. Странно, а почему спустили на тормозах «дело» К.? Или все же есть неприкасаемые?

Левые взгляды пользователей проявляются в суждениях о несправедливости распределения материальных благ, о нечестности или неэффективности бизнеса. Ср.:

Капитализм ничего хорошего не даст простому народу это всем давно известно. Тем более такой дикий как у нас в России. За 10–15 лет наши умудрились сколотить миллиарды! Народ живет в нищете а все ворюги нагло жируют за бугром себе строят вилы и денешку туда же вывозят. Яхты самолеты клубы футбольные и т. д. Разве можно честно заработать такие состояния?

Пока у моих родителей работающих в «госкорпорации» Ростелеком не будет зп выше 12 тысяч К. гандон, у начальства зп свыше 100 000, а у директоров парашюты 200 лямов где соц справедливость.

Как видим, пользователи сетуют на то, что у людей, работающих в государственных организациях, существенно различаются зарплаты.

...После приватизации народу оставили два квадратных метра в земле, народу защищать нечего...

В промышленность надо вкладывать деньги, сейчас олигархи с газом разберутся и останется матушка Россия на бобах: ни газа, ни промышленности. А олигархический капитал конечно же вывезут за бугор, спасать Евросоюз.

Авторы подвергают критике результаты приватизации, которая, по их мнению, привела к обеднению страны.

С другой стороны, регулярно воспроизводятся либеральные представления об отсутствии в стране гражданского общества, независимой судебной системы, свободы слова, о неэффективности властной вертикали и др.:

...Права граждан вытекают из их свобод! И одной из самых главных свобод является экономическая свобода! Абсолютное большинство наших граждан экономически несвободны и даже сильно зависимы! Отсюда понятно, что

многие их права носят декларативный и фиктивный характер!

В России нет цивилизованного рынка, демократии, адекватных реформ, а уж о свободе говорить смешно.

Замечания об отсутствии свободы слова зачастую сопровождаются сетованиями на невозможность открыто критиковать действия власти. Например:

...В РФ свобода слова и есть экстремизм;

Хороший был комментарий про уринотерапию. Жалко что удалили, видимо правда была написана.

Автор следующего комментария подчеркивает неэффективность установившейся политической системы и предлагает ее изменить:

Нужна новая Дума, избранная не по партийным спискам. Если мы заигрываем с демократией, то народ должен выдвигать своих депутатов, которые обязаны отчитываться перед ним. Народ должен обладать правом отзыва своего депутата, если он заворовался или не выполняет наказов избирателей. Иначе, этот грабёж страны продолжится, пока всё не рухнет окончательно.

Наряду с этими утверждениями представлены высказывания, выражающие националистические взгляды. Чаще всего повторяются суждения о неправильной национальной политике, засилье иммигрантов, их вызывающем поведении и т. д. Приведем некоторые примеры.

Остановить наркотрафик, нелегальный поток мигрантов и ввести в РФ родной язык в качестве государственного – никто не мешает! А то выйдешь вечером на улицу и понимаешь, что русской речи нет – одни ламинцы!

То, что сейчас происходит в России кроме как геноцид назвать нельзя. Коренное население лишают нормального образования и здравоохранения. На его место завозят полуграмотных таджиков, киргизов и узбеков, которые готовы кланяться в ноги любому начальнику начиная с начальника ДЕЗа и молится на власть...

В приведенных высказываниях пользователи отмечают несправедливую политику государства по отношению к различным этническим группам.

Нужно отметить, что в исследованных нами текстах пользователи, выражающие разные политические взгляды, относительно редко вступают между собой в прямую полемику. Объясняется это тем, что авторов комментариев, как уже отмечалось, объединяет неприятие проводимой в стране политики, и при наличии в комментариях враждебности по отношению к действующей власти идейные расхождения не акцентируются.

Случаи такой полемики встречаются лишь эпизодически, когда наряду с оппозиционными

появляются комментарии, поддерживающие политику правящей партии. Ответной реакцией на их высказывания, как правило, выступает речевая агрессия:

К. [об убитом оппозиционере] уже в сраиле. английская разведка сделала ему операции пластики и теперь ищут убийцу. хотя их не было.

Экий ты решительный гюльчатый. Можжя ли чико-то и приоткроешь, чмо нацистское?!

Комментарии оппонентов могут также подвергаться негативной оценке с помощью «дислайков» – знаков отрицательного отношения:

<...> Человека, чья профессия Родину защищать болотная плесень и инетовские насекомые напугать не могут. Управлять страной не просто. Хочу пожелать К. жесткости к коррупционерам типа буратино с его мальвинами и предателям. # –10

А что??? Твой город разве еще не белый от ленточек и бинтиков??? Уж сколько дней прошло, как клоч раздался. Доказательство не наглядно??? # –7

Важно отметить, что суждения пользователей часто являются идеологически эклектичными, соединяющими представления, несовместимые в какой-либо целостной идеологической системе.

Ну да, ведь все кроме их тусовки – бандерлоги. А у «людей» с правами все ОКей. можно поплясать и в тюрьму сесть. Потому что ты – бандерлог. А можно обороноспособность страны разрушить, развалить стратегические предприятия, и на воле остаться. Служанок получить, поваров, интернет и прочее.

Неприятие использования слова «бандерлог» по отношению к представителям «белоленточной» оппозиции может восприниматься как речевой сигнал западнической позиции пользователя. Однако следующее его утверждение (*можно обороноспособность страны разрушить, развалить стратегические предприятия, и на воле остаться*), содержащее критику деятельности либералов-реформаторов, выражает левопатриотические взгляды.

Таким образом, рассмотренные материалы демонстрируют повышенную аффективность речевых реакций, связанную с ней приглушенную рациональность суждений, их логическую непоследовательность, зачастую эклектичность, а также ослабление чувства ответственности индивида.

Кроме того, в массовом сознании наблюдается упрощение социальной действительности, проявляющееся, в частности, в широком распространении стереотипов.

Как известно, стереотип основан на обобщении, которое зачастую является чрезмерным и неточным. С одной стороны, стереотип помогает

ориентироваться в действительности, но, с другой стороны, он не позволяет правильно оценивать индивидуальные проявления людей и их поступков. В тех случаях, когда стереотип сопровождается устойчивой антипатией к той или иной социальной группе, он проявляет себя как предрассудок [Майерс 2005].

Подавляющее большинство исследуемых комментариев, выражающих враждебное отношение к другим людям, представляет собой воплощение стереотипных представлений, которые отражают актуальные идеологизированные микротемы, обсуждаемые в данное время.

Так, несогласие с результатами выборов в Государственную Думу 2011 г. породило стереотипы «нечестные выборы», «нелегитимность власти», «фальсификация выборов» и нек. др.

Реализация стереотипов в подавляющем большинстве случаев, как уже отмечалось, сопровождается повышенной эмоциональностью. Весьма характерен стереотип «нечестные выборы», который реализуется рядом воспроизводимых суждений, относящихся к выборному процессу в целом или его отдельным аспектам, а также к восприятию выборов. Среди них:

– результаты выборов 2011 г. в Государственную Думу сфальсифицированы:

90 000 избирательных участков, на каждом вброс по 200 бюллетеней за Едро, итого 18 млн. Вот и их победа! Вопросы?

Какая игра, быстро вбросить и убежать, но... Сколько мы еще не видели чудных сюжетов! И это можно назвать СЕРЬЕЗНЫМ ДЕЛОМ – ВЫБОРЫ?

– кандидаты побеждают обманом путем:

Что-то даже не верится, что ворам обрубили половину мест в Думе. Жулики, под руководством К., лазейку обязательно предусмотрят...

...Бюллетень это бумага. Как говорил известный Бендер, при нынешнем развитии печатного дела, можно сделать любой документ... Но тогда не было даже принтеров... А сейчас простор... Под оком то К.-волшебника...

– результаты выборов predeterminedены:

Пока работает К., законы любые бесполезны, выберут кого надо и кого скажут сверху, неважно каким путем.

Любые выборы в нашей стране это расстановка и назначения своих родственников, друзей, любовниц на теплые места у кормушки...

– ходить на выборы бессмысленно:

Да в думе сплошные *договорные матчи*... Че толку их избирать?

Да люди давно поняли, что бесполезно идти, что на выборы, что на митинги, мусаров наверно со всей россии согнали пусть празднуют придурки.

Весьма распространенным в дискурсе этого периода является стереотип «власть коррумпирована»:

Такой позор – вор главнокомандующий, К. – вор, К. – вор, господи, одни воровы в кремле.

Пока ЭТИ и К. у власти воровство будет процветать.

Пользователи активно обсуждают зафиксированные случаи коррупционных преступлений и зачастую относят всех представителей власти к разряду преступников.

Еще один распространенный стереотип – «власть несостоятельна» – реализуется в следующих общих суждениях:

«деятельность институтов власти не приносит пользы обществу»:

Один и тот же закон переделывают по сто раз на дню. Нафиг нам ваши выборы. Сделайте уже что-нибудь полезное, например верните смертную казнь.

Гарант как Иван Сусанин водит свой народ по кругу уже десятки лет и выдает свое действие за реформы.

– «рейтинг власти падает»:

молодцы, сообразили что как партия ЕР упала ниже плинтуса и проще одномандатникам пролезть...

Едро давно уже реально не имеет авторитета, не имеет силы...

– «власть труслива»:

Зассали что при контроле выборов едресне контроль думы не светит- теперь будут придумывать как людей развести любыми методами

ЕР с чуровым обделались по полной. Пытаются отмазаться, да запашок выдает.

– «нужны досрочные выборы»:

...Давайте лучше искать все наши беды конкретно в нашей власти!! <...> ПЕРЕВЫБОРЫ!! – вот что щас нужно требовать!!!

Нужно срочно провести досрочные выборы в государственную дуру!!!

– «власть не слышит народ»:

Я двумя руками «за», но уверен, что власти, как всегда, не слышат свой народ и не хотят слышать.

Зато кремлевцы из нищих стали мультимиллионерами и теперь им все равно, как живет население страны...

– «власть обманывает народ»:

...Еще один миф от кремля вся наша власть это мыльный пузырь надуваемый К. с 1999 года

Что, мало вам кремлежуликам федеральных каналов, теперь зомбифицировать народ еще и в интернет добрались? <...>

– «власть расходует народные деньги»:

Какие могут быть сложности с правами человека, если таких прав в нашей стране у людей

давно уже **НЕТ**. Есть только обязанности кормить депутатов и чиновников, так сказать – слуг народа!!! А также смотреть на то как они жируют ворую и строят «китайскую стену» вокруг себя, чтобы, не видя, легче было не замечать своих «любимых» сограждан и не встречаться с ними своими пороссячими наглými глазами...

...А ГосДуру разогнать поганой метлой, только деньги народные проедают;

– «власть нелегитимна»;

Новый закон: «чем больше мошенников, проходимцев и самозванцев, тем лучше».

Не выбирали мы едро, поэтому власть нелегитимна. Перевыборы и медведутов под суд. Вот Татарстану, Чечне и Чукотке позор.

Широкое использование стереотипов приводит к обезличенности дискурса, в чем также проявляется специфика массового сознания. Высказывание, реализующее тот или иной стереотип, производится разными авторами в разное время, однако их смысловое содержание и поверхностно-речевое оформление не обнаруживает каких-либо индивидуальных особенностей. Тысячи комментариев в одной и той же аффективной речевой манере реализуют разделяемые определенной общностью смыслы:

Подделают. Бомжи, мигранты и прочая нечисть будет голосовать по несколько раз. А чего не хватит мошейник **К.** подправит.

А что, по старому боятся, вдруг **К.** не подмахнет???

Что на магию **К.** уже не надеются?

Что-то даже не верится, что вора́м обрубили половину мест в Думе. Жулики, под руководством **К.**, лазейку обязательно предусмотрят.

Не случайно в интернет-общении одной из наиболее часто используемых форм диалогичности является форма «МЫ С ВАМИ»: человек является участником событий в составе группы единомышленников, противостоящих политическим оппонентам.

В приводимом ниже фрагменте текста повышенная эмотивность речи сочетается с редукцией личностного начала: утверждения делаются от имени не отдельного человека, а массы (*мы... вас найдем*) (кстати, имя пишущего скрыто за аватаром). Обезличенное массовое «мы» противопоставлено политическим противникам.

Все кремлевское ворье – в ад!!! двойные агенты и предатели россии – в ад! Кремлевские бандиты, помните: вас не защитит госдеп, не укроетесь в лондоне и на лазурном берегу, **мы, россияне, вас найдем**. яхты бандита **К.** вас не укроют. 20 лет вы не смотрели в сторону россии, не жили и не работали для россии, только все уничтожали и грабили россию.

Аналогичным образом автор высказывания ясно одно или раковая опухоль... с метастазами **уничтожит нас или мы её** осознает себя элементом массы, проявляющей агрессию к политическим противникам.

В исследуемом текстовом материале отчетливо проявляется еще одна особенность массового сознания – его динамичность и изменчивость. Она становится очевидной при сравнении текстов разных лет. Действительно, состав актуальных тем и распространяемых стереотипов отражает наиболее важные текущие общественные и политические события, в связи с чем он подвержен быстрому изменению. Так, в 2011 г. наиболее распространенными из перечисленных стереотипов были «фальсификация выборов», «власть нелегитимна» и «власть теряет авторитет». Уже в 2013 г. упоминания нарушений на выборах встречаются лишь эпизодически. Наиболее распространены в это время идеологемы «власть коррумпирована», «выборы бесполезны», «власть обманывает народ».

Заключение

Таким образом, содержательно-смысловую и собственно речевую организацию комментариев политико-идеологического сектора Рунета детерминирует массовое сознание. Все описанные в психологической литературе свойства массового сознания проявляются в текстах комментариев, определяя специфику данной дискурсивной формации. Так, наиболее характерными признаками изученного дискурса являются повышенная эмотивность и приглушенность рационального начала, анонимность и ослабленность чувства ответственности пользователей, мозаичность, размытость и фрагментарность идеологических взглядов коммуникантов, стереотипность представлений и обезличенность конструкций, а также динамичность и изменчивость идеологем.

Повышенный уровень аффективности, с одной стороны, приводит к открытому выражению враждебности по отношению к политическим оппонентам, в том числе в угрозах, оскорблениях. С другой стороны, он снижает критичность мышления авторов комментариев, что проявляется в распространении высказываний, противоречащих действительности.

Анонимность интернет-общения еще более ослабляет приглушенное чувство ответственности, характерное для индивидов, составляющих массу. Нередко авторы комментариев нарушают не только морально-этические, но и правовые нормы.

Единство оппозиционно настроенных пользователей в Рунете поддерживается разделяемым ими чувством враждебности по отношению к

политическому руководству страны и его сторонникам. При этом их взгляды на политическое устройство государства могут не совпадать либо не выражать какую-либо явную идеологическую позицию.

Специфика концептуального содержания политико-идеологического дискурса состоит в его насыщенности стереотипами массового сознания, в том числе оценочными смыслами, воплощаемыми в клишированных речевых построениях, элиминирующих проявление индивидуальности. В текстах комментариев зачастую редуцируется личностное начало, политическим оппонентам противопоставляется обезличенное массовое «мы».

Состав актуальных идеологем определяется наиболее важными общественными и политическими событиями, в связи с чем он подвержен быстрому изменению.

Примечание

¹ В примерах грамматические и речевые ошибки не редактируются. Нецензурная лексика заменяется символом ●, имена собственные – символом **К.**, оскорбительные искажения имен публичных людей – символом **К***. Вместо слов, обозначающих национальную принадлежность человека, используется несуществующее наименование *ламинец* (*ламинцы*).

Список литературы

Бахтин М. М. Под маской. Маска третья // Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М., 1993. 153 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Васильева В. В., Салимовский В. А. О механизме продуцирования массмедийного политического текста // Мысль. Текст. Стиль: сб. ст., посвящ. д-ру филол. наук, проф. К. А. Роговой / под ред. Л. Р. Дускаевой и В. И. Конькова. СПб., 2011. С. 43–51.

Гальперин К. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896. 371 с.

Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2005. 794 с.

Мехонина Е. Н. Коммуникативно-речевая категория враждебности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. № 18(215). Вып. 27. С. 149–155.

Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980. 263 с.

Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.

Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 71–80.

Салимовский В. А., Мехонина Е. Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 48–51.

Словарь русского языка: в 4 т. М.: АН СССР, 1981–1984. Т. 2. 736 с.

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. 1040 с.

Экспериментальная психология: сб. статей / ред.-сост. Ж. Пиаже, П. Фресс; пер. с франц. М.: Прогресс, 1975. Вып. 5. 284 с.

McDougall W. The Group Mind. Cambridge: Univ. Press, 1920. 452 p.

References

Bakhtin M. M. *Pod maskoj. Maska tret'ya* [Under a mask. The third mask]. Voloshinov V. N. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and philosophy of language]. Moscow, 1993. 153 p.

Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.

Vasil'eva V. V., Salimovskij V. A. O mekhanizme produkcirovaniya massmedijnogo politicheskogo teksta [On the mechanism of producing massmedia political text]. *Mysl'. Tekst. Stil'*: sb. statej, posvyashhennyj dokt. filol. nauk, prof. K. A. Rogovoj [Thought. Text. Style: collection of works dedicated to Dr. philol. sci., prof. K. A. Rogova]. Ed. by L. R. Duskaeva, V. I. Kon'kov. St. Petersburg, 2011. P. 43–51.

Gal'perin K. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as the object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 139 p.

Grushin B. A. *Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya* [Mass consciousness: the experience of determination and research problems]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 368 p.

Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples]. St. Petersburg, 1896. 371 p.

Myers D. *Social'naya psikhologiya* (7-e izd.) [Social psychology (7th ed.)]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 794 p.

Mekhonina E. N. Kommunikativno-rechevaya kategoriya vrazhdebnosti [Hostility as a communicative speech category]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities]. 2015. Iss. 18(215). Vol. 27. P. 149–155.

Odincov V. V. *Stilistika teksta* [Stylistics of text]. Moscow, 1980. 263 p.

Ol'shanskij D.V. *Psikhologiya mass* [Psychology of the masses]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 368 p.

Salimovskij V. A., Ermakova L. M. Ekstremistskij diskurs v massovoj kommunikacii Runeta [Extremist discourse in the Runet communication]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Iss. 3(15). P. 71–80.

Salimovskij V. A., Mekhonina E. N. Tipichnye oshibki (ulovki) v nenadlezhashhej sudebno-

lingvisticheskoj ekspertize [Typical mistakes (tricks) in improper forensic linguistic expertise]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 2(8). P. 48–51.

Slovar' russkogo yazyka (v chetyrekh tomakh) [Dictionary of the Russian language (in 4 vol.)]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1981–1984. Vol. 2. 736 p.

Freud S. Massovaya psikhologiya i analiz che-lovecheskogo “Ya” [Group Psychology and the Analysis of the Ego]. Freud S. *Ya i Ono: Sochineniya* [The Ego and the Id: works]. Moscow, EKSMO-Press Publ.; Kharkov, Folio Publ., 2000. 1040 p.

Eksperimental'naya psikhologiya: sbornik statej [Experimental psychology: collection of works]. Ed. by J. Piaget, P. Fraise. Transl. from French. Moscow, Progress Publ., 1975. Vol. 5. 284 p.

McDougall W. *The Group Mind*. Cambridge, Univ. Press, 1920. 452 p.

MASS CONSCIOUSNESS MANIFESTATION IN THE ONLINE POLITICAL DISCOURSE

Eugenia N. Kharebova

Senior Lecturer in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

The author proves that users' comments in the Runet political segment are produced under the influence of mass consciousness. The analysis has shown that the main differential characteristics of the discourse under consideration are as follows: the increased affection and decreased rationality; anonymity and lessened sense of users' personal responsibility; mosaic, indistinct and fragmentary ideological attitudes of communicants; stereotypes of social and political reality in the country and impersonality of the produced verbal structures, as well as the dynamism and variability of the expressed ideologemes. The opposition-minded Runet users are united in a mass with a sense of hostility toward the government and its supporters, which they express in their comments. The communicants frequently use negative, sometimes invective, vocabulary, they regularly break ethical standards and the law, manifest stereotypes and take no notice of ideological differences between political groups.

Key words: online political discourse; comment; informativity; mass consciousness; affectivity; stereotype.

УДК 81'253

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-92-97

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ СТРУКТУРА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АУДИРОВАНИЯ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Екатерина Александровна Руцкая

к. пед. н., доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. re10@yandex.ru

Статья посвящена внутренней и внешней структурной организации речевой деятельности переводческого аудирования. При рассмотрении внутренней структуры уделяется внимание побудительно-мотивационной, аналитико-синтетической и контрольно-исполнительной фазам, в каждой из которых проявляются особенности переводческого аудирования. Каждая фаза соотносится со структурой целей обучения. Учет специфического характера всех компонентов внутренней структуры деятельности при постановке дидактических целей способствует эффективному обучению аудированию будущих устных переводчиков.

Внешняя структура переводческого аудирования, включающая операции, действия и саму деятельность, рассматривается во взаимосвязи с дидактическими категориями «навык» и «умение». Подчеркивается важность речевых действий аудирования, направленных на выявление информации исходного сообщения, и формирования у реципиентов-переводчиков соответствующих информационно-направленных навыков.

Ключевые слова: переводческое аудирование; внутренняя и внешняя структура речевой деятельности; операция; действие; деятельность; навык; умение.

В современном мире международное сотрудничество в различных сферах деятельности создает новые возможности для развития общества и личности, поэтому значение устного перевода становится все более актуальным. Устный переводчик выступает не только как специалист, который способствует преодолению языковых барьеров, делает их незаметными, но и как посредник, помогающий представителям разных культур, носителям разных менталитетов прийти к взаимопониманию. Для этого важно, в первую очередь, научиться слушать и понимать звучащее сообщение «по-переводчески».

Многие исследователи признают необходимость целенаправленного обучения устных переводчиков аудированию (Н.Н. Гавриленко, Ф. Ф. Идрисов, Е. Р. Поршнева, Г. А. Самойленко, И. И. Халеева и др.). Особенности переводческого аудирования определяются его функциями в условиях деятельности устного последовательного перевода. На этапе аудирования переводчик осмысливает содержание высказывания, формируя одновременно внутреннюю программу последующего текста перевода. Данная внутренняя про-

грамма «подкрепляется» внешней программой в виде записей, которые переводчик делает в процессе восприятия исходного сообщения.

Специфика переводческого аудирования как сложного вида речевой деятельности проявляется в его структурной организации.

Согласно А. Н. Леонтьеву, любая деятельность, в том числе речевая, характеризуется определенной внешней и внутренней структурной организацией. Так, внутренняя структура деятельности включает три фазы: побудительно-мотивационную, ориентировочно-исследовательскую (аналитико-синтетическую) и контрольно-исполнительную [Зимняя 1989]. Во внешнюю структуру в качестве звеньев входят операции, действия и деятельность в целом.

В рамках первой, побудительно-мотивационной фазы, проявляются коммуникативные и информативные потребности слушающего, его мотивы, интересы, мировоззрение, ценностные установки. Все эти факторы обуславливают активность переводчика-реципиента в ходе слухового восприятия оригинала и ее направленность [Серова 2001: 149].

И. А. Зимняя отмечает, что переводчик опосредованно удовлетворяет потребность в общении других людей, а не свою собственную, поэтому аудирование в ситуации устного перевода определяется когнитивно-коммуникативной потребностью в получении информации и ее выражении на другом языке. Данная потребность «находит себя», «опредмечивается» в мысли как информации исходного текста и предмете речевой деятельности. «Опредмеченная» потребность становится мотивом, направляющим деятельность и имеющим в данном случае опосредованный характер [Леонтьев 1977: 87]. В предмете аудирования реализуется его цель – восстановить смысловые связи оригинала, осмыслить и понять информацию для последующего воспроизведения средствами языка перевода. Таким образом, воспринимаемая мысль, подлежащая дальнейшему воспроизведению, удовлетворяет социальную потребность участников межъязыковой коммуникации через удовлетворение когнитивно-познавательной потребности переводчика [Зимняя 1981: 21].

При выделении в мысли двух компонентов, во-первых, выраженных средствами языка объектов и явлений, во-вторых, связей и отношений между ними, первый компонент соотносится в любом конкретном тексте с его темой, с тем, о чем идет речь, а второй компонент – с ремой текста, т. е. с тем, что сообщается о теме (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя). Уже в побудительно-мотивационной фазе происходит «встреча» с мыслью, точнее с ее первым компонентом – тематическим планом, который представлен главными денотатами – темами, референтами темы. Таким образом, происходит обращение к денотатной структуре текста на предметно-тематическом уровне.

Во второй, ориентировочно-исследовательской фазе аудирования, переводчик осуществляет ориентировку в исходном тексте, который является объектом его деятельности. На этом этапе осуществляется аналитико-синтетическая обработка воспринимаемого сообщения, в ходе которой раскрываются и устанавливаются связи и отношения между элементами текста, т. е. происходит процесс осмысления, результатом которого может быть понимание или непонимание исходного сообщения. При этом перед реципиентом-переводчиком стоит задача не просто понять текст «для себя», а сформировать программу текста перевода. Для этого необходимы, прежде всего, навыки осмысления и понимания языковых средств, передающих внутреннюю структуру предметно-тематического и смыслового содержания [Серова, Руцкая 2011: 107]. Переводчик обращается к элементам содержания тек-

ста, не заданным непосредственно во внешнем плане, к его внутренней структуре смыслового содержания. В то же время он постоянно интерпретирует и перекодирует интонационные признаки, которые являются средством выражения предикации как важнейшей смысловой связи [Хромов 2012, 2013]. Осуществляется вычленение, анализ, сравнение и обобщение информационных единиц – суждений, на основе которых переводчик совершает умозаключение и принимает смысловое решение, раскрывая тем самым смысл текста. Выделенные информационные единицы и смыслокомплексы становятся внутренней программой вторичного высказывания переводчика.

Третья, контрольно-исполнительная фаза аудирования, не выражена внешне, как это имеет место в продуктивных видах речевой деятельности. Последняя часть аудирования фактически входит в аналитико-синтетическую часть, поскольку выражается в принятии решения на основе анализа и синтеза и сопровождается письмом-фиксацией. Исполнительная часть реализуется в продукте как цели-результате. Продуктом аудирования, в том числе переводческого, является умозаключение или цепь умозаключений, принятых в результате мыслительной деятельности в процессе слушания. Внутренняя результативная сторона аудирования заключается в понимании или непонимании как результате осмысления оригинала [Зимняя 1989: 180]. В условиях устного последовательного перевода о результативной стороне аудирования можно судить по результатам фиксации, которую осуществляет переводчик в ходе восприятия и осмысления исходного сообщения [Аликина 2002: 95]. Это позволяет рассматривать переводческую запись как средство программирования высказывания [Аликина 2012: 99]. Результаты записей, сделанных переводчиком в процессе аудирования, дают возможность проконтролировать, насколько полно учтены все уровни ключевых единиц, информационные единицы, парадигматические связи и т. п.

Три части, аналогичные фазам речевой деятельности, предлагается выделять и в структуре целей обучения [Бим 1974]. Каждая из этих частей становится предметом деятельности обучения и планируемым результатом. Так, побудительно-мотивационная сфера целей предполагает создание коммуникативного намерения (в том числе замысла высказывания при говорении), развитие положительных эмоций, потребности в иноязычном общении. Для этого могут использоваться различные аудиовизуальные и вербальные стимулы [Бим 1974: 111]. Для будущих переводчиков важную роль играет наличие цели-

задачи – передать в собственном высказывании информацию исходного сообщения. Мотивация услышать, понять и передать то или иное содержание может формироваться в том числе за счет распределения между студентами различных заданий, предусматривающих выявление несоответствующей информации. Этим будет обусловлено осознание каждым учащимся значимости той информации, которую он осмыслил и понял, и желание поделиться ею с другими. Распределение целей-задач наряду с использованием информационной основы речевой деятельности аудирования, снимающей лексические, фонетические трудности, обеспечивает положительные эмоции, связанные с выполняемой деятельностью.

Следующий структурный компонент целей – планируемая аналитико-синтетическая деятельность, которая заключается в реализации коммуникативного намерения. Поскольку аудирование как вид речевой деятельности определяется прежде всего внутренней стороной, т. е. смысловым восприятием, это определяет специфику второго структурного компонента целей обучения. Он связан с овладением определенным материалом, с формированием навыков и умений оперировать данным материалом в процессе воссоздания чужой мысли. Это должно происходить на уровне овладения техникой такого оперирования, т. е. самим операционным механизмом речевой деятельности за счет выполнения дифференцированных действий по его формированию [Бим 1974: 112]. Формирование навыков переводческого аудирования включает последовательное овладение навыками дифференцированных речевых операций переводческого аудирования, каждая из которых выполняется как самостоятельное речевое действие аудирования, направленное на выявление языковых средств, передающих информацию исходного текста. По мере формирования данных речевых действий они выполняются уже в рамках более сложного речевого действия, когда аудирование осуществляется одновременно с письмом-фиксацией.

Третий структурный компонент целей обучения соотносится с контрольно-исполнительной частью и предполагает использование побудительно-мотивационной сферы, коммуникативного намерения для осуществления иноязычного речевого общения. На этом уровне главную роль играет прием и передача информации, что предполагает формирование сложных умений осуществлять различные виды иноязычной речевой деятельности. Таким образом, цели данного уровня являются конечными в процессе всего обучения [там же: 113]. Обучение, направленное

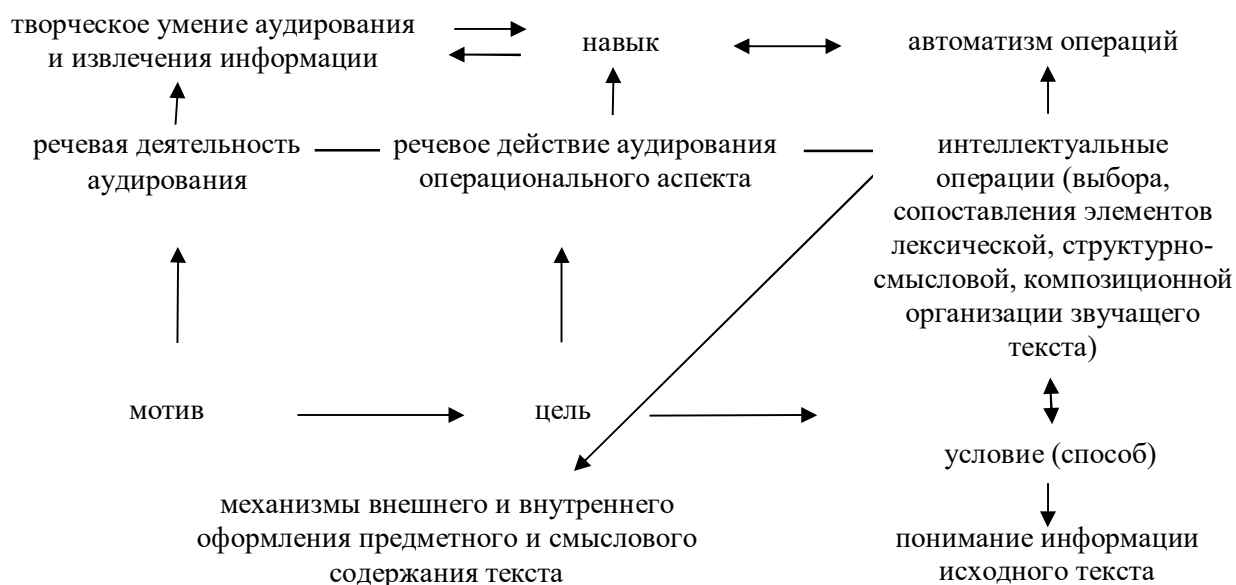
на формирование навыков переводческого аудирования, завершается их формированием и совершенствованием в условиях выполнения сложного речевого действия, включающего аудирование, письмо-фиксацию и последующее говорение. Установка на передачу информации в собственном высказывании дается обучаемым в инструкции к упражнению в аудировании, благодаря чему создается необходимое коммуникативное намерение.

Наряду с внутренней структурой не менее важной является внешняя структура речевой деятельности аудирования с такими ее звеньями, как деятельность в целом, действия, операции.

Любая человеческая деятельность существует в форме действий, которые всегда побуждаются мотивом основной деятельности и направлены на определенную цель. Если цель аудирования – понять информацию исходного речевого произведения, то цель переводческой деятельности – передать эту информацию во вторичном высказывании. Понятие цели связано с понятием действия. Содержанием всякого речевого действия перевода должна быть речевая операция, которая понимается как способ выполнения действия (А. Н. Леонтьев). Операция определяется теми условиями, в которых дана цель.

В соответствии с единицами внешней структуры речевой деятельности (операции, действия, деятельность) выделяются дидактические категории содержания обучения: навыки и умения (рисунок). Речевой навык можно определить как «относительно самостоятельное речевое действие в системе сознательной речевой деятельности, ставшее благодаря наличию полной совокупности качеств (автоматизированность, гибкость, устойчивость, сознательность) одним из условий выполнения этой деятельности» [Пассов 1980: 100]; как «оптимальный уровень совершенства действия операционального аспекта деятельности – лексического, грамматического, фонетического» и др., [Зимняя 1985: 138], «способность осуществлять ту или иную речевую операцию наилучшим образом» [Леонтьев 1975: 83].

Речевой навык предполагает оптимальный уровень выполнения действия операционального аспекта деятельности (лексического, грамматического и др.). Это возможно только при автоматизме входящих в данные действия операций. Речевой навык аудирования – это способность осуществлять речевую операцию аудирования на оптимальном уровне совершенства речевого действия аудирования операционального аспекта деятельности.

Структурная организация речевой деятельности аудирования

Обязательным условием осуществления речевой деятельности аудирования в реальных ситуациях устного последовательного перевода становятся доведенные до совершенства путем многократного выполнения в речевом действии речевые операции аудирования. Как подчеркивает И. А. Зимняя, о навыковом уровне можно говорить только применительно к действиям операционального аспекта деятельности. Деятельность, условием выполнения которой является навык, соотносится с умением.

В устном переводе осуществляются речевые лексические, грамматические, структурно-смысловые, композиционные и фонетические операции аудирования. Любые операции формируются в процессе речевого действия, являясь его осознаваемой целью. Затем они автоматизируются и уходят из сознания. Чтобы этого добиться в ходе обучения, операцию нужно сделать одним из условий речевого действия. Когда действие входит в состав более сложных целостных действий, оно окончательно отрабатывается и превращается в способ выполнения этих действий, т. е. в операцию.

Описание внешней и внутренней структуры речевой деятельности аудирования в условиях устного последовательного перевода показывает, что переводчик-реципиент обращается к предметно-тематическому содержанию звучащего текста, представленному ведущими ключевыми словами-понятиями, лексико-семантической цепочкой слов, к денотатной структуре, к смысловому развитию, воспринимая, осмысливая и выделяя словосочетания, выражающие денотаты, тема-рематические единства. Таким образом, выполняются речевые действия аудирования опе-

рационального плана, направленные на выявление информации исходного сообщения.

Данный выше анализ внутренней структуры переводческого аудирования позволяет сделать ряд важных выводов для последующей методической организации процесса формирования информационно-направленных навыков аудирования. Так, у студента необходимо создать когнитивно-коммуникативную потребность, т. е. потребность не только осмыслить, понять информацию звучащего фрагмента, но и сообщить воспринятую и осмысленную информацию. В этом должна заключаться цель-задача студента, возникающая благодаря соответствующей коммуникативной задаче в инструкции к упражнению. Чтобы потребность стала мотивом, она должна «найти себя» в предмете аудирования – мысли. Это обуславливает важность определенных требований к отбору и организации звучащих фрагментов дискурса – они должны содержать законченную мысль.

Кроме того, упражнения в переводческом аудировании предполагают выполнение интеллектуальных операций выделения, сопоставления, анализа, синтеза, которые всегда являются неотъемлемой составляющей смыслового восприятия.

Упражнения также должны быть направлены на формирование сложных навыков, обеспечивающих одновременное выполнение операций аудирования и фиксации информации.

Таким образом, в данной статье рассмотрена специфика трех фаз внутренней структуры речевой деятельности переводческого аудирования. Особенность побудительно-мотивационной фазы – установка на удовлетворение коммуникативно-побудительной потребности других субъектов

коммуникации – определяет направленность процесса осмысления и понимания на формирование программы текста перевода на этапе анализа и синтеза. В рамках исполнительской фазы аудирования переводчик-реципиент принимает решение на основе умозаключения. Этот этап не выражен внешне, однако может находить отражение в записях переводчика. Представлено также описание внешней структуры переводческого аудирования, включающей операции, действия и саму деятельность. При профессиональной подготовке будущих переводчиков важно целенаправленное формирование навыков аудирования, обеспечивающих выявление внутренней структуры предметного и смыслового содержания исходного текста.

Список литературы

- Аликина Е. В. Обучение переводческой записи как программе порождения устного текста перевода: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2002. 201 с.
- Аликина Е. В. Психологическая модель устного последовательного перевода // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7249> (дата обращения: 27.10.2016).
- Бим И. Л. Система обучения иностранным языкам в средней школе и учебник как модель ее реализации. М., 1974. 240 с.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1982. Т. 2. 361 с.
- Гавриленко Н. Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: Науч.-техн. изд-во им. акад. С. И. Вавилова, 2009. Кн. 1. 178 с.
- Жинкин Н. И. Психолингвистика. М., 2009. 370 с.
- Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1985. 160 с.
- Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. М., 1989. 219 с.
- Зимняя И. А., Ермолович В. И. Психология перевода. М., 1981. 99 с.
- Идрисов Ф. Ф. Обучение аудированию оригинальной английской разговорной речи при подготовке переводчика-референта (на продвинутом этапе): дис. ... канд. пед. наук. М., 1987. 206 с.
- Леонтьев А. А. Управление усвоением иностранного языка // Иностранные языки в школе. М., 1975. № 2. С. 83–87.
- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977. 304 с.
- Пассов Е. И. Теоретические основы обучения иноязычному говорению в средней школе: дис. ... д-ра пед. наук. Липецк, 1980. 477 с.
- Поршинева Е. Р. Языковая подготовка переводчиков: младший этап // Методические основы подготовки переводчиков: Нижегородский опыт. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. С. 156–160.
- Серова Т. С. Психология перевода как сложного иноязычного вида деятельности. Пермь, 2001. 210 с.
- Серова Т. С., Руцкая Е. А. Дидактический комплекс упражнений по формированию речевых информационно-направленных навыков аудирования в устном последовательном одностороннем переводе // Язык и культура: науч. период. журн. / Том. гос. ун-т. 2011. № 4. С. 106–117.
- Халева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высш. шк., 1989. 238 с.
- Хромов С. С. Современный звучащий дискурс в аспекте межкультурной коммуникации // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. I, № 2. С. 161–165.
- Хромов С. С. Интонация как дифференциатор предикации и номинации в современном русском языке // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. I, № 3. С. 127–132.

References

- Alikina E. V. *Obuchenie perevodcheskoj zapisi kak programme porozhdenija ustnogo teksta perevoda*. Dis. kand. ped. nauk [Teaching note taking as a program of oral text interpretation. Cand. ped. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2002. 201 p.
- Alikina E. V. *Psikhologicheskaja model' ustnogo posledovatel'nogo perevoda* [Psychological model of consecutive interpretation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Current problems of science and education]. 2012. Iss. 6. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7249> (accessed 27.10.2016).
- Bim I. L. *Sistema obuchenija inostrannym jazykam v srednej shkole i uchebnik kak model' ejo realizatsii* [The system of teaching foreign languages at secondary school and a course book as a model of its implementation]. Moscow, 1974. 240 p.
- Vygotskij L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, 1982. Vol. 2. 361 p.
- Gavrilenco N. N. *Teorija i metodika obuchenija perevodu v sfere professional'noj kommunikatsii*. Kn. 1 [Theory and methods of teaching translation in the sphere of professional communication. Book 1]. Moscow, Nauchno-tehnicheskoe obshchestvo imeni akademika S. I. Vavilova Publ., 2009. 178 p.
- Zhinkin N. I. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, 2009. 370 p.
- Zimnjaja I. A. *Psikhologicheskie aspekty obuchenija govoreniju na inostrannom jazyke* [Psy-

chological aspects of teaching speaking a foreign language]. Moscow, 1985. 160 p.

Zimnjaja I. A. *Psikhologija obuchenija nerodnomu jazyku* [Psychology of teaching a foreign language]. Moscow, 1989. 219 p.

Zimnjaja I. A., Ermolovich V. I. *Psikhologija perevoda* [Translation psychology]. Moscow, 1981. 99 p.

Idrisov F. F. *Obuchenie audirovaniju original'noj anglijskoj razgovornoj rechi pri podgotovke perevodchika-referenta (na prodivnutom etape)*. Dis. kand. ped. nauk [Teaching listening to the authentic English spoken language in translators' professional training (advanced level)]. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 1987. 206 p.

Leont'ev A. A. *Upravlenie usvoeniem inostrannogo jazyka* [Managing a foreign language learning]. *Inostrannye jazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 1975. Iss. 2. P. 83–87.

Leont'ev A. N. *Dejatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, Consciousness, Personality]. Moscow, 1977. 304 p.

Passov E. I. *Teoreticheskie osnovy obuchenija inojazychnomu govoreniju v srednej shkole*. Dis. dra ped. nauk. [Theoretical basics of teaching speaking foreign languages at secondary school. Dr. philol. sci. diss.]. Lipetsk, 1980. 447 p.

Porshneva E. R. *Jazykovaja podgotovka perevodchikov: mladshij etap* [Language training of translators: starting level]. *Metodicheskie osnovy podgotovki perevodchikov: Nizhegorodskij opyt* [Didactic Basics of translators' training: Experience of Nizhny Novgorod University]. Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, 2007. P. 156–160.

Serova T. S. *Psikhologija perevoda kak slozhnogo inojazychnogo vida dejatel'nosti* [Psychology of translation as a complex type of foreign speech activity]. Perm, 2001. 210 p.

Serova T. S., Rutsckaja E. A. *Didakticheskij kompleks uprazhnenij po formirovaniju rechevykh informacionno-napravlennykh navykov audirovanija v ustnom posledovatel'nom odностороннем perevode* [The didactic system of exercises for training information-oriented listening skills of future interpreters]. *Jazyk i kul'tura: Nauchnyj periodicheskij zhurnal* [Language and Culture]. 2011. Iss. 4. P. 106–117.

Khaleeva I. I. *Osnovy teorii obuchenija ponimaniu inojazychnoj rechi* [Basics of theories on teaching listening comprehension in foreign languages]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1989. 238 p.

Khromov S. S. *Sovremennyy zvuchashchij diskurs v aspekte mezhkul'turnoj kommunikatsii* [Modern Sounding Discourse in Terms of Intercultural Communication]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik: Nauchnyj zhurnal* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin: Scientific magazine]. 2013. Vol. 1. Iss. 2. P. 161–165.

Khromov S. S. *Intonatsija kak differencijator predikatsii i nominatsii v sovremennom russkom jazyke* [Intonation as a Distinguishing Property of Predicative and Nominative Meanings in Modern Russian]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik: Nauchnyj zhurnal* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin: Scientific magazine]. 2013. Vol. 1. Iss. 3. P. 127–132.

THE INTERNAL AND EXTERNAL STRUCTURE OF LISTENING IN INTERPRETING: DIDACTIC ASPECT

Ekaterina A. Rutsckaya

Associated Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University

The paper deals with the external and internal structure of listening in consecutive interpreting. The author focuses on three components of the internal structure: the motivation phase, that of analysis and synthesis and the controlling one. The specific character of listening in interpreting is apparent in each phase.

The phases mentioned determine the structure of didactic goals. Taking into consideration the peculiarities of the internal structure components while setting didactic goals contributes to effective listening training of future interpreters.

The external listening structure, including operations, listening actions and activity, is considered in connection with the didactic categories “skill” and “ability”. The author emphasizes the importance of listening actions aimed at understanding the source text information and developing information-oriented listening skills of future interpreters.

Key words: listening in consecutive interpreting; external and internal structure of speech activity; operation; action; activity; skill; ability.

УДК 378

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-98-107

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ¹

Лариса Михайловна Алексеева

д. филол. н., профессор кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. alm@psu.ru

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., зав. кафедрой лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

Статья посвящена одной из главных проблем современной лингводидактики – метафорической компетенции, трактуемой с коммуникативных и когнитивных позиций. В статье рассматриваются предпосылки формирования понятия метафорической компетенции, а также ее современное видение. Авторы основываются на идее о том, что человеческое мышление метафорично, поэтому и обучение профессиональной деятельности должно идти путем формирования метафорической компетенции. Метафорическая компетенция понимается как универсальная способность обеспечивать организацию целостности речевой коммуникации и речевой деятельности. Понятие метафорической компетенции обусловлено содержанием профессиональной деятельности, связанной с усилением зависимости познания от деятельности субъекта и его ценностно-целевых установок. Авторы выстраивают структуру метафорической компетенции, описывают ее содержание и отличительные свойства в сравнении с другими компетенциями. Результатом исследования явилась разработка системы уровней метафорической компетенции, предполагающей применение различных методик.

Ключевые слова: метафорическая компетенция; профессиональная деятельность; познание; моделирование; комплексность; методика обучения.

Интенсивное развитие научного знания в начале XXI в. привело к интеграции многих наук, включая лингводидактику, наглядно демонстрирующую суть и преимущества подобного процесса. Для лингводидактики идеи интеграции имеют исключительно позитивное значение в отношении таких важных категорий, как компетенции и их разновидности. Данная статья посвящена одной из наименее изученных компетенций – метафорической.

Попытка исследования метафорической компетенции неизбежно приводит к рассмотрению ее взаимоотношений с активно развивающейся в настоящее время теорией метафоры [Littlemore, Low 2006 и др.]. Истоки формирования понятия метафорической компетенции восходят к целостной концепции метафоры, созданной во многих науках: лингвистике, когнитивистике, психологии и др. [Алексеев 1996]. Несмотря на это, одним из факторов развития традиционной теории метафоры была ярко выраженная ориентация на изменение семантики слова. Подобное рассмотрение ме-

тафоры оказывается узким, поскольку исключает сам человеческий фактор и не учитывает таких аспектов концептуализации мира, как реальные ощущения, действия, мотивации, которые в большей степени определяют то, что вновь познается человеком [Алексеева 1998; Алексеева, Ивинских, Мишланова, Полякова 2013].

Идеи о целостности метафоры выдвигались в исследованиях одного из классиков теории метафоры А. А. Потебни, считавшего, что «если под метафоричностью языка разумеется то его свойство, по которому всякое последующее значение (respective слово) может создаться не иначе, как при помощи отличного от него предшествующего, в силу чего из ограниченного числа относительно элементарных слов может создаться бесконечное множество производных, то метафоричность есть всегдашнее свойство языка и переводить мы можем только с метафоры на метафору» [Потебня 1976: 434].

Вопрос о целесообразности включения метафоры в качестве средства обучения языку ста-

вился в начале XXI в. и содержался в предметах многих научных трудов [Будаев, Чудинов 2007; Кондратьева 2013 и др.]. Однако до сих пор исследованиям подобного рода свойствен лингвоцентризм, т. е. тенденция преимущественно к лингвистическому обоснованию метафоры, нацеленному на ее изучение как компонента языка.

Раньше лингвистов огромную роль метафоризации в познании, выражающуюся в особом моделировании реальной действительности, отметили математик и философ В. В. Налимов [Налимов 1974: 218].

Одним из первых, кто «вывел» метафору за пределы языка, был Э.МакКормак, разработавший когнитивную теорию метафоры [МакКормак 1990; MacCormac 1995]. Он полагал, что производство метафор – это не просто лингвистическое явление, которое происходит на поверхностном уровне языка. Оно берет начало в когнитивном процессе творческого характера [там же: 366–367]. Согласно этой теории существуют три уровня изучения метафоры: языковой (поверхностный), семантический (глубинный) и когнитивный. Поверхностный язык в виде реальных метафор существует на самом верху иерархии идеальных конструкций, взаимодействуя с глубинными структурами семантики и познания. Поверхностная структура языка играет важную роль, обеспечивая контекст для интерпретации метафоры. Рассматриваемые внутри метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы; изучаемые извне, они функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой. Большое значение приобрело суждение Э. МакКормака о четвертом, нейронном, уровне, на котором метафора теряет линейность [MacCormac 1995].

Главное во взглядах Э. МакКормака то, что в своих рассуждениях он не ограничивался анализом языкового уровня, в рамках которого метафора трактовалась как поверхностное явление. Э. МакКормак считал, что лингвистические теории метафоры не обладают объяснительной силой, поскольку связаны с вопросом о том, как создавать метафоры и как пользоваться ими. В рамках лингвистического аспекта сложно объяснить фундаментальную природу метафоры как компонента человеческого познания [МакКормак 1990: 381]. В современной науке подобную идею развивает А. А. Меньшиков, делая вывод о наличии гносеологической и методологической потребностей в философском исследовании феномена метафоры как формы и способа научного познания [Меньшиков 2009: 4].

Проблема метафоры в современной лингвистике была рассмотрена одним из основателей когнитивной семантики М. В. Никитиным (2003), который, используя аналогию с шахматной доской, изложил взгляд на природу метафоры. В его представлении доска служит средством коммуникации для партнера и способом «освежения» и корректировки того, что совершается в голове играющего. Как во всякой шахматной партии, борьба совершается не на доске, а за доской, т. е. в сознании играющих. Подобно этому, метафора является не столько выраженным в языке конкретным средством, сколько мыслительным действием [Никитин 2003: 127]. Сходная мысль была развита в исследованиях П. Рикера, Х. Ортега-и-Гассета и др. [Ricoeur 1986; Ортега-и-Гассет 1990]. В свете данных идей становится очевидным, что одной из наиболее существенных проблем теории метафоры оказывается изучение метафоры как формы мысли.

Отмеченные характеристики метафоры подтверждаются в исследованиях Г. Г. Кулиева, связавшего их с адаптационной функцией языка. По его мнению, в процессе познавательной деятельности человек приспосабливается к изменяющимся условиям, при этом «язык как постоянный процесс переконструирования семантического поля (матрицы значений) обеспечивает нас метафорами, необходимыми для освоения потока новой информации» [Кулиев 1987: 100]. Таким образом, появление метафор в языке обусловлено главной языковой функцией, а механизм метафоризации соответственно заложен в природе языка.

Внеязыковые характеристики метафоры послужили основой широкой трактовки метафорической компетенции, предполагающей деятельность человека не только в языковом пространстве, но и в мышлении. «Метафоры как лингвистические выражения возможны именно потому, что они имеются в концептуальной системе человека» [Лакофф, Джонсон 1998: 129]. Поэтому метафорическая компетенция соотносима со способом структурирования понятийной системы человека. Перефразируя Дж. Лакоффа, мы утверждаем, что употребляем метафору, потому что знаем, как это сделать, т. е. обладаем метафорической компетенцией.

Понятие метафорической деятельности в профессиональной области связано с усилением зависимости познания от деятельности субъекта и его ценностно-целевых установок. При этом социокультурная жизнь, ее ценности и цели начинают все более выступать компонентами этого познания, обретая синтетический, целостный вид [Решетникова 2013: 12].

Взгляд на метафорическую компетенцию как фактор познания соотносится с представлением о метафоре как условии и способе организации познавательных процессов. «Сила метафоры – в способности ломать существующую категоризацию, чтобы затем на развалинах старых логических границ строить новые» [Теория метафоры 1990: 442]. «Метафора далека от того, чтобы быть просто средством украшения; она активно участвует в развитии знания, замечая устаревшие «естественные» категории новыми, позволяющими увидеть проблему в ином свете, предоставляя нам новые факты и новые миры» [там же: 194].

Если наше мышление метафорично, то и обучение должно идти этим же естественным путем, т. е. на основе метафоры, с помощью формирования метафорической компетенции. Готова ли современная дидактика и методика к этому? Если принять точку зрения, что обучение – это путь от знания к пониманию, то метафора является главной целью и способом его достижения. Метафора позволяет избегать когнитивных ошибок, рисков и неудач, поскольку всегда готова представить модель, аналог; метафора активизирует наше сознание.

Отсюда – важность и актуальность широкого взгляда на метафору как на компетенцию, которую в самом общем виде можно свести к понятию «метафорогенной деятельности человека», не ограничивающейся его отдельными креативными способностями, а «пронизывающей» всю его жизнедеятельность [Лагута 2003а, Лагута 2003б]. Человек вырастает среди метафор и воспринимает мир через определенную «метафорическую вуаль», что во многом предопределяет его общую коммуникативную компетентность [Лагута 2003а: 35].

В самом общем виде метафорическую компетенцию можно рассматривать с трех точек зрения: по отношению к другим видам компетенций, которыми овладевает обучаемый, на основе соотношения компетенции с конкретными видами деятельности и по отношению к студентам, которые ими овладевают.

Первая точка зрения связана с уровнем аксиоматичности различных компетенций и их распределением по этапам обучения иностранному языку. Логика этого взгляда базируется на аксиоматическом подходе в структурном языкознании 30-х гг. XX в., в центре которого находились исследования дискретных языковых единиц на основе определенных принципов трансформационного анализа, обусловленных понятиями преобразования исходных заданных структур, включая семантические сдвиги. В свете этого метафорическую компетенцию можно было бы охарактеризовать как одну из специальных ком-

петенций, направленную на совершенствование риторических навыков, т. е. метафорическая компетенция определялась как разновидность общих компетенций.

Вторая точка зрения сформировалась к концу XX в. и была особенно ощутима в методике текстового анализа [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993 и др.]. Данная точка зрения на метафорическую компетенцию преодолела ограничения, установленные методологией аксиоматизма. Методика анализа текста позволяла увидеть метафору во многих типах текста, не только в художественном. Метафору стали связывать со способами и видами познания реальности и стали оценивать ее значимость для предметов разных наук (гуманитарных, естественных), которые благодаря именно метафоре стали ближе друг другу.

История новейшей науки дает большое количество примеров включения метафор в предметы и методы многих наук. Так, сопоставляя наиболее значительные публикации о структурах и функциях различных генетических систем за более чем 20 лет, А. Е. Седов обнаружил, что именно метафоры лежат в основе новых формулировок в генетике («метафазная пластинка», «полярная шапочка», «стадия букета», «хромосомный мост», «хромосомы типа ламповых щеток» и др.). С их помощью создавались непривычные, новые для науки образы и понятия [Седов 1997]. А. Е. Седов сравнивает роль метафоры в познании с компьютерной программой (команда вызова подпрограммы-модуля). По его мнению, метафоры вызывают когнитивную блок-ассоциацию извне, т. е. из другой области знаний, в которой образы, аналогичные исследуемым, уже имеются. Поэтому метафору можно рассматривать как своеобразный «концентрат» информации, как новый информационный вход в данную когнитивную модель [там же].

Кроме того, изучен характер экспликации метафоризации в медицине путем описания доминирующих метафорических моделей: *Деятельность человека: быт, культура, война; Природное явление; Растение и животное* [Мишланова 2002].

Кибернетики, философы и психологи создали новую дисциплину, изучающую искусственный интеллект с учетом того, что компьютеры занимаются деятельностью, которая сродни человеческой. Отсюда понятна важность включения метафор в системы разных наук в качестве фактора их внутреннего развития. На основе этого выявляется роль формируемой метафорической компетенции.

В лингводидактике используются также метафорические модели, включающие *траектории*

(совокупности шагов, предпринимаемых отдельными индивидами и социальными группами для удовлетворения потребностей в образовании), *площадки* (элементы инфраструктуры непрерывного образования). С метафорой траекторий связаны определения внутренних и внешних образовательных *барьеров* (совокупности факторов, затрудняющих получение образования) и пр.

Е. В. Решетникова усматривает гносеологическую ценность метафоры в возможности сопрягать с ее помощью различные дискурсы, осуществлять трансфер не только из разных научных дисциплин, но и когнитивных практик, организуя их диалог, стимулировать мотивацию к ценностному восприятию знания. По ее мнению, гносеологическая ценность метафоры состоит в способности выражать процесс приращения нового знания, организовывать концептуальную систему, задавать целостное видение предметной области [Решетникова 2013: 5, 7].

Третий взгляд на метафорическую компетенцию предопределяется характером отношений между компетенцией и работающим сознанием студента. Одна из проблем этого аспекта касается выявления структуры, содержания и отбора принципов построения метафорической компетенции. В этом смысле цель формирования метафорической компетенции не связана с необходимостью совершенствования методики анализа текста. Компетенция направлена на то, чтобы наилучшим образом обеспечивать организацию мыслительного процесса в освоении и понимании профессионального знания, а также через методику его трансляцию в условиях профессиональной коммуникации.

Понимая язык одновременно как материал, средство и механизм деятельности в профессиональной сфере, мы определяем метафорическую компетенцию как универсальную способность обеспечивать организацию целостности речевой коммуникации и речевой деятельности.

По мнению А. А. Ричардса, самой «вредоносной» посылкой при изучении метафоры является та, «согласно которой метафора – это нечто особенное и исключительное в использовании языка, отклонение от его нормальных механизмов, а не вездесущий принцип его естественного функционирования» [Ричардс 1990: 45]. Отсюда и метафорическую компетенцию мы связываем не с отдельным приемом, а с целостным универсальным характером мыслительной деятельности.

Метафорическая компетенция – это не название какой-либо частной (видовой) компетенции. Она воплощает принципы методологии обучения во многих дисциплинах, это способ видения «одного с помощью другого», «принцип толкования» и т. п. Так, в теории литературы – это

«чужие голоса», «чужая речь», «несобственно-прямая речь» др., в науке – «сквозь призму чего-либо», «увидеть в каком-либо виде» и т. п. В свою очередь, Н. Бор считал математику усовершенствованием общего языка, оснащающего его удобными средствами, метафорами, для отображения сложных явлений [Бор 1961: 96]. В нашем понимании, понятие метафорической компетенции представляет собой комплекс метода и предмета процесса обучения.

Как мы указывали, содержание метафорической компетенции связано с методологией, нацеленной на формирование личности выпускника университета, учреждения, где «куется» не столько инженер, сколько творческая личность, адаптированная к условиям конвергенции знания и общества в целом. Еще в 1871 г. Д. К. Максвелл, читая лекции в Кембриджском университете, высказал идею о том, что университет должен быть местом получения интегрированного образования и не заниматься обучением конкретным профессиям. Он должен поддерживать постоянную живую связь между науками [Максвелл 1968: 31].

В этом смысле метафорическая компетенция не связана с конкретным содержанием отдельных учебных дисциплин или с какой-либо отдельной областью деятельности (литературоведением, лингвистикой и др.). Поскольку формирование данной компетенции обусловлено всей системой оценок качества и контроля результатов подготовки студентов, то ее место – везде, в каждой преподаваемой дисциплине. Это своеобразная надстройка над дисциплинами.

Что дает метафорическая компетенция? Что она формирует? С ее помощью главным образом организуется работа по созданию метатекста. Метатекст – это язык открытий, научных описаний и их профессиональных интерпретаций, а формирование и развитие этих навыков – цель любой науки и технологии.

Формирование метафорической компетенции, т. е. способности к переопределению, моделированию результатов деятельности, предопределено понятием целостного восприятия мира. В 1970 г. В. В. Налимов написал статью «Печаль по утраченной целостности», в которой он сформулировал основные признаки целостного видения:

- переход в мыслительной деятельности от фрагментарного восприятия к целостности;
- моделирование как сближение чисто языкового аспекта с когнитивным и коммуникативным;
- междисциплинарный взгляд на узкую чисто языковую специальность.

Сопоставление понятий метафорической и прочих видов языковых компетенций мы приводим в табл. 1.

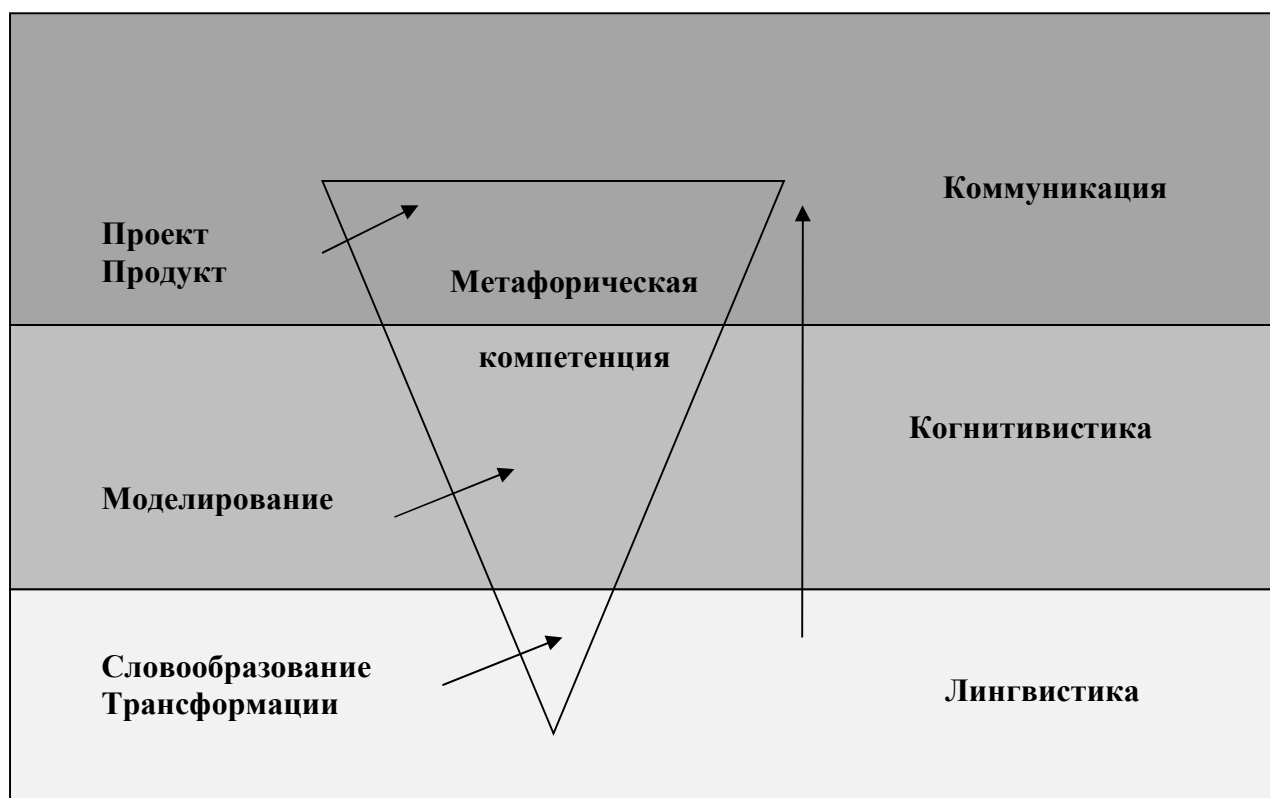
Сопоставление понятий метафорической и прочих видов языковых компетенций

<i>Метафорическая компетенция</i>	<i>Прочие компетенции</i>
Компетенция наивысшего уровня (надстройка)	Принадлежат более низким уровням
Имеет интердисциплинарный характер	Закреплены за конкретными дисциплинами
Data-центрична	Нормоцентричны
Комплексное представление языка	Предполагают уровневое освоение языка
Синтетическая	Аналитические
Соотносится с внутренним кодом языка	Соотносятся с внешним кодом языка
Языковое сопровождение познания	Использование, применение готового языка

В определенном смысле формирование метафорической компетенции идет в разрез современной уравнивающей в интеллектуальном отношении балльно-рейтинговой системе оценки знания студентов. При всей привлекательности и удобстве этой системы она пишет картину про «успевающего студента» средних академических способностей, поскольку предполагает некий набор стандартизированных задач (заданий), диагностирующих уровень знания лексики, грамматики и стилистики изучаемого языка, а также способность к преобразованию и трансформации

в переводе, узнаванию конфигураций и т. п., а не степень понимания. Успешность выполнения подобных задач определяется ограниченным числом одних и тех же *базовых способностей*. Подобные задания связаны с силлогическими приемами и не позволяют в полной мере выявить индивидуальные креативные способности обучаемых. Более того, обычным правилом часто является наличие ключей к заданиям.

На основе высказанных суждений структуру метафорической компетенции можно представить в следующем виде (схема).

Структура метафорической компетенции

Данная структура, имеющая сложный и многомерный характер, включает три слоя: лингвистику, когнитивистику и коммуникацию. Структура напоминает перевернутую пирамиду, основание которой упирается в язык. Содержание метафорической компетенции в области языка

обусловлено знаковой деятельностью, предполагающей формирование способности идентификации знака через другой знак. Работа в этой области помогает описывать простым и очевидным способом сложные системы и процессы. Таким образом, данная компетенция способствует эф-

фактивности коммуникации и тем самым обеспечивает выход в вышележащий уровень. Метафорическая компетенция оказывается более эффективной в сравнении с любой другой языковой компетенцией, поскольку оказывается более осмысленной с точки зрения моделирования предметной области по системе объяснения знака через знак.

Преимущественным содержанием метафорической компетенции является когнитивистика, соотносящаяся с моделированием, представляющим собой не один из возможных способов реализации метафорической компетенции, а органически связанную с самой природой мышления деятельность.

Верхним уровнем метафорической компетенции является коммуникация, осуществляемая в социуме. В современной лингводидактике на первый план выходит социоцентрическая парадигма и компетентностный подход, рассматриваемые в виде когнитивно-исследовательской модели, подразумевающей акцентуацию социальной сообразности содержания и технологий обучения [Крупченко, Кузнецов 2015: 47]. Компетентностный подход базируется на областях будущей профессиональной деятельности выпускников, включающих образование, социальную сферу, культуру и предполагающих организацию

взаимодействия с общественными и образовательными учреждениями, сбор, анализ, систематизацию и использование информации по актуальным проблемам науки и образования. Уровни метафорической компетенции раскрывают возможности применения различных методик. Главным же методом обучения является моделирование по принципу «одно с помощью другого».

Одной из наиболее важных проблем является вопрос о взаимной зависимости уровней овладения метафорической компетенцией, содержанием и методикой обучения. Традиционная лингводидактика ограничивалась изучением лишь низшего уровня метафорической компетенции, содержание и методы которого соотносили метафорическую компетенцию только со сферой языка. Методика формирования метафорической компетенции осуществлялась с помощью алгоритма анализа выразительных средств художественного текста.

Формируемое нами понятие метафорической компетенции дает возможность ставить вопрос о развитии традиционного понятия метафорической компетенции за счет включения ее в иерархию отношений с когнитивным и коммуникативным уровнями. Комплексное содержание метафорической компетенции представлено в табл. 2.

Таблица 2

Содержание метафорической компетенции

<i>Метафорическая компетенция</i>			
<i>Языковая составляющая</i>	<i>Когнитивная составляющая</i>	<i>Коммуникативная составляющая</i>	<i>Метод</i>
Описание фреймов	Открывает новые пути познания, а не складировать знание Сопоставление Подобие	Обеспечивает понимание профессионального знания	Сравнительно-сопоставительный Описательный Креативный
Системный анализ	Позволяет осознать целостность познаваемого объекта или явления	Осуществляет направленность текста, позволяет сформулировать новое знание	Проектирование
Рассмотрение метафоры как “seeing as”	Осваивает новые системы мышления	Обеспечивает быстроту передачи информации, создает концептуальный изоморфизм	Моделирование
Изучение способов и видов репрезентации метафоры в тексте	Выявляет еще не реализованную возможность познания	Создает новую программу поведения, стилистику познания	Создание продукта
Метафора как тождество, подобие, модель, язык, включенный в деятельность	Возникает обязательно в русле крупных научных направлений: – когнитивистика – дискурс – метафорология	Обеспечивает условие развития личности, преодолевается инертность описания, создаются условия для научных открытий	Интеграция Конвергентность

Как показано в таблице, метафорическая компетенция имеет комплексную структуру, включающую три компонента: языковой, когнитивный и коммуникативный, предполагающие использование разных методик овладения ею. Языковая составляющая метафорической компетенции (внешняя сторона метафоризации) связана с прямым способом выражения переноса значения в тексте. Применяемые методы, формирующие метафорическую компетенцию, предусматривают описание текста с целью выявления языковых структур, репрезентирующих семантическое подобие, и их последующую классификацию (фиксация подобия). Безусловно, компетенции существуют не только в виде фиксированной системы, но и как постоянно развивающиеся комплексные системы, управляемые глубинными

закономерностями. Коммуникативная и когнитивная составляющие способствуют более глубокому пониманию внутренней природы метафорической компетенции и целесообразности применяемой методики. Коммуникативные стратегии метафорической компетенции позволяют четче сформулировать, а также лучше понять новое профессиональное знание. Владение метафорической компетенцией обеспечивает быстроту передачи новой информации в профессиональной коммуникации. В число когнитивных целей обучения на основе метафорической компетенции входит осознание целостности познаваемого объекта или явления и освоение новых систем мышления.

Формирование метафорической компетенции происходит на трех уровнях (см. табл. 3).

Таблица 3

Уровни овладения метафорической компетенцией

Уровни	Содержание	Методы
3. Метапрактики (наивысший)	Реальное проектирование коммуникации	Проект
2. Когнитивный (высокий)	Накопление информации о метафоре и ее возможностях Знакомство с теориями метафоры	Моделирование Дискурсивный анализ
1. Предметный (низкий)	Способы описания прямого/ переносного знания	Описательный Сравнительный

В современной лингводидактике, по нашему мнению, важнейшим вопросом является то, как описать выявленную систему взаимозависимых уровней овладения метафорической компетенцией.

Таким образом, «понятийным каркасом» метафорической компетенции являются представления о целостности обучения и эффективности профессиональной коммуникации. За последнее время представление о формировании метафорической компетенции как основной лингводидактической деятельности значительно изменилось благодаря новому принципу – целостности характера обучения. Понятие метафорической компетенции расширяет горизонты гуманитарных наук и позволяет сформировать личность выпускника-профессионала, владеющего универсальными компетенциями. Возможно, понятие метафорической компетенции даст возможность переосмыслить традиционный строго дисциплинарный (иерархический) подход к обучению. На основе применения теории метафоры к понятию метафорической компетенции было выяснено, что наряду с исключительно лингвистической трактовкой метафорической компетенции целесообразно использование широкого понима-

ния метафоры [Cienki 2008, 2010; Forceville, Urios-Aparisi 2009]. На наш взгляд, именно метафорическая компетенция актуализирует начавшуюся в современной науке интеграцию отдельных областей знания. В этой ситуации разработка понятия метафорической компетенции может оказаться для лингводидактики существеннее традиционных исследований содержания частных видовых компетенций.

Этот круг идей имеет немаловажное значение для осознания необходимости интегративного подхода к процессу обучения в вузе. Вопросы, поставленные в статье, связаны с характером отношений между целями образования и потребностью современного общества в выпускниках.

Примечание

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке основной части госзадания (проект № 303) и Российского гуманитарного научного фонда (проект №16-13-59006).

Список литературы

Алексеев К. И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 73–85.

Алексеева Л. М. Термин и метафора. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 253 с.

Алексеева Л. М., Ивинских Н. П., Мишланова С. Л., Полякова С. В. Метафора в дискурсе // Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. 240 с.

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 152 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Дискуссии о метафорах в современной зарубежной педагогике // Педагогическое образование в России. 2007. № 1. С. 188–200.

Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование в педагогическом дискурсе // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 116–121.

Крупченко А. К., Кузнецов А. Н. Основы профессиональной лингводидактики. М.: АПКИПРО, 2015. 232 с.

Кулиев Г. Г. Метафора и научное познание. Баку: Элм, 1987. 157 с.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003а. Ч. 1. 114 с.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003б. Ч. 2. 208 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртнэнэ, 1998. С. 126–170.

Максвелл Дж. К. Статьи и речи. М.: Наука, 1968. 422 с.

Меньшиков А. А. Когнитивный потенциал метафоры в системе научного дискурса: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Владивосток, 2009. 26 с.

Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. 160 с.

Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М.: Наука, 1974. 272 с.

Налимов В. В. Печаль по утраченной целостности // Знание – сила. 1979. № 5. С. 21–23.

Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.

Решетникова Е. В. Метафора в постнеклассическом познании. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013. 160 с.

Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.

Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

Седов А. Е. История генетики, запечатленная в метафорах ее языка: количественный и структурный анализ. Общие принципы анализа. Метафорические термины // Проблемы социолингвистики и многоязычия. М.: Моск. лицей, 1997. С. 35–47.

Cienki A. Why study metaphor and gesture? In *Gesture studies*. Vol. 3 *Metaphor and gesture* / eds., A. Cienki, and C. Müller. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 5–25.

Cienki A. Multimodal Metaphor Analysis. In *Metaphor Analysis: Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities* / eds. L. Cameron and R. Maslen. London: Equinox Publishing, 2010. P. 195–214.

Forceville C., Urios-Aparisi E. *Multimodal Metaphor*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 470 p.

Littlemore J., Low G. Metaphoric competence and communicative language ability // *Applied Linguistics*. 2006. № 27(2). P. 268–294.

MacCormac E. Neuronal Processes of Creative Metaphors // *From a Metaphorical Point of View. A Multidisciplinary Approach to the Cognitive Content of Metaphor* / ed by Zdravko Radman Walter de Gruyter. Berlin; N. Y., 1995. P. 149–164.

Ricoeur P. *The rule of metaphor*. Routledge & Kegan Paul. L., 1986. 384 p.

References

Alekseev K. I. *Metafora kak ob'ekt issledovaniya v filosofii i psikhologii* [Metaphor as a subject of philosophical and psychological research]. *Voprosy psikhologii*. 1996. Iss. 2. P. 73–85.

Alekseeva L. M. *Termin i metafora* [Term and metaphor]. Perm, Perm State University Publ., 1998. 253 p.

Alekseeva L. M., Ivinskikh N. P., Mishlanova S. L., Polyakova S. V. *Metafora v diskurse* [Metaphor in discourse]. Perm, Perm State University. 2013. 240 p.

Apresyanyan V. Yu., Apresyanyan Yu. D. *Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy* [Metaphor in the semantic representation of emotions]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1993. Iss. 3. P. 27–35.

Bohr N. *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic physics and human knowledge]. Moscow, Izd-vo inostr. lit. Publ., 1961. 152 p.

- Budayev E. V., Chudinov A. P. *Diskussii o metaforakh v sovremennoy zarubezhnoy pedagogike* [Discussions about metaphors in modern foreign pedagogy]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2007. Iss. 1. P. 188–200.
- Kondrat'eva O. N. *Metaforicheskoe modelirovanie v pedagogicheskom diskurse* [Metaphorical modeling in pedagogical discourse]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2013. Iss. 1. P. 116–121.
- Krupchenko A. K., Kuznetsov A. N. *Osnovy professional'noy lingvodidaktiki* [Foundations of modern linguodidactics]. Moscow, Academy of Professional Development and Re-training of Educators Publ., 2015. 232 p.
- Kuliev G. G. *Metafora i nauchnoe poznanie* [Metaphor and scientific cognition]. Baku, ELM Publ., 1987. 157 p.
- Laguta O. N. *Metaforologiya: teoreticheskie aspekty* [Metaphorology: theoretical aspects]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2003. Part 1. 114 p.
- Laguta O. N. *Metaforologiya: teoreticheskie aspekty* [Metaphorology: theoretical aspects]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2003. Part 2. 208 p.
- Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya* [Language and social interaction modeling]. Blagoveshchensk, Izdvo BGK im. I. A. Boduena de Kurtene Publ., 1998. P. 126–170.
- Maxwell G. K. *Stat'i i rechi* [Articles and speeches]. Moscow, «Nauka» Publ., 1968. 422 p.
- Men'shikov A. A. *Kognitivnyi potentsial metafory v sisteme nauchnogo diskursa*. Avtoreferat diss. kand. filosof. nauk [Cognitive potential of metaphor in the system of scientific discourse. Synopsis of Cand. philos. sci. diss.]. Vladivostok, 2009. 26 p.
- Mishlanova S. L. *Metafora v meditsinskom diskurse* [Metaphor in medical discourse]. Perm, Perm State University Publ., 2002. 160 p.
- Nalimov V. V. *Veroyatnostnaya model' yazyka* [The probabilistic model of language]. Moscow, «Nauka» Publ., 1974. 272 p.
- Nalimov V. V. *Pechal' po utrachennoy tselostnosti* [Sorrow for the lost integrity]. *Znanie – sila* [Knowledge is power]. 1979. Iss. 5. P. 21–23.
- Nikitin M. V. *Osnovaniya kognitivnoy semantiki* [Foundations of cognitive semantics]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2003. 277 p.
- Ortega y Gasset J. *Dve velikikh metafory* [The two great metaphors]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. P. 68–81.
- Potebnya A. A. *Estetika i poetika* [Esthetics and poetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 613 p.
- Reshetnikova E. V. *Metafora v postneklassicheskoy poznanii* [Metaphor in post non-classical cognition]. Novosibirsk, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin) Publ., 2013. 160 p.
- Richards A. A. *Filosofiya ritoriki* [Philosophy of rhetoric]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. P. 44–67.
- Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. P. 442.
- Sedov A. E. *Istoriya genetiki, zapetchatennaya v metaforakh eyo yazyka: kolichestvennyy i strukturnyy analiz*. *Obshchie printsipy analiza*. *Metaforicheskie terminy* [History of genetics fixed in metaphors of its language: quantitative and structural analysis. General principles of the analysis. Metaphorical terms]. *Problemy sotsiolingvistiki i mnogoyazychiya* [Issues of socio-linguistics and multilingualism]. Moscow, Moskovskiy litsey Publ., 1997. P. 35–47.
- Cienki A. *Why study metaphor and gesture?* *Gesture studies. Vol. 3 Metaphor and gesture*. Ed. by A. Cienki and C. Müller. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 5–25.
- Cienki A. *Multimodal Metaphor Analysis. Metaphor Analysis: Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities*. Ed. by L. Cameron and R. Maslen. London, Equinox Publishing, 2010. P. 195–214.
- Forceville C., Urios-Aparisi E. *Multimodal Metaphor*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2009. 470 p.
- Littlemore J., Low G. *Metaphoric competence and communicative language ability. Applied Linguistics*. 2006. Iss. 27 (2). P. 268–294.
- MacCormac E. *Neuronal Processes of Creative Metaphors. From a Metaphorical Point of View. A Multidisciplinary Approach to the Cognitive Content of Metaphor*. Ed. by Zdravko Radman. Berlin, New York, Walter de Gruyter. 1995. P. 149–164.
- Ricoeur P. *The rule of metaphor*. Routledge & Kegan Paul, London. 1986. 384 p.

FORMATION OF THE METAPHORICAL COMPETENCE

Larissa M. Alekseeva

**Professor in the Department of Linguodidactics
Perm State University**

Svetlana L. Mishlanova

**Head of the Department of Linguodidactics
Perm State University**

The article deals with the metaphorical competence as one of the main issues of modern linguodidactics, the subject being regarded from the communicative and cognitive perspectives. The authors consider the background of the formation of the metaphorical competence concept and modern views on this concept. The research is based on the assumption that human cognition is quite metaphorical. Taking this into consideration, the authors believe that training in professional activity should be conducted by means of the metaphorical competence, which is defined as a universal ability to provide integrity of speech communication and speech activity. The concept of the metaphorical competence is determined by professional activity, which is linked with the increasing dependence of cognition on a person's activity and their value system and ambitions. The authors build the structure of the metaphorical competence, describe its content and differentiate it from other types of competences. It has been shown that the metaphorical competence can be viewed as a complex system of levels, which imply application of various methods.

Key words: metaphorical competence; professional activity; cognition; modeling; complexity; teaching methods.

УДК 81'25

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-108-116

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЭТИЧНОСТИ СОНЕТОВ У. ВОРДСВОРТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Наталья Валерьевна Шутёмова

д. филол. н., профессор кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. lingconf14@mail.ru

Любовь Васильевна Прокошева

магистрант кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ljubabolotova@mail.ru

В статье рассматривается репрезентация сущностного свойства У. Вордсворта в русских переводах. Ключевым в исследовании является понятие поэтичности, трактуемое как типологическая доминанта художественного текста, представляющая собой единство таких его типологических свойств, как идейность, эмотивность, образность и художественная языковая (в узком смысле стиховая) форма, и составляющая качество и сущность художественного текста, отличающие его от других типов текста. На основе принципа репрезентированности поэтичности ИТ в ПТ выполняется сопоставительный анализ сонетов У. Вордсворта и переводных текстов. Выявляется обусловленность поэтичности произведений философско-эстетическими взглядами поэта, рассматриваются способы передачи идейно-эмотивного содержания произведений, их системы образов и формы, следующей итальянскому канону и составляющей наибольшую переводческую трудность. Выясняется, что в русской культуре сонеты У. Вордсворта представлены в малом объеме, но преимущественно переводами консонансного и консонансно-диссонансного типов, что способствует познанию сущности творческого наследия У. Вордсворта русскими читателями.

Ключевые слова: перевод; типологическая доминанта текста; поэзия У. Вордсворта; сонет.

Художественный перевод, являясь одним из наиболее важных способов взаимодействия культур, на протяжении многовековой истории традиционно оказывает значительное влияние на развитие национальных литератур, способствуя их взаимному обогащению. В общем культурологическом плане он представляет собой «творческую деятельность по созданию культурных ценностей, направленную на репрезентацию ценностей переводимой художественной литературы в принимающей культуре» [Шутёмова 2012б]. При этом понятие художественного перевода охватывает перевод произведений всех родов литературы, в том числе художественной прозы, поэзии, драмы. Круг вопросов, рассматриваемых в современном переводоведении при осмыслении этого вида переводческой деятельности, очень широк и связан с проблемами определения его сущности [Казакова 2006], трансляции типологических

свойств ИТ [Галеева 1999], вторичности ПТ [Нестерова 2005], межкультурной транслируемости [Белозерова 2000; Кушникова 2009; Коршунова 2011], интерпретации и переводной множественности художественного оригинала [Енбаева 2009; Шерстнева 2009], передачи имплицитной информации [Понятина 2011; Третьякова 2006]. Одним из основных направлений развития теории художественного перевода зарубежными исследователями является его изучение в диахронии литературного процесса [Boutcher 2000; Ellis 2000; France 2000; Hale 2000; Pym 2000; Venuti 2000; Woodsworth 2000], в аспекте генезиса жанров [Bassnet 2000; Finnegan 2000; Hunt 2000; Weissbort 2000], а также с точки зрения репрезентации шедевров национальных литератур в переводной культуре [Bishop 2000; France 2000; Gessel 2000; Leydecker 2000; Mitchel 2000; Rimer 2000; Rose 2000; Rosslyn 2000; Sato 2000].

Наше исследование нацелено на изучение репрезентации в русской культуре сонетного наследия У. Вордсворта, одного из крупнейших лирических поэтов Великобритании, которого традиционно считают автором известного «Предисловия» к сборнику «Лирические баллады», расцениваемого историками английской литературы как «вступление» к целой поэтической эпохе» [Урнов 1989: 91]. Отметим, что благодаря переводам поэзия английского романтизма получила признание в России и значительно повлияла на развитие ее национальной литературы. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. Н. Плещеев, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Ф. И. Тютчев, Н. И. Гнедич, А. А. Фет, А. К. Толстой, А. А. Блок, В. В. Левиц, И. И. Козлов, Б. Л. Пастернак, С. Я. Маршак – лишь неполный список замечательных переводчиков, познакомивших российского читателя с творчеством предтечи романтизма У. Блейка, поэтов «озерной школы» Т. Кольриджа, У. Вордсворта и Р. Саути, писательским наследием В. Скотта, Т. Мура, Дж. Г. Байрона, П. Б. Шелли, Дж. Китса.

У. Вордсворта называют одним из самых блестящих мастеров сонетного жанра в английской поэзии [Захаров 1981: 584]. Он способствовал возрождению сонета в литературе Великобритании, создав около 500 произведений этого жанра и увидев в нем возможность творческого соединения свободы авторского воображения и аскетичности строгой формы. Благодаря переводам Г. Кружкова, В. В. Левица, А. Ибрагимова, В. Савина, В. Топорова, В. Чистякова, С. Шестакова, Арк. Штейнберга, Э. Шустера и других поэтов-переводчиков в русской культуре стали известны многие сонеты поэта: «Монашке мил свой нищий уголок», «Земля в цвету и чистый небосвод», «Сон», «Отплытие» и др. («Господень мир, его мы всюду зрим», «Прощальный сонет реке Даддон», «Бессилен человек и близорук», «Ты все молчишь! Как быстро отцвела...», «Кале, 15 августа 1802 года», «Сонет, написанный на Вестминстерском мосту», «К Мильтону» и др.).

В данной статье проведем исследование, в чем заключается поэтичность сонетов У. Вордсворта и как она репрезентируется в переводе на русский язык. Прежде всего, необходимо отметить, что поэтичность трактуется нами как типологическая доминанта художественного, в частности поэтического, текста, представляющая собой единство его типологических свойств и составляющая его качество и сущность [ФЭС 1983], отличающие данный тип текста от других типов текста и подлежащие репрезентации при переводе [Шутёмова 2011; 2012а]. Актуальность обращения к данному понятию в теории и практике поэтического перевода, с одной стороны,

обусловлена необходимостью репрезентации при переводе целостности исходного текста. С другой стороны, она мотивирована невозможностью передать все особенности оригинала в силу специфики поэтического текста, который характеризуется такими антиномиями, как спонтанность и высокая степень организации, минимум формы и максимум смысла.

Единство типологических свойств художественного текста обусловлено спецификой художественной деятельности человека и объемлет художественные по своему характеру идейность и эмотивность, образность и языковую форму. Полагаем, что понятие поэтичности коррелирует по принципу родовидовых отношений с понятием художественности [Роднянская 1987], которое соотносится с сущностью произведений любого вида искусства и является родовым по отношению к качеству поэтичности, характеризующему именно словесное творчество ввиду специфичности естественного языка как материала для создания художественной формы. В целом поэтичность может рассматриваться как художественность произведения именно словесного искусства, при этом она может принадлежать любому роду литературы: эпосу, лирике или драме. Типологическая доминанта художественного текста может быть обозначена термином «поэтичность» [Якобсон 1987: 80] на основе традиции, заложенной в теоретической поэтике и практике перевода. С учетом свойств собственно поэтического текста поэтичность трактуется как реализованное в образной системе и объективированное в эстетически ценной стиховой форме идейно-эмотивное единство, порожденное художественным познанием ценностного аспекта связи «человек – мир». Таким образом, поэтичность является, на наш взгляд, комплексной текстовой категорией, представляющей собой единство типологических свойств поэтического текста (идейность, эмотивность, образность, эстетическая языковая (стиховая) форма) и охватывающей его глубинный и поверхностный уровни.

Анализ репрезентированности поэтичности ИТ в ПТ позволяет выявить консонансный тип поэтического перевода, характеризующийся репрезентированностью всех типологических свойств ИТ в ПТ, консонансно-диссонансный тип перевода, сопровождающийся редукцией одного из типологических свойств ИТ, и диссонансный тип, означающий редукцию двух или всех типологических свойств оригинала в ПТ. С философской и культурологической точек зрения исследование способов передачи поэтичности сонетов У. Вордсворта в русских переводах означает изучение репрезентации их сущности в русской культуре.

Комплексный характер поэтичности обуславливает проблемы ее передачи в ПТ, включающие трудности ее освоения и вербализации переводчиком. Переводческая трудность репрезентации поэтичности сонетов У. Вордсворта в значительной мере обусловлена имплицитными в них философско-эстетическими взглядами поэта, его способностью говорить естественно об обычном. В «Предисловии» к сборнику «Лирические баллады» поэт отмечает возможность художественного познания законов природы через познание обыденного, которое является, с его точки зрения, источником знания и творческого вдохновения. («The objects of the Poet's thoughts are everywhere; though the eyes and senses of man are, it is true, his favourite guides, yet he will follow wheresoever he can find an atmosphere of sensation in which to move his wings. Poetry is the first and last of all knowledge – it is immortal as the heart of man» [Wordsworth. Preface to Lyrical Ballads]).

Сфера явлений и объектов, которые могут быть художественно преобразованы в сознании поэта, включает в себя, по мнению У. Вордсворта, все, что пробуждает в человеке мысли и чувства: это и солнечный свет, и буря, и смена времен года, и жара, и холод, и утрата друзей, и ненависть, и благодарность, и надежда, и страх, и сожаление и многое другое («moral sentiments and animal sensations; ...the operations of the elements, and the appearances of the visible universe; ...storm and sunshine, ...the revolutions of the seasons, ...cold and heat, loss of friends and kindred, ... injuries and resentments, gratitude and hope, ...fear and sorrow. These, and the like, are the sensations and objects which the Poet describes, as they are the sensations of other men, and the objects which interest them» [ibid.]).

У. Вордсворт уподобляет словесное искусство спонтанному потоку сильных чувств, которые были пережиты автором ранее и могут быть воссозданы при воспоминании («poetry is the spontaneous overflow of powerful feelings: it takes its origin from emotion recollected in tranquillity» [ibid.]). Глубокое переживание, которое рождается при осмыслении обычных объектов и повседневных событий, ведет, как полагал У. Вордсворт, к познанию истины, что дает возможность рассмотрения поэзии как философии («Aristotle, I have been told, has said, that Poetry is the most philosophic of all writing: it is so: its object is truth, not individual and local, but general, and operative; not standing upon external testimony, but carried alive into the heart by passion... Poetry is the image of man and nature...» [ibid.]). Все это обуславливает противоречивость поэтичности лирики У. Вордсворта, позволяет литературоведам сравнивать его с

А. С. Пушкиным и утверждать, что «временами он точно так же непередаваемо (в переводе) поэтичен и прост, искусен и естествен» [Урнов 1989: 92]. Эта противоречивость объясняет и преимущественно консонансно-диссонансный тип переводов сонетов У. Вордсворта.

Отметим, что сонетный жанр перешел в английскую литературу из итальянской поэзии в XVI в. благодаря эстетическим поискам поэтов-реформаторов английского Возрождения Т. Уайета и Г. Серрея, которые стремились адаптировать формы итальянской поэзии к английскому языковому материалу, введя в канонизированную Петраркой форму сонета финальное двустопное и перекрестную рифму, сформировав таким образом новую сонетную форму, которая была использована У. Шекспиром. Для понимания поэтичности У. Вордсворта важно указать, что после Мильтона на протяжении XVIII в. к сонетному жанру в английской литературе обращались достаточно редко. Сам У. Вордсворт объяснял свой интерес к данному типу литературного произведения тем, что, являясь твердой поэтической формой, он позволял сдерживать многословие поэта и сочетать богатство художественного воображения с аскетизмом формы.

Материалом данного исследования послужили 38 сонетов У. Вордсворта и 68 ПТ, выполненных переводчиками разного времени: В. Левиком, П. Гуреевым, Г. Кружковым, И. Меламедом, И. Козловым, А. Ибрагимовым и др. Единицей анализа является поэтический текст в его целостности как единство формы и содержания. Сопоставительный анализ ИТ и ПТ позволил нам изучить, каким образом в русских переводах репрезентирована идейно-эмотивная основа сонетов, их образность и художественная форма.

Консонансной передачей идейности и эмотивности сонетов У. Вордсворта характеризуется 61,7 % проанализированных русских переводов, при этом в 38,3 % ПТ произошло изменение эмотивности ИТ. Благодаря переводам в русской культуре репрезентированы представления У. Вордсворта (как одного из основоположников английского романтизма) о назначении поэзии постигать истину, о природе как источнике знания и творчества, о возможности художественного осмысления безграничного спектра объектов, явлений, процессов, о ценности и красоте обычного и повседневного.

Так, идейно-эмотивную основу сонета «On the extinction of the Venetian republic» составляет восхищение лирического героя Венецианской республикой и в то же время его сожаление об утрате ее славы и могущества, художественно реализованное в образах Венеции, Свободы и

Моря, объективированное в сонетной форме итальянского образца, что консонансно репрезентировано в переводах, выполненных В. В. Левиком и В. Топоровым. Центральный образ Венеции получает в оригинале развернутую детализацию и развитие в системе метафорических микрообразов («She hold the gorgeous east in fee», «the safeguard of the west», «She was a maiden City», «the eldest Child of Liberty», «She must espouse the everlasting Sea») [Wordsworth 1984c: 268], которые подчёркивают могущество и свободолюбие этого города, его величие. В переводах, выполненных В. В. Левиком (ПТ1) [Вордсворт 1975: 250] и В. Топоровым (ПТ2) [Вордсворт], ключевой образ Венеции также развивается через метафорическую детализацию («часовым для Запада была» в ПТ1 – «Она страшила некогда Восток И охраняла Запад» в ПТ2; «Она Свободы первенцем была» в ПТ1 – «дочь Свободы И первенец ее» в ПТ2; «Весь мир девичьей красотой пленила И с морем вечным под венец пошла» в ПТ1 – «Венчался с нею лишь морской поток» в ПТ2), при этом репрезентируются важные для реализации идейно-эмотивной основы оригинала образы Свободы («Liberty») и Моря («Sea»). Однако в переводе, выполненном В. Стародубцевым (ПТ3) [Вордсворт], образ Свободы опущен, что частично редуцирует идейность оригинала и обуславливает диссонансную репрезентацию поэтичности ИТ в ПТ3.

Сопоставительный анализ ИТ и ПТ показал, что образность оригиналов передана консонансно в 54 % русских переводов, в то время как 46 % ПТ характеризуются ее изменением вследствие редукиции, развития или модификации системы образов. Благодаря переводам в русскую культуру вошла богатая живописная образность поэзии У. Вордсворта, которая позволяет читателю ощутить красоту Озерного края: это образы его чистого неба, чистой воды, дождя, ветра, холмов. В русскую культуру вошел и образ утреннего Лондона, созданный в сонете «Composed upon Westminster Bridge» и консонансно репрезентированный в переводе, выполненном В. В. Левиком, воссоздавшим, например, ключевой образ через систему микрообразов, подобно оригиналу: «This City now doth like a garment wear The beauty of the morning: silent, bare, Ships, towers, domes, theatres, and temples» [Wordsworth 1981: 248] – «Где утро – будто в ризы – все кругом Одело в Красоту. И каждый дом, Суда в порту, театры, башни, храмы» [Вордсворт 1981: 249].

Однако в переводе сонета «It is a beauteous evening, calm and free», выполненном И. Козловым, происходит модификация образности. Сонет был написан в августе 1802 г. в Кале и посвящён вечерней прогулке поэта со своей един-

ственной дочерью Кэролайн по берегу. Лирический герой стихотворения восхищается красотой морского пейзажа и солнца на закате. При этом если в первом катрене ИТ спокойствие вечера уподобляется умиротворённому состоянию монахини («It is a beauteous evening, calm and free, / the holy time is quiet as a Nun / Breathless with adoration») [Wordsworth 2000: 281], то в переводе этот образ интерпретируется образами Марии и Гавриила («Такой окружена сидела тишиною / Мария, как пред ней явился Гавриил») [Вордсворт]. В переводе также утрачивается образ Авраамова лона, подчеркивающий в последнем терцете оригинала божественное начало ребенка. Редукция образности вносит в перевод диссонанс и обуславливает консонансно-диссонансный относительно поэтичности оригинала характер ПТ.

Необходимо отметить, что специфика художественной формы ИТ репрезентирована консонансно только в 17 % ПТ, при этом наибольшую переводческую трудность составила не передача рисунка рифмы (abba abba cdc dcd), а единство строфики оригинала. Необходимость репрезентации рифмы и строфики, характерных для итальянского канона, обусловлена осознанным выбором самого У. Вордсворта, поэтом не является формальным требованием, однако если система рифмы ИТ воссоздается в 89 % ПТ, то строфика репрезентирована приблизительно в 30 % ПТ. Например, в переводе сонета «I grieved for Buonaparte, with a vain» [Wordsworth 1984a], выполненном Г. Кружковым [Вордсворт], сохраняется единство строфики ИТ, но изменяется его рифма, в то время как в переводе сонета «Sonnet (Nuns fret not at their convent's narrow room...）」 [Wordsworth 1981b: 246], выполненном Д. Е. Мином [Вордсворт 1981б: 247], нарушается единство строфики ИТ.

В целом, на основе сопоставительного анализа можно сделать вывод, что в русской культуре представлены преимущественно консонансный и консонансно-диссонансный типы переводов сонетов У. Вордсворта. Консонансный тип означает высокую степень репрезентированности поэтичности оригинала в единстве всех его типологических свойств. Данный тип составляет 24 % ПТ. К нему можно отнести, например, такие переводы, как «Я думал: “Милый край! Чрез много лет», «Изменчивость» (выполнены Г. Кружковым), «На ликвидацию Венецианской республики», «Монашке мил свой нищий уголок», «Сон» (выполнены В. Левиком). Консонансно-диссонансный тип означает среднюю степень транслированности сущности оригинала при редукиции одного из его свойств. Сопоставительный анализ показал, что к данному типу относятся 67 % ПТ,

например: «Нас манит суеты избитый путь», «Слаб человек и разуменьем слеп» (перевод Г. Кружкова), «Сочинено на Вестминстерском мосту» (перевод В. Савина), «Нам нужен, Милтон, – ты! Отчизна ждёт!» (перевод В. Топорова), «Прелестный вечер тих, час тайны наступил» (перевод И. Козлова). Диссонансный тип перевода предполагает низкую или нулевую степени репрезентации поэтичности оригинала. Данный тип не отражает специфики поэтического мышления автора подлинника. При сопоставительном анализе было выявлено 9 % диссонансных переводов, к которым можно отнести, например, сонеты «Отшельницам не тесно жить по кельям» в переводе Д. Е. Мина, «Конец Венецианской республики» в переводе В. Стародубцева.

Результаты сопоставительного анализа ИТ и ПТ позволяют сделать вывод о преимущественно консонансной и консонансно-диссонансной репрезентации поэтичности сонетов У. Вордсворта в русских переводах, что дает русскому читателю возможность познания их сущности и в целом способствует межкультурному диалогу России и Великобритании. Однако необходимо отметить, что богатство творческого наследия У. Вордсворта представлено в нашей культуре лишь в небольшом объеме и ждет своих переводчиков.

Список литературы

Белозёрова Н. Н. Законы симметрии и перевод // Первые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2000. Вып. 1. С. 29–34.

Большой англо-русский словарь: в 2 т. / авт.: Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин, Р. С. Гинзбург и др. М.: Рус. яз. 1987. Т. I. 1039 с. 1988. Т. II. 1072 с.

Вордсворт У. Сонет, написанный на Вестминстерском мосту 3 сентября 1803 года / пер. с англ. В. В. Левика // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. [На англ. и русск. яз.] М.: Прогресс, 1981а. С. 251.

Вордсворт У. Сонет (Отшельницам не тесно жить по кельям...) / пер. с англ. Д. Е. Мина // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. [На англ. и рус. яз.] М.: Прогресс, 1981б. С. 247.

Вордсворт У. Бонапарт / пер. с англ. Г. Кружкова. URL: <http://kruzkhov.net/translations/english-poetry/william-wordsworth/#bonapart> (дата обращения: 15.06.2013).

Вордсворт У. На ликвидацию Венецианской Республики / пер. с англ. В. В. Левика // Поэзия английского романтизма: сб. / под ред. В. Сановича. М.: Худож. лит., 1975. С. 250.

Вордсворт У. Падение Венецианской Республики / пер. с англ. В. Топорова. URL: http://lib.ru/INOOLD/WORDSWORD_W/wordsworth1_1.txt (дата обращения: 15.06.2013).

Вордсворт У. Конец Венецианской Республики / пер. с англ. В. Стародубцева. URL: <http://life-on-corfu.ru/index.php/history/story/57-france> (дата обращения: 15.06.2013).

Вордсворт У. Прелестный вечер тих, час тайны наступил / пер. с англ. И. Козлова. URL: <http://school-collection.edu54.ru/catalog> (дата обращения: 15.06.2013).

Галеева Н. Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 1999. 352 с.

Енбаева Л. В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 24 с.

Захаров В. В. Комментарии // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. [На англ. и рус. яз.] М.: Прогресс, 1981. С. 567–686.

Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. 224 с.

Кориунова Н. Г. Асимметрия смыслов как переводческая проблема // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сб. науч. тр. Сер. Язык. Культура. Коммуникация. Н. Новгород: НГЛУ, 2011. Вып. 14, т. 1. С. 43–50.

Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 196 с.

Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2005а. 42 с.

Понятина Т. П. ИмPLICITная информация и адресованность перевода // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сб. науч. тр. Сер. Язык. Культура. Коммуникация. Н. Новгород: НГЛУ, 2011. Вып. 14, т. 1. С. 71–77.

Поэзия английского романтизма: сб. / под ред. В. Сановича. М.: Худож. лит., 1975. 670 с.

Роднянская И. Б. Художественность // Лит. энцикл. слов. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 489–490.

Третьякова Е. А. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании: на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 26 с.

Урнов Д. М. Романтизм. Блейк. «Озерная школа». Вальтер Скотт. Байрон. Шелли. Китс. Эссеисты и другие прозаики // История всемир-

- ной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 87–112.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь* / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.
- Шертнева Е.С.* Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода: на материале переводов романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бриге» на английский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 20 с.
- Шутёмова Н. В.* Теоретические основы поэтического перевода / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. 153 с.
- Шутёмова Н. В.* Типология текста в поэтическом переводе / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012а. 153 с.
- Шутёмова Н. В.* Типологическая доминанта текста в теории поэтического перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2012б. 42 с.
- Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
- Bassnet S.* Theatre and Opera // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 96–102.
- Bishop P.C.* Goethe // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 315–319.
- Boucher W.* The Renaissance // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 45–54.
- Ellis R.* The Middle Ages // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 39–44.
- Finnegan R.* Oral Literature // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 112–115.
- France P.* Nineteenth-Century Fiction // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000a. P. 275–281.
- France P.* Thinkers 1630–1780 // The Oxford Guide to Literature in English Translation. Ed. by Peter France. Oxford University Press. 2000b. P. 270–275.
- France P.* Translation Studies and Translation Criticism // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000c. P. 3–10.
- Gessel V.* Japanese Drama // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 241–245.
- Hale T.* Romanticism and the Victorian Age // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 64–72.
- Hornby A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press. M.: Russian Language Publishers. 1982a. Vol. I. 509 p. 1982b. Vol. II. 527 p.
- Hunt P.* Children's Literature // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 107–111.
- Leydecker K.* Fiction: Nineteenth and Twentieth Century // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 331–336.
- Mitchel M.* Poetry since 1850 // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 342–347.
- Pyne A.* Late Victorian to the Present // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 73–80.
- Rimer T.* Japanese Drama // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 245–249.
- Rose M. G.* Twentieth-Century Fiction // The Oxford Guide to Literature in English Translation / Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 287–291.
- Rosslyn F.* Homer and Other Epics // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 350–356.
- Sato H.* 2000 Japanese poetry // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 237–241.
- Venuti L.* Neoclassicism and Enlightenment // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 55–63.
- Weissbort D.* Poetry // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 89–96.
- Woodsworth J.* Translation in North America // The Oxford Guide to Literature in English Translation / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 81–88.
- Wordsworth W.* Preface to Lyrical Ballads // Famous Prefaces. The Harvard Classics. 1909–14. URL: <http://www.bartleby.com/39/36.html> (дата обращения: 15.06.2013).
- Wordsworth W.* Sonnet Composed upon Westminster Bridge Sept. 3, 1803 // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. [На англ. и русск. яз.] М.: Прогресс, 1981а. С. 250.

Wordsworth W. Sonnet (Nuns fret not at their convent's narrow room...) // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. [На англ. и русск. яз.] М.: Прогресс, 1981b. С. 246.

Wordsworth W. I grieved for Buonaparte // W. Wordsworth. The Major Works. Oxford University Press, 1984a. P. 267.

Wordsworth W. It is a beauteous Evening, calm and free // W. Wordsworth. The Major Works. Oxford University Press, 1984b. P. 281.

Wordsworth W. On the Extinction of the Venetian Republic // W. Wordsworth. The Major Works. Oxford University Press, 1984c. P. 268.

Wordsworth W. The Major Works. Oxford University Press, 1984d. 752 p.

References

Belozeroва N. N. Zakony simmetrii i perevod [Laws of symmetry and translation]. *Pervye Fedorovskie chtenija. Universitetskoe perevodovedenie* [First Fedorov readings. University translation studies]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2000. Iss. 1. P. 29–34.

Bol'shoj anglo-russkij slovar' [Great English-Russian Dictionary: in 2 vols.]. Yu. D. Apresyan, I. R. Gal'perin, R. S. Ginzburg et al. Moscow, Russkij jazyk Publ. Vol. I. 1987. 1039 p. Vol. II. 1988. 1072 p.

Wordsworth W. Sonet, napisannyj na Vestminster-skom mostu 3 sentjabrja 1802 goda [Sonnet Composed upon Westminster Bridge, September 3, 1802]. Transl. from English by V. V. Levik. *Anglijskaja poehzija v russkij perevodah (XIV–XIX veka). Sbornik* [English poetry in Russian translation (14–19th centuries). Collection]. Comp. by M. P. Alexeev et al. Moscow, Progress Publ., 1981a. P. 251.

Wordsworth W. Sonet (Otshel'nitsam ne tesno zhit' po kel'jam...) [Nuns fret not at their convent's narrow room...]. Transl. from English by D. Ye. Min. *Anglijskaja poehzija v russkij perevodah (XIV–XIX veka). Sbornik* [English poetry in Russian translation (14–19th centuries). Collection]. Comp. by M. P. Alexeev et al. Moscow, Progress Publ., 1981a. P. 247.

Wordsworth W. *Bonapart* [Buonaparte]. Transl. from English by G. Kruzikov. Available at: <http://kruzikov.net/translations/english-poetry/william-wordsworth/#bonapart> (accessed 15.06.2013).

Wordsworth W. Na likvidaciju Venecianskoj Respubliki [On the Extinction of the Venetian Republic]. Transl. from English by V. V. Levik. *Poehzija anglijskogo romantizma. Sbornik* [Poetry of English Romanticism. Collection]. Ed. by V. Sanovich. Moscow, Hud. lit. Publ., 1975. P. 250.

Wordsworth W. *Padenie Venecianskoj Respubliki* [On the Extinction of the Venetian Republic]. Transl.

from English by V. Toporov. Available at: http://lib.ru/INOOLD_WORDSWORD_W/wordsworth1_1.txt (accessed 15.06.2013).

Wordsworth W. Konec Venecianskoj Respubliki [On the Extinction of the Venetian Republic]. Transl. from English by V. Starodubcev. Available at: <http://life-on-corfu.ru/index.php/history/story/57-france> (accessed 15.06.2013).

Wordsworth W. *Prelestnyj vecher tih, chas tajny nastupil* [It is a beauteous evening, calm and free...]. Transl. from English by I. Kozlov. Available at: <http://school-collection.edu54.ru/catalog> (accessed 15.06.2013).

Galeeva N. L. *Parametry tipologii khudozhestvennykh tekstov v dejatel'nostnoj teorii perevoda*: dis. ... d-ra filol. nauk [Parameters of Literary Texts Typology in Theory of Translation as Activity. Dr. philol. sci. diss.]. Tver, 1999. 352 p.

Enbaeva L. V. *Perevodcheskoe reshenie rechevoj mnogoznachnosti (na materiale literatury nonsensa)*: avtoref. dis. ... k-ta filol. nauk [Translation of polysemy (a case study of nonsense fiction). Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Tyumen, 2009. 24 p.

Zaharov V. V. Kommentarii [Comments]. *Anglijskaja poehzija v russkij perevodah (XIV–XIX veka). Sbornik* [English poetry in Russian translation (14–19th centuries). Collection]. Comp. by M. P. Alexeev et al. Moscow, Progress Publ., 1981a. P. 567–686.

Kazakova T. A. *Khudozhestvennyj perevod: v poiskakh istiny* [Literary Translation: Seeking for Truth]. St. Petersburg, St Petersburg State University Publ., 2006. 224 p.

Korshunova N. G. Asimetrija smyslov kak perevodcheskaja problema [Asymmetry of senses as a translation difficulty]. *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda. Sbornik nauchnykh trudov. Serija «Jazyk. Kultura. Kommunikacija»* [Problems of Translation Studies, Practice and Didactics. Collection of scientific papers. Series «Language. Culture. Communication»]. Iss. 14. Vol. 1. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Linguistic University Publ., 2011. P. 43–50.

Kushnina L. V. *Teorija garmonizacii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva* [Theory of harmonization: cognitive analysis of translation space]. Perm, Perm State Technical University Publ., 2009. 196 p.

Nesterova N. M. *Vtorichnost' kak ontologicheskoe svojstvo perevoda*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [TT as a secondary text. Synopsis Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 2005a. 42 p.

Ponjatina T.P. Implicitnaja informacija i adresovannost' perevoda [Implicit information and direction of translation]. *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda. Sbornik nauchnykh trudov. Serija «Jazyk. Kultura. Kommunikacija»* [Problems of Translation Studies, Practice and Didactics. Collec-

tion of scientific papers. Series «Language. Culture. Communication». Iss. 14. Vol. 1. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Linguistic University Publ., 2011. P. 71–77.

Poehzija anglijskogo romantizma. Sbornik [Poetry of English Romanticism. Collection]. Ed. by V. Sanovich. Moscow, Hud. lit. Publ., 1975. 670 p.

Rodnjanskaja I. B. Khudozhestvennost' [Artisticity]. *Liter. ehncikl. slov.* [Encyclopedic Dictionary on Literature]. Moscow, Sov. ehncikl. Publ., 1987. P. 489–490.

Tretjakova E. A. *Kognitivnaja priroda ironii: paradigma modelej v sopostavitel'nom opisanii: na materiale anglijskih hudozhestvennyh proizvedenij XX veka i ih russkih perevodov: avtoref. dis. ... k-ta filol. nauk* [Cognitive Nature of Irony: Paradigm of English fiction of the 20th century and its Russian translation. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006. 26 p.

Urnov D. M. Romantizm. Blejk. «Ozernaja shkola». Valter Skott. Bajron. Shelli. Kits. Esseisty i drugie prozaiki [Romanticism. Blake. Lake School. Walter Scott. Byron. Shelley. Keats. Essayists and other prose writers]. *Istorija vseмирnoj literatury* [History of World Literature: in 9 vols.]. Vol. 6. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 87–112.

FES – *Filosofskij ehnciklopedičeskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary on Philosophy]. Ed. by L. F. Iljichev et al. Moscow, Sov. ehncyklopedija Publ., 1983. 840 p.

Sherstneva E. S. *Perevodnaja mnozhestvennost' hudozhestvennoj prozy kak problema teorii perevoda: na materiale perevodov romana R. M. Rilke «Zapiski Mal'te Lauridsa Brige» na anglijskij jazyk: avtoref. dis. ... k-ta filol. nauk* [Translation polysemy of fiction prose as a problem of translation studies (a case study of translation of R. M. Rilke's novel "The notebooks of Malte Laurids Brigge" into English). Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 20 p.

Shutemova N. V. *Teoreticheskie osnovy poehtičeskogo perevoda* [Theoretical Foundations of Translation of Poetry]. Perm, Perm State University, 2011. 153 p.

Shutemova N. V. *Tipologija teksta v poehtičeskom perevode* [Text Typology in Studies of Translation of Poetry]. Perm, Perm State University, 2012a. 153 p.

Shutemova N. V. *Tipologičeskaja dominanta teksta v teorii poehtičeskogo perevoda: avtoref. ... d-ra filol. nauk* [Typological Dominant of Text in Theory of Translation of Poetry. Synopsis of Dr. philol. sci. diss.]. Perm, Perm State University, 2012b. 42 p.

Jakobson R. O. *Raboty po poehtike* [Works on Poetics]. Moscow, Progress, 1987. 464 p.

Bassnet S. Theatre and Opera. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 96–102.

Bishop P.C. Goethe. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 315–319.

Boutcher W. The Renaissance. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 45–54.

Ellis R. The Middle Ages. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 39–44

Finnegan R. Oral Literature. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 112–115.

France P. Nineteenth-Century Fiction. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000a. P. 275–281.

France P. Thinkers 1630–1780. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000b. P. 270–275.

France P. Translation Studies and Translation Criticism. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000c. P. 3–10.

Gessel V. Japanese Drama. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 241–245.

Hale T. Romanticism and the Victorian Age. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 64–72.

Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford University Press. Moscow, Russian Language Publishers. Vol. I. 1982a. 509 p. Vol. II. 1982b. 527 p.

Hunt P. Children's Literature. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 107–111.

Leydecker K. Fiction: Nineteenth and Twentieth Century. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 331–336.

Mitchel M. Poetry since 1850. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 342–347.

Pym A. Late Victorian to the Present. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 73–80.

Rimer T. Japanese Drama. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 245–249.

Rose M. G. Twentieth-Century Fiction. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed.

by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 287–291.

Rosslyn F. Homer and Other Epics. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 350–356.

Sato H. 2000 Japanese poetry. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 237–241.

Venuti L. Neoclassicism and Enlightenment. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 55–63.

Weissbort D. Poetry. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 89–96.

Woodsworth J. Translation in North America. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*.

Ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 81–88.

Wordsworth W. Preface to Lyrical Ballads. *Famous Prefaces. The Harvard Classics. 1909–14*. Available at: <http://www.bartleby.com/39/36.html> (accessed 15.06.2013).

Wordsworth W. I grieved for Buonapart. W. Wordsworth. *The Major Works*. Oxford University Press, 1984a. P. 267.

Wordsworth W. It is a beauteous Evening, calm and free. W. Wordsworth. *The Major Works*. Oxford University Press, 1984b. P. 281.

Wordsworth W. On the Extinction of the Venetian Republic. W. Wordsworth. *The Major Works*. Oxford University Press, 1984c. P. 268.

Wordsworth W. *The Major Works*. Oxford University Press, 1984d. 752 p.

REPRESENTATION OF THE POETICITY OF SONNETS BY W. WORDSWORTH IN RUSSIAN CULTURE

Natalia V. Shutemova

Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University

Ljubov V. Prokosheva

Master Student, Department of Linguodidactics
Perm State University

The authors of the article consider how the essence of sonnets by W. Wordsworth is represented in Russian culture. The key notion of the research is that of poeticity, which is regarded as a typological dominant of the literary text, integrating such its typological traits as the artistic idea, emotivity, imagery, and aesthetic verbal (verse) form. From a philosophical perspective, poeticity is regarded as the essential property of a text, differentiating it from other text types. The comparative analysis of ST and TT is based on the principle of ST poeticity representation in TT. The authors reveal that the poeticity of sonnets by W. Wordsworth is determined by the poet's philosophical and aesthetic views and characterize means used by translators to represent the author's ideas, emotions, system of images and adherence to the Italian sonnet canon, which caused the major difficulty in translation. It is concluded that Russian translations of sonnets by W. Wordsworth are not numerous, however, they belong to either consonant or consonant-dissonant types, which allows them to represent the essence of W. Wordsworth's artistic heritage in Russian culture.

Key words: translation; typological dominant of text; poetry by W. Wordsworth; sonnet.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 8.112:75

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-117-125

**«ЛЕГЕНДА О МЕРТВОМ СОЛДАТЕ» Б. БРЕХТА
И ЕЕ ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК:
МУЗЫКАЛЬНЫЙ АСПЕКТ****Людмила Юрьевна Викторова**

аспирант кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

Нина Станиславна Бочкарёва

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ludvic26@mail.ru

В статье проанализирована музыкальность «Легенды о мертвом солдате» Б. Брехта на уровне внешней формы (ритм) и на уровне внутреннего мира (образ), а также ее репрезентация в переводе на русский язык С. Кирсанова и В. Штемпеля. Рассмотрены происхождение и функции нерегулярного ритма (нарушения метра), разнообразные повторы, контрасты и акценты. Обнаружена формальная и содержательная двойственность «поэтической музыки» стихотворения: соединение военного марша (перекрестная мужская рифма с преимущественными окончаниями на согласный, монотонность ямба) и «пляски смерти» (чередование четырехстопного и трехстопного размера, перебивы ритма, прихрамывание или пританцовывание). Бравурное и тягостное «чиндрара» сопровождает музыку оркестра, вопли и крики животных и людей, наконец, танец. Оба переводчика учитывают отмеченную самим Брехтом нерегулярность ритма, но демонстрируют большую по сравнению с оригиналом тенденцию к трехсложной стопе (особенно у Штемпеля), снижая контрасты и акценты. Оба не упоминают о танце (отсутствует прямое указание на «пляску смерти») и ослабляют градацию от марша к танцу. Кирсанов конкретизирует названия музыкальных инструментов оркестра (труба, флейта, литавры), а у Штемпеля «веселый марш» сопровождается «крысиным хором». Намечаются перспективы исследования музыкального аспекта оригинала и переводов.

Ключевые слова: перевод; музыкальность; поэтическая музыка; ритм; образ; немецкая поэзия; Брехт; «Легенда о мертвом солдате».

Художественный перевод качественно отличается от других видов перевода тем, что «имеет дело с языком не просто в его коммуникативной функции: слово выступает здесь и как “первоэлемент” литературы, т. е. в функции эстетической» [Топер 2000: 28]. В то же время художественный перевод отличается от оригинального творчества «своей вторичностью, т. е. зависимостью от объекта перевода: переводчик дает новую жизнь уже существующему произведению» [там же: 30]. Переведенное произведение художественной литературы является фактом как исходной, так и при-

нимающей культуры, хотя существует точка зрения, согласно которой «перевод иноязычного художественного произведения не принадлежит ни к исходной, ни к принимающей литературам» [Лысенкова 2004: 21]. Задачи, стоящие перед переводчиком художественной литературы, иные, нежели стоящие перед переводчиками других текстов: «Чтобы литературное произведение на другом языке стало функционировать как произведение искусства, переводчик художественной литературы должен как бы повторить творческий процесс его создания» [Топер 2000: 29].

Поэтический перевод – это особый вид художественного перевода. Его вопросам посвящено множество трудов как самих переводчиков (С. Маршака, К. Чуковского, М. Лозинского и др.), так и исследователей (литературоведов [Жирмунский 1966; Гаспаров 1971 и др.] и лингвистов [Горбачевский 2001; Шутемова 2012 и др.]). Несмотря на это, проблема поэтического перевода по-прежнему остается актуальной как в теоретическом, так и практическом аспектах. «Основной чертой поэтического перевода по сравнению с прозаическим является его относительно свободный характер. Строгая композиция и условность поэтической речи практически не дают возможности найти прямые соответствия. Речь идет не только о языковых соответствиях, но и о метрических» [Науменко 2013]. А ведь в стихотворении «даже малое изменение формы неминуемо влечет за собой изменение поэтического содержания»: «В поэзии все без исключения оказывается содержанием – каждый, даже самый ничтожный элемент формы строит смысл, выражает его: размер, расположение и характер рифм, соотношение гласных и согласных звуков, длина слов и предложений и многое-многое другое» [Эткинд 1970: 22]. Так, «многообразные сопоставления, осуществляемые посредством ритма», способствуют достижению «той сжатости, которая является внутренним законом поэтического искусства (максимально широкое содержание, выраженное на минимальном словесном пространстве)» [Эткинд 1974: 120].

Ритм – категория, присущая разным видам искусства, в том числе литературе и музыке, и в каждом из них имеющая свои особенности. «Подчеркнуть музыкальную сторону слова необходимо потому, что специфика поэзии опирается именно на эту сторону, и все элементы поэзии – как специфические, так и общие с другими формами художественного творчества – не безразличны к музыке стиха» [Гачечиладзе 1972: 219]. Однако «музыка стиха сильно отличается от обычной музыки»: «Музыка стиха рождается не в отвлечённом звучании слова, а в соединении звучания и смысла, в слитности звуков и выражаемой мысли» [там же: 218–219]. Более того, «стремясь стать музыкой, слово на самом деле создавало собственные формы выразительности, которые соотносились с музыкальным лишь опосредованно» [Махов: 2005: 20]. Для поэзии характерен определенный ритм, который подчиняется законам стихосложения: «поэтическая музыка опирается на ритмический строй» [Гачечиладзе 1972: 219].

Существует ряд определений ритма в зависимости от угла зрения исследователя, от широ-

кого или узкого понимания этой категории. С точки зрения философии и эстетики ритм – «воспринимаемая форма протекания во времени каких-либо процессов, основной принцип формообразования временных искусств» [Харлап 2012: 63]. Однако искусствоведы распространили эту категорию и на пространственные искусства, определяя ритм как «закономерную периодическую повторяемость подобных явлений, сменяющих друг друга во времени или в пространстве» [Леонтьев 1971: 298]. Ритм – «один из универсальных структурных признаков эстетического объекта», «универсальная художественная закономерность» [Волкова 1974: 73, 75]. Музыкальный ритм – это «организованная последовательность длительностей музыкальных звуков» [Мазель 1979: 101], «последовательность длительностей звуков, отвлеченная от их высоты» [Харлап 1990: 463]. В литературоведении ритмом называют «упорядоченную последовательность элементов произведения на всех уровнях его структуры», а в стиховедении – «канонизированную периодическую повторяемость соизмеримых речевых отрезков» [Леонтьев 1971: 298].

Различают два взгляда на ритм: как на явление динамическое (собственно ритм) и как на равномерное чередование элементов (т. е. метр). Не случайно разновидностей метра не так много, ритм же бесконечно разнообразен [Арустамова 2007: 33]. Метр как «инвариант» («закономерность ритма») «расчленяет и интегрирует эстетическое восприятие» и во временных, и в пространственных видах искусств, а ритм как «вариант» часто не совпадает с метром и «может служить сигналом смены эмоционально-экспрессивной окраски, создавать эмоциональную и смысловую кульминацию» [Волкова 1974: 82]. Исходя из вышесказанного ритм определяется как «упорядоченность во взаимодействии с неупорядоченностью, как норма и нарушение, как подтверждение ожидания и его опровержение, словом, как единство в многообразии...» [там же: 81].

Можно сказать, что метр в музыке и в поэзии выполняет функцию формообразования, создания единого целого наряду с другими средствами, но не замкнутого, а открытого в сторону исполнителя и воспринимающего. Ритм поэтический, в частности в стихотворениях и балладах Бертольда Брехта (1898–1956), в значительной мере позволяет усилить эмоциональное влияние, создать настроение, передать порыв, стремительность или плавность, а также особенности движений человека: четкий шаг марша, спотыкание, бег и т. д.

«Легенда о мертвом солдате» (“*Legende vom toten Soldaten*“, 1918) – достаточно объемное произведение Брехта, состоящее из 19 строф. «В девятнадцати строфах содержится девять различных ритмических вариантов второй стихотворной строки» [Брехт 1977: 233]. К созданию нерегулярных ритмов поэта подтолкнули два наблюдения, определившие его «знакомство с народной ритмикой»: одно из них касается «коротких импровизированных хоровых декламаций на демонстрациях рабочих», а второе связано с выкриками берлинского уличного торговца, который «все время менял интонацию и громкость, но ритм упорно сохранял» [там же: 236]. Брехт считал, что нерегулярный ритм лучше передает «прерывистое дыхание бегущего», раскрывает «противоречивые чувства говорящего» [там же: 234]. С его помощью поэт «старался изобразить определенные взаимодействия, неравномерное развитие человеческих судеб, зигзаги исторических событий, “случайности”» [там же]. Брехт также отмечал, что «при нерегулярных ритмах мысли скорее обретают соответствующие им собственные эмоциональные формы» [там же: 240]. В анализируемом произведении нерегулярный ритм подчеркивает абсурд происходящего, быструю смену событий, наложение одного действия на другое. В этом поэтическом ритме слышится постепенно нарастающий, как снежный ком, гул толпы, в который вплетаются крики животных и звуки музыки.

Стихотворение «Легенда о мертвом солдате» написано во время Первой мировой войны и отражает личный опыт автора. В 1918 г. Брехт в качестве санитаря поступил на службу в один из военных госпиталей [Леонова 2010: 149]. Несмотря на противоречивость датировки стихотворения, подпись указывает именно на 1918 г.: «В память о пехотинце Кристиане Грумбейсе, родившемся 11 апреля 1897 года и почившем на Страстной неделе 1918 года в Карасине (юг России). Мир праху его! Он выдержал все» [Брехт 2010: 399]. Особенность этого произведения состоит в том, что Брехт сам положил свою легенду на музыку (в стиле песни шарманщика) и исполнял публично под гитару: «...стихотворные формы относительно регулярны; они почти все должны были петься, причем простейшим способом, я сам писал музыку для них» [Брехт 1977: 232]. Конфликт между драматическим сюжетом и монотонной музыкой подчеркивает «эффект отчуждения», бессмысленность и абсурдность войны [Викторова 2015].

В «Легенде о мертвом солдате» переосмыляется в сатирическом ключе библейский сюжет

воскрешения Лазаря («освященные лопаты», «поп с кадиллом») и готический мотив привидений, выходящих из своих могил (действие происходит ночью, и солдат умирает вновь, т. е. возвращается в свою могилу, когда наступает рассвет). По приказу кайзера медицинская комиссия признала мертвого солдата годным к службе, и его выкопали из могилы. Примечательно, что после воскрешения солдат не сражается в бою, а только марширует и пляшет с жителями деревень.

Пляска смерти – «синтетический жанр, существовавший в европейской культуре с середины XIV по первую половину XVI в. и представляющий собой сопровождаемый стихотворным комментарием иконографический сюжет, танец скелетов с новопреставленными» [Реутин 2003: 360]. Мотив пляски смерти вовлекает «в свой хоровод людей всех возрастов и сословий» [Хейзинга 1988: 150]. Изображение мертвеца вместе с живыми связывает «отвратительную картину тления» с «выражаемой Пляской смерти идеей всеобщего равенства в смерти» [там же: 157]. Уже в Средневековье «Пляска смерти являла собой не только благочестивое предостережение, но и социальную сатиру, сопроводительные же стихи несли отпечаток легкой иронии» [там же: 159]. «В “пляске смерти” нашла реальное воплощение идея сознательного синтеза отдельных искусств [не только поэзии и живописи, но и музыки, танца, пантомимы, театра], воссоздававших своими средствами на новом историческом витке архаический синкретизм народных комедий» [Сыченкова 2001]. Сама Смерть аккомпанирует «покойникам, вовлеченным в ночную пляску на кладбище», «на духовом инструменте (*fistula tartarea*)»; в поздних изданиях «она заменена оркестром мертвецов, состоящим из волынщика, барабанщика, лютниста и фисгармониста» [Реутин 2003: 361].

Проанализируем музыкальность стихотворения Брехта «Легенда о мертвом солдате» на разных уровнях художественного целого, сравнивая оригинал с двумя переводами на русский язык, выполненными С. Кирсановым (1971 г.) и В. Штемпелем (2009 г.).

Каждая строфа стихотворения состоит из 4 строк, объединенных перекрестной мужской рифмой (все окончания с ударением на последнем слоге). Причем каждая строка оканчивается чаще всего на согласный звук. Можно утверждать, что окончаниям строк присущ особенно суровый (мужской) характер, соответствующий ритму военного марша, эксплицированному во внешней и внутренней форме («*Spielt einen flotten Marsch*»). Однако прилагательное «*flotten*»

(бойкий, оживленный, свободный, бесшабашный, лихой) контрастирует с этим впечатлением. В переводах Б. Кирсанова и В. Штемпеля рифмы тоже везде мужские, но строки заканчиваются как на согласный, так и на гласный звуки, поэтому впечатление жесткости окончаний смягчается и контраст не так очевиден.

И немецкий, и русский стих характеризуется силлабо-тонической системой стихосложения и акцентным ритмом. В оригинале легенды общий метр (ямб) сочетается с разным размером: в каждой строфе перекрестно чередуются четырех-стопный (1-я и 3-я строки) и трехстопный (2-я и 4-я строки) ямб. В результате каждая вторая строка оказывается короче первой, что создает впечатление неровного шага, прихрамывания или пританцовывания. Кирсанов в переводе сохраняет общий метр и размеры оригинала, передавая вызываемое ими впечатление. Штемпель сохраняет количество стоп в строках (4-й и 3-й), но часто меняет двусложный метр на трехсложный, растягивая строки и замедляя ритм.

Нерегулярный (вариативный) ритм вторых строк в указанных самим Брехтом девяти строфах подчеркивает смысловой контраст.

В первой строфе затянувшаяся война противопоставляется миру, который не наступил:

Ünd äls dër Krïeg ïm vïertën Lënz
Këinën Äusblick äuf Friedën bôt
Dä zög dër Söldät sëinë Könsëquënz
Ünd stärb dën Hëldëntöd.

Появление дополнительных безударных слогов в третьей строке оттягивает неутешительные для солдата последствия.

Во второй строфе кайзер и война аллитерационно сближаются, противопоставляясь миру в первой строфе и солдату, который его не дождался:

Dër Krïeg wär äbër nōch nïcht gār
Drüm tāt ës dëm Käisër leid
Däß sëin Söldät gëstōrbën wār:
Ës schïen ihm nōch vōr dër Zëit.

В третьей строфе используется самый причудливый ритм второй строки (сначала три безударных, а потом три ударных слога). Концентрация ударений в конце строки как будто выражает сопротивление солдата комиссии врачей, которая прервала его вечный сон.

Dër Sōmmër zög übër die Gräbër hër
Ünd dër Söldät schlief schön
Dä kām ëinës Nächts ëinë militär-
ischë ärztlichë Kōmmissiōn.

Разрыв слова «militär-ische» (военная) на границе третьей и четвертой строк акцентирует его смысл, сбивает ритм и интонацию.

В четвертой строфе регулярный ритм второй строки слегка нарушается только длинным словом, тишина на кладбище противопоставляется шуму военной медицинской комиссии.

Ës zög die ärztlichë Kōmmissiōn /
Züm Göttësäckër hinäus
Ünd grüb mït gëwëihtëm Spätën dën
Gëfallnën Söldätën äus.

В пятой строфе отчетливо противопоставляются доктор и солдат. Ироничное замечание во второй строке обособляет ее содержательно, ритмически и фонетически (отсутствие существительных, созвучие начала и конца строки):

Dër Dōktör bësäh dën Söldätën gënäu
Ödër wäs vōn ihm nōch dä wär
Ünd dër Dōktör fänd, dër Söldät wä[ë]r k[ä]. v [ë].
Ünd ër drückë sïch vōr dër Gëfähr.

В шестой строфе вторая строка, метрически совершенно правильная и четкая, выражает гармонию и покой «голубой и прекрасной ночи», иронически противопоставляя ей абсурд того, что происходит с солдатом:

Ünd sïe nāhmën söglëich dën Söldätën mït
Die Nācht wär bläu ünd schön.
Mān könnt, wënn mān këinën Hëlm äufhätt
Die Stërnë dër Hëimät sëhn.

Таким образом, вариативность ритма вторых строк в первой части стихотворения подготовила хаос происходящего в центральной его части, во время гротескного шествия мертвого солдата по деревьям.

В четырнадцатой строфе вторая строка растянута до размера первой, превосходя ее и сложностью структуры (наличием обстоятельств места и образа действия), и эмоциональной пронзительностью:

Die Kätzën ünd die Hündë schrëin
Die Rätzën ïm Fëld pfëifën wüst:
Sïe wöllën nïcht fränzōsïsch sëin
Wëil däs ëinë Schändë ïst.

В пятнадцатой строфе, наоборот, вторая строка оказывается короче, особенно по сравнению с третьей строкой, но звучит очень напевно:

Ünd wënn sïe dÛrch die Dōrfër zïehn
Wärën ällë Weibër dä
Die Bäumë vërnëigtën sïch, dër Völlmōnd schïen
Ünd ällës schrïe hürrä.

Наконец, в восемнадцатой строфе ударение впервые падает на первый слог, сменяя ямб на хорей в самой короткой второй строке (пять слогов):

Sō vielë tänztën ünd jōhltën ïm ihm
Däß ihm këinër säh.
Mān könntë ihn einzïg vōn öbën nōch sëhn
Ünd dä sïnd nÛr Stërnë dä.

Регулярность ритма часто нарушается и в других строках (обычно появляются дополнительные безударные слоги в стопе). И в последней строке стихотворения (в девятнадцатой строфе) ударение во второй раз падает на первый слог:

Die Störnē sind nīcht ĩmmēr dā
Ĕs kōmmt ěin Mōrgēnrōt.
Die Störnē sind nīcht ĩmmēr dā
Zieht ĩn dēn Hēldēntōd.

Нарушение ритма здесь неожиданно и ожидаемо прерывает бесконечное шествие, возвращая к началу стихотворения, – солдат умирает как герой во второй раз. Этот же прием использует в переводе Кирсанов, заменяя ямба на хорей: «Умер как герой». В его переводе это не единственный случай перенесения ударения на первый слог (см. строки 2/6; 1,2/9; 1,2,3,4/10; 1,2,4/11; 1/16). С первой строфы нарушение ритма в переводе Кирсанова чаще всего происходит в четвертой строке («И смертью героя пал»). Но и в других строках часто появляются дополнительные безударные слоги в стопе начиная с шестой строфы, когда мертвого солдата поставили в строй. В переводе Штемпеля ритм постоянно варьируется, растягиваясь в трехсложной стопе, поэтому последняя строка особенно не выделяется ритмически, хотя односложная анакруза здесь сменяется нулевой («И только солдат все идет туда, / Где он умрет как герой»). Неожиданно выглядит будущее время, хотя и оно предвосхищается в 17-й строфе («...вели / Его на грядущий бой»).

В стихотворении Брехта используются различные варианты повтора отдельных слов и выражений. Прежде всего, это анафорический повтор союза «Und», подчеркивающий связность текста, параллелизм и контраст (всего в стихотворении 28 раз, в анафоре – 21 раз, иногда обрамляя строфу (1, 10, 15) или соединяя две строки (5, 7, 16)). Примечательно, что все стихотворение начинается с этого союза, как бы продолжая давно начатый, бесконечный рассказ, повторяющийся от конца к началу. У Кирсанова стихотворение начинается по-другому, но в анафоре других строк 16 раз используется союз «и», в том числе парно (4, 16) и перекрестно (6), 4 раза – союз «но», 2 раза – союз «а». Штемпель начинает стихотворение союзом «когда» (используется еще в анафоре 5-й и 15-й строф), перенося союз «и» в середину строки (Когда война и к четвертой весне / Маршрут не закончила свой). В анафоре союз «и» используется 18 раз, в том числе перекрестно (2, 6, 7, 13) и обрамляя строфу (15), союз «а» – 4 раза, союз «но» – 2 раза. Таким образом, впечатление связности повествования и

бесконечной повторяемости событий в целом передается в анализируемых переводах.

И все же в оригинале повторов больше. Так, полностью повторяются первые строки 15-й и 17-й строф: «Und wenn sie durch die Dōrfer ziehn» («И когда они мимо деревни шли»), усиливая впечатление бесконечного шествия. Этот прием используется в переводе Штемпеля («И когда через села шли они») и отсутствует в переводе Кирсанова. Частично повторяются в оригинале вторые строки 17-й и 18-й строф: «Daß (dass) ihn keiner sah» («Что (чтобы) его никто не видел»), подчеркивающие призрачность вставшего из гроба солдата, контрастирующую с постоянно упоминаемым запахом (вариативный повтор глагола «stinkt / stinken» в 1-й и 4-й строках 8-й строфы, отраженный в переводе). Повторяется половина третьих строк 9-й и 19-й строф: «so wie er s gelernt» («как учили его»), что усиливает впечатление механистичности действий и солдата, и всех военных.

Вариативно повторяется конец 6-й строфы («Man konnt, wenn man keinen Helm aufhatt / Die Sterne der Heimat sehn») и 18 строфы, захватывая первую строчку 19-й строфы («Man konnte ihn einzig von oben noch sehn / Und da sind nur Sterne da / Die Sterne sind nicht immer da»), что удается передать и Кирсанову: «И если б не каски, были б видны / Звезды над головой» (6), «Вы сверху могли б(ы) на солдата взглянуть, / Но сверху лишь звезды глядят. / Но звезды не вечно над головой» (18–19), и Штемпелю: «И если б не каска, то над головой / Он звезды б мог созерцать» (6), «Единственно б сверху он виден был, / Но сверху – лишь звезды одни. / Но звезды – они, увы, не всегда» (18–19). Строки в разных концах стихотворения объединяются встречным движением солдата и звезд над его головой, а препятствия на этом пути еще больше усиливают внутреннее одиночество и отчуждение солдата.

Союз «Drum» («поэтому») в анафоре 2-й строки 2-й строфы («Drum tat es dem Kaiser leid») и 2-й строки 8-й строфы («Drum hinkt ein Pfaffe voran») сближает кайзера и попа. Синонимы часто заменяют в переводе Кирсанова повторы слов и словосочетаний оригинала: «der Krieg» (бой / война), «den Heldentod» («смертью героя пал / умер как герой»), «ärztliche Kommission» (комиссия врачей / нет повтора), «der Doktor» (врач / нет повтора), «Farben» (вообще нет этого слова). Зато в переводе Кирсанова вводится и повторяется слово «флаг» (и синоним «стяг»), эксплицируя патриотический мотив. В переводе Штемпеля повторяются слова «война» (1, 2) и вариативно «воин» (3), «кайзер» (2, 4), словосочетание «явилась комиссия» (3, 4). Естественно,

что слово «Soldat» («солдат») часто повторяется и в оригинале (всего 12 раз, в 3-й строке – 6 раз, во 2-й строке – 1 раз, в 1-й и 4-й строках – по 2 раза, причем только в 5-й строфе повторяется дважды), и в переводе Кирсанова (всего 16 раз, в 3-й строке – 9 раз, во 2-й и 4-й строке – по 1 разу, в 1-й строке – 3 раза, дважды повторяется в 8-й и 18-й строфах), зато в переводе Штемпеля упоминается всего 7 раз (в 3-й строке – 5 раз, в 1-й и 2-й строках – по 1 разу), заменяясь в основном местоимениями. Лейтмотив смерти и в оригинале, и в переводе выражается различными словами и словосочетаниями через повторы, синонимы, метафоры.

В стихотворении «Легенда о мертвом солдате» музыкальность выражена как на уровне внешнего звучания (ритм), так и на уровне внутреннего мира (образы). Причем музыка внутреннего мира неразрывно связана с музыкальностью внешней формы. Образ музыки непосредственно вводится в 9-й строфе: «Vorán die Musik mit Tschindrara / Spielt einen flotten Marsch» и развивается в строфах 13–18. В тексте оригинала слово «Tschindrara» повторяется четыре раза (1/9; 1/13, 1/16, 4/17), передавая однообразный и бессмысленный характер музыки (вероятно, военного оркестра). Вторя ему, «кричат» и «свистят страшно» сначала животные (кошки и собаки – «schrien», крысы – «rfeifen wüst»), а потом люди, как бы уподобляясь животным. Глагол «rfeifen» (14) не случайно оказывается созвучным существительному «Pfaffe» (8, 16). Дважды повторяется крик «hurra / Hurra» (4/15, 4/17), перекликаясь с «Tschindrara». В 18-й строфе музыка сопровождается танцами и весельем («So viele tanzten und johlten um ihn»). Так эксплицируется средневековый мотив пляски смерти в современной ситуации.

В переводе Кирсанова образ музыки появляется в тех же строфах, но не как абстрактная музыка, а как «военный оркестр» с конкретными инструментами: «трубами» (9, 16), «литаврами» (13, 16) и «флейтой» (13). «Чиндрарара», увеличиваясь на один слог, повторяется только дважды (9, 17), а «Ура» (15) варьируется с «хох» (17). Вводятся, как крики, восклицания «Боже сохрани!» (10) и «Еще бы! Какой позор!» (14). Звуки оркестра (треск, гром, трель) перекликаются с «хором» животных (здесь «свистят» не крысы, а кролики) и людей («орало», «рычат», «гремят»). Вместо танца – шумливая толпа. В итоге образ музыки в переводе значительно изменяется, приобретая менее зловеющий, более конкретный и бытовой характер.

В переводе Штемпеля образ музыки абстрактный, как в оригинале, и менее эксплици-

рованный. В 9-й строфе определяется ее характер: «А музыканты с чиндрара / Играли веселый марш». Слово «чиндрара» повторяется всего 3 раза (9, 13, 16), «крики ура» упоминаются 1 раз (13). Животных характеризуют слова «выть» (кошки и собаки) и «хор» (крысиный), а людей – «орали» и «пели». В 15-й и 17-й строфах музыкальных образов нет совсем. Образ танца не эксплицирован, как и в переводе Кирсанова.

На основе проделанного анализа можно сделать следующие выводы.

В стихотворении Брехта музыкальность внешней формы (ритм) и внутреннего мира (образ) обнаруживает эстетическую целостность. Перекрестная мужская рифма и монотонность ямба соответствуют ритму «марша», а чередование четырехстопного и трехстопного размера, перебивы ритма придают ему «лихой» характер. Так же двойственно бравурное и тягостное «чиндрара», которое сопровождает музыку военного оркестра, затем вопли и крики животных и людей, наконец, танец – «пляску смерти». Оба переводчика (С. Кирсанов и В. Штемпель) учитывают отмеченную самим Брехтом нерегулярность ритма, но обнаруживают большую по сравнению с оригиналом тенденцию к трехсложной стопе (особенно у Штемпеля), снижая тем самым контрасты и акценты. Оба не упоминают о танце (отсутствует прямое указание на «пляску смерти») и ослабляют градацию от марша к танцу. Кирсанов конкретизирует названия музыкальных инструментов оркестра (труба, флейта, литавры), а у Штемпеля «веселый марш» сопровождается «крысиным хором». Исследование музыкального аспекта оригинала и переводов стихотворения Брехта планируется продолжить, обратившись к музыкальному сопровождению, написанному самим автором, и вокальному исполнению на немецком и русском языках.

Список литературы

Арустамова А. А. Ритм в прозе, поэзии и музыке // Языки искусств и язык культуры / под общ. ред. Н. В. Гашевой. Пермь, 2007. С. 32–39.

Брехт Б. Легенда о мертвом солдате (пер. С. Кирсанова, 1971 г.). URL: <http://masterrussian.net/f25/soviet-songs-german-ernst-busch-russian-originals-14264-print/index7.html> (дата обращения: 17.02 2016).

Брехт Б. Легенда о мертвом солдате (пер. В. Штемпеля, 2009 г.). URL: <http://masterrussian.net/f25/soviet-songs-german-ernst-busch-russian-originals-14264-print/index7.html> (дата обращения: 11.02 2016).

Брехт Б. О нерифмованных стихах с нерегулярными ритмами. Переводимость стихов //

Брехт Б. О литературе. М.: Худож. лит., 1977. С. 232–240.

Брехт Б. Сто стихотворений / сост. Зигфрид Унзельд; пер. с нем. и коммент. Святослава Городецкого. М.: Текст, 2010. 413 с.

Викторова Л. Ю. Первая мировая война в музыкально-поэтическом произведении Б. Брехта «Легенда о мертвом солдате» // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки слав. культуры, 2015. Т. 12. С. 66–72.

Волкова Е. Ритм как объект эстетического анализа (методологические проблемы) // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 73–85.

Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм (по неизвестным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода: сб. 8. М.: Сов. писатель, 1971. С. 88–128.

Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Сов. писатель, 1972. 264 с.

Горбачевский А. А. Адекватность поэтического перевода в ее внутритекстовых и внетекстовых связях: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2001. 364 с.

Жирмунский В. М. Стих и перевод (из истории романтической поэмы) // Русско-европейские литературные связи. М.; Л.: Наука, 1966. С. 423–433.

Леонтьев А. А. Ритм // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6. С. 298–302.

Леонова Е. А. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука. 2010. 360 с.

Лысенкова Е. Проза Р. М. Рильке в русских переводах. М.: ООО «Азбуковник»; ООО «ИТИ Технологии», 2004. 216 с.

Мазель Л. Строение музыкальных произведений. М.: Музыка, 1979. 536 с.

Махов А. Е. Musica Literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике. М.: Intrada, 2005. 224 с.

Науменко О. В. Особенности поэтического перевода // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. 2013. URL: <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/ru/articles/2013/naumenko.html> (дата обращения: 15.02.2016).

Реутин М. Ю. Пляска смерти // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 360–364.

Сыченкова Л. Иконография «Пляски смерти». Одна историческая параллель // Вестник Международного института А. Богданова. Екатеринбург, 2001. Т. 8. http://ec-dejavu.ru/d/Dance_mascabre.html (дата обращения: 15.08.2016).

Тонер П. М. Перевод в системе сравнительного переводоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.

Харлап М. Г. Ритм // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 1–30. М.: Сов. энциклопедия, 1969–78. Т. 22. С. 63–65.

Харлап М. Г. Ритм // Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 463.

Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. Д. В. Сильвестрова. М.: Наука, 1988. 540 с.

Шутемова Н. В. Типология текста в поэтическом переводе. Пермь, 2012. 153 с.

Эткинд Е. Разговор о стихах. М.: Дет. лит., 1970. 240 с.

Эткинд Е. Г. Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 104–120.

Brecht B. *Legende vom toten Soldaten*. URL: <http://masterrussian.net/f25/soviet-songs-german-ernst-busch-russian-originals-14264-print/index7.html> (дата обращения: 20.02.2016).

References

Arustamova A. A. *Ritm v proze, poezii i muzyke* [Rhythm in prose, poetry and music]. *Jazyki iskusstv i jazyk kul'tury* [Languages of arts and language of culture]. Ed. by N. V. Gasheva. Perm, 2007. P. 32–39.

Brecht B. *Legende vom toten Soldaten*. Available at: <http://masterrussian.net/f25/soviet-songs-german-ernst-busch-russian-originals-14264-print/index7.html> (accessed 20.02.2016).

Brecht B. *Legenda o myortvom soldate* [The Legend of the dead soldier]. Transl. by S. Kirsanov, 1971. Available at: <http://masterrussian.net/f25/soviet-songs-german-ernst-busch-russian-originals-14264-print/index7.html> (accessed 17.02.2016).

Brecht B. *Legenda o myortvom soldate* [The Legend of the dead soldier]. Transl. by V. Shtempel, 2009. Available at: <http://masterrussian.net/f25/soviet-songs-german-ernst-busch-russian-originals-14264-print/index7.html> (accessed 11.02.2016).

Brecht B. *O nerifmovannykh stikhakh s nereguljarnymi ritmami. Perevodimost' stikhov* [On unrhymed poetry with irregular rhythms. Convertibility of verse]. Brecht B. *O literature* [On literature]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988. P. 240–249.

Brecht B. *Sto stikhotvorenij* [Hundred of poems]. Comp. by U. Siegfried Transl. from German and comment. by S. Gorodetsky. Moscow, Tekst Publ., 2010. 413 p.

Viktorova L. Ju. *Pervaja mirovaja vojna v muzykal'no-poeticheskom proizvedenii B. Brekhta «Legenda o mertvom soldate»* [World War I in the musical and poetic work of B. Brecht “The legend of

the dead soldier”]. *Russkaja germanistika. Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov* [Russian Germanic studies. Yearbook of the Russian union of Germanists.]. Vol. 12. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015. P. 66–72.

Volkova E. Ritm kak ob'ekt esteticheskogo analiza (metodologicheskie problemy) [Rhythm as an object of the esthetic analysis (methodological problems)]. *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Rhythm, space and time in literature and art]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. P. 73–85.

Gasparov M. L. Brjusov i bukvalizm (po neizdannym materialam k perevodu «Eneidy») [Bryusov and literalism (based on unpublished materials for translation of «Eneida»)]. *Masterstvo perevoda* [Translation skill]. Collection 8. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1971. P. 88–128.

Gachechiladze G. R. *Khudozhestvennyj perevod i literaturnye vzaimosvjazi* [Literary translation and literary interrelations] Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1972. 264 p.

Gorbachevskij A. A. *Adekvatnost' poeticheskogo perevoda v ejo vnutritekstovykh i vnetekstovykh svjazjah*. Diss. d-ra fil. nauk. [Adequacy of poetic translation in her intra text and extra text relations. Dr. philol. sci. diss.] Cheljabinsk, 2001. 364 p.

Zhirmunskij V. M. Stikh i perevod (iz istorii romanticheskoy poemy) [Verse and translation (from history of the romantic poem)]. *Russko-evropejskie literaturnye svjazi* [Russian-European literary communications]. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1966. P. 423–433.

Leontiev A. A. Ritm [Rhythm]. *Kratkaja literaturnaja entsiklopedija* [Brief literary encyclopedia: in 9 vols.]. Moscow, Sovetskaja entsiklopedija Publ., 1971. Vol. 6. P. 298–302.

Leonova E. A. *Nemetskaja literatura 20 veka. Germanija, Avstrija: uceb. posobie* [German literature of the 20th century. Germany, Austria: study guide]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 360 p.

Lysenkova E. *Proza R. M. Rilke v russkikh perevodakh* [R. M. Rilke's prose in Russian translations]. Moscow, Azbukovnik, ITI Tekhnologii Publ., 2004. 216 p.

Matzel L. *Stroenie muzykal'nykh proizvedenij* [Structure of music pieces]. Moscow, Muzyka Publ., 1979. 536 p.

Makhov A. E. *Musica Literaria: Ideja slovesnoj muzyki v evropejskoj poetike* [Musica Literaria: The idea of verbal music in European poetics]. Moscow, Intrada Publ., 2005. 224 p.

Naumenko O. V. Osobennosti poeticheskogo perevoda [Features of poetic translation]. *Aktual'nye voprosy perevodovedenija i praktiki perevoda* [Current issues of translation theory and practice]. 2013. Available at: <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/ru/articles/2013/naumenko.html> (accessed 15.02.2016).

Reutin M. Yu. Pljaska smerti [Dancing of death]. *Slovar' srednevekovoj kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow, 2003. P. 360–364.

Sychenkova L. Ikonografija «Pljaski smerti». Odná istoricheskaja parallel' [Iconography of “Dancing of death”. A historical parallel] *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova* [Bulletin of International A. Bogdanov institute]. Ekaterinburg, 2001. Vol. 8. Available at: http://ec-dejavu.ru/d/Dance_macabre.html (accessed 15.08.2016).

Toper P. M. *Perevod v sisteme sravnitel'nogo perevodovedenija* [Translation in the system of comparative translation theory]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 254 p.

Harlap M. G. Ritm [Rhythm]. *Bol'shaja sovet-skaja ehnciklopedija* [Great Soviet encyclopedia. Third edition. Vols. 1–30]. Moscow, Sovetskaja ehnciklopedija, 1969–78. Vol. 22. P. 63–65.

Harlap M. G. Ritm [Rhythm]. *Muzykal'nyj entsiklopedicheskij slovar'* [Musical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaja entsiklopedija Publ., 1990. P. 463.

Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ja* [The Autumn of the Middle Ages]. Transl. by D. V. Sil'vestrov. Moscow, Nauka Publ., 1988. 540 p.

Shutemova N. V. *Tipologija teksta v poeticheskom perevode* [Text typology in poetic translation]. Perm, 2012. 153 p.

Etkind E. Razgovor o stikhakh [Conversation about poetry]. Moscow, Detskaja literatura Publ., 1970. 240 p.

Etkind E. G. Ritm poeticheskogo proizvedenija kak faktor soderzhaniya [Rhythm of the poetic work as a content factor]. *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Rhythm, space and time in literature and art]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. P. 104–121.

**“THE LEGEND OF THE DEAD SOLDIER” BY B. BRECHT
AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN: MUSICAL ASPECT**

Ludmila Ju. Viktorova

Postgraduate Student in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

Nina S. Bochkareva

Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

In the article the poetic musicality of “The Legend of the Dead Soldier” (“Legende vom toten Soldaten”) by B. Brecht and its representation in Russian translations by S. Kirsanov and V. Shtempel are considered at the levels of the external form (rhythm) and the inner world (image). The origin and functions of the irregular rhythm (violation of meter), various repetitions, contrasts and accents are studied. The formal and content duality of the “poetic music” of the text is noted: combination of the military march (an interlaced masculine rhyme with predominantly consonant endings, monotonous iambus) with “dances of death” (alternation of the tetrameter and trimeter, rhythm disturbance, limping or dancing). Bravura and burdensome “chindrara” accompanies music of the orchestra, cries and shouts of animals and people, and dance at last. Both translators take account of the rhythm irregularity, noted by Brecht himself, but show a tendency, stronger in comparison with the original, to the trisyllabic foot (especially by Shtempel), reducing contrasts and accents. They both do not mention dance (there is no direct reference to “dances of death”) and weaken the gradation from the march to the dance. Kirsanov concretizes names of the orchestra musical instruments (a trumpet, a flute, timpani), and in Shtempel’s version “the cheerful march” is accompanied by “rats chorus”. The prospects of research into the musical aspect of the original and translations are outlined.

Key words: translation; musicality; poetic music; rhythm; image; German poetry; Brecht; “The Legend of the Dead Soldier”.

УДК 82-97

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-126-131

ПСАЛМЫ П. ХУХЕЛЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО ЖАНРА

Екатерина Александровна Горбунова

аспирант кафедры теории и практики перевода

Тольяттинский государственный университет

445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14. Ekaterinagorbunova90@gmail.com

Статья посвящена трансформации библейского жанра псалом в немецкоязычной поэзии на примере творчества немецкого поэта Петера Хухеля. Анализируются три стихотворения под названием «Псалом». Особый интерес представляет взаимосвязь содержания библейского жанра с его формой. П. Хухель трансформирует традиционное понимание жанра псалма, его форму, а также многие аспекты его содержания. Тематика первого псалма наполнена женскими образами, в нем переплетаются библейские и языческие мотивы. Второй псалом носит политический характер и отражает реакцию поэта на события того времени. Примечательно, что изначально данный псалом носил другое название – «*Bombe gegen Bombe*», затем поэт переименовывает его, проводя тем самым параллель между содержанием стихотворения и религиозными мотивами в нём. Для третьего произведения – «*Winterpsalm*» – характерны пейзажные мотивы и персонификация природы, передающая внутреннее состояние лирического героя, находящегося в изоляции.

Ключевые слова: пейзажная лирика; женские образы; изоляция; политические мотивы; метафора «холода»; *parallelismus membrorum*; псалом.

Жанр псалма на протяжении веков вызывал повышенный интерес не только как библейский жанр, но и как литературный. Существует большое количество авторских переложений библейских псалмов (П. Целан, И. Бахман, Т. Бернхард), которые являются результатом трансформации жанра, его изменения в формальном и содержательном планах.

Немецкими литературоведами жанр псалма и его развитие рассматривается в целом ряде работ [Bach, Galle 1989; Ehgartner 1995; Conterno 2014]. Некоторые из них представляют собой исследования рецепции библейских мотивов и использования религиозного языка в литературе или схожих с псалмами жанров, таких как ода или гимн [Althaus 2002; Burdorf 2002]. В отечественном литературоведении есть работы, посвященные русской псалмодической поэзии, или стихотворному переложению псалмов, или псалмам-стихам XX в. русских поэтов (Г. Сапгир, Е. Ю. Кузьмина-Караваева); нельзя не отметить и интерес исследователей к зарубежным поэтам XX в., писавшим стихотворения-псалмы (Г. Тракль, И. Бахман, П. Целан, Т. Бернхард), но многие остались в стороне от их внимания (П. Хухель, Г. Кольмар, К. Лавант и др.). Кроме того, в отечественном литературоведении не представлены исследова-

ния, касающиеся жанра псалма в творчестве названных поэтов.

Большое количество псалмов появляется в начале XX в. и в период войн (среди их создателей Г. Тракль, Б. Брехт, Г. Кольмар, Н. Закс), но и в послевоенное время интерес не утихает, к ним обращаются П. Целан, И. Бахман, К. Лавант, Т. Бернхард, Ф. Дюрренматт, П. Хухель и др. Некоторые стихотворения можно определить как экзистенциальные: лирический герой, обычно находящийся в крайней ситуации, мучимый физическими или психическими проблемами, пытается найти Бога. Однако встречаются и стихотворные псалмы, лишённые религиозности, критикующие или отрицающие ее, и только лирический герой в них наделен силой, а не Бог. Многие авторы современных псалмов отражают политическое и социальное положение в немецкоязычных странах, не желая мириться со сложившейся ситуацией, они протестуют против несправедливости. Такие псалмы можно назвать социальными.

Независимо от мотива (экзистенциального, политического, социального) в послевоенных псалмах остро поднимается проблема языка. Эта тема чрезвычайно актуальна для немецкой и австрийской литературы XX столетия. В послево-

енной работе «Письмо о гуманизме» (1947) М. Хайдеггер пытается снова придать весомое значение слову «гуманизм» после того насилия, которое люди пережили во время войны. Он критикует традиционное понимание гуманизма и говорит о необходимости пробиться к новому гуманизму, переосмыслить бытие человека в новых, послевоенных условиях. В этой же работе он упоминает о большой роли языка для формирования нового гуманизма: «Язык есть дом бытия. Человек обитает в жилище языка. Мыслители и поэты – это обитатели этого жилища» [Хайдеггер 1993]. Именно язык «хранит бытие», поэтому поэты должны обновить этот язык.

Одним из поэтов, стремившихся к обновлению языка, был Петер Хухель. Его творчество часто связывают с пейзажной лирикой, которая имеет свои отличительные черты. В раннем творчестве стихотворения поэта, опубликованные под именем Хельмута Хухеля, носят позднеэкспрессионистский характер. Выражается это в поисках Бога. Например, в стихотворении, вышедшем в 1925 г. под названием «Ты – имя Бога», герой пытается понять, действительно ли Бог существует или это только образ, который мы себе сами рисуем [Андреюшкина 2013: 3]. В дальнейшем поиски Бога Хухель продолжает, обращаясь к природе, которую он персонифицирует; каждое явление природы, как считает поэт, несет в себе определенный смысл. У Хухеля сама природа может что-либо воспроизводить: писать, говорить, петь – и может быть близка и понятна человеку. Иногда язык природы противопоставлен языку людей, и природа в поэзии Хухеля молчит и остается чуждой человеку [Siemes 1996: 145]. Интересно, что в описании природы поэт часто наделяет ее женскими чертами. Для его стихотворений характерны образы матери, старухи или служанки. Помимо прочего, поэт апеллирует и к библейским женским образам.

В раннем стихотворении Хухеля «Псалом», дата выхода которого не сохранилась, можно узнать образы некоторых библейских женщин. Этот псалом разделен на четыре строфы, написанные в свободной форме без использования рифмы. Главным героем в этом стихотворении является лирическое «мы», в нем нет трансцендентных мотивов, которые выступали бы как партнеры в разговоре, но «божественная инстанция» все-таки присутствует. В «Псалме» речь не идет о конце света, мировых катастрофах или об уничтожении человечества, как в других, о которых мы упомянем ниже. Наоборот, он наполнен милосердием и добротой, идущей от женских образов.

В псалме сразу несколько таких образов, к примеру, в первой строфе стихотворения: «Die in

Demut Ähren las / auf dem Feld der Güte, / siehe, / die Göttin der Barmherzigkeit ist nahe, / süße Frucht zu schütten / aus dem Schoß der Liebe» [Huchel 1963a: 452] («Та, что в смиренности считает колоски / на поле доброты, / смотри, / богиня милосердия близка, / чтобы помочь выйти сладким плодам / из чрева любви» (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. Г.)). Женщина, собирающая колоски, отсылает нас к библейской героине по имени Руфь, которая собирала колоски на поле Вооза [Руфь 2: 1–23]. В то же время данный образ может быть ассоциирован с греческой богиней плодородия Деметрой (в римской мифологии – Церера) [Tripp 2012: 148–152]. С Богородицей героиню первых строк роднит милосердие, потому что в христианстве образ Марии связан с милосердием, добром, отзывчивостью.

Образ женщины, который появляется во второй строфе, напоминает нам Флору, римскую богиню, олицетворяющую собой расцвет природы, весну, цветы [Hunger 1998: 167–168]: «Wenn sie lächelt, / blühen Blumen des Mitleids auf, / leuchtet gütige Vergebung / in den Augen der Menschen» [Huchel 1963a: 452] («Когда она смеется, / расцветают цветы сострадания, / светится истинное прощение / в глазах людей»). Сцена третьего абзаца позволяет вспомнить некоторые сюжеты из Евангелия, такие как свершение Христом, по просьбе Марии, первого чуда с вином на свадьбе, а также чуда, произошедшего при делении хлеба и рыбы [Мф. 14: 13–21; Мк. 6: 30–44; Мк. 8: 1–9]. В псалме это звучит так: «Da wir Wein und Speise teilen / mit dem armen Bruder, / erscheint sie uns / in der stillen Dankbarkeit seiner Hände / die nach unserm Herzen tasten» [Huchel 1963a: 452] («Когда мы делим вино и еду / с нашим бедным братом, / она является нам / в тихой благодарности его рук, / которые трогают наши сердца»).

Последняя строфа описывает сестру Марии Марфу, которая всегда старается угодить гостям, накрывая на стол: «Immer ist sie die gütig Dienende, / Schwester, / die uns den Krug der Erlösung / an den Mund hebt, / Mutter, / die heilenden Balsam auf einsame Wunden streut» [Huchel 1963a: 452] («Она всегда старается услужить, / сестра, / которая подносит нам ко рту / чашу спасения, / мать, / которая наносит целебный бальзам на раны»). Сразу же после Марфы вводится образ матери (Марии) и образ женщин из Галилеи, которые спешили к могиле Христа, для того чтобы умастить его тело маслами, но не нашли его там. Так, используя библейские образы, Хухель, с одной стороны, соединяет библейские мотивы с языческими, с другой стороны, связывает человеческие добродетели (доброта, красота и милосердие) с женскими образами.

Еще один «Псалом» Хухеля относится к его поздней лирике. Его первая версия была опубликована в 1963 г. в журнале «Rote Revue. Sozialistische Monatsschrift» под названием «Бомба против бомбы» («Bombe gegen Bombe») [Huchel 1963b: 124]. Интересно, что в рукописной версии Хухеля это стихотворение было посвящено Отто Бёни [Hettche 2009: 201], но в остальные версии стиха посвящение не вошло. Первая версия звучит следующим образом: «Daß aus dem Samen des Menschen / Kein Mensch / Und aus dem Samen des Ölbaums / Kein Ölbaum werde. / Die das Leben schänden / Und unser Schweigen bewohnen / Mit ihrem Geschrei. / Groß ist der Wahn, / Mißt du ihn / Mit der Elle des Todes» [Huchel 1963b: 124] («Из семени человеческого / не возникнет человек / и из семени оливкового древа / не произрастет оливковое дерево. / Те, кто глумятся над жизнью / и заполняют наше молчание / Своим криком. / Велика мания, / Измерь ты её / локтем смерти»). Сравним его с псалмом: «Daß aus dem Samen des Menschen / Kein Mensch / und aus dem Samen des Ölbaums / Kein Ölbaum / Werde, / Es ist zu messen / Mit der Elle des Todes. // Die da wohnen / Unter der Erde / In einer Kugel aus Zement, / Ihre Stärke gleicht / Dem Halm / Im peitschenden Schnee. // Die Öde wird Geschichte. / Termiten schreiben sie / Mit ihren Zangen / In den Sand. // Und nicht erforscht wird werden / Ein Geschlecht, / Eifrig bemüht, / Sich zu vernichten [Huchel 1963b: 157] («Выйдет ли человек / Из семени человека / И вырастет ли оливковое дерево / Из семени оливкового дерева, / Это все можно измерить / Поспешностью смерти. // Те, кто там живет / Под землей / В бетонной сфере / Их безопасность не больше / Чем у былинки / Под снежной вьюгой. // Пустыня станет историей. / Термиты впишут ее / Своими челюстями / В песок. // И некому будет запомнить / Этот род, / Так тщательно занятый / Собственным уничтожением» [Куприянов]).

Помимо того что поэт расширил свое стихотворение за счет дополнительных трех строк, он привнес в него и дополнительный смысл. В «Псалме» апокалипсическое настроение находится на высшей точке. Впервые стихотворение под названием «Псалом» появилось в сборнике «Шоссе». Название стихотворения выбрано не случайно, так как в самом тексте можно найти черты библейских псалмов. К ним относятся, во-первых, характерные черты стихотворения – жалобы и использование библейских топосов и образов (оливковое дерево, стебель и т. д.), структура безрифменного стиха, *parallelismus membrorum*. Однако лирический герой не обращается к конкретной духовной инстанции, это некоторого рода саморефлексия, что необычно

для псалмов, в которых всегда подразумевается обращение к Богу.

Во-вторых, в стихотворении используется мотив из книги Бытия [Быт 1: 11–12] о сотворении мира. Но если в Библии Бог говорит о том, что из каждого семени по роду своему произрастет дерево, приносящее плод, то в стихотворении семя остается бесплодным. В первой строфе лирический герой рисует конец света, оборванный круг жизни. Выжить не может никто, единственные, кому это под силу, – это термиты. Будущая история сравнивается с пустыней. Термиты напишут историю на песке, что символизирует собой тщетность человеческих усилий и подтверждает закат мира, его исчезновение. Последняя строфа констатирует, что на человеческом языке история не может быть ни исследована, ни написана. Человечеству не дается второго шанса, оно уничтожает самого себя [Vieregg 1976: 41]. Псалом уподобляется пророчеству.

Если обратиться к первому изданию стихотворения, которое носило название «Бомба против бомбы», можно предположить, с чем связан такой настрой лирического героя. Становится ясным, что потенциальные жертвы в «Псалме» – это люди, которые беспомощны перед атомным вооружением. Схожая тема поднята Хухелем и в другом стихотворении – «Глухим ушам родов человечества» («An taube Ohren der Geschlechter») – как реакция на испытание атомной бомбы в Советском Союзе [Hettche 2009: 203]. Нельзя не заметить связь псалма Хухеля с псалмом П. Целана, опубликованным в 1963 г. (практически в одно время с псалмом Хухеля), в котором также речь идет об исчезновении людей, об отрицании всего, что создано Богом (см.: [Горбунова 2014: 168–175]). Однако в стихотворении Хухеля нет даже надежды на спасение.

Еще одно стихотворение, носящее название «Зимний псалом», также пронизано холодом и пессимизмом. Впервые стихотворение появилось в 1962 г. в журнале «Зинн унд форм» («Sinn und Form») [Huchel 1962: 870]. Журнал был основан в 1949 г., а год его закрытия как раз пришелся на 1962 г. Редактором журнала был сам Хухель, который с его помощью старался перекинуть мост между востоком и западом. Положение Хухеля к началу 60-х гг. было неустойчивым, поэтому в конце 1962 г. вышел последний номер. В нем Хухель опубликовал «Зимний псалом», речь Жан-Поля Сартра и Арагона, а также речь Брехта («Rede über die Widerstandskraft der Vernunft») [Brecht 1962: 663]. Хухель стал политически неблагонадежным и не мог больше печататься в ГДР. В 1963 г. во Франкфурте на Майне в сборнике «Шоссе» снова появляется «Зимний псалом».

Стихотворение посвящено Гансу Майеру, немецкому юристу, литературоведу и социологу. Псалом состоит из трех строф разной длины, написанных свободным стихом без рифмы, и носит монологический характер. Важную роль в нем играет звукопись: аллитерации и ассонансы (Fluß, Flüstern, Flamme; Strasse, erstarrten, Stieß, Staub; zeigen, Zeuge). Первый абзац намного длиннее остальных и может быть поделен на части. В каждой из частей звучит свой голос. В первой части слышен голос лирического героя: (1–8: «Da ich ging bei träger Kälte des Himmels / Und ging hinab die Straße zum Fluß, / Sah ich die Mulde im Schnee, / Wo nachts der Wind / Mit flacher Schulter gelegen. / Seine gebrechliche Stimme, / In den erstarrten Ästen oben, / Stieß sich am Trugbild weißer Luft» [Huchel 1984a: 154–155]), затем голос ветра (9–12: «Alles Verscharfte blickt mich an. / Soll ich es heben aus dem Staub / Und zeigen dem Richter? Ich schweige. / Ich will nicht Zeuge sein» [там же]) и снова лирического героя (13–14: Sein Flüstern erlosch, / Von keiner Flamme genährt» [ibid.]).

Несмотря на то что у лирического героя нет говорящего с ним партнера, предполагается, что человек ведет диалог со своей душой. Анализируя свое стихотворение, Хухель объясняет, почему стихотворение называется «Зимний псалом»: «Die Stimme des Windes evoziert die Gegenstrophe, vier Zeilen eines Psalms. Anruf in einer erstarrten, beklemmenden Landschaft» [Huchel 1984b: 310] («Голос ветра вызывает ответ, четыре строки псалма. Зов в застывшем, охлаждающем душу пейзаже»). Если внимательно прочитать вторую часть стихотворения, то можно прийти к выводу, что именно она и является псалмом. Используемые здесь образы отсылают нас к языку псалмов («страх», «душа», «ночь», «свет»). Еще один аспект, формально указывающий на псалом, – это то, что первые две строчки стиха образуют *parallelismus membrorum*. Обращаясь к Богу в трудной жизненной ситуации, человек посредством молитвы преодолевает свое одиночество, но у Хухеля лирический герой остается абсолютно одиноким. Это взывание к Богу не обещает ему ни надежды, ни веры.

Название псалма объясняет и сам ландшафт. Лирический герой изображен в холодном зимнем окружении. Малую надежду читателю дает появившийся свет (18-я строка) и поставленный в конце вопрос. За голосом лирического героя скрывается голос самого автора в период его изоляции. Таким образом, холодный зимний пейзаж отражает его собственное социальное и политическое положение. Главный образ псалма – ветер, у которого есть плечи, голос, он лежит в долине. Его голос вводит важную тему: свидетельства, к тому же в псалме используется слово

«судья». Попытка свидетельства терпит неудачу: «Я не хочу быть свидетелем» («Ich will nicht Zeuge sein»). Этот жест отказа указывает на слабость лирического героя [Lermen und Loewen 1987: 135]. Молчание ветра изображено с помощью природных изменений: не ветер подпитывает огонь (пламя), но пламя в состоянии заставить ветер говорить, огонь может заставить его звенеть [Mauger 1966: 99].

Последняя строфа возвращает нас к первой: дорога ведет к ручью, мимо долины через мост. Земля покрыта снегом и льдом, небо и река – свинцово-серые. Дословное повторение 1-й и 20-й строчек акцентирует внимание на том, что ничего не изменилось и путник все так же одинок. Состояние лирического героя, стоящего на мосту, отсылает к знаменитой картине Э. Мунка «Крик». В стихотворении присутствует страх, сомнение, апокалипсическое чувство. Тем не менее кажется, что надежда на спасение есть. Поэт вводит образ камыша, который словно дышит, т. е. говорит. Обозначал ли Хухель тем самым, что его дни еще не сочтены, что он как поэт еще поднимет свой голос. Открытый вопрос, которым заканчивается стихотворение, оставляет проблеск надежды.

Лучшее понимание «Зимнего псалма» дает стихотворение «В саду Теофраста» [Huchel 1963a: 155], появившееся в сборнике «Шоссе». Упомянутый в названии Теофраст – скорее всего Теофраст из Эреса, который был греческим философом и естествоиспытателем. К тому же он был учеником Аристотеля, который после смерти учителя встал во главе «школы в саду», где встречался со своими учениками. В своем завещании он отдал сад ученикам, чтобы они общались с ним, как со святыней, и использовали его в мире и согласии друг с другом.

Первое издание стихотворения вышло с посвящением «Для моего сына Стефана». Оно, как и «Зимний псалом», было опубликовано в журнале «Зинн унд форм» в 1962 г. Это стихотворение также исходит из концепции диалога, правда, здесь партнером по разговору является человек, а именно сын лирического героя. Так же, как и в «Псалме», здесь обсуждается тема, завуалированно отсылающая нас к брехтовскому стихотворению «К потомкам». Оба текста говорят о незащитности человеческого существования, об удушающей авторитарной власти режима [Lermen, Loewen 1987: 131–132]. Если в «Зимнем псалме» Хухель изображает полностью оледеневший человеческий мир, то «В саду Теофраста» звучит голос поэта, не теряющего последнюю надежду, потому что он обращен к сыну и через него – к будущим поколениям.

Таким образом, П. Хухель трансформирует библейский жанр псалма на содержательном

уровне. Первым приводится в пример ранний псалом П. Хухеля, в котором чётко прослеживаются женские библейские образы; псалом представляет собой воспевание женских добродетелей: милосердия, доброты. Второй псалом относится к «политическим псалмам», он пронизан депрессивным и мрачным настроением и несёт предзнаменование тотального уничтожения всего. Псалом написан как реакция на испытание ядерного оружия в 60 гг. XX в. Третий анализируемый псалом относится к жанру социального псалма, так как в нем изображается лирический герой, покинутый всеми, находящийся в изоляции, что непосредственно отражает мироощущение поэта на данном этапе его жизни.

П. Хухель изменяет жанр и на формальном уровне. По сравнению с традиционными структурными компонентами жанра у Хухеля появляются такие изменения, как деление лирического текста на строфы, отказ от нумерации строк, использование большого количества средств художественной выразительности, характерных как для немецкой натурмагической поэзии середины XX в., так и для идиостиля Хухеля: им широко используются персонификация природы, метафоры «холода», «пустоты», «одиночества», а также библейские аллюзии наряду с языческими мотивами.

Список литературы

Андреюшкина Т. Н. Пейзажная лирика П. Хухеля // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики (18–21 апр. 2013 г.). Тольятти, 2013. С. 3–14.

Горбунова Е. А. «И они не славили Бога...»: трансформация библейских псалмов в сборнике «Ничейная роза» П. Целана // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4(28). С. 168–175.

Куприянов В. Псалом. URL: <http://www.poezia.ru/works/90804> (дата обращения: 22.08.2016).

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. 1993. URL: <http://www.philosophy2.ru/library/heideg/humanism.html> (дата обращения: 22.08.2016).

Althaus Th. Poetischer Konzeptualismus. Ode von Klopstock bis Hölderlin // Hölderlin-Jahrbuch. 2000–2001. Bd. 32. Eggingen: Isele. 2002. S. 246–280.

Bach I., Galle H. Deutsche Psalmendichtung vom 16. bis zum 20. Jahrhundert. Berlin; New York: De Gruyter, 1989. 461 S.

Brecht B. Rede über die Widerstandskraft der Vernunft // Sinn und Form, 14 Jahr, 1962, 5. und 6. Heft. S. 663–666.

Burdorf D. An die Sonne. Hymnische Dichtungen von der Zeit Hölderlins bis zur Gegenwart // Hölderlin-Jahrbuch. 2000–2001. Bd. 32. Eggingen: Isele. 2002. S. 238–245.

Conterno Ch. Die andere Tradition. V & R uni-press in Göttingen. 2014. 355 S.

Ehgartner R. Gelobt seist du, Niemand. Psalmen in der deutschsprachigen Literatur nach 1945. Dissertation: Salzburg, 1995.

Hettche W. Die erste Fassung von Peter Huchels Psalm. Eine Wiederentdeckung // Euphorion, 2, 2009. S. 199–206.

Huchel P. Gesammelte Werke, Bd. 1, Frankfurt a.M.: Fischer, 1963a.

Huchel P. Bombe gegen Bombe // Rote Revue. Sozialistische Monatsschrift. 1963b. 4. S. 124.

Huchel P. Gesammelte Werk, Bd. 1, hg. von Axel Vieregg. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984a.

Huchel P. Selbstinterpretation des Gedichts: Winterpsalm // Gesammelte Werke Bd. 2, hg. von Axel Vieregg, Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984b. S. 309–311.

Huchel P. Winterpsalm // Sinn und Form, 14 Jahr 1962, 5. und 6. Heft. S. 870.

Hunger H. Lexikon der griechischen und Römischen Mythologie mit Hinweisen auf das Fortwirken antiker Stoffe und Motive in der bildenden Kunst, Literatur und Musik des Abendlandes bis zur Gegenwart. Wien: Verlag Brüder Hollinek, 1998.

Lermen B., Loewen M. Lyrik aus der DDR: exemplarische Analysen. Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 1987.

Mayer H. Winterpsalm // Hilde Domin, Doppelinterpretationen. Frankfurt a. M.; Bonn: Athenäum Verlag, 1966. S. 98–100.

Siemes Ch. Das Testament gestürzter Tannen. Das lyrische Werke Peter Huchels. Freiburg i. Br.: Rombach, 1996.

Tripp E. Lexikon der antiken Mythologie. Stuttgart: Reclam, 2012.

Vieregg A. Die Lyrik Peter Huchels. Zeichensprache und Privatmythologie. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1976.

References

Andrejushkina T. N. Pejzazhnaja lirika P. Huchelja [Nature poems by P. Huchel]. *Tatishhevskie chtenija: aktual'nye problem nauki i praktiki 18–21 aprelja 2013* [Tatishchev readings: current problems of science and practice, 18–21 April, 2013]. Togliatti, 2013. P. 3–14.

Gorbunova E. A. «I oni ne slavili boga...»: transformacija biblejskikh psalmov v sbornike «Nichejnaja roza» P. Celana [«And they did not sing praises to God»: transformation of biblical psalms in the collection of poems «No-One's-Rose» by P. Celan]. *Vestnik permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 4. P. 168–175.

Kuprijanov V. *Psalom* [Psalm]. Available at: <http://www.poezia.ru/works/90804> (accessed 22.08.2014).

- Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme*. 1993 [Letter on Humanism. 1993]. Available at: <http://www.philosophy2.ru/library/heideg/humanism.html> (accessed 22.08.2014).
- Althaus Th. Poetischer Konzeptualismus. Ode von Klopstock bis Hölderlin. *Hölderlin-Jahrbuch*. Bd. 32, 2000–2001. Eggingen, Isele, 2002. P. 246–280.
- Bach I., Galle H. *Deutsche Psalmendichtung vom 16. bis zum 20. Jahrhundert*. Berlin / New York, De Gruyter, 1989. 461 p.
- Brecht B. Speech about the resistance of the mind. *Sinn und Form*. 1962. P. 663–666.
- Burdorf Dieter An die Sonne. Hymnische Dichtungen von der Zeit Hölderlins bis zur Gegenwart. *Hölderlin-Jahrbuch*. Bd. 32, 2000–2001. Eggingen, Isele, 2002, P. 238–245.
- Conterno Chiara *Die andere Tradition*. V & R unipress in Göttingen, 2014. 355 p.
- Ehgartner Reinhard *Gelobt seist du, Niemand. Psalmen in der deutschsprachigen Literatur nach 1945*. Dissertation. Salzburg, 1995.
- Hettche W. The first version of Peter Huchel's Psalm. *Euphorion*. 2009. Iss. 2. P. 199–206.
- Huchel P. *Gesammelte Werke*, Bd. 1, Frankfurt a. M.: Fischer, 1963a.
- Huchel P. *Bombe gegen Bombe // Rote Revue*. Sozialistische Monatsschrift. 1963b. 4. S. 124.
- Huchel P. *Gesammelte Werke*. Vol. 1. Frankfurt am M., Suhrkamp, 1984a.
- Huchel P. *Selfinterpretation of the poem: Winterpsalm*. Frankfurt am M., Suhrkamp, 1984b. P. 309–311.
- Huchel P. Winterpsalm. *Sinn und Form*. 14 Jan 1962. Iss. 5–6. P. 870.
- Hunger H. *Lexicon of Greek and Roman mythology*. Wien, Verlag Brüder Hollinek, 1998.
- Lermen B., Loewen M. *Poetry from DDR: exemplary analysis*. Paderborn / München / Wien / Zürich, Ferdinand Schöningh, 1987.
- Mayer H. Winterpsalm. *Hilde Domin*. Doppelinterpretationen. Frankfurt a.M. / Bonn, Athenäum Verlag, 1966. P. 98–100.
- Siemes Ch. *The testimony of the felled pines. Lyrical works by Peter Huchel*. Freiburg i. Br., Rombach, 1996.
- Tripp E. *Lexicon of the ancient mythology*. Stuttgart, Reclam, 2012.
- Vieregg A. *Peter Huchel's poetry. The language of symbols and personal mythology*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1976.

PSALMS BY P. HUCHEL: TRANSFORMATION OF THE BIBLICAL GENRE

Ekaterina A. Gorbunova

Postgraduate Student in the Department of Theory and Practice of Translation
Togliatti State University

The article deals with the transformation of the biblical genre of psalm in the German-language poetry. This transformation is shown through the example of works by the German poet Peter Huchel. In the article, three of his poems having the same title «Psalm» are analyzed. The interrelation between the content of these poems and the form of the biblical genre is of particular interest. P. Huchel transforms the traditional idea of psalm as a genre, its form and content. The first poem belongs to his earlier period and is devoted to different women's characters, and one can trace there both biblical and pagan motifs. The second psalm has a more political tone and expresses the author's attitude to the situation in the world at that time. It is noteworthy that the poem was initially entitled «Bombe gegen bombe» but then renamed. This proves that the poet wanted to show how the content of the poem correlates with religious motifs. The third poem has the title «Winterpsalm» and contains nature motifs, personification of the nature and inner feelings of the lyric hero, who finds himself isolated.

Key words: nature poetry; women's characters; isolation; political motives; metaphor of «coldness»; parallelismus membrorum; psalm.

УДК 821.111.09

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-132-141

УИНДЕМ ЛЬЮИС: НАСЛЕДИЕ, КРИТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Сергеевич Туляков

к. филол. н., доцент департамента иностранных языков

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Пермь)

614070, г. Пермь, ул. Студенческая, 38. dstuliakov@hse.ru

Представлен обзор творчества малоизвестного в России английского писателя, художника и критика Уиндема Льюиса; проанализированы причины, в силу которых оно долгое время игнорировалось, а затем, напротив, стало привлекать усиленное внимание исследователей; освещены основные тенденции в наиболее значимых работах о Льюисе в отечественной и зарубежной научной литературе; предложены наиболее актуальные направления для дальнейших исследований. Маргинальное положение Льюиса в истории литературы, которое объясняется его стратегией «Врага» (*the Enemy*) всех доминирующих течений популярного и элитарного искусства и рядом компрометирующих политических заявлений, было пересмотрено в последние десятилетия в связи с расширением сферы исследований модернизма и созвучием наследия Льюиса интересам «Новых исследований модернизма». В посвященной Льюису критике внимание к позитивному содержанию, скрывающемуся за агрессивной позой писателя и его авторитарными взглядами, сменилось обновленным интересом к формальным особенностям его стиля и «постгуманистическими» интерпретациями. Наиболее перспективными представляются интермедиаальный и нарратологический подходы к литературному творчеству Льюиса, а также продолжение работы по изучению его наследия в контексте европейского модернизма.

Ключевые слова: Уиндем Льюис; английская литература; модернизм; новые исследования модернизма; литературная критика; интермедиаальность; нарратология.

Уиндем Льюис (*Wyndham Lewis*, 1882–1957) – одна из ключевых фигур английского модернизма. Э. Паунд называл его «единственным английским писателем, которого можно сравнить с Достоевским» [Round 1954: 429], а Т. С. Элиот писал: «Льюис является крупнейшим в моем поколении мастером стиля в прозе – возможно, единственным, кто изобрел новый стиль» [Eliot 1955: 526]. Наследие Льюиса велико: он был писателем, художником, художественным и литературным критиком, публицистом, полемистом, философом. Настоячивое стремление проанализировать, оценить (чаще всего негативно) и осмыслить в новаторских художественных формах резкие и глубокие изменения, которым в XX в. подверглись условия существования человека и сама его личность, характеризуют Льюиса как убежденного модерниста.

В России творчество этого писателя и художника знакомо лишь немногим специалистам; ни одно из его произведений не переведено на русский язык. Между тем на Западе имя Льюиса прочно вошло в обиход историков литературы,

искусствоведов и исследователей модернизма. Объемное и многообразное наследие писателя служит материалом для большого и непрерывно растущего числа критических работ, отличающихся друг от друга предметом исследования, предлагаемыми интерпретациями и методологией. Задачи данной статьи состоят в том, чтобы, во-первых, представить краткий обзор творчества автора; во-вторых, проанализировать причины, в силу которых оно долгое время игнорировалось, а затем, напротив, стало привлекать усиленное внимание исследователей; в-третьих, выделить основные тенденции в наиболее значимых работах о Льюисе в отечественной и зарубежной научной литературе, а также наметить некоторые направления для дальнейших исследований. Статья разбита на части в соответствии с поставленными задачами.

1

Жизненный путь Льюиса и его карьера писателя и художника хорошо задокументированы. Помимо двух автобиографий – более популярной

«Подрывник и бомбардир» (*Blasting and Bombardiering*, 1937) и более аналитической «Грубое предназначение» (*Rude Assignment*, 1950), – ему посвящены две объемные биографии (см.: [Meurers 1980; O’Keeffe 2000]). Кроме того, во многих современных переизданиях Льюиса, каталогах его живописи и монографиях о нем представлена подробная хронология его жизни и творчества (см.: [Gąsiorek 2004: vii–x; Klein 2010: xxxvii–xl; Wyndham Lewis ... 2010: 10–15]). В представленном ниже обзоре включены все значительные литературные произведения автора и отмечены некоторые события его жизни.

В творческом развитии Льюиса можно условно выделить несколько этапов. Во время первого из них, с 1909 г. по конец 1910-х гг., Льюис – художник с незаконченным профессиональным образованием в школе Слейд и несколькими годами рисования и самостоятельного изучения современной живописи в Европе – претерпевает трансформацию из автора нескольких рассказов в предводителя английского авангардного движения вортицизм (наряду с Паундом), автора и редактора журнала «БЛАСТ» (*BLAST*, 1914–1915; вышло два номера). К 1914 г. Льюис создал узнаваемый живописный стиль, в котором он стремился объединить пластические достоинства кубизма с присущим футуризму интересом к формам, диктуемым индустриальной современностью. Несмотря на несколько попыток Льюиса возродить авангардный импульс к обновлению искусства и жизни сразу после войны, самая значительная из которых представляла собой первую книгу художественной критики автора с говорящим названием «Чертеж халифа. Архитекторы! Где ваш вортекс?» (*Caliph’s Design. Architects! Where is your vortex?* 1919), вортицизм прекратил существование, а сам Льюис перешел к менее радикальному, более репрезентативному живописному стилю. В 1918 г. отдельной книгой выходит первый роман Льюиса – роман о художнике «Тарр» (*Tarr*), получивший восторженные отзывы Э. Паунда [Round 1954: 424–430] и Т. С. Элиота [Eliot 2014: 745–748].

В послевоенное время Льюис, по его собственному выражению, «уходит в подполье» [Lewis 1937: 211]: хоть он и продолжает заниматься живописью (в частности, все больше обращается к портретному жанру), с 1919 по 1926 г. он не выпускает ни одной книги. Тем не менее в это время Льюис печатает свой второй журнал «Тайро» (*Tyro*, 1920–21; вышло два номера), фокусирующийся на художественной критике, и работает над масштабным, но не реализованным в задуманном виде проектом «Человек мира» (*The Man of the World*) – огромным произведением, в котором должны были объединиться

тексты художественных и нехудожественных жанров.

В 1926 г. Льюис приступает к изданию составных частей «Человека мира» отдельными книгами. С этого момента начинается период усиленной активности Льюиса как писателя и критика. Границей этого периода можно условно обозначить 1939 г. – год, когда Льюис с женой уезжает из Лондона в США и затем Канаду. За это время Льюисом опубликовано три выпуска его третьего журнала «Энеми» (*The Enemy*, 1927–29); пять книг культурной критики («Искусство быть управляемым», «Бледнолицые: философия плавильного котла»; «Дьявольский принцип и восторженный зритель», «Проклятие молодости», «Загадочный мистер Булл» (*The Art of being Ruled*, 1926; *Paleface: The Philosophy of the Melting Pot*, 1929; *The Diabolical Principle and the Dithyrambic Spectator*, 1931; *The Doom of Youth*, 1932; *The Mysterious Mr Bull*, 1938)); две книги литературной критики («Лев и лиса» и «Люди без искусства» (*The Lion and The Fox*, 1927; *Men without Art*, 1934)); масштабный философский анализ современного общества, культуры, литературы и искусства «Время и человек Запада» (*Time and Western Man*, 1927); шесть книг политической публицистики и полемики («Гитлер», «Старая шайка и новая шайка», «Левые крылья над Европой», «Сосчитайте своих мертвецов: они живы!», иронически озаглавленная книга против антисемитизма «Евреи: люди ли они», «Кульг Гитлера: и как ему придет конец» (*Hitler*, 1930; *The Old Gang and the New Gang*, 1933; *Left Wings Over Europe*, 1936; *Count your Dead: They are Alive!*, 1937; *Jews, Are They Human?*, 1939; *The Hitler Cult: and How it will End*, 1939)); травелог по следам путешествия в Марокко «Флибустьеры Варварского берега» (*Filibusters in Barbary*, 1932); упомянутую выше автобиографию. Он также выпускает пять романов: переработанную редакцию «Тарра» (1927), «Избиение младенцев» (*The Childermass*, 1928), «Обезьяны Бога» (*The Apes of God*, 1930), «Заносчивый баронет» (*Snooty Baronet*, 1932) и «Месть за любовь» (*The Revenge for Love*, 1937); печатает сборник рассказов «Дикая плоть» (*The Wild Body*, 1927) и книгу поэзии «Однонаправленная песня» (*One Way Song*, 1933). В конце 1930-х гг. Льюис создает серию выразительных портретов – свои наиболее известные (после работ периода вортицизма) живописные произведения. Самый знаменитый из них, портрет Т. С. Элиота, был отклонен Королевской академией искусств в 1938 г.

Созданные с 1927 по 1938 г. романы, стиль которых варьируется от строго формального модернистского эксперимента («Обезьяны Бога») до сдержанно-традиционного повествования с

элементами психологизма («Месть за любовь»), принадлежат к лучшей прозе Льюиса и демонстрируют всю ее неординарность и многослойность. В литературно-критических работах этого времени (в особенности во «Времени и человеке Запада») Льюис дает важную для понимания собственного творчества жесткую оценку современного общества, его популярной культуры, а также искусства и литературы своих современников-модернистов (см. подробнее: [Туляков 2015]). Его критика Дж. Джойса, Д. Г. Лоренса, Г. Стайн, В. Вулф и многих других писателей предвзята, но в то же время проницательна и обоснованна, а от эстетических ориентиров, которые легли в ее основу, писатель не отказывается до конца жизни. Свою же противоречивую политическую публицистику этих лет Льюис впоследствии назовет «группой антивоенных книг, [которые] могут быть списаны со счетов как пустые выходки – необдуманные, повторяющиеся, причинившие вред мне лично и лишённые значения для кого бы то ни было» [Lewis 1984: 224].

В последние десятилетия своей жизни Льюис продолжает работу писателя, критика, эссеиста и художника. За время шестилетнего пребывания в США и Канаде он выпускает сатирическую книгу об Америке «Америка, я полагаю» (*America, I Presume*, 1940); политический памфлет, в котором, наперекор своей предшествующей публицистике, защищает идею демократии «Англосаксония; лига, которая работает» (*Anglosaxony: A League that Works*, 1941), и очередной роман «Вульгарная склонность» (*The Vulgar Streak*, 1941). После возвращения в Лондон в 1945 г. Льюис печатает хвалебную книгу об Америке «Америка и человек космоса» (*America and the Cosmic Man*, 1948), свою вторую автобиографию, вторую книгу рассказов «Загнивающий Ноттинг Хилл» (*Rotting Hill*, 1951), две книги литературной и художественной критики («Писатель и абсолют» и «Демон прогресса в искусстве» (*The Writer and the Absolute*, 1952; *The Demon of Progress in Art*, 1954)) и четыре романа: «Проклятие самому себе» (*Self Condemned*, 1954), «Веселый монстр» и «Зловещая фиеста» (*Monstre Gai*, 1955; *Malign Fiesta*, 1955; оба – продолжение «Избиения младенцев») и «Красный священник» (*The Red Priest*, 1956). С 1945 по 1951 г. Льюис работает постоянным художественным критиком в журнале «Лиснер». Он продолжает писать картины в небольшом количестве вплоть до трагического наступления слепоты в 1951 г.

Уже в «Мести за любовь» самобытность стиля повествования Льюиса, ярко проявившаяся в пьесе «Враг звезд» (*Enemy of the Stars*) из первого номера журнала «БЛАСТ» и во всех романах автора вплоть до «Обезьян Бога», сглаживается.

Изоощренная, насыщенная разнородными образами, фрагментарная, но ритмически выверенная проза, в которой вместо внутреннего мира объектов сатиры Льюиса во всех подробностях изображается автоматизм их поведения и пустота их оболочек, сменяется «спокойным», последовательным и рефлексивным письмом, внимательным к переживаниям героев. Таковы все романы последнего периода творчества Льюиса, причем все их, за исключением последнего, критики относят к числу наиболее значительных произведений автора.

Итак, наследие Льюиса богато и многогранно: оно включает огромное количество литературных, критических, публицистических и живописных работ, многие из которых демонстрируют глубину и оригинальность. Даже его произведения одного жанра (например, романы) характеризуются существенными различиями в поэтике. Таким образом, корпус текстов Льюиса (как словесных, так и изобразительных) представляет собой объемный, разнородный и сложный материал, который обретает дополнительное значение в контексте английского и европейского модернизма.

2

На протяжении значительной части XX в. Льюис если не остается забытым, то, по меньшей мере, оказывается в тени своих более именитых современников. Отчасти причина этому – избранный им еще в 1910-е гг. позиция «Врага» (*the Enemy*) и жесткого критика не только традиционных, но и новейших философско-эстетических концепций и течений в искусстве, а также конкретных художников, признанных сегодня мастерами англо-американского модернизма. Навязчивые попытки отмежеваться от доминирующих или набирающих моду эстетических теорий и практик в итоге привели к тому, что Льюис на долгое время оказался и вовсе за пределами круга писателей, чье творчество относят к английскому модернизму.

Не менее важная причина невнимания к Льюису со стороны читателей и исследователей – его репутация, безнадежно испорченная в 1930-е гг. Решающую роль в этом сыграл его памфлет «Гитлер», в котором фашистский диктатор прославляется как «человек мира». Льюис увидит свою ошибку лишь спустя пять лет, после своей второй поездки в нацистскую Германию (первая состоялась в 1930 г.), и запоздало выпустит книгу-опровержение «Культ Гитлера». Однако влияние фашистских симпатий Льюиса (относительно недолговременных, но все же слишком продолжительных, чтобы их можно было списать на минутное заблуждение) на мнение широ-

кой публики и академической среды оказалось достаточно сильным. Даже в 2008 г. рецензия на большую выставку его портретов в «Телеграфе» начинается с предсказуемого сенсационного противопоставления высокого мастерства художника его неприемлемым убеждениям и утрированно дурным личным качествам: «Фашист, расист, женоненавистник, гомофоб, презрительно-надменный и озлобленный на людей: можно быть всем этим и все равно быть великим художником» [Dorment 2008].

Тем не менее начиная с последних десятилетий XX в. интерес к Льюису со стороны читателей, любителей искусства, литературоведов и представителей других академических дисциплин неуклонно растет. До второй половины 1970-х гг. почти все тексты писателя были доступны лишь в прижизненных изданиях, а исследования ему посвящали лишь единичные авторы, многие из которых, как Х. Кеннер, Дж. Григсон и Э. У. Ф. Томлин, знали Льюиса лично. В период с конца 1970-х по середину 1990-х большинство работ писателя было переиздано несколькими американскими издательствами; в это же время стали в большом количестве выходить монографии, сборники статей, а также специальные выпуски литературоведческих журналов о Льюисе.

Возникновение исследовательского интереса к Льюису в значительной степени связано с развитием области исследований модернизма в целом, которое авторы метатеоретической статьи-манифеста «Новые исследования модернизма» описывают в терминах расширения – расширения его географии, временных рамок и состава авторов [Maо, Walkowitz 2008: 737–738]. Последнее затронуло Льюиса одним из первых. Вытесненный на периферию модернизма, он, в сущности, был если не в центре, то, по крайней мере, в самой его гуще. Это касается не только 1914–1915 гг., когда выпускаемый им «БЛАСТ» объединил вокруг себя многих крупнейших писателей и художников своего времени (так, под манифестом вортицизма стояли подписи А. Годье-Бжески и Э. Уодсворта, а во втором номере журнала состоялась одна из первых публикаций поэзии Элиота). Льюис был тесно связан с современниками дружескими (или – чаще – вражескими) отношениями и живо откликался на значительные события в мире литературы и живописи (от «Улисса» Джойса до картин Ф. Бэкона) на протяжении всей своей жизни. Наконец, именно Льюис сыграл важнейшую роль в становлении канона «высокого модернизма» (*high modernism*), расшатыванием и расширением которого заняты авторы новейших исследований. В своей первой автобиографии художник назвал себя, Паунда, Джойса и Элиота «мужчинами

1914 г.» (*Men of 1914*) [Lewis 1937: 252] и тем самым заложил основу для классического представления об англо-американском литературном модернизме. Ирония в том, имя Льюиса мгновенно стерлось из этого списка. Когда же в последние десятилетия XX в. литературоведы и издатели начали воскрешать имена забытых и непрочитанных модернистов, Льюис закономерно стал одним из первых.

Кроме того, интерес к Льюису не ослабевает в силу того, что его творчество подтверждает необходимость и продуктивность новых парадигм исследования модернизма. В основе большинства из них лежит установка на разрушение вокруг произведения искусства ауры самодостаточного, формально-изолированного эстетического объекта, который имеет мало общего с популярной культурой (см.: [Huysen 1986; Rainey 1998]), массмедиа (см.: [Wollager 2006]) или политическими реалиями своего времени (см.: [Williams 1989]). С этой точки зрения Льюис примечателен, во-первых, тем, что подчеркнутая сложность и элитарность его художественных текстов сочетается с ориентацией автора на их активное, даже агрессивное продвижение (см.: [Tuma 1987; Perrino 1995: 139–154; Reynolds 2000]). Во-вторых, произведения Льюиса, которые существуют в двух редакциях («Tapp» 1918 и 1927 гг.; ранние рассказы, переработанные для сборника «Дикая плоть»), представляют богатый материал для исследования развития модернизма по пути популяризации (см.: [Jaliant 2015]). В-третьих, критические и политические тексты Льюиса демонстрируют его постоянный интерес к самым разным явлениям общества и культуры (как массовой, так и элитарной) и являются уникальным по объему и своеобразию свидетельством рефлексии художника-модерниста о современности в нехудожественной форме (см.: [Munton 1976; Campbell 1988; Ayers 2016]). В-четвертых, и проза, и критика Льюиса указывают на значимость для него кинематографа и других медиа, с которыми он вступает в диалог (см.: [Tiessen 1984; Murphet 2016]). В-пятых, жанровая эклектика Льюиса подходит под общую тенденцию расширения материала исследований модернизма (традиционно – художественных и критических текстов) за счет произведений сравнительно мало изученных жанров, например автобиографии и путевых заметок (см.: [Farley 2010: 97–143; Parsons 2010]).

Помимо сказанного (этот список может быть продолжен), Льюис становится актуальным сегодня в силу той же своей особенности, которая когда-то обрекла его на забвение. Его резкость, конфликтность, непримиримая склонность к противоречию проявилась не только в том, что

он намеренно портил отношения с законодателями мод в искусстве и литературе своего времени или написал серию недальновидных книг политической публицистики, от которых сам хотел бы отказаться. Обостренно критическое отношение Льюиса к современности вкупе с его умением нащупать и подвергнуть проверке подчас действительно ключевые философско-культурные ориентиры своей эпохи стимулирует сегодня столь же критическое отношение как к модернизму, так и к нашему собственному времени. Лучшие работы Льюиса «не утрачивают способности к провокации в локальном или историческом масштабе и предоставляют первоклассную методологию, при помощи которой можно понять современность и ее культурные продукты» [Munton 2007: 19]. Это делает его не только одним из действующих лиц в истории литературы и искусства XX в., но и, по выражению автора приведенной цитаты, нашим современником.

3

Интерес к Льюису со стороны историков и теоретиков литературы, искусства и культуры оказался настолько велик, что к сегодняшнему дню вокруг его наследия сформировалась обширная сфера исследований. С 1994 г. Общество Уиндема Льюиса (*Wyndham Lewis Society*) ежегодно выпускает научный журнал (до 2010 – *Wyndham Lewis Annual*; в настоящее время – *Journal of Wyndham Lewis Studies*), многие выпуски которого, как и библиография членов Общества, доступны на официальном сайте организации (wyndhamlewis.org). Льюису посвящены многочисленные книги, некоторые из которых вышли еще при его жизни. Исчерпывающая библиография монографических исследований творчества автора, опубликованных до 2004 г., включена во вводную книгу А. Гасьорека из серии «Писатели и их работа» [Gašiorek 2004: 170–172]. Новейшие издания о Льюисе представляют собой критические путеводители по его творчеству под коллективным авторством крупнейших специалистов в области английского модернизма (см.: [Wyndham Lewis ... 2015; The Cambridge Companion ... 2016]). Три названные книги и вебсайт Общества Уиндема Льюиса являются оптимальной отправной точкой для знакомства с проблематикой творчества Льюиса и исследовательской литературой о нем.

Самые влиятельные монографии о литературном наследии Льюиса принадлежат Х. Кеннеру [Kenner 1954], Ф. Джеймисону [Jameson 1979], П. Эдвардсу [Edwards 2000] и Гасьореку [Gašiorek 2004]. В своей небольшой книге Кеннер, лично знавший Льюиса, впервые создает сложный, но цельный образ Льюиса – писателя, полемиста,

критика и художника (хотя последней ипостаси исследователь уделяет относительно мало внимания, сосредоточившись на ней позднее; см.: [Kenner 1971]). Именно работа Кеннера во многом задавала систему координат для оценки литературного творчества писателя. Так, часто как данность принимается выстроенная критиком иерархия, в которой место вершины творчества Льюиса занимают его поздние (после 1937 г.) романы, а ранние же произведения предстают чем-то вроде экспериментальной лаборатории, в которой блестящие эффекты создаются на фоне общего несовершенства.

Хотя Кеннеру принадлежит много проницательных наблюдений и о стиле ранней прозы Льюиса (пьесы «Враг звезд») и его сатиры 1930-х гг., гораздо большее внимание этому аспекту уделяет Джеймисон. Знаменитый критик-марксист выделяет в текстах Льюиса «молекулярный» и «молярный» уровни, где первый соотносится с поэтической инновацией льюисовского «электрически заряженного» слова, фразы или предложения, а второй обозначает повествовательную организацию всего произведения в единое целое [Jameson 1979: 7–8]. Согласно Джеймисону, эти два уровня характеризуются внутренним напряжением и состоят в неразрешимом противоречии друг с другом, что объясняется в конечном счете ограниченностью идеологической позиции Льюиса. Джеймисон в отличие от Кеннера, видит в обращении писателя со словом на молекулярном уровне его художественный триумф, и, возможно, поэтому анализ особенностей стиля прозы Льюиса выглядит убедительнее, чем сделанные на его основе выводы об идеологии автора.

Монография Эдвардса «Уиндем Льюис: Писатель и художник» остается самой объемной книгой о художнике, уникальной по охвату, исторической проработке материала и глубине интерпретации. В отличие от других исследователей, Эдвардс освещает все (а не лишь некоторые) значительные литературные и живописные произведения Льюиса и встраивает их в сложную, но понятную картину творческого развития писателя и художника. Важнейшая особенность подхода Эдвардса – равный акцент на литературе и на живописи Льюиса. В то же время Эдвардс разделяет рассмотрение этих двух видов творчества даже в тех случаях, когда анализ связей между ними был бы продуктивным.

Если книга Эдвардса близка подробной творческой биографии Льюиса, то краткая вводная работа Гасьорека похожа на ее доступную, но содержательную идейную выжимку. Для последнего исследователя, как и для первого, важна задача вернуть Льюиса в критическую тради-

цию, поэтому Гасьорек настаивает, что хотя «можно не соглашаться с антилиберальными социальными взглядами, которые он защищал ... или осуждать его на первый взгляд нечеловеческую эстетику, но если мы стремимся к созданию ответственной истории литературы, мы не можем игнорировать ни его вклад в дебаты на злобу дня, ни его главные литературные и критические произведения» [Gašiorek 2004: 3]. В целом Гасьорек, как и Эдвардс, доказывает, что эстетика Льюиса только кажется нечеловеческой (*seemingly inhuman*) и на деле не чужда гуманизма.

Единственное крупное исследование Льюиса на русском – диссертация С. С. Жуматовой «Концепция личности в творчестве П. У. Льюиса: от художника к человеку» – близко этой традиции. В данной работе, в которой выборочно, но достаточно подробно рассмотрено литературное творчество Льюиса до 1937 г., развивается впервые выраженная в монографии Кеннера мысль об эволюции «нечеловеческой эстетики» Льюиса в направлении более гуманистически ориентированной прозы (см.: [Жуматова 2005: 4]). К этому же выводу приходит И. В. Кабанова в результате анализа «Обезьян Бога» и «Мести за любовь» в своей монографии об английском романе 1930-х гг. (см.: [Кабанова 1999: 32]). Работа Кабановой ценна тем, что Льюис в ней заслуженно представлен наряду с И. Во, К. Ишервудом и Дж. Оруэллом как один из ярчайших английских романистов межвоенного времени. В ней также дается краткий и точный очерк эстетики Льюиса и проанализированы два его наиболее значительных романа. В то же время в изложении исследовательницы сглаживается экстравагантность экспериментальной сатиры «Обезьян Бога», из-за чего этот роман выглядит традиционнее и ближе к «Мести за любовь», чем это есть на самом деле. Имя Льюиса также фигурирует в монографии Т. Н. Красавченко об английской литературной критике, однако представленный в ней обзор взглядов Льюиса неполон (см.: [Красавченко 1994: 108–109]).

Традиционному взгляду, в соответствии с которым Льюис «понемногу ... отказывается от крайностей авангардизма и создает романную форму, органично сочетающую приемы традиционной социально-политической сатиры и опыт новейшей литературы в создании характеров» [Кабанова 1999: 32–33] (т. е. свои лучшие произведения), противостоит подход, согласно которому значение и своеобразие модернизма Льюиса неотделимо от его антипсихологизма, проявляющегося в той или иной форме. В таком случае творчество Льюиса становится образчиком «модернистского постгуманизма» (*modernist posthumanism*) или «холодного модернизма» (*cold*

modernism), который «имеет дело с миром, где нет личностей [*selves*] или психологии и представляет собой не антигуманизм, а агуманизм» [Burstein 2012: 2]. Этот подход, представленный во многих новейших исследованиях, посвященных творчеству Льюиса (см.: [Murphet 2009: 123–165; Burstein 2012: 65–94; Siraganian 2012: 51–78]), сводит обращение к убеждениям писателя или деталям его биографии к минимуму. Акцент переносится с гуманистического содержания на формально-стилистические особенности романов Льюиса и стоящую за ними «постгуманистическую» проблематику. Этот обновленный интерес к форме становится возможным только после того, как задача утверждения значимости наследия писателя оказывается в целом выполненной.

Представляется, что наиболее перспективные направления для дальнейшего исследования Льюиса лежат в двух областях. Во-первых, несмотря на признание уникального статуса Льюиса как писателя и художника равной величины, его творчеству посвящено относительно небольшое количество исследований интермедиального характера (см.: [Kush 1981; Dasenbrock 1985; Phillips 2008]). Во «Времени и человеке Запада» и «Людах без искусства» Льюис подчеркивает, что и в литературе, и в критике он отстаивает позицию живописца и излагает собственную концепцию «пространственной», или «внешней», эстетики своей прозы. Эта концепция связи слова и изображения была воспринята критиками как данность, и в результате исследование действительного характера их соотношения и взаимодействия в литературе (и тем более живописи) Льюиса оказалось парадоксальным образом мало развито. Огромный потенциал заложен в изучении не только структурной и генетической связи слова и изображения в творчестве Льюиса (то, о чем писал он сам), но и визуальности его литературных произведений с рецептивной точки зрения.

Во-вторых, творчество Льюиса относительно мало подвергалось нарратологическим прочтениям. Помимо авторитетного заявления Джеймсона о том, что повествование и построение сюжета в романах Льюиса уступают его новаторству на уровне фразы, на это повлиял сам характер его прозы, которая почти всегда подчинена доминирующему и стилистически выраженному «авторскому» началу. Безусловно, сатира Льюиса такова, что «мощное присутствие автора на каждой странице» подавляет персонажей – объектов его насмешки, создавая сильнейший «контраст между перегруженным стилем Льюиса и их неприкрытой подражательностью» [Gašiorek 2004: 68]. И часто фрагменты повествования находятся скорее в «магнитном поле» сознания того или иного персонажа [Edwards

2015: 221], чем соотносятся с ним напрямую. Несмотря на это, проза Льюиса представляет собой повествовательно сложноорганизованную систему разных голосов и сознаний, а не манифестацию единой «авторской» точки зрения, что становится очевидным в более традиционных поздних романах писателя и верно, однако, и в отношении романов, написанных до 1937 г.

Вряд ли следует отдельно оговаривать перспективность дальнейшего исследования идейных и интертекстуальных связей литературы и живописи Льюиса с английским и европейским модернизмом (см.: [Brown 1990; Klein 1994; Head 1997; Paraskeva 2013; Bru 2016]). Помимо традиционного англо-американского контекста, в новейших работах затрагивается, например, рецепция Льюисом испанской и русской культуры (см.: [Munton 2008; Head 2012]). Исследования влияний и взаимодействия традиций могут быть продуктивно продолжены в сравнительно-типологическом ключе.

***

На проходившем в галерее Тейт в июле 2011 г. симпозиуме по вортицизму известный искусствовед и автор первой монографии об этом движении Р. Корк вспоминал, как он впервые решил заняться творчеством Льюиса и пришел в библиотеку Кембриджского университета в конце 1960-х гг. с просьбой принести все, что есть по этому автору. Когда через некоторое время служащий вернулся не со стопкой книг, а с тележкой, наполненной доверху, Корк испытал изумление, вероятно, сходное с тем, что почувствует российский исследователь, открывающий для себя сегодня этого долгое время забытого писателя. Между тем неизвестность Льюиса в России представляет для отечественного исследователя не только затруднение, но и преимущество.

В 1979 г. Джеймисон сравнил романы Льюиса с допотопными тварями из «Затерянного мира» А. Конан-Дойля, подчеркивая таким образом, что в текстах художника читатель может «как из «капсулы времени» еще раз почувствовать свежесть и ядовитость модернистского стиля, все менее заметные в поблекших текстах его современников» [Jameson 1979: 3]. Двадцать пять лет спустя С. Кляйн охарактеризовал крупнейший роман писателя «Обезьяны Бога» как «массивный и непостижимый фолиант, погребенный на равнинах модернизма, подобно фрагменту литературного Стоунхенджа» [Klein 1994: 22]. Сегодня такие характеристики уже вряд ли уместны, поскольку за рубежом Льюис все прочнее входит в курс истории английской литературы и модернизма в частности (см.: [Gąsiorek 2015]). Российский исследователь, впервые сталкивающийся с

творчеством Льюиса, по-прежнему способен ощутить всю новизну и силу воздействия литературы и живописи Льюиса и бросить на него беспристрастный взгляд. Именно к такому открытию писателя и художника приглашает эта статья.

Список литературы

Жуматова С. С. Концепция личности в творчестве П. У. Льюиса: от художника к человеку: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 201 с.

Кабанова И. В. Английский роман тридцатых годов XX века. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 99 с.

Красавченко Т. Н. Английская литературная критика XX века. М.: РАН ИНИОН, 1994. 282 с.

Туляков Д. С. Уиндем Льюис – критик модернизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. Вып. 5(37). С. 172–184.

Ayers D. Lewis's Cultural Criticism // *The Cambridge Companion to Wyndham Lewis* / ed. by T. Miller. N. Y.: Cambridge University Press, 2016. P. 125–135.

Brown D. Intertextual Dynamics Within the Literary Group – Joyce, Lewis, Pound and Eliot: The Men of 1914. Basingstoke: Macmillan, 1990. 227 p.

Bru S. Lewis and the European Avant-Gardes // *The Cambridge Companion to Wyndham Lewis* / ed. by T. Miller. N. Y.: Cambridge University Press, 2016. P. 1–18.

Burstein J. Cold Modernism: Literature, Fashion, Art. University Park: Pennsylvania State University Press, 2012. 321 p.

Campbell S. The Enemy Opposite: The Outlaw Criticism of Wyndham Lewis. Athens: Ohio University Press, 1988. 230 p.

Dasenbrock R. W. The Literary Vorticism of Ezra Pound and Wyndham Lewis: Towards the Condition of Painting. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985. 271 p.

Dorment R. Wyndham Lewis: A Monster – and a Master of Portrait Painting // *The Telegraph*. 08.04.2008. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/culturereviews/3555970/Wyndham-Lewis-a-monster-and-a-master-of-portrait-painting.html> (дата обращения: 01.09.2016).

Edwards P. Legacy // *Wyndham Lewis: A Critical Guide* / ed. by A. Gąsiorek, N. Waddell. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. P. 219–233.

Edwards P. Wyndham Lewis: Painter and Writer. New Haven: Yale University Press, 2000. 583 p.

Eliot T. S. A Note on «Monstre Gai» // *Hudson Review*. 1955. Vol. 7, № 4. P. 522–526.

Eliot T. S. The Complete Prose of T. S. Eliot: The Critical Edition: Apprentice Years, 1905–1918 / ed. by J. S. Brooker, R. Schuchard. Baltimore: The

- Johns Hopkins University Press and Faber & Faber Ltd, 2014. URL: <https://muse.jhu.edu/book/32733> (дата обращения: 01.09.2016).
- Farley D. G.* Modernist Travel Writing: Intellectuals Abroad. Columbia: University of Missouri Press, 2010. 236 p.
- Gąsiorek A.* A History of Modernist Literature. Chichester: Wiley-Blackwell, 2015. 596 p.
- Gąsiorek A.* Wyndham Lewis and Modernism. Tavistock: Northcote House, 2004. 160 p.
- Head P.* The Transfiguration of “Russian” Lewis // *The Journal of Wyndham Lewis Studies*. 2012. № 3. P. 93–122.
- Head P.* Vorticist Antecedents. Ware: The Wyndham Lewis Society, 1997. 19 p.
- Huyssen A.* After the Great Divide: Modernism, Mass Culture, Postmodernism. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 244 p.
- Jailant L.* Rewriting «Tarr» Ten Years Later: Wyndham Lewis, the Phoenix Library, and the Domestication of Modernism // *The Journal of Wyndham Lewis Studies*. 2014. № 5. P. 1–30.
- Jameson F.* Fables of Aggression: Wyndham Lewis, the Modernist as Fascist. Berkeley: University of California Press, 1979. 190 p.
- Kenner H.* The Visual World of Wyndham Lewis // *Michel W.* Wyndham Lewis: Paintings and Drawings. L.: Thames and Hudson, 1971. P. 9–40.
- Kenner H.* Wyndham Lewis. Norfolk: New Directions, 1954. 169 p.
- Klein S. W.* A Chronology of Wyndham Lewis // *Lewis W. Tarr* / ed. by S. W. Klein. N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. xxxvii–xl.
- Klein S. W.* The Fictions of James Joyce and Wyndham Lewis: Monsters of Nature and Design. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 260 p.
- Kush T.* Wyndham Lewis’s Pictorial Integer. Ann Arbor: UMI Research Press, 1981. 172 p.
- Lewis W.* Rude Assignment: An Intellectual Autobiography / ed. by T. Foshay. Santa Barbara: Black Sparrow Press, 1984. 311 p.
- Lewis W.* Blasting and Bombardiering. L.: Eyre & Spottiswoode, 1937.
- Mao D., Walowitz R. L.* The New Modernist Studies // *PMLA*. 2008. Vol. 123, № 3. P. 737–748.
- Meyers J.* The Enemy: A Biography of Wyndham Lewis. L.: Routledge & Kegan Paul, 1980. 391 p.
- Munton A.* The Politics of Wyndham Lewis // *PN Review*. 1976. Vol. 4, № 1. P. 34–39. URL: http://www.pnreview.co.uk/cgi-bin/scribe?item_id=7909 (дата обращения: 01.09.2016).
- Munton A.* Wyndham Lewis and the Meanings of Spain // *Journal of English Studies*. 2008. № 5–6. P. 245–258.
- Munton A.* Wyndham Lewis Our Contemporary // *Wyndham Lewis the Radical: Essays on Literature and Modernity* / ed. by C. C. Jaime. Bern: Peter Lang, 2007. P. 7–19.
- Murphet J.* Lewis and Media // *The Cambridge Companion to Wyndham Lewis* / ed. by T. Miller. N. Y.: Cambridge University Press, 2016. P. 148–159.
- Murphet J.* Multimedia Modernism: Literature and the Anglo-American Avant-Garde. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 220 p.
- O’Keeffe P.* Some Sort of Genius: A Life of Wyndham Lewis. L.: Jonathan Cape, 2000. 697 p.
- Paraskeva A.* The Speech-Gesture Complex. Modernism, Theatre, Cinema. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 256 p.
- Parsons D.* Remembrance/Reconstruction: Autobiography and the Men of 1914 // *London, Modernism, and 1914* / ed. by M. Walsh. Cambridge: Cambridge University Press. P. 196–213.
- Phillips I.* Penmen and Brushmen: The Remediation of Word and Image in the Work of Wyndham Lewis and David Jones // *Word and Image*. 2008. Vol. 24, № 1. P. 103–114.
- Pound E.* Literary Essays of Ezra Pound / ed. by T. S. Eliot. Norfolk: New Directions, 1954. 464 p.
- Rainey L.* Institutions of Modernism: Literary Elites and Public Culture. New Haven: Yale University Press, 1998. 227 p.
- Reynolds P.* «Chaos Invading Concept»: Blast as a Native Theory of Promotional Culture // *Twentieth Century Literature*. 2000. Vol. 46, № 2. P. 238–268.
- Siraganian L.* Modernism’s Other Work: The Art Object’s Political Life. N. Y.: Oxford University Press, 2011. 259 p.
- The Cambridge Companion to Wyndham Lewis* / ed. by T. Miller. N. Y.: Cambridge University Press, 2016. 182 p.
- Tiessen P.* «A New Year One»: Film as Metaphor in the Writings of Wyndham Lewis // *Words and Moving Images: Essays on Verbal and Visual Expression in Film and Television* / ed. by W. C. Wees, M. Dorland. Montreal: Mediatexte, 1984. P. 153–169.
- Tuma K.* Wyndham Lewis, Blast and Popular Culture // *ELH*. 1987. Vol. 54, № 1. P. 403–419.
- Williams R.* The Politics of Modernism: Against the New Conformists. L.: Verso, 1989. 208 p.
- Wollaeger M.* Modernism, Media, and Propaganda: British Narrative from 1900 to 1945. Princeton: Princeton University Press, 2006. 335 p.
- Wyndham Lewis (1882–1957)*. Madrid: Fundación Juan March, 2010. 404 p.
- Wyndham Lewis: A Critical Guide* / ed. by A. Gąsiorek, N. Waddell. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 239 p.

References

Zhumatova S. S. *Kontseptsija lichnosti v tvorchestve P. U. Lyuisa: ot khudozhnika k cheloveku*. Diss. kand. filol. nauk [The Concept of the Self in

- P. W. Lewis's Oeuvre: from the Artist to a Human. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 201 p.
- Kabanova I. V. *Angliyskiy roman tridtsatykh godov XX veka* [The English Novel of the 1930s]. Saratov, Saratov University Publ., 1999. 99 p.
- Krasavchenko T. N. *Angliyskaya literaturnaya kritika XX veka* [English Literary Criticism of the 20th Century]. Moscow, RAN INION Publ., 1994. 282 p.
- Tulyakov D. S. Wyndham Lewis – kritik modernizma [Wyndham Lewis as a Critic of Modernism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology]. 2012. Iss. 5 (37). P. 172–184.
- Ayers D. Lewis's Cultural Criticism. *The Cambridge Companion to Wyndham Lewis*. Ed. by T. Miller. New York, Cambridge University Press, 2016. P. 125–135.
- Brown D. *Intertextual Dynamics Within the Literary Group – Joyce, Lewis, Pound and Eliot: The Men of 1914*. Basingstoke, Macmillan, 1990. 227 p.
- Bru S. Lewis and the European Avant-Gardes. *The Cambridge Companion to Wyndham Lewis*. Ed. by T. Miller. New York, Cambridge University Press, 2016. P. 1–18.
- Burstein J. *Cold Modernism: Literature, Fashion, Art*. University Park, Pennsylvania State University Press, 2012. 321 p.
- Campbell S. *The Enemy Opposite: The Outlaw Criticism of Wyndham Lewis*. Athens, Ohio University Press, 1988. 230 p.
- Dasenbrock R. W. *The Literary Vorticism of Ezra Pound and Wyndham Lewis: Towards the Condition of Painting*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1985. 271 p.
- Dorment R. Wyndham Lewis: A Monster – and a Master of Portrait Painting. *The Telegraph*. 08.04.2008. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/culture/culturereviews/3555970/Wyndham-Lewis-a-monster-and-a-master-of-portrait-painting.html>. (accessed 01.09.2016).
- Edwards P. Legacy. *Wyndham Lewis: A Critical Guide*. Ed. by A. Gąsiorek, N. Waddell. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2015. P. 219–233.
- Edwards P. *Wyndham Lewis: Painter and Writer*. New Haven, Yale University Press, 2000. 583 p.
- Eliot T. S. A Note on «Monstre Gai». *Hudson Review*. 2005. Vol. 7. No. 4. P. 522–526.
- Eliot T. S. *The Complete Prose of T. S. Eliot: The Critical Edition: Apprentice Years, 1905–1918*. Ed. by J. S. Brooker, R. Schuchard. Baltimore, Johns Hopkins University Press and Faber & Faber Ltd, 2014. Available at: <https://muse.jhu.edu/book/32733> (accessed 01.09.2016).
- Farley D. G. *Modernist Travel Writing: Intellectuals Abroad*. Columbia, University of Missouri Press, 2010. 236 p.
- Gąsiorek A. *A History of Modernist Literature*. Chichester, Wiley-Blackwell, 2015. 596 p.
- Gąsiorek A. *Wyndham Lewis and Modernism*. Tavistock, Northcote House, 2004. 160 p.
- Head P. The Transfiguration of “Russian” Lewis. *The Journal of Wyndham Lewis Studies*. 2012. No. 3. P. 93–122.
- Head P. *Vorticist Antecedents*. Ware, The Wyndham Lewis Society, 1997. 19 p.
- Huysen A. *After the Great Divide: Modernism, Mass Culture, Postmodernism*. Bloomington, Indiana University Press, 1986. 244 p.
- Jaillant L. Rewriting «Tarr» Ten Years Later: Wyndham Lewis, the Phoenix Library, and the Domestication of Modernism. *The Journal of Wyndham Lewis Studies*. 2014. No. 5. P. 1–30.
- Jameson F. *Fables of Aggression: Wyndham Lewis, the Modernist as Fascist*. Berkeley, University of California Press, 1979. 190 p.
- Kenner H. The Visual World of Wyndham Lewis. *Wyndham Lewis: Paintings and Drawings*. By W. Michel. London, Thames and Hudson, 1971. P. 9–40.
- Kenner H. *Wyndham Lewis*. Norfolk, New Directions, 1954. 169 p.
- Klein S. W. A Chronology of Wyndham Lewis. *Tarr*. By W. Lewis. New York, Oxford University Press, 2010. P. xxxvii–xl.
- Klein S. W. *The Fictions of James Joyce and Wyndham Lewis: Monsters of Nature and Design*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 260 p.
- Kush T. *Wyndham Lewis's Pictorial Integer*. Ann Arbor, UMI Research Press, 1981. 172 p.
- Lewis W. *Rude Assignment: An Intellectual Autobiography*. Ed. by T. Foshay. Santa Barbara, Black Sparrow Press, 1984. 311 p.
- Lewis W. *Blasting and Bombardiering*. L., Eyre & Spottiswoode, 1937.
- Mao D., Walowitz R. L. The New Modernist Studies. *PMLA*. 2008. Vol. 123. No. 3. P. 737–748.
- Meyers J. *The Enemy: A Biography of Wyndham Lewis*. L., Routledge & Kegan Paul, 1980. 391 p.
- Munton A. The Politics of Wyndham Lewis. *PN Review*. 1976. Vol. 4. No. 1. P. 34–39. Available at: http://www.pnreview.co.uk/cgi-bin/subscribe?item_id=7909 (accessed 01.09.2016).
- Munton A. Wyndham Lewis and the Meanings of Spain. *Journal of English Studies*. 2008. No. 5–6. P. 245–258.
- Munton A. Wyndham Lewis Our Contemporary. *Wyndham Lewis the Radical: Essays on Literature and Modernity*. Ed. by C. C. Jaime. Bern, Peter Lang, 2007. P. 7–19.
- Murphet J. Lewis and Media. *The Cambridge Companion to Wyndham Lewis*. Ed. by T. Miller. New York, Cambridge University Press, 2016. P. 148–159.

- Murphet J. *Multimedia Modernism: Literature and the Anglo-American Avant-Garde*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 220 p.
- O’Keeffe P. *Some Sort of Genius: A Life of Wyndham Lewis*. London, Jonathan Cape, 2000. 697 p.
- Paraskeva A. *The Speech-Gesture Complex. Modernism, Theatre, Cinema*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2013. 256 p.
- Parsons D. Remembrance/Reconstruction: Autobiography and the Men of 1914. *London, Modernism, and 1914*. Ed. by M. Walsh. Cambridge, Cambridge University Press. P. 196–213.
- Phillips I. Penmen and Brushmen: The Remediation of Word and Image in the Work of Wyndham Lewis and David Jones. *Word and Image*. 2008. Vol. 24. No. 1. P. 103–114.
- Pound E. *Literary Essays of Ezra Pound*. Ed. by T. S. Eliot. Norfolk, New Directions, 1954. 464 p.
- Rainey L. *Institutions of Modernism: Literary Elites and Public Culture*. New Haven, Yale University Press, 1998. 227 p.
- Reynolds P. «Chaos Invading Concept»: Blast as a Native Theory of Promotional Culture. *Twentieth Century Literature*. 2000. Vol. 46. No. 2. P. 238–268.
- Siraganian L. *Modernism’s Other Work: The Art Object’s Political Life*. New York, Oxford University Press, 2011. 259 p.
- The Cambridge Companion to Wyndham Lewis*. Ed. by T. Miller. New York, Cambridge University Press, 2016. 182 p.
- Tiessen P. «A New Year One»: Film as Metaphor in the Writings of Wyndham Lewis. *Words and Moving Images: Essays on Verbal and Visual Expression in Film and Television*. Ed. by W. C. Wees, M. Dorland. Montreal, Mediatexte, 1984. P. 153–169.
- Tuma K. Wyndham Lewis, Blast, and Popular Culture. *ELH*. 1987. Vol. 54, No. 1. P. 403–419.
- Williams R. *The Politics of Modernism: Against the New Conformists*. London, Verso, 1989. 208 p.
- Wollaeger M. *Modernism, Media, and Propaganda: British Narrative from 1900 to 1945*. Princeton, Princeton University Press, 2006. 335 p.
- Wyndham Lewis (1882–1957)*. Madrid, Fundación Juan March, 2010. 404 p.
- Wyndham Lewis: A Critical Guide*. Ed. by A. Gąsiorek, N. Waddell. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2015. 239 p.

WYNDHAM LEWIS: LEGACY, CRITICISM, RESEARCH PROSPECTS

Dmitriy S. Tulyakov

Associate Professor in the Department of Foreign Languages
National Research University Higher School of Economics (Perm)

The article offers a review of the oeuvre of a little-known English writer, artist, and critic Wyndham Lewis; the reasons why disregard for his works has given place to increasing attention from scholars are analyzed; the key trends in the vast criticism concerning Lewis are presented; the most promising directions for future research are proposed. Lewis’s marginal position in literary history, which can be explained by his stance as «the Enemy» of all dominant movements in both popular and highbrow cultures and by a number of compromising political statements, has been reconsidered in recent decades in connection with the expansion of modernist studies and the adequacy of Lewis’s legacy to the interests of «New Modernist Studies». In Lewis studies, attention to the positive content behind the author’s aggressive pose and authoritative beliefs has given way to a renewed interest in the formal features of his style and to posthumanist interpretations. The most promising approaches to Lewis seem to be the intermedial and narratological ones, as well as those which are aimed at further placement of Lewis’s oeuvre into the context of European modernism.

Key words: Wyndham Lewis; English literature; modernism; literary criticism; intermediality; narratology.

УДК 82-1

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-142-149

МАРИНА ЦВЕТАЕВА – КАРОЛИНА ПАВЛОВА. ДИАЛОГ О ТАЙНАХ РЕМЕСЛА

Марина Владимировна Цветкова

д. филол. н., профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12. mtsvetkova@hse.ru

Статья представляет собой сравнительное изучение творчества двух русских поэтов Марины Цветаевой и Каролины Павловой с точки зрения параллелей в их взглядах на роль поэта, его судьбу и суть творческого процесса. Анализ обнаруживает многочисленные эксплицитные и имплицитные переключки в цветаевских стихотворениях и эссе с творчеством предшественницы в отношении к занятию поэзией как к «серьезному» мужскому труду, ремеслу; в видении поэта как избранника, существа, не принадлежащего «миру сему»; представлении о здешнем земном мире как исполненном низости и пошлости, как о тюрьме для творческой индивидуальности. Оба поэта трактуют поэтический дар как обостренную способность чувствовать, способность к яснослышанию и ясновидению и, следовательно, как проклятие, поскольку превращает творца в отверженного. И у Цветаевой, и у Павловой важную роль играют мотивы сна как специального творческого состояния; ночи как специально творческого времени; полета и крыльев как особой характеристики поэтической души.

Ключевые слова: Марина Цветаева; Каролина Павлова; поэт и творчество как предмет поэзии; русская поэзия; русские поэты-женщины.

Знакомство Марины Цветаевой с творчеством Каролины Павловой, по-видимому, относится к 1915 г., когда В. Брюсов выпустил двухтомник ее произведений, возродив таким образом интерес к самой фигуре Павловой и к ее стихам [Павлова 1915]. Хотя существует мнение, что Цветаева заинтересовалась творчеством Павловой раньше. Так, Томас Венцлова полагает, что Цветаева могла познакомиться с двухтомником Павловой уже в 1914 г., пока он был еще в работе [Venclova 2001: 188]. С. Полякова связывает увлечение Цветаевой поэзией Каролины Павловой с ее знакомством с Софией Парнок, которое тоже произошло в 1914 г. [Полякова 1983]. Ученые, занимавшиеся исследованием творчества Марины Цветаевой, естественно, не смогли обойти стороной вопрос о переключках, существующих в ее поэзии с поэзией Каролины Павловой.

В статье 2001 г. «Почти сто лет назад: к сравнению Каролины Павловой и Марины Цветаевой» [Venclova 2001: 188] Т. Венцлова, щедро наметив множественные параллели между двумя поэтами сразу в трех областях: биографии, мировосприятии и поэтике, указал своим последователям на огромную почти не исследованную до-

селе область, которую только предстоит разработать. Область эта настолько обширна, что автор настоящей статьи вынужден ограничиться рамками темы поэта и поэзии.

Отдельного внимания заслуживают совпадения в творчестве двух поэтов на уровне формы, которые связаны прежде всего с их смелым экспериментаторством в этой области и обнаруживают себя в строфике, неожиданных экспериментальных рифмах, ритмических инновациях, густоте аллитераций, паронимической аттракции, смешении риторической и разговорной интонации, высокого стиля с низким, оксюморонной образности. Однако совпадения эти лишь косвенно имеют отношение к теме поэта и поэзии и настолько обильны и множественны, что могут стать предметом специального разговора.

Решение сосредоточиться на теме поэта и поэзии продиктовано тем, что именно в сфере видения двумя авторами судьбы поэта, и прежде всего поэта-женщины, сути творчества, природы поэтического дара совпадения оказываются особенно очевидными, убедительно подчеркивая глубину и силу влияния Каролины Павловой на Марину Цветаеву. Вместе с тем серьезные рас-

хождения, обнаруживаемые при пристальном изучении трактовки перечисленных проблем, «высвечивают» самобытность художественных миров двух поэтов.

На обилие переключек в подходах Марины Цветаевой и Каролины Павловой к теме поэта и поэзии указывали Т. Венцлова, А. Пессина Лонго, однако достаточной разработки она так и не получила. Пессина Лонго выделяет три основные темы, которые сближают, по ее мнению, творчество двух женщин-поэтов: «так называемая двойная жизнь – быт и бытие, <...> поэт и его святое ремесло, любовная страсть» [Пессина Лонго 2001: 116]. Исследовательница только слегка касается темы «поэт и его святое ремесло», объясняя это наличием «многочисленных совпадений и существующих все-таки различий между двумя поэтами» [Пессина Лонго 2001: 118], которые невозможно раскрыть в рамках короткой статьи.

В настоящей статье выделенная Пессина Лонго отдельно тема «быта и бытия» будет рассматриваться как составная часть темы «поэта и поэзии», поскольку как в творчестве Цветаевой, так и в творчестве Павловой разграничить их вряд ли возможно: двойную жизнь обеим приходится вести именно оттого, что они наделены творческим даром. Обе женщины плохо «вписывались» в свой век, образом мысли, манерой поведения и чувствования поставив себя вне времени и пространства. Обе остро ощущали, что поэтический дар делает их чуждыми «миру сему»:

Когда он [поэт], гражданин иного мира,
Ликующий вздымает к небу взгляд,
Когда к земле, обиженной и сирой,
К людской семье мечты его летят,
Когда его одно презренье гложет
К тому, чем вы живете без стыда, –
Надменный стих поймете вы, быть может,
А может, не поймете никогда. [Павлова 1964: 535]

У Павловой этот здешний мир являет собой, прежде всего, светское общество, с его пустотой и легковесностью: «Туда, где суетно и шумно, // Я не несу мечту свою, // Перед толпой благодарно // Свои волнения таю» [там же: 93]; «Да не внесу я правды возмущенье // В их царство лжи; // Да не отдам даяния святого // В игрушку им» [там же: 174].

У Цветаевой «здесьшний» мир ассоциируется с трагическим веком, в который ей выпало жить: «Век мой – яд мой, век мой – вред мой, // Век мой – враг мой, // век мой – ад» [Цветаева 1997в: 319], и с мещанским бытом с его «пошлиной бессмертной пошлости» [там же: 242]¹.

Таким образом, романтическая трактовка темы «поэт и толпа», отличающая творчество Каролины Павловой: «Заглушишь ты дум отзвывы, //

И не дашь безумцам ты // Толковать твои порывы // Клеветать твои мечты» [Павлова 1964: 80], совершенно закономерно трансформируется у Цветаевой в характерную для ее времени вариацию этой темы «поэт и мещане»:

Квиты: вами я объедена,
Мною живописаны.
Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный <...>
Каплуном-то вместо голубя
– Порох! Душа – при вскрытии.
А меня положат – голуу:
Два крыла прикрытием. [Цветаева 1997в: 314]

Обеим женщинам, «ребром и промыслом» певчим, нет места в мире, «где наичернейший – сер!», «где вдохновенье хранят, как в термосе!», «где насморком назван – плачь!» [там же: 185–186]. Поэтому обе чувствуют себя отверженными. «Поэты мы – и в рифму с париями», – пишет Цветаева в стихотворении «Есть в мире лишние, добавочные ...» [там же: 185] и сравнивает себя с шутком в стихотворении «Роландов рог»: «Как нежный шут о злом своем уродстве, // Я повествую о своем сиротстве...» [там же: 1997в: 10]. Судьбой ей назначено быть одинокой и «драться, // Под свист глупца и мещанина смех – // Одна из всех – за всех – противу всех!» [там же]².

У Павловой образ отвергнутого певца более романтически-возвышенный: «Гость ненужный в мире этом // Неизвестный соловей» [Павлова 1964: 82]. В стихотворении «Стансы» она называет поэта «гражданином иного мира», высокие устремления которого не могут быть поняты толпой:

Когда один в ночи поэт мечтает
И молнией сверкает взор живой,
Когда внезапно с уст его слетает
Кипящих рифм неустойчивый строй,
Когда талант мечте взлететь поможет
Над тем, что здесь презренно навсегда, –
Его порыв поймете вы, быть может,
А может, не поймете никогда. [Там же: 535]

Творческий дар и Павловой, и Цветаевой осмысливается амбивалентно как благословение и как проклятие: «Моя напасть, мое богатство, // Мое святое ремесло» [Павлова 1964: 154]; «Горьких мук благословенье, // Жертв высоких благодать» [там же: 164]; ср.: «Сердцу ад и алтарь, Сердцу – рай и позор» [Цветаева 1997б: 105].

Написанный на французском языке цикл К. Павловой «Жанна Д'Арк» наводит на мысль о схожести судьбы женщины-поэта в XIX в. с судьбой средневековой крестьянки, получившей дар слышать голоса и видеть образы небесного мира. Слова, сказанные о Жанне Д'Арк, невольно прочитываются как горькие раздумья о судьбе поэта:

О жертва юная! Несчастье над тобою!
Ведь отвернутся все от избранной судьбою,
Затем что ужасом и тайной ты полна,
Что ты уже теперь у страшных сил во власти,
Что вне ошибок ты, сомнения иль страсти.
Несчастью ты обречена!
Бог окружил тебя горящим ореолом,
И он уста твои зажжет великим словом,
И устрасит тебя твой собственный обет.
Несчастье над тобой, <...>,
Так слушай тот приказ, внимай без возраженья,
Неси свой тяжкий крест, о нежное творенье,
Пускай твой будет дух и тверд, и глух к мольбе,
От счастья отрекись, душа пусть грез не знает,
Все позабудь, покинь! Господь к тебе зовет!
Указан славы день тебе. [Павлова 1964: 537]

Если предположить, что за взволнованными рассуждениями о французской героине скрываются пророческие размышления о собственной судьбе, то, о чем Каролина Павлова не решалась писать напрямую, то в процитированном отрывке уже было предчувствием цветаевской трактовки судьбы поэта. Тут и «obsession», и «possession» стихиями [Цветаева 1997д: 44], и способность слышать голоса стихий и «сновидеть» как отличительная черта творца [Цветаева 1997д: 24–52], и понимание песенного дара как крестной муки (цикл «Стол», где образ стола вырастает в образ креста, к которому пригвождена лирическая героиня).

Еще более удивительное «предвидение» цветаевской трактовки поэтического дара, представленной и в эссе «Искусство при свете совести», и в поэме «На Красном Коне», носит одна из стихотворных вставок романа Павловой «Двойная жизнь»:

Оставь меня, о строгий гений!
Ты всё печальней и мрачней;
Боюсь твоих я откровений,
Любви безжалостной твоей.
Пускай к вседневной, пошлой доле
Свою я душу приучу:
Я не хочу предвидеть боле,
Я боле ведать не хочу!
Зачем напрасно рвешь от мира
Немую узницу его
И без земного жить кумира
Земное учишь существо? [Павлова 1964: 287]

Именно слово «Гений» использовала Цветаева, когда писала о вдохновении, творческом даре; в поэме «На Красном Коне» – это всадник в огненном плаще, со «светлорусыми крыльями» [Цветаева 1997г: 16], который одновременно напоминает и лермонтовского Демона, и жениха-призрака из средневековых преданий, и смерть (в европейском фольклоре она мужского рода), и самого Люцифера. Цветаевский Гений тоже жесток к лирической героине. Он требует от нее

отказа от всех человеческих привязанностей. Девочкой заставляет разбить любимую куклу, девушкой убить возлюбленного, женщиной – сына, а когда она идет на него войной, наносит ей смертельную рану и шепчет: «Такой я тебя желал! //...Такой я тебя избрал, // Дитя моей страсти – сестра – брат – // Невеста во льду – лат!» [Цветаева 1997д: 23].

Хотя речь в очерке Павловой идет не о чувствах поэта, но о чувствах женщины, чей внутренний мир намного богаче того, что может предложить ей жизнь, автор явно проецирует ее судьбу на себя:

Вас всех, Психей, лишенных крылий.
Немых сестер моей души!
Дай бог и вам, семье безвестной,
Средь грешной лжи хоть сон святой,
В неволе жизни этой тесной
Хоть взрыв мгновенный жизни той.
[Павлова 1964: 231]

Именно более тонкое устройство души, чем у обычных людей, которое, собственно, и является основой творческого дара, заставляет лирических героинь обоих поэтов вести «двойную жизнь». В этом смысле название очерка Каролины Павловой – знаковое, в нем мечтаний «сон святой» противопоставлен «грешной лжи», «пошлой доле» повседневности. Отсюда общая для Цветаевой и Павловой тема сна и сновидения как творческого состояния, а также тема ночи как специального «поэтического» времени, когда обычные люди спят: «Увы! справляюсь я с собою; // Живу с другими наравне; // Но жизнью чудною, иною // Нельзя не бредить мне во сне» [Павлова 1964: 152], – признается К. Павлова. Более развернуто этот образ представлен у нее в уже цитированных выше «Стансах».

Цветаева само состояние творчества уподобляет состоянию сновидения: «В час мой бессонный, совиный...» [Цветаева 1997в: 17], когда спящий «вдруг, повинувшись неизвестной необходимости» [Цветаева 1997д: 44] совершает дурные поступки, когда запреты, довлеющие над человеком в повседневной жизни, сняты. В результате творчество предстает у нее как поступок «на полной свободе, поступок тебя без совести, тебя – природы» [там же: 45]. Ночь для Цветаевой – это «час души» – так называет она цикл из трех стихотворений, объединенных этим общим образом, где ночь представлена как час «гигантского шага души», час, когда душа «вершит миры», когда «Всё вещи сорвались с пазов, // Всё сокровенья – с уст». Этот час, «как час ножа. // Дитя, и нож сей – благ» [Цветаева 1997в: 211–212]. Похожий образ появляется и в стихотворении «Ночь»:

Хлынула ночь! (Слуховых верховий
 Час: когда в уши нам мир – как в очи!)
 Зримости сдернутая завеса!
 Времени явственнее затишье!
 Час, когда ухо разъяв, как веко,
 Больше не весим, не дышим: слышим.
 [Цветаева 1997в: 198]

С образом ночи у Цветаевой тесно связан персонифицированный образ Бессонницы, которой посвящен целый цикл стихов о творчестве и которая замещает у Цветаевой образ Музы. «Обвела мне глаза кольцом // Теневым – бессонница. // Оплела мне глаза бессонница // Теневым венцом. // То-то же! По ночам // Не молись – идолам! // Я твою тайну выдала, // Идолопоклонница!» [Цветаева 1997а: 280].

Что касается Музы, то творчество у Цветаевой практически никогда не ассоциируется с ней: по-видимому, этот образ слишком связан для нее с устоявшейся традицией, трактующей вдохновение как прекрасный, божественный, святой дар. Ее вдохновение замешано на «лютой» страсти: «Не Муза, не Муза, – не бранные узы // Родства, – не твои пути, – // О Дружба! – Не женской рукой, – лютый, // Затянут на мне –// Узел» [Цветаева 1997г: 23].

Любопытно, что образ Музы не характерен и для творчества К. Павловой. Оба автора делают специальный акцент на том, что поэзия – тяжелый труд, связывая ее с весьма «приземленными» образами: «Труд ежедневный, труд упорный! <...> // Неумолимо и сурово // По сердца области всё снова, // Как тяжкий плуг, проходишь ты» [Павлова 1964: 222]. У Цветаевой в цикле «Стол», где тяготы творчества передаются через целый каскад метафор, тоже есть сравнение поэтического труда с пахотой: «Ты – стоя, в упор, я – спину // Согнувши – пиши! пиши! – // Которую десятину // Вспахали, версту – прошли» [Цветаева 1997в: 312].

В то же время Каролина Павлова в уже цитированном выше стихотворении «Была та с нами неразлучна» определила творчество как «святое ремесло» [Павлова 1964: 154], подчеркнув тем самым, что видит в нем сопряжение земного и небесного. Эта парадоксальная формулировка произвела сильное впечатление на многих поэтов Серебряного века. Ахматова назвала цикл стихотворений «Тайны ремесла» и предварила его эпиграфом из Павловой. Брюсов напрямую сослался на те же строчки, назвав один из своих циклов «Святое ремесло» и тоже предпослав ему в качестве эпиграфа строки Павловой «Моя напасть! Мое богатство! // Мое святое ремесло!..». Цветаева дала своему сборнику 1923 г. название «Ремесло». В одном из писем к Бахраху она так разъясняет его смысл: «А что за «Ремес-

ло»? – Песенное, конечно» – и добавляет: «Есть у Каролины Павловой изумительная формула» [Цветаева 1997е: 230]. Далее Цветаева цитирует (явно наизусть, так как цитата не вполне точна): «О ты, чего и святотатство // Коснуться в храме не могло – // Моя напасть, мое богатство, // Мое святое ремесло» [там же].

Представляется, однако, что в цветаевском названии содержится не только отсылка к образу из стихотворения Каролины Павловой, но и полемика с ним. Суть этой полемики Цветаева раскрывает в эссе «Искусство при свете совести»: «Когда я при виде священника, монаха, даже сестры милосердия – неизменно – неодолимо! – опускаю глаза, я знаю, почему я их опускаю. Мой стыд при виде священника, монаха, даже сестры милосердия, мой стыд – вещь. – Вы делаете божеское дело. – Если мои вещи отрешают, просвещают, очищают – да, если обольщают – нет, и лучше бы мне камень повесили на шею. А как часто в одной и той же вещи, на одной и той же странице, в одной и той же строке и отрешают и обольщают. То же сомнительное пойло, что в котле колдуньи: чего только не навалено и не наварено!» [Цветаева 1997в: 40–41].

К. Павлова, напротив, постоянно подчеркивает, что искусство имеет святую природу. В стихотворении «Три души» она называет творческий дар «Святое вдохновение», причем его получение героиней рассматривается как Господня воля. Трактовка поэтического труда как тяжелой повседневной работы, ремесла у Каролины Павловой не вступает в противоречие с видением. В стихотворении «Мотылек» она называет поэта «сыном небес», уподобляет его мотыльку, который порхает «оживленным сапфиром», живет «не касаясь земли»:

Не то ли сбилось и с тобою?
 Не так ли, художник, и ты
 Был скован житейскою мглою,
 Был червем земной тесноты?³
 Средь грустного также бессилья
 Настал час урочный чудес:
 Внезапно расширил ты крылья,
 Узнал себя сыном небес.
 Покинь же земную обитель
 И участь прими мотылька;
 Свободный, как он, небожитель,
 На землю гляди с высоко! [Павлова 1964: 84]

Образы крыльев, полета в связи с темой творчества, которые мы встречаем у Павловой, – излюбленные образы поэзии Цветаевой. См., например, стихотворение «Выше! Выше! Лови – летчицу!», где душа поэта «Нереидою по – лощется, // Нереидою в ла – зурь! // Лира! Лира! Хвалынь – синяя! // Полыхание крыл – в скинии!» [Цветаева 1997в: 163].

Возникает в поэзии Цветаевой в связи с творчеством и образ бабочки, только он овеян совсем другими – трагическими переживаниями: «Душа – навстречу палачу // Как бабочка их хризалиды!» [Цветаева 1997в: 19]. Да и в целом искусство в художественном мире Цветаевой, в отличие от Павловой, обычно сопряжено с такими метафорическими образами, как чары, волшебство, чернокнижие, ведьмин котел и т. п. Для Цветаевой искусство – «не божеское дело»: «художественное творчество в иных случаях некая атрофия совести, больше скажу: необходимая атрофия совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть. Чтобы быть хорошим <...>, искусству пришлось бы отказаться от доброй половины всего себя» [Цветаева 1997д: 31].

Справедливости ради нужно отметить, что у Павловой в «Фантазмагориях» тоже можно встретить очень близкое рассуждение: «Художник – ведь это чудовище! Ночью загорелся город, дома валяются, люди гибнут, – он смотрит с восхищением, как пламя стоит красным столбом на черном небе; он бежит не спасать людей, а принести краски и кисти. Он слышит вопли – и шепчет стихи. Ей-богу, страшно подумать» [Павлова 1964: 374]⁴. Потому и Цветаева, и Павлова трактуют наличие творческого дара как беду: «Наградил меня Господь <...> // Даром певчим, даром слезным» [Цветаева 1997б: 90]; ср.: «Носить в душе безумный жар поэта // Себе самим и прочим на беду» [Павлова 1964: 148].

От этого «безумного жара поэта» Каролины Павловой уже рукой подать до «тайного жара» Марины Цветаевой, тем более что слово «тайный», как ясно видно из приведенных выше цитат, весьма частотно в творчестве Павловой. Фразу «тайный жар» Цветаева заимствовала у Блока и использовала как для обозначения творческого начала, так и для обозначения страсти, состояния постоянного внутреннего горения. Находиться в этом состоянии для нее – и значит жить. Таким образом, правомерно говорить о том, что «любовная страсть», выделенная А. Пессина Лонга как отдельная тема, где обнаруживаются сходства в творчестве Павловой и Цветаевой, по крайней мере, в случае с Цветаевой, может рассматриваться как еще одна грань темы поэта и поэзии⁵.

Отличительной особенностью поэзии К. Павловой является то, что в связи с творчеством в ней чаще, чем у Цветаевой, встречаются «светлые» ассоциации. Чудесный дар, способность слышать «голос неземной», прикасаться к «небесной тайне» иногда предстают в лирике К. Павловой как минуты счастья, которые, хотя бы отчасти, искупают муки «земной тесноты». «Ко-

гда душа полна небесной тайной, // А в сердце голос неземной поет, // Когда виденье дух его [поэта] тревожит <...>» [Павлова 1964: 535]; «В буре счастья и истомы // Звуки рвутся на простор, // Как весенний грохот грома // Над цветущим скатом гор» [Павлова 1964: 530]. В то же время у К. Павловой иногда возникают мысли о бессмысленности поэтического дара, которым наделил ее господь: «Знать, суждено иным уж свыше это, // И писано им, видно, на роду, // Предать свои бесценнейшие лета // Ненужному и глупому труду» [там же: 148]. Для Цветаевой такие мысли нехарактерны. Она не сомневается, что ее стихам «как драгоценным винам, // Настает свой черед» [Цветаева 1997а: 178].

Роднит Цветаеву и Павлову и то, что обе настаивали на именовании себя не поэтессой, а поэтом (в мужском роде), подчеркивая тем самым, что творчество для них не забава, не салонная игра, а серьезное, «мужское» занятие – ремесло. Настаивая на мужском роде слова «поэт» применительно к себе, Павлова и Цветаева, однако, позиционировали своих лирических героев по-разному. Лирическая героиня Цветаевой всегда обладает подчеркнуто женской сущностью, постоянно помнит о ней и напоминает об этом читателю: «Бог, не суди, ты не был женщиной на земле» [там же: 244]. Каролина Павлова, напротив, как будто стремится скрыть свою женскую природу, стесняется ее. В романе «Двойная жизнь» о судьбе женщины-поэта иронически сказано: «Она знала, что есть даже и женщины поэты; но это ей всегда было представляемо как самое жалкое, ненормальное состояние, как бедственная и опасная болезнь» [Павлова 1964: 249].

Среди ее стихов есть такие, где лирическим героем стихотворения оказывается мужчина. Причем если в стихотворении «Серенада» этот прием вполне оправдан тем, что жанрово стихотворение может «прочитываться» как «ролевая лирика» (термин Б. О. Кормана [Корман 1986: 49]), то в стихотворениях «Везде и всегда», «Песня» причину перепоручения слова лирическому герою-мужчине объяснить затруднительно. Имеются также стихотворения (например, И. С. Ак[сако]ву), которые построены таким образом, что угадать пол лирического героя невозможно.

Вместе с тем, как уже было отмечено, в художественном мире Павловой поэт и женщина уравниваются в их способности чувствовать, в отзывчивости тайнам небесной благодати. В стихотворении «Женские слезы» мотивы принадлежности иному миру, обреченности на непонимание, которыми обрастает здесь трактовка образа женщины, противопоставленной своей тон-

кой чувствительностью «земному», пошлому миру, совершенно эквивалентны мотивам, сопровождающим у Павловой тему поэта:

Что сердце женщин наполняет,
Вам никогда не испытать.
Пускай их души утешает
Небесной тайны благодать. <...>
Всё это – нежных душ напиток,
Небесной отсвет высоты,
И слезы женские – избыток
Рос, освежающих цветы.
Нежней в их горечи цветенье
Любви бессмертной, яркие сны,
И жизнь земная – оскорбленье
Цветов, что небом рождены.
[Павлова 1964: 539–540]

Пристальное параллельное прочтение корпуса поэтических текстов К. Павловой и М. Цветаевой убедительно демонстрирует, что «опора» на творчество Павловой носит у Цветаевой как осознанный, так и неосознанный характер. Томас Венцлова совершенно справедливо добавляет к этому, что часть переключек в творчестве двух поэтов имеет типологическое свойство и вызвана схожестью биографий, личностных особенностей и мировидения [Venclova 2001: 190–194], потому не всегда однозначно можно отграничить типологическое от генетического.

В трактовке темы поэта и поэзии Цветаеву и Павлову объединяют мотивы поэта как избранника, живущего двойной жизнью, поскольку он не принадлежит «миру сему»; ощущения здешнего мира как пошлого, тесного, как тюрьмы для привыкшей к полету души поэта; поэтического дара как умения обостренно чувствовать, «ясно слышать» и «провидеть»/«ведать», а следовательно, как беды, поскольку этот дар делает поэта парией среди обычных людей. Характерен для обоих авторов и мотив поэзии как серьезного «мужского» занятия, ремесла; а также мотивы сна как специального творческого состояния; ночи как специального времени для творчества; крылатости как отличительного качества поэтической души, полета.

Вместе с тем удалось обнаружить и некоторые различия в видении судьбы поэта и сути творческого дара, которые обусловлены, помимо индивидуальных особенностей мировосприятия, прежде всего различием эпох, в которые двум поэтам довелось жить. Специфической особенностью трактовки, характерной для К. Павловой, является то, что мотив непонятости и непризнанности творца тесно связан у нее с темой судьбы тонко чувствующей и мыслящей женщины в патриархальном обществе, каким была Россия XIX в., где женщине было отказано и в способности мыслить, и в праве на поэтиче-

ский дар. Специфичность трактовки темы поэта и поэзии в художественном мире Павловой проявляется и в том, что способность к творчеству даруется здесь светлыми, небесными силами, в то время как у Цветаевой эти силы названы «демоном», «стихией». У Павловой, в отличие от Цветаевой, поэтический дар, которым она отмечена, иногда (особенно с годами) представляется как напрасный, ненужный. Причину этого легко понять: она живет в то время, когда к женщине-поэту не относились серьезно. В художественном мире Цветаевой развит и возведен в ранг ключевого характерный для Павловой мотив жара, горения как творческого состояния. В то же время связанный с темой творчества мотив тайного брака (с Бессонницей, Ангелом/Гением из поэмы «На Красном Коне» и даже столом из цикла «Стол»), важный для творчества Цветаевой, у Каролины Павловой отсутствует.

Примечания

¹ Любопытно, что в цитированном выше стихотворении К. Павловой «Нет, не им твой дар священный!» свет подается через образ рынка: «Нет, ты с песнью вдохновенной // Не пойдешь на рынок их» [Павлова 1964: 80], так часто используемый Цветаевой в качестве метафоры мещанства и пошлости: «В жизнь, про которую знаем всё мы: // Сброд – рынок – барак», пишет она в «Поэме Горы» [Цветаева 1997г: 27]; соперницу в стихотворении «Попытка ревности» «земную женщину», «здешнюю», называет «товаром рыночным» [Цветаева 1997в: 242] и т. д.

² В. Лосская говорит в связи с этим о «комплексе Квазимодо», «культе неблагополучия», который, по ее мнению, типичен для романтического творчества [Лосская 1999: 206].

³ Ср.: у Цветаевой в поэме «На Красном Коне»: «В черноте рва // Лежу – а Восход светел» [Цветаева 1997а: 23].

⁴ Переключки в рассуждениях Павловой в «Фантасмагориях» и Цветаевой в «Искусстве при свете совести» вообще множественны. Ср.: «Идея преследует поэта и пристает к нему: дай мне воплощение, дай мне образ» [Павлова 1964: 374–375]. «Состояние творчества есть состояние наваждения. Пока не начал – obsession, пока не кончил – possession. Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель, не тебя, а того. Кто – он? То, что через тебя хочет быть» [Цветаева 1997д: 44]). А также: «А что ни говори – бедовое дело! Затрепещет душа, заблещет мысль, и кровь закипит; и шепчутся слова, сливаясь в стих. Это пир Фантазии, ее резвая потеха, ее радостная воля. И песнь стоит строками на бу-

маге <...>. Бедовое дело! А ведь не устоишь...» [Павлова 1964: 375–376]. Цветаева в «Искусстве при свете совести» транслирует похожее видение процесса творчества как захвата поэта стихиями: «Под бич бросаюся, как листва под луч, как листва под дождь. Не радость уроку, а радость удару. Чистая радость удару как таковому. Радость? Мало! Блаженство, равного которому во всей мировой поэзии нет. Блаженство полной отдачи стихии <...>» [Цветаева 1997д: 28]. Причем истинный поэт, по ее мнению, всегда узнается по тому, что он против зова стихий не может устоять: «кто и связанный бросится, кто и с воском в ушах услышит <...>» [Цветаева 1997д: 45].

⁵ Метафору «жара» как творческого состояния души Цветаева доводит в своем творчестве до абсолюта: ключевыми в ее трактовке темы поэта и поэзии становятся мотивы горения, пожара, самосожжения: «Ох, огонь мой конь – насытый едок! // Ох, огонь на нем – насытый едок! // С красной гривой свились волоса <...> Огневая полоса – в небеса!» [Цветаева 1997б: 104]; «Так от сердца к сердцу, от дома к дому // Вздымаю пожар» [Цветаева 1997а: 315]; «Птица-Феникс я, только в огне пою! // [...] Высоко горю и горю до тла!» [Цветаева 1997б: 110]; «Велик // Пожар! – Душа горит!» [Цветаева 1997г: 17] и т. п., примеры можно множить бесконечно.

Список литературы

Корман Б. О. Лирика и реализм. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 93 с.

Лосская В. Песни Женщин. Париж–Москва: ГУП «Редакция журнала “История Государства Российского”», 1999. 320 с.

Павлова К. К. Собрание сочинений: в 2 т. М.: К. Ф. Некрасов, 1915. Т. 1. 336 с.; Т. 2. 436 с.

Павлова К. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 616 с.

Пессина Лонго А. Марина Цветаева и Каролина Павлова // Марина Цветаева: Личные и творческие встречи, переводы ее сочинений. Восьмая цветаевская междунар. науч.-тематическая конф. (9–13 октября 2000 г.): сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2001. С. 114–120.

Полякова С. В. [Не]закатные оны дни: Цветаева и Парнок. Анн Арбор: Ардис, 1983. 128 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1, кн. 1. М.: «Терра – Терра», 1997а. 330 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1, кн. 2. М.: «Терра – Терра», 1997б. 316 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: «Терра – Терра», 1997в. 591 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3, кн. 1. М.: «Терра – Терра», 1997г. 341 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5, кн. 2. М.: «Терра – Терра», 1997д. 395 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6, кн. 2. М.: «Терра – Терра», 1997е. 463 с.

Цветкова М. В. Герой-маска в английской и русской поэзии // Метакомпаративистика как интегральный подход в гуманитарных науках. Нижний Новгород: Деком, 2014. С. 78–90.

Lehrman A. The Poetics of Karolina Pavlova // Essays on Karolina Pavlova. Evanstone. Illinois: Northwestern University Press, 2001. С. 3–21.

Venclova T. Almost One Hundred Years Later: Towards a Comparison of Karolina Pavlova and Martina Tsvetaeva // Essays on Karolina Pavlova. Evanstone. Illinois: Northwestern University Press, 2001. С. 187–215.

References

Korman B.O. *Lirika i realizm* [Lyric poetry and realism]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2014. P. 78–90.

Loskaja V. *Pesni zhenshhin* [Women’s songs]. Paris, Moscow, Editorial office of the journal “History of the Russian State” Publ., 1999. 320 p.

Pavlova K.K. *Sobranie sochinenij v 2kh tomakh* [Collected works: in 2 vols.]. Moscow, K. F. Nekrasov Publ., 1915. Vol. 1. 336 p.; Vol. 2. 436 p.

Pavlova K. *Polnoe sobranie stikhotvorenij* [Complete collection of poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskij Pisatel’ Publ., 1964. 616 p.

Pessina Longo H. Marina Cvetaeva i Karolina Pavlova [Marina Tsvetayeva and Karolina Pavlova]. *Marina Cvetaeva: Lichnye i tvorcheskie vstrechi, perevody ee sochinenij. Vos’maja cvetaevskaja mezhdunarodnaja nauchno-tematicheskaja konferencija (9–13 oktjabrja 2000 g.)*. Sbornik dokladov [Marina Tsvetayeva: Personal and artistic meetings, translations of her works. 8th Tsvetayeva International scientific-thematic conference (October 9–13, 2000). Proceedings]. Moscow, Tsvetayeva’s House Museum Publ., 2001. P. 114–120.

Poljakova S. V. [Ne]zakatnye ony dni: Cvetaeva i Parnok [[Non]sunset days of yore: Tsvetayeva and Parnok]. Ann Arbor, Ardis Publ., 1983. 128 p.

Tsvetayeva M. *Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.]. Vol. 1. Book 1. Moscow, Terra – Terra Publ., 1997a. 330 p.

Tsvetayeva M. *Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.]. Vol. 1. Book 2. Moscow, Terra – Terra Publ., 1997b. 316 p.

Tsvetayeva M. *Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.]. Vol. 2. Moscow, Terra – Terra Publ., 1997v. 591 p.

Tsvetayeva M. *Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.]. Vol. 3. Book 1. Moscow, Terra – Terra Publ., 1997g. 34 p.

Tsvetayeva M. *Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.]. Vol. 5. Book 2. Moscow, Terra – Terra Publ., 1997d. 395 p.

Tsvetayeva M. *Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected works: in 7 vols.]. Vol. 6. Book 2. Moscow, Terra – Terra Publ., 1997e. 463 p.

Tsvetkova M. V. Geroj-maski v anglijskoj i russkoj poezii [The mask-lyric in Russian and English poetry]. *Metakomparativistika kak integral'nyj podkhod v gumanitarnykh naukakh* [Metacomparative

studies as an integrated approach in the Humanities]. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 2014. P. 78–90.

Lehrman A. The Poetics of Karolina Pavlova. *Essays on Karolina Pavlova*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2001. P. 3–21

Venclova T. Almost One Hundred Years Later: Towards a Comparison of Karolina Pavlova and Marina Tsvetaeva. *Essays on Karolina Pavlova*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2001. P. 187–215.

MARINA TSVETAEVA – KAROLINA PAVLOVA. THE DIALOGUE ON SECRETS OF THE CRAFT

Marina V. Tsvetkova

**Professor in the Department of Literature and Intercultural Communication
National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod)**

The article provides a comparative analysis of creative work of two Russian poets – Marina Tsvetaeva and Karolina Pavlova, with a special emphasis on the affinity between their conceptions of a poet's destiny and creativity, characterizing their poetry. The analysis reveals numerous explicit and implicit echoes of Pavlova's writings in Tsvetaeva's poems and essays: treatment of poetry as a serious "masculine" business, craft; representation of a poet as the chosen one, as a creature who does not belong to "this world"; view of the earthly world as vulgar and banal, as a prison for a poetic soul. Both poets see poetic gift as a special kind of sensitivity, ability to hear voices, to divine, and consequently, as a tribulation – since it makes a poet an outcast. Both Tsvetaeva and Pavlova use motifs of dream as a special creative state; night as a special time for creativity; flight and having wings as a special characteristic of a poet's soul.

Key words: Marina Tsvetaeva; Karolina Pavlova; poet and creativity as a subject of poetry; Russian poetry; Russian women poets.

УДК 821.161.1.09-32

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-150-155

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ (мотивный комплекс рассказа «Река Оккервиль»)

Ольга Владимировна Богданова

д. филол. н., ведущий научный сотрудник

Институт филологических исследований

Санкт-Петербургского государственного университета

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. olgabogdanova03@mail.ru

Екатерина Анатольевна Богданова

к. филол. н., младший научный сотрудник

Институт филологических исследований

Санкт-Петербургского государственного университета

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. katarina_a-2@mail.ru

В статье, посвященной анализу рассказа Татьяны Толстой «Река Оккервиль», выделяется и интерпретируется комплекс сюжетных мотивов, отсылающих читателя к ведущим мотивам русской классической литературы, однако их семантика переосмысливается современным прозаиком и обыгрывается с иными коннотациями. Исследуется петербургский хронотоп, рассматривается его упрощение, смещение пространственных ориентиров. Ироническое снижение образа Петербурга-Ленинграда задает общий шуточный (насмешливый) тон повествованию о «маленьком герое» Симеонове, потомке бедного Евгения из «Медного Всадника» Пушкина и «маленьких героев» Гоголя и Достоевского.

Один из ведущих мотивов повествования – мотив круга, вплотную взаимодействующий с образом-мотивом манящего «серебряного голоса», позволяет обнаружить музыкальные аллюзии, послужившие толчком к созданию «романского» интертекста рассказа.

Ключевые слова: Татьяна Толстая; современная русская литература; проза; постмодернизм; традиция; интертекст; мотив; рассказ.

Рассказ Татьяны Толстой «Река Оккервиль» впервые был опубликован в третьем номере журнала «Аврора» за 1985 г. и впоследствии входил во все сборники писателя.

Интерпретируя рассказ «Река Оккервиль», исследователи, как правило, говорят о том, что главной в тексте является «традиционная тема взаимоотношений между искусством и жизнью» (см. подробнее: [Гошило 2000: 103–104; Жолковский 2005: 246]). И в самом общем смысле это действительно так. Однако мотивный комплекс рассказа Толстой значительно шире и глубже, сложнее и тоньше.

Известен факт, что замысел рассказа «Река Оккервиль» возник у Толстой во время ее «прогулки по городу с Александром Кушнером, указавшим на дом своего знакомого, к которому Ахматова ходила принимать ванну» [Жолковский 2005: 563, 564]. Тогда «Толстая подумала: “Вот какие бывают связи с великим поэтом!”».

И действительно, незримый образ Ахматовой словно наполняет текст рассказа – если не строками поэта, то звуками стихов ее современников, ароматом Серебряного века. По словам самой Толстой, «единственным прямым текстом [Ахматовой], сознательно... использованным» в рассказе «Река Оккервиль», стало стихотворение «Слушая пение».

Угаданная исследователями в образе Веры Васильевны Анна Ахматова и название небольшой речки, протекающей по Петербургу, гидроним «Оккервиль», подводят к мысли о написании Толстой еще одной страницы «петербургского текста», начало которому было положено в конце XVIII – начале XIX в. (см. подробнее: [Топоров 1995]).

Уже первые строки «Реки Оккервиль» погружают события рассказа в пределы Петербурга-Ленинграда, соотнося образ города с ликом его великого основоположника: «Когда знак

зодиака менялся на Скорпиона, становилось совсем уж ветрено, темно и дождливо. Мокрый, струящийся, бьющий ветром в стекла город за беззащитным, незанавешенным, холостяцким окном <...> казался тогда злым петровским умыслом, мстью огромного, пучеглазого, с разинутой пастью, зубастого царя-плотника <...> [Толстая, 1999: 332]¹.

Санкт-Петербург – город-цитата, город-интертекст, попытка спроецировать Европу на берега Невы, построить Новый Амстердам, в центральной части архитектурно повторить Рим, а на Васильевском острове каналами расчертить Венецию. Петербург – город литературоцентричный, насквозь пронизанный историософскими проекциями, поэтическими аллюзиями и театральными реминисценциями. Создавая собственный образ города-текста, Толстая опирается на ведущие мотивы русской классической литературы, формируя свой город интертекстуально, с первого абзаца вводя в повествование пушкинский образ «Медного Всадника» и одновременно воспроизводя акварельную иллюстрацию к нему Бенуа: «За ним несется Всадник Медный на звонко-скачущем коне...»

Однако цитатность Петербурга переосмысливается Толстой и обыгрывается с иными коннотациями. В отличие от предшественников, Петр у Толстой – не Петр *Первый*, не державный градостроитель, но «пучеглазый, с разинутой пастью, зубастый царь-плотник» (332). В противовес общепринятой традиции Толстая возводит свой Петербург не вокруг знаменитого Бронзового Всадника на гранитном гром-камне, а вокруг другого монумента – памятника царю-плотнику, открытого в 1910 г. на Адмиралтейской набережной Петербурга. Тем самым писатель, с одной стороны, словно бы указывает на иное время текстовых границ, акцентирует иной исторический промежуток, в рамках которого происходят воображаемые события, с другой – означает иные наследные корни сегодняшних горожан-тружеников. Ее город – это уже не Петербург. Может быть, Петроград (время ее героини Веры Васильевны). Или уже Ленинград (современный хронотоп главного героя Симеонова). Кольца времени, зафиксированные в имени города (Петербург → Петроград → Ленинград), вырисовываются Толстой в самом начале рассказа, смыкая и одновременно дифференцируя петербургско-петроградско-ленинградское далекое прошлое и близкое настоящее.

В рассказе Толстой хронотоп петербургский снижен и упрощен, в современном ленинградском хронотопе нет былого величия. Вопреки сложившейся литературной традиции город Толстой (с любым из его названий) не являет собой вопло-

щение высоты духа и мощи русского народа, но предстает «злым петровским умыслом», «местью» огромного и зубастого плотника-строителя. Метаморфоза города, который в рассказе обретает пугающие антропоморфические черты, порождает ироническое снижение, задает шуточный тон, в котором и будет вестись последующее серьезное повествование о человеке – о «маленьком герое» Симеонове, потомке *благородного* Евгения из «Медного Всадника» Пушкина и «маленьких героев» Гоголя и Достоевского (см. подробнее: [Альтман 1961: 443–461; Манн 1988]).

Художественный «стык» в поименовании героя – еще одна черта исторической (временной) трансформации: сегодня «маленький» герой по фамилии Симеонов в прошлом мог происходить от великого князя Симеона Гордого (Симеонов – сын Симеона), стойкость и *гордость* которого накрепко соединены национальным сознанием в его прозвище. Сегодняшний «маленький» Симеонов – сплав несоединимого, «оксюморонный» образ, вбирающий в себя противоречащие друг другу разнополюсные начала.

Главный герой рассказа – «маленький человек», коллекционер-любитель, поклонник известной в прошлом певицы Веры Васильевны, любовь к голосу которой, к рождаемым граммофоном звукам старинных романсов возносит его высоко, поднимая над суетой мира, и на короткий миг приглушает боль и рождает сладость его одиночества. Живя в Ленинграде 1970-х и занимаясь практическим делом (герой – переводчик), Симеонов в большей мере живет в мире ином – туманном и прекрасном, звуко-музыкальном, воображаемом и вожделенном. Одиноким холостяк, причастный русской литературе, осознает, что «на свете счастья нет», но, слушая голос Веры Васильевны, утешается доступными ему «покоем и волей» (334).

Герой Толстой существует в нескольких измерениях. Писатель словно бы создает для него воронку времени («черную воронку», 333), которая то увлекает его в прошлое, то выносит на поверхность современности. «Трубой времени», которая соединяет видимое и невидимое, мечтаемое и явленное, становится для Симеонова фестоначатая труба граммофона. Да и сам граммофон (даже не патефон, да еще в век кассетных магнитофонов) становится условной точкой в пространстве, порталом, где, по Толстой, осуществляется переход из настоящего в прошлое, из яви в мечту, из одиночества во взаимную и вечную любовь. «В такие-то дни <...> Симеонов, <...> особенно ощущая свои нестарые года вокруг лица и дешевые носки далеко внизу, на границе существования, ставил чайник, стирал рукавом пыль со стола, расчищал от книг, высу-

нувших белые язычки закладок, пространство, устанавливал граммофон, <...> и заранее, авансом блаженствуя, извлекал из рваного, пятнами желтизны пошедшего конверта Веру Васильевну – старый, тяжелый, антрацитом отливающий круг, не расщепленный гладкими концентрическими окружностями – с каждой стороны по одному романсу» (332–333).

Образ черной виниловой пластинки, вертящейся на граммофоне, вычерчивает круги, которые в своем вращении обретают лейтмотивный характер, пронизывая всю ткань рассказа, возвращая сюжетное действие к одному и тому же эпизоду – троекратно проигранной в тексте ситуации мечтаний Симеонова под звуки старинных романсов в исполнении любимой им Веры Васильевны. Граммофонные диски-круги множатся и разрастаются, накладываясь друг на друга, порождая новые кольца и окружности, превращая всю ткань рассказа в кружева и фестоны, орхидеи и настурции, вишенки и рыбью чешую, полукружье балконов и др.

Музыкальный жанр романса, исполняемого Верой Васильевной, основанный на поэтическом повторе-рефрене, задает в повествовании новые структурно-композиционные кольца, пронизывая романсным лирическим настроением текст, окрашивая его любовными переживаниями исполнительницы (прошлое) и внимающего ей героя (настоящее), позволяя им слиться в едином потоке чувств, в общности звуков мелодии и стиха. Именно на этом уровне слияния звука мелодического и звука поэтического и становится возможной персонажная переподстановка: поэтесса Анна Андреевна оказывается в тексте представленной певицей Верой Васильевной, ахматовское АА заменяется толстовским ВВ.

Критики уже обращали внимание на подобие монограмматических имен АА и ВВ [Жолковский 2005: 250]. Однако для Толстой важна не только перекличка инициалов, но и семантическое (метафорическое) значение имени героини. «Вера Васильевна» означает для героя «веру, надежду и любовь», единую триаду в ее почти божественных сущностях, порождая возможность преодоления быта бытием, музыкой и стихами – земного притяжения.

Наряду с пронизанным *верой* именем героини ее отчество – *Васильевна* – тоже «говорящее»: через его посредство писатель «поселяет-прописывает» героиню на Васильевском острове, делая ее дом (квартиру) частью петербургской (петроградской, ленинградской) топографии. Отчество героини оказывается частью «петербургского пространства», связывает ее имя с городом, а ее голос с водной стихией, охватывающей городской остров, на котором она живет.

Кажется, что в любви Симеонова к Вере Васильевне писатель хочет показать преодоление собственной малости современным персонажем, способным подняться над собой в прикосновении к прекрасному. Кажется, искусство действительно способно вознести героя над толпой, обнажить его возвышенную душу. Однако этот традиционный мотив русской литературы словно опрокидывается в тексте Толстой: ироническая тональность повествования не преодолевается даже в самых трогательных эпизодах мечтаний Симеонова, в момент его слияния с голосом Веры Васильевны.

«Эстет», «любитель», «чудак» (337), по профессии герой связан с литературой. Кажется, высокая «литературная» составляющая в характеристике персонажа должна традиционно выделить его, однако у Толстой происходит обратное – книжная слагаемая порождает ироническое «снижение». По словам героя, переводимые им «нудные» книги «никому не нужны», они разбросаны на его столе в пыли и беспорядке и служат хозяину только подпоркой – не духовно-интеллектуальной, а предметно-физической: он подбирал «нужную по толщине книгу, чтобы подsunуть <ее> под хромой <...> уголок» граммофона (332). Книги в мире Симеонова предметны и злы. Они зооморфны и, оживая, то ли обиженные, то ли иронично подсмеивающиеся над владельцем, словно устраивают клоунаду – пренебрежительно показывают герою свои «белые язычки закладок» (332).

Возвышенная компонента симеоновских свиданий с Верой Васильевной, в литературе традиционно облагораживающая и поэтизирующая героя, дискредитируется тем, что наряду с установкой граммофона и расчисткой *пространства* для голоса певицы Симеонов неизменно и регулярно очерчивает и еще один круг – бытовой, житейский: он «ставил чайник» (с круглым днищем, круглой крышечкой и полукруглым ручкой) и доставал кружку (корень «круг»), совмещая и перемешивая музыкальное и съестное, духовное и плотское. Высшей минутой свидания, апофеозом встречи с Верой Васильевной оказывается тот момент, когда «чайник закипал, и Симеонов, выудив из межкожонья плавленый сыр или ветчинные обрезки, ставил пластинку с начала и пировал по-холостяцки, на расстеленной газете, наслаждался, радуясь, что <никто> не потревожит драгоценного свидания с Верой Васильевной» (334).

Классический мотив русской литературы – противопоставление внешнего и внутреннего, духовного и телесного, бытового и бытийного – в образе Симеонова растушевывается и обретает иронический отсвет. Потому поэтичная метафора

– «белый <...> лик одиночества» (332) – получает у Толстой дополнительный, соответствующий герою, эпитет: «белый *творожистый* лик одиночества».

И Вера Васильевна предстает в мечтаниях Симеонова не идеальным романтизированным бесплотным видением, манящим звуком божественного голоса, но почти телесным существом, которое можно обнять, прижать, покачать, перевернуть на спине (333). Симеонов *достает* из пожелтевшего конверта не пластинку, но «Веру Васильевну» (332), под иглой *вертится* не «антрацитовый диск», но сама «Вера Васильевна» (333), *замолкает* не голос, но ожившая в мечтах Симеонова «Вера Васильевна» (333). Симеонов «*покачивал* диск, обхватив его распрямленными, уважительными ладонями» (333), но так же, «*покачиваясь* <...> на каблуках» (337), проходит в мечтах героя сама Вера Васильевна. Призрачный образ обретает черты почти реальной женщины, ее пропорции и формы – «о сладкая груша, гитара, покатающая шампанская бутылка!» (334) – сниженную плотность.

Двойственность образа главного героя и героини, двусоставность чувств, которые испытывает Симеонов к Вере Васильевне, порождают в рассказе Толстой два сюжета, которые организуют две фабульные линии рассказа. С одной стороны, это видимый сюжетный стержень: три этапа знакомства с реальной певицей Верой Васильевной (голос на пластинке – слух продавца-антиквара о том, что певица жива, – непосредственное знакомство со «старухой»), с другой стороны, три ступени в духовном (внемирном) общении с певицей (поселение ее в выстроенном городке на берегах Оккервиля – грозовые тучи над кукольно-фарфоровым городком – заселение красных домишек с черепичными крышами чужими незнакомыми людьми). Эти сюжеты параллельны, но одновременно пересекаются: звуки, слова и образы одного сюжетного ряда неожиданно возникают в другом.

Художественная иерархичность рассказа организует не только горизонталь места, но и вертикаль времени. Намеченный выше мотив «имя / город» получает у Толстой развитие в исторической смене эпох не только общественно-политических, но и литературных, зафиксированных в «драгоценной» символике, – золотой век русской литературы (Петербург), серебряный (Петроград), бронзовый (Ленинград). Если первый романс, который слушает Симеонов, «Нет, не тебя так пылко я люблю...», написан на слова М. Лермонтова (1841), т. е. представляет золотой век русской поэзии (время Пушкина, Лермонтова, Гоголя), то уже следующий – «Отцветели уж давно хризантемы в саду...» (1910) –

прочитывается знаком века серебряного, времени Ахматовой, Гумилева, Блока. А граммофон с фестончатой трубой эпохи югендстиля, с одной стороны, становится узнаваемым знаком эпохи модерна, с другой – своей медно-латунной сущностью словно бы указывает на век бронзовый (медный, латунный – современный).

Переход в рассказе «Река Оккервиль» с уровня поэтического (АА) на уровень музыкальный (ВВ) влечет за собой смену символической образности и мотивики. Если Ахматова в стихотворении «Слушая пение» сравнивает женский голос с ветром (этот мотив присутствует в начале толстовского повествования), то постепенно певучий мелодичный голос Веры Васильевны обретает у Толстой черты стихии не воздушной, но водной, сравнивается не с ветром, но с речным потоком. Ахматовская поэтическая воздушность вытесняется мелодичностью и плавностью реки – как таинственного Оккервиля, берега которого мысленно застраивал Симеонов, так и Невы, которая охватывала своими рукавами Васильевский остров. А сама Вера Васильевна сопоставляется не с поэтически легкой и трепетной (бабочкой или) птицей, но с «томной наядой» (333), со звучногласой сиреной. Голос забытой певицы – «божественный, темный, низкий <...> набухающий подводным напором <...> парусом надувающийся голос, <...> неустойчиво несущийся <...> каравеллой по брызжащей огнями ночной воде <...> набирающий скорость, плавно отрывающийся от отставшей толщи породившего его потока» (333). Причем использованное Толстой образное сопоставление обнаруживает свои литературные истоки: если «голос // воздушный поток» был порожден стихами Ахматовой, то «голос // наяда» происходит из поэзии Гумилева. В стихотворении Гумилева «Венеция» (а Петербург, как помним, есть *северная Венеция*) звучат строки: «Город, как голос наяды, / В призрачно-светлом былом, / Кружев узорней аркады, / Воды застыли стеклом». Образ голоса-наяды обретает прочную генетическую связь с «петербургским пространством». Даже толстовский образ каравеллы, «неустойчиво несущийся <...> по брызжащей огнями ночной воде» и «расправляющий крылья», исходит от Гумилева: «В час вечерний, в час заката / Каравеллою крылатой / Проплывает Петроград...» [Гумилев 1989: 117]. Мотивный ряд «город – голос – наяда» оказывается порождением «петербургского текста», точно датированного Серебряным веком.

«Ахматовско-гумилевские» мотивы пронизывают текст рассказа Толстой аллюзиями на Серебряный век и поддерживаются отсылками к настроениям и реалиям той поры. Так, редукция

определений века и голоса порождает единый и цельный образ-мотив – «серебряный голос» (339), – хранящий в себе представление как о свойствах исполнения певицей старинных романсов, так и о времени ее рождения и царствования. В этом контексте почти фольклорная риторика: «...э-эх, где вы теперь, Вера Васильевна? Где теперь ваши белые косточки?» (333) – обретает черты декадентского эстетизма начала XX в.: «белая кость» как признак благородного происхождения, родственная в своей семантике «белой гвардии» или «белой армии». В том же ряду оказываются и черно-белая – блоковская – прокраска выписываемой картины, и «босая» (лысеющая или выбритая) вытянутая голова персонажа, напоминающая фотографический облик Гумилева 1912–1914 гг. И даже переводы «ненужной книги с редкого языка» воскрешают образ В. Шилейко, филолога-востоковеда, второго мужа Ахматовой.

Мощным образом, смыкающим былое и современное, видимое и несуществующее, у Толстой становится трамвай. Подобно «заблудившемуся трамваю» Гумилева, который на одном маршруте проскочил «через Неву, через Нил и Сену», трамвай Толстой переносит героя из настоящего в прошлое, из реальности в мечту. «Мимо симеоновского окна проходили трамваи <...> краснобокие твердые вагоны с деревянными лавками *поумирали* и стали ходить вагоны *округлые, бесшумные, шипящие* на остановках, можно было сесть, плюхнуться на охнувшее, испускающее под тобой *дух* мягкое кресло и покатить в голубую даль, до конечной остановки, манившей названием: “Река Оккервиль”» (335). У Толстой, как у Гумилева, трамвай пронзил эпохи и «заблудился в бездне времен...» (335).

Загадочный гидроним «Оккервиль», имеющий шведское происхождение и ныне малоизвестный даже специалистам, дает у Толстой не только название «почти не ленинградской уже речке», но и возможность «вообразить себе все, что угодно» (335). Герой Симеонов не позволяет себе поехать на трамвайном маршруте до конечной остановки с названием «Река Оккервиль». Он догадывается, что там, на «краю света», «наверняка склады, заборы, какая-нибудь гадкая фабричка выплевывает перламутровоядовитые отходы, свалка дымится вонючим тлеющим дымом, или что-нибудь еще, безнадежное, окраинное, пошлое» (335). Он страшится действительности, боится разочароваться. Потому для него проще и лучше «мысленно <...> замостить брусчаткой оккервильские набережные, реку наполнить чистой серой водой, навести мосты с башенками и цепями... поставить вдоль набережной высокие серые до-

ма с чугунными решетками подворотен <...> поселить там молодую Веру Васильевну, и пусть идет она, натягивая длинную перчатку, по брусчатой мостовой, узко ставя ноги, узко переступая черными тупоносими туфлями с *круглыми*, как яблоко, каблуками, в маленькой *круглой* шляпке с вуалькой, сквозь притихшую морось *петербургского* утра...» (335–336).

Отсылки, аллюзии и реминисценции порождают в тексте Толстой глубину и объемность. Не воспроизводя цитату, а только указывая на нее, писатель затрагивает и пробуждает фоновый контекст, который сложен из хорошо знакомых текстов стихов и особенно романсов. И, даже не будучи воспроизведенными в произведении, стихотворно-поэтические и романсно-музыкальные звуки наполняют «кружево» рассказа Толстой, порождают его трехмерность и пространственность.

Примечание

¹ Далее в статье номера страниц цитируемого текста рассказа Т. Толстой указываются в круглых скобках.

Список литературы

- Альтман М. С.* Гоголевские традиции в творчестве Достоевского. Прага: Slavia, 1961. Т. 30, вып. 3. С. 443–461.
- Ахматова А. А.* Слушая пение // Ахматова А. А. Избранное. М., 2010. С. 95.
- Гоцило Е.* Взрывоопасный мир Татьяны Толстой / пер. с англ. Д. Ганцевой, А. Ильенковой. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000.
- Гумилев Н. С.* Венеция // Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1989.
- Жолковский А. К.* В минус первом и минус втором зеркале // Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии (Инварианты, структуры, стратегии, интертексты). М., 2005.
- Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. М., 1988. 413 с.
- Суперанская А. В.* Современный словарь русских имён. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
- Толстая Т. Н.* Река Оккервиль: Рассказы. М.: Подкова, 1999. 567 с.
- Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
- Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.
- Тюпа В. И., Ромодановская Е. К.* Словарь мотивов как научная проблема // От сюжета к мотиву. Новосибирск, 1996. 192 с.
- Шахматова Е. В.* Мифотворчество серебряного века // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 78–85.

Goscilo H. Tolstaian Times: Traversals and Transfers // *New Directions in Soviet Literature*. New York: St. Martin's Press, 1992. P. 36–62.

References

Al'tman M. S. Gogolevskie tradicii v tvorcestve Dostoevskogo [Gogol's traditions in Dostoevsky's works]. *Slavia*. Prague, 1961. Vol. 30. Iss. 3. P. 443–461.

Akhmatova A. A. Slushaya penie [Listening to the singing]. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, 2010. P. 95.

Goscilo H. *Vzryvoopasnyj mir Tat'yany Tolstoj* [The explosive world of Tatyana N. Tolstaya's fiction]. Transl. by D. Ganceva, A. Il'enkova. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2000. P. 103–104.

Gumilyov N. S. Veneciya [Venice]. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Moscow, 1989. P. 117.

Zholkovskij A. K. V minus pervom i minus vtorom zerkale [In the minus first and minus second mirror]. *Izbrannye stat'i o russkoj poezii (Invarianty, struktury, strategii, interteksty)* [Selected articles on Russian poetry (Invariants, structures, strategies, intertexts)]. Moscow, 2005. P. 246, 563, 564.

Mann Yu. V. *Poetika Gogolya* [The Poetics of Gogol]. Moscow, 1988. 413 p.

Superanskaya A. V. *Sovremennyj slovar' russkikh imen* [Modern dictionary of Russian names]. Moscow, Ajris-Press Publ., 2005. 354 p.

Tolstaya T. N. *Reka Okkervil': Rasskazy* [The Okkervil river. Stories]. Moscow, Podkova Publ., 1999. 567 p.

Toporov V. N. Prostranstvo i text [Space and text]. *Text: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, 1983. P. 227–284.

Toporov V. N. Peterburg i "Peterburgskij text russkoj literatury" [Petersburg and "Petersburg text of Russian literature"]. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress Publ., 1995. 624 p.

Tyupa V. I., Romodanovskaya E. K. *Slovar' motivov kak nauchnaya problema* [The dictionary of motifs as a scientific problem]. *Ot syuzheta k motivu* [From the subject to the motif]. Novosibirsk, 1996. 192 p.

Shakhmatova E. V. Mifotvorchestvo serebryanogo veka [Mythological creations of the Silver Age]. *Vestnik Tomskogo gos. universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2009. № 322. P. 78–85.

Goscilo H. Tolstaian Times: Traversals and Transfers. *New Directions in Soviet Literature*. New York, St. Martin's Press, 1992. P. 36–62.

“PETERSBURG TEXT” BY TATYANA TOLSTAYA (motifs in the story “The Okkervil River”)

Olga V. Bogdanova

Leading Researcher

Institute of Philological Research of Saint Petersburg State University

Ekaterina A. Bogdanova

Junior Researcher

Institute of Philological Research of Saint Petersburg State University

In the article devoted to the analysis of “The Okkervil River”, a short story by Tatyana Tolstaya, a variety of motifs are distinguished and interpreted. Those refer the reader to the main motifs of Russian classical literature, however, their semantics is reconsidered by the contemporary writer and presented with different connotations. Saint Petersburg chronotope is analyzed, its simplification and shifts of spatial frameworks are considered. The ironic depreciation of the image of Saint Petersburg – Leningrad sets a playful (derisive) tone of the narration about the “little hero”, Simeonov, a descendant of poor Eugene from “The Bronze Horseman” by Pushkin, as well as Gogol's and Dostoevsky's “little heroes”.

One of the leading motifs of the narration is that of a circle, closely interacting with the image-motif of the luring “silver voice”. It allows for revealing musical allusions, encouraging the development of the “romancing” intertextuality of the story.

Key words: Tatyana Tolstaya; modern Russian literature; prose; postmodernism; tradition; intertext; motif; novel.

К 100-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 821(100):378.4(470.53)

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-156-165

**ИЗУЧЕНИЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ПЕРМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ****Борис Михайлович Проскурнин**

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

В статье в историческом аспекте анализируется опыт преподавания и изучения мировой литературы в Пермском университете. Демонстрируется, какие традиции были заложены в этом направлении в университете с момента его открытия и как они развивались на протяжении столетней истории. Основной акцент делается на научной, преподавательской и организационной деятельности доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой зарубежной литературы университета с 1964 по 1977 г. А. А. Бельского. Подчеркивается, что на протяжении обозримой истории преподавание и изучение мировой литературы велось на основе анализа основных закономерностей развития мирового литературного процесса в диахроническом и синхроническом аспектах и рассмотрения вклада отдельно взятой национальной литературы в общую динамику мировой литературы при сохранении собственного своеобразия.

Ключевые слова: мировая литература; национальная литература; художественные закономерности; сравнительно-исторический метод; преподавание литературы; роман; А. А. Бельский.

Настоящее университетское гуманитарное образование с давних времен не мыслится без изучения литературы, в том числе и литературы мировой (или всеобщей, как говорил в XIX в. акад. А. Н. Веселовский). Еще в конце XIX – начале XX в. российские ученые всерьез и основательно заговорили об изучении литературного процесса как целостности, причем не только русского, но и зарубежного. Именно об этом свидетельствуют труды П. Д. Боборыкина «Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века» (1890) и З. А. Венгерова «Литературные характеристики. В 3-х книгах» (1897–1905), в которых едва ли не впервые в российской науке делается попытка дать представление о литературе Запада как динамической системе, определяемой прежде всего развитием общества и его этико-эстетическими исканиями (см.: [Боборыкин 1890]), а творчество ведущих западноевропейских и американских писателей второй половины XIX в. рассмотреть не столько в их отдельности, сколько с общих методологи-

ческих позиций исследования словесно-образного освоения ими усложняющихся отношений человека и мира, его окружающего (см.: [Венгерова 1897–1905]). Нет сомнений, что сложившаяся в нашей стране в конце 1920-х – начале 1930-х гг. не без влияния проекта М. Горького по публикации переводов лучших образцов мировой литературы в серии, названной им «Библиотека всемирной литературы» (1918–1927), трудов марксистов-литературоведов П. С. Когана и В. М. Фриче, носивших идентичное название – «Очерки по истории западноевропейской литературы» (1903 и 1908 гг. – первые издания соответственно), подходов А. В. Луначарского, обозначенных им в труде «История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах» (1924), парадигма изучения зарубежной литературы во многом опиралась на идеи, высказанные в конце XIX в. А. Н. Веселовским в его «Исторической поэтике», П. Д. Боборыкиным, З. А. Венгеровой и другими русскими литературными критиками и литературоведами. Более того, как

справедливо пишет И. О. Шайтанов, еще в 1850-е – 1870-е гг., преподавая литературу в Московском университете, Ф. И. Буслаев, студентом которого был А. Н. Веселовский, «широко прибегал к всемирным аналогиям: «Песнь о Нибелунгах», Данте, Сервантес» [Шайтанов 2011: 23]. Подчеркнем, что кафедры всеобщей (или всемирной) литературы в Московском и Петербургском университетах (тогда это Императорский Московский университет и Императорский Санкт-Петербургский университет) были созданы уже в 1860-е гг., и это дает основание утверждать: традиции системно-сравнительного изучения и преподавания истории мирового литературного процесса в его основных закономерностях были заложены в отечественном литературоведении более полутора веков назад.

Вот почему совершенно неудивительно, что среди первых кафедр созданного в 1916 г. историко-филологического факультета новорожденного Пермского университета, образованного как Пермское отделение Императорского Петроградского университета, была и кафедра истории западноевропейских литератур. Ее преподавателями, по сути заложившими традиции преподавания мировой литературы в Перми, были весьма известные специалисты, впоследствии ставшие светилами зарубежной филологии в нашей стране (см.: [Табункина 2015: 136–148; Пустовалов 2016: 134–139]). Действительно, когда понимаешь, что у основания кафедры стояли такие выдающиеся люди, как А. А. Смирнов – известный деятель Серебряного века, лично знавший Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, А. А. Блока, В. Ф. Ходасевича, крупный литературный и театральный критик, литературовед, переводчик, один из авторов легендарного учебника по истории зарубежной литературы Средних веков и Возрождения, по которому учились десятки поколений гуманитариев страны (см.: [История западноевропейской литературы 1947]), Б. А. Кржевский – крупнейший знаток Возрождения, исследователь испанской, французской и английской литератур и один из лучших переводчиков Сервантеса, Франсуа Прево, Данте, Шарля де Костера, Б. Л. Богаевский – известный отечественный антиковед, исследователь древнегреческой литературы и культуры, то становится понятно, какие основательные традиции системно-сравнительного изучения мировой литературы были заложены в те далекие годы. Взгляд на историю изучения и преподавания мировой литературы в Пермском университете убеждает в том, что следующие поколения пермских «зарубежников», опираясь на опыт своих предшественников, просто были обязаны держать планку изучения и преподавания мировой литературы на высоте,

которая была задана основателями кафедры. И они это делали весьма убедительно, о чем свидетельствует, например, деятельность А. Ф. Шамрая, автора первой в мире монографии «Украинская литература» (1928), а также исследователя творчества В. Шекспира, В. Гюго, Э.-Т.-А. Гофмана. Во время Великой Отечественной войны ученый возглавлял кафедру западной литературы Пермского университета, возобновившую свою деятельность в качестве отдельной учебно-научной «единицы» после некоторого перерыва. Об этом же свидетельствует и деятельность крупного ученого-зарубежника, возродившего в конце 1950-х – начале 1960-х гг. лучшие традиции исследования и преподавания зарубежной литературы в университете после почти двадцатилетнего перерыва в самостоятельном существовании кафедры, – А. А. Бельского, выпускника Днепропетровского университета и аспирантуры при кафедре зарубежной литературы Московского государственного университета, ученика выдающихся литературоведов-зарубежников второй половины XX в. Р. М. Самарина и А. И. Иващенко. Современная история научного осмысления мирового литературного процесса и обращение к нему как к объекту и предмету филологического образования в Пермском университете по-настоящему и начались с того момента, когда в сентябре 1959 г. в должности доцента на кафедре литературы Пермского университета начал работу А. А. Бельский, ставший заведующим кафедрой зарубежной литературы, по его инициативе возобновившей свое существование в 1964/1965 учебном году.

К началу 1960-х гг. в вузах страны уже сложилась общая концепция преподавания (а значит, и научного изучения: наука и преподавание никогда не мыслились в отдельности в университетском образовании) зарубежной литературы, построенная на принципе хронологически выстроенного изучения ее истории от древних времен до современного периода. Были сформированы историко-литературные подходы и обозначены основные этапы развития мировой литературы, последовательное изучение которых – от античности до современности – должно было дать студентам целостное представление о мировом литературном процессе на всем пути его развития. В результате изучения курса мировой (зарубежной) литературы как системно-исторического явления у студента помимо историко-литературного формировалось представление об основных эстетических и теоретико-литературных категориях, поскольку без владения основами теории литературы понимание особенностей развития мировой литературы от одного ее этапа к другому невозможно. Предполагалось, что сту-

дент сможет увидеть историю литературы в контексте всемирной истории, динамики общественной мысли и развития общества. И хотя в течение долгого времени преподавание истории мировой литературы, как и преподавание всякой гуманитарной дисциплины в советские времена, находилось под сильным давлением идеологических установок, тем не менее было чрезвычайно важно, что даже в годы борьбы с так называемым «косполитизмом» преподавание зарубежной литературы не прекращалось. В тяжелые для всех гуманитариев годы (конец сороковых – начало пятидесятых, вплоть до XX съезда КПСС в 1956 г.) полагалось, что обращение к мировой литературе расширяло кругозор и открывало новые горизонты в освоении всемирного культурного наследия человечества. Было также важно и то, что в конце литературоведческого образования студент обретал систему методов и приемов анализа литературного (и художественного в целом) произведения как эстетической целостности. Все эти задачи и цели весьма актуальны и сейчас, правда, значительно скорректирован корпус писателей и литературных произведений, взятых для анализа тех или иных этапов развития мировой литературы: в настоящее время акцент делается на эстетической этапности литературного явления, писателя, произведения, а не на антибуржуазности и критике основ капиталистического общества.

С самого начала истории отечественного изучения мировой литературы ученые и вузовские преподаватели исходили из того, что литературная карта мира впечатляет многообразием входящих в нее национальных литератур, в основе которых лежат особенности национального менталитета, своеобразие образно-языкового освоения мира, культурно-исторической динамики нации и государства в целом. Трудно назвать литературу, которая не обладала бы ярко выраженными национальными чертами: в ее самобытности, уникальности и даже незаменимости заключается, пожалуй, основная эстетическая сущность всякой национальной литературы. И именно национальная «непохожесть» одной литературы на другую составляет основу самого понятия «мировая литература», введенного в широкий обиход еще великим И. В. Гёте (*Weltliteratur*, по его определению), поскольку мировая литература как единство существует главным образом по принципу «дополнения» одной национальной литературы другой. Трудно не согласиться с акад. Б. Г. Рейзовым, утверждавшим: «Национальные литературы живут общей жизнью только потому, что они не похожи одна на другую» (цит. по: [Хализев 1999: 366]). Весьма привлекателен термин «симфоническое единство», которое употребляет

В. Е. Хализев, определяя специфику мирового литературного процесса на всей протяженности его исторического развития как «немеханического целого» [там же: 366, 367], когда части его уникальны и индивидуальны, но при этом обладают некой общностью развития.

Вот почему всякая университетская кафедра зарубежной литературы в России и в научно-исследовательской деятельности, и при организации процесса обучения студентов неизбежно обращается к диалектике своеобразия, неповторимости той или национальной литературы и присущего ей элемента «всеобщности».

Курс мировой (зарубежной) литературы выстраивается при помощи одновременно диахронического и синхронического ее осмысления. С одной стороны, он учитывает то, что И. Г. Неупокоева в свое время назвала «законом исторической преемственности художественного развития человечества» [Неупокоева 1976: 45]; курс строится на анализе «устойчивых типов развития» [там же: 158] мировой литературы, на осмыслении накопления, освоения и развития той или иной национальной литературой (и мировой в целом тоже) художественных традиций, на историческом обновлении литературного процесса. С другой стороны, курс мировой литературы строится также и на синхроническом рассмотрении литературного процесса, так сказать, в его вертикали. Этот подход делает своеобразный срез состояния литературного процесса на отдельно взятом временном отрезке, в том числе и с точки зрения неравномерности развития региональных или национальных литературных систем в их целостности и своеобразии (отдельности) писательских художественных миров, их составляющих. При изучении курса мировой литературы пристальное внимание обращается на динамику художественных систем разного уровня, определяющих его содержание: литературные направления, жанровые системы, стилевые, повествовательные и словесно-образные (поэтические) доминанты.

Таким образом очевидно, что курс истории мировой литературы неизбежно строится на сопоставлении, на системно-сравнительном изучении мирового литературного процесса, на рассмотрении закономерностей, типологических схождений, сближений, а также различий, многообразия и своеобразия региональных, национальных и писательских художественных систем.

Начиная с 1960-х гг. курс зарубежной литературы с его семью частями, соответствующими этапам развития мировой литературы от Античности до XX и XXI вв., – это разговор о динамике мировой литературной системы в ее основных

узловых моментах, закономерностях развития, проявляющихся на различных уровнях «всеобщности», «повторяемости», «устойчивости». Но одновременно это разговор о различной по степени динамичности, о мере традиций и новаторства, об общем (типологическом, генетическом или контактном, по И. Г. Неупокоевой) и особенном (индивидуальном, единичном), реализованном в творчестве каждого отдельно взятого писателя, в судьбе отдельного произведения и даже образа и образного элемента, когда понимается, что литература и литературное произведение – это системные явления, равно как и каждый отдельный элемент и/или составляющая существует в системном соотношении со всяким другим элементом – сколь угодно малым или сколь угодно большим.

В концепции курса мировой (зарубежной) литературы при всем том доминирует общая «кантилена» преемственности и новаторства, устойчивого и динамического как условия устойчивого развития системы. Она диктовала насущную необходимость уходить от дискретного осмысления истории литературы, требовала – и требует – неизбежного разговора о том, где, когда и как вызревают в пределах одного историко-литературного этапа провозвестники следующего. Вот почему по ходу пристального взгляда в тот или иной период развития мировой литературы внимание неизменно обращается на переходные явления, на порубежные этапы, когда особенно очевиден переход накопленных количественных изменений (или потенциалов к изменению) в новое качество.

Курс истории мировой (зарубежной) литературы в том виде, как выстраивал его в 1960-е гг. А. А. Бельский как заведующий кафедрой и как человек, определявший стратегию и тактику изучения дисциплины, представлял собою развернутый общий курс истории литературы зарубежных стран, а также систему специальных курсов, углубляющих важные аспекты динамики мировой, региональной или национальной литературы, а то и творчества какого-нибудь писателя, и специальных семинаров, приобщающих студента к живой практике анализа историко-литературных явлений, готовящих его к самостоятельному научному исследованию литературных произведений, их жанровой, сюжетной, композиционной и прочих структур. Эту комплексную систему изучения литературы А. А. Бельский, Р. В. Комина и З. В. Станкеева «привезли» из Московского университета, в котором они учились в конце 1940-х – начале 1950-х гг., и с энтузиазмом внедрили в филологическое образование в Пермском университете. Система была наверняка плодотворной и давала студентам глу-

бокие и основательные знания в области истории и теории литературы, как зарубежной, так и отечественной.

Как уже говорилось, настоящее университетское образование не мыслится без синтеза обучения и науки: в практике истинного университетского преподавателя научные исследования неизбежно «вплетены» в процесс преподавания, и это происходит и в общих курсах, но более всего – в спецкурсах и спецсеминарах, где преподаватель, по сути, приобщает студента к собственной исследовательской практике. Не раз слушая лекции А. А. Бельского в рамках общего курса («Зарубежная литература Средних веков и Возрождения», «Зарубежная литература XX века», «Английская и американская литература XIX–XX вв.»), спецкурса («Английский роман первой трети XIX в.»), работая в двух его спецсеминарах, я могу засвидетельствовать, что он являл собой яркий пример преподавателя, который опирался на этот синтез. Подобным образом поступали и его коллеги, которых он привлек к работе на кафедре и в которых нашел соратников по преподаванию зарубежной литературы как целостного и непрерывного в своей динамике явления.

Так, одно из моих ярких студенческих впечатлений – лекции и практические занятия по курсам «Зарубежная литература эпохи романтизма» и «Зарубежный реализм XIX в.» “в исполнении” Е. О. Преображенской. В ее интерпретации эти два курса предстали как некое единство, как весьма слитный в аспекте традиций и новаторства период в развитии мировой литературы на стыке XVIII–XIX вв. Лектор продемонстрировала любопытное переплетение романтического и реалистического в позднем творчестве Байрона, в творчестве Гюго, Гейне, Бальзака, Стендаля, Мериме. Эта ее концепция была подтверждена серией публикаций Е. О. Преображенской. Показательной в этом отношении стала ее статья «К вопросу о специфике художественного обобщения в литературе романтизма (на материале французской литературы первой половины XIX века)», опубликованная в одном из научных сборников кафедры и посвященная проблемам структурирования образов центральных героев во французской литературе 1830–1840-х гг. (см.: [Преображенская 1966]).

В 1950–1970-х гг. А. А. Бельский был известным в стране литературоведом-англистом. Его внимание к истории одной из ведущих литератур мира, исследования творчества английских писателей XIX–XX вв., безусловно, отражались в курсах, которые он читал: английская часть в них всегда занимала весомое место и была основательным образом историко- и теоретико-

литературно фундирована. Как известно, исследование по истории английского романа первой трети XIX в. составляли ядро научных интересов А. А. Бельского. Они не только выявили динамику жанра романа на этом, во многом переходном, этапе истории английской национальной литературы, многообразии его форм, открыли для отечественной науки имена новых романистов – Дж. Остен, Т.Л. Пикока, М. Эджуорт, С. Ферриер, Дж. Голта существенно дополнили и уточнили представления о творчестве В. Скотта, особо интересовавшегося ученого, но и обнаружили определенные «силовые поля» в развитии жанра романа в Англии от века XVIII к веку XIX в целом, обозначили определенные закономерности возникновения и укрепления в его истории социально-психологической сюжетной парадигмы, которая станет доминирующей в английской литературе практически на два века вперед. Этот особый интерес и исследовательская сосредоточенность на типологических явлениях, на закономерностях динамики жанра романа, постоянное вписывание изучаемого явления в национальный и мировой литературный контекст (продуманные и доказательные «экскурсы» во французскую, американскую, русскую литературу времени весьма часты и даже обязательны в его исследованиях, взять, к примеру, его статью с весьма характерным названием – «Типология исторического романа и романы А. Дюма конца 40 – начала 50-х годов» (см.: [Бельский 1976]). Они важны потому, что А. А. Бельского интересовал не только отдельно взятый романист, каким бы «крупным» он ни был, а тенденция, динамика и жанра, и национальной литературы, и литературы, по крайней мере, европейского региона и Северной Америки (того, что можно было бы назвать «европоцентристским литературным ареалом»).

Так, до сих пор остаются актуальными размышления А. А. Бельского об историческом романе и художественном историзме: здесь пермский ученый сказал свое веское слово, и ни одно сколько-нибудь серьезное исследование европейского и американского исторического романа в нашей стране не обходится без обращения к его авторитетному мнению. Два его учебных пособия, а по сути монографии – «Английский роман 1800–1810-х годов» (1968) и «Английский роман 1820-х годов» (1975) – все еще не утратили своей научной значимости. Так, непререкаемо авторитетно звучат следующие слова А. А. Бельского об историческом романе (эта мысль исследователя наиболее часто цитируется в работах тех, кто занимается историческими жанрами в мировой литературе): «Наличие подобного (исторического. – Б. П.) конфликта есть основной,

главенствующий признак жанра (исторического романа. – Б. П.). Ведь для художественного отображения истории необходимы узловые и переломные моменты прошлого, события, в ходе которых решаются судьбы нации или же определенных классов, конфликты, имеющие значение в жизни страны, народа» [Бельский 1968: 137].

Не менее актуальны размышления А. А. Бельского о нравоописательном романе (и не только английском), о его эволюции в сторону социально-психологического жанра в книге об английском романе 1820-х гг. Столь же востребована его идея о слиянии в английском социальном реализме трех разных жанровых форм и возникновении в результате этого новой модификации, которая становится главенствующей в литературном процессе Англии 1830–1840-х гг., – социального романа. Примечательно следующее заключение А. А. Бельского в его последней книге, которое стало едва ли не завещанием последователям (не будем обращать внимание на несколько несовременный термин: сейчас отечественные историки литературы предпочитают термину «критический реализм» термин «социальный реализм»): «Многое ... убеждает в том, что роман первой трети XIX века стоял в Англии у истоков критического реализма. В сущности, от романа этого типа немало линий ведет и к французскому роману, включая произведения Бальзака, Стендаля, Гюго (разумеется, нельзя не учитывать, что пути развития французского романа в целом были и сложнее, и многообразнее)» [Бельский 1975: 195].

Примечательность этой мысли состоит в том, что она по сути отражает ту идею, которая легла в основу дальнейшего развития исследовательских усилий кафедры и определяет их до сих пор, – внимание к закономерностям литературного процесса в ведущих европейских странах и США на том или ином этапе их развития. Профессор А. А. Бельский не только заложил основные исследовательские направления кафедры зарубежной литературы Пермского университета (с 1999 г. – кафедра мировой литературы и культуры) с точки зрения изучения сквозных закономерностей литературного процесса в Англии XIX в. (история романного жанра, непрерывающееся развитие реализма, система и взаимодействие жанров), но и определил перспективу последующих исследований кафедры в более широком смысле, нацелив коллег и учеников на анализ закономерностей художественного развития мировой литературы в целом.

Мы уже отмечали, что кафедра с самого начала своей истории осмысляла то, что теоретики литературы называют единым фондом преемственности в мировой литературе, общностью ее

стадиального развития, конвергенциями, влияниями и заимствованиями, международными литературными связями, эстетическим функционированием инационального в национальном. Ядро кафедрального преподавательского и исследовательского коллектива в 1960–1980-е гг. составляли в основном ученики А. А. Бельского, поэтому замыслы учителя были подхвачены и развиты. Так родилась центральная научная проблема, объединяющая сотрудников кафедры, аспирантов и соискателей на протяжении уже почти полувека: исследование закономерностей мирового литературного процесса в его основных проявлениях – эстетических системах, жанрах, поэтике, во взаимодействии с другими искусствами, с общим культурным контекстом. И эта научно-исследовательская доминанта, конечно, отражалась и отражается в курсах, которые читают преподаватели кафедры и поныне.

Надо сказать, что А. А. Бельский заложил еще одну весьма крепкую традицию пермской школы «зарубежников»: нераздельность историко-литературных и теоретико-литературных аспектов при изучении того или иного литературно-эстетического явления, будь то творчество конкретного писателя, какой-либо жанр, поэтический принцип, тот или иной образ и т. д. Справедливости ради следует подчеркнуть, что не менее значительный вклад в этот аспект преподавания и научного изучения мировой литературы внесла крупнейший в 1960–1980-е гг. отечественный германист и теоретик романа Н. С. Лейтес; имеются в виду прежде всего ее учебное пособие «Роман как художественная система» (1985) и книга «Конечное и бесконечное. Размышления о литературе XX века: Мирозрение и поэтика» (1992). О ее вкладе в достижения пермской школы зарубежников-литературоведов написала в свое время проф. кафедры Н. С. Бочкарева (см.: [Бочкарева 2011]).

Принципиальным для пермской школы «зарубежников» является то обстоятельство, что в центре их исследований закономерностей развития мирового литературного процесса находится по преимуществу роман, чаще всего европейский, поскольку ученые кафедры исходили и исходят из представления о том, что именно европейский литературный регион, начиная со Средневековья и Возрождения, доминировал в динамике мировой литературы. Это происходило потому, что Западная Европа «на протяжении последних пяти-шести столетий обнаружила беспрецедентный в истории человечества динамизм культурно-художественной жизни», в то время как эволюция «других регионов сопряжена со значительно большей стабильностью» [Хализев 1999: 366–367]. Кроме того, пермские литерату-

роведы-зарубежники опираются на справедливое утверждение М. М. Бахтина, что именно жанры являются основными героями литературного процесса, а роман, вне всяких сомнений, главный из них. А. А. Бельский был одним из тех, кто заложил эту традицию «романоцентризма» в преподавании и изучении мировой литературы в Пермском университете. Достаточно посмотреть на его публикации в серии «Ученых записок», а позднее межвузовских сборников Пермского университета под названием, которое изначально нацеливало на исследование неких типологических явлений, на разговор о диалектическом единстве общего и особенного, национального и индивидуального, на анализ тех тенденций в развитии литератур зарубежных народов, которые, с одной стороны, приподнимали эти литературы и проблемы их развития до общемировых историко-литературных тенденций, а с другой – убедительно демонстрировали их своеобразие, – «Проблемы метода, жанра и стиля в прогрессивной литературе Запада». Пусть нас не смущает идеологизированное и волюнтаристское понятие «прогрессивный»: скажем сразу, оно не мешало исследователям обращаться к широкому кругу явлений и писателей разных стран и народов Европы и Америки. Есть, правда, одна существенная деталь: в связи с давлением советского историко-литературного канона, сложившегося, как мы отмечали ранее, в конце 1920-х гг. и чрезвычайно идеологизированного в последующие годы, в круг интересов исследователей «доперестроечных» времен не попадали представители модернизма, например, и других нереалистических течений, а потому картина закономерностей, типологий и т. п. «моделей литературного развития» (по Вл. А. Лукову, см.: [Луков 2009]) была не полной относительно английской литературы, когда из разговора о ней выпадало творчество В. Вулф или Дж. Джойса, или американской, когда практически не мог получиться серьезный, не построенный только на отрицании и критике, разговор о специфике американского модернизма 1920–1930-х.

Безусловно, в полном соответствии со своими научными интересами А. А. Бельский много размышлял об английском романе XIX в., в особенности – его первой половины (см. сборник «Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада XIX–XX веков» 1967 г. (Ученые записки ПГУ № 157), в котором опубликованы три статьи А. А. Бельского: о Дж. Остен, Т. Л. Пикокке и В. Скотте (эти статьи затем были развернуты исследователем в отдельные главы в его двух учебных пособиях 1969 и 1975 гг. об английском романе, см.: [Бельский 1968; Бельский 1975]). Но одновременно его как ученого,

занимавшегося по сути проблемой генезиса социально-психологического реализма, в последние годы жизни особенно стали занимать вопросы динамики реализма в искусстве слова XX в., о чем свидетельствует статья 1966 г. «О некоторых художественных формах современного реализма на Западе (в связи с развитием социалистического реализма и его влиянием на реализм критический)», являющаяся откликом пермского ученого на симпозиум европейских писателей 1963 г. в Ленинграде, на котором остро обсуждались вопросы теории и практики реализма, и также типологически «заостренная» статья 1975 г. «Социалистический реализм и проблема героя в современном романе критического реализма», в известной степени развивающая идеи более ранней публикации. Размышляя о типе реализма Дж. Олдриджа, Ст. Гейма, В. Пратолини, Б. Дэвидсона, Дж. Линдсея, А. Лану, П. Гамарра, М. Уилсона, Гр. Грина, Дж. Стейнбека и некоторых других весьма читаемых в то время на Западе и у нас писателей, А. А. Бельский показывает весьма плодотворное, как ему кажется, влияние эстетики и практики социалистического реализма, особенно по линии типологии положительного героя (в том числе и собирательного образа), развивающегося «по восходящей», т. е. в сторону более основательного понимания действительности и возможностей ее совершенствования (см. об этом: [Бельский 1966: 9, 15; Бельский 1975: 82, 87–89]). Понятно, что, находясь под воздействием идеологии, исследователь несколько переоценивал будущность социалистического реализма, как мы теперь видим. Но он прав, если исходить из очевидности внутривидовых контактов и взаимодействий, а также особого внимания к коммунистическим идеям и Советскому Союзу в послевоенную четверть XX в. Игнорировать существование социалистического реализма в истории мировой литературы прошлого столетия совершенно некорректно. Справедливы суждения Вл. А. Лукова: «Новаторство социалистических реалистов, в чьих произведениях утверждается историческая перспектива, принципиально новый подход к изображению человека, общества, мира, неопределимо для развития мировой литературы» [Луков 2009: 427].

Интересовало А. А. Бельского и соотношение эпического и лирического в художественных мирах ведущих писателей-реалистов английской, французской, немецкой литературы середины XX в. Он справедливо подмечал в этом одну из закономерностей динамики романа во второй половине XX в. При этом исследователь спорил с теми литературоведами, которые в этой диалектике видели провозвестие будущей победы

лирического и едва ли не полное забвение эпического, хотя роман, как мы знаем, в любом случае эпичен по своей сути. Именно об этом его статья 1968 г. «О реалистическом романе Запада 1955–1965 гг. (к вопросу о формах выражения эпического в современном романе)» (см.: [Бельский 1968]). Нельзя, правда, не сказать, что А. А. Бельский в пылу полемики подчас не видел весьма созидательной роли субъективного начала в повествовательной структуре современного ему романа, особенно если учесть эволюцию романного повествования в наше время.

Как видим, одна из сквозных тем научного творчества А. А. Бельского – закономерности развития жанра романа в европейской и американской, шире – мировой – литературах. Поэтому неудивительно, что его ученики и последователи, «подхватив» этот интерес, свои собственные исследования посвятили сфере поэтической динамики романа в той или иной его жанровой модификации: политического романа, романа-антиутопии, «романа культуры», «романа о романе», музыкального романа, исторического романа, романа-памфлета и т. д. При этом, исследуя то или иное конкретное произведение, ученые кафедры в статьях, монографиях, учебных пособиях прежде всего размышляют о национальном своеобразии романа в контексте динамики мировой литературы (идет ли речь о влиянии, перцепции, заимствовании, цитации, типологическом схождении, аллюзии, жанровой игре и т. д.). Имеется в виду не просто компаративистика как таковая: нередко ученые кафедры и не ставили и не ставят перед собою чисто компаративистские цели. Речь идет об анализе творческом и созидательном контакте разнонациональных литератур, о мировом литературном контексте, о диалектике общего и особенного, о необходимом для благотворного развития всякой национальной литературы «балансе» своего и «чужого», когда «чужое» стимулирует и подталкивает развитие «своего». И гены такого подхода к роману были заложены в исследованиях одного из основателей кафедры.

Актуальность и фундаментальность избранного направления в научных исследованиях преподавателей кафедры на всех этапах ее долгой истории предопределили доминирование двух аспектов изучения мировой литературы: метод и поэтика и литературно-эстетические традиции и взаимодействия в мировой литературе. Анализ публикаций самого А. А. Бельского, его коллег (работы многих из них он лично редактировал или улучшал своими рекомендациями) и его учеников того времени показывает, насколько основательно подходила кафедра зарубежной литературы Пермского уни-

верситета к осмыслению, как исследовательскому, так и преподавательскому, путей развития мировой литературы.

То обстоятельство, что в Пермском университете уже пятьдесят с лишком лет существует специальная кафедра, занимающаяся изучением мирового литературного процесса, делает процесс подготовки филологов, будь то специалисты в области русской или зарубежной филологии, лингвисты или переводчики, более фундаментальным и в какой-то степени уникальным, поскольку в редком классическом университете страны существует столь основательная школа изучения зарубежной литературы со своими мощными исследовательскими и преподавательскими традициями, с такой продуманной системой специализации по мировой литературе, с несколькими десятками ежегодно защищаемых дипломных и курсовых работ, а значит – большими исследовательскими и кадровыми перспективами. Даже в условиях разного рода реформ, сокращения учебного времени, отводимого на профильные и специальные дисциплины, других неблагоприятных обстоятельств для функционирования и развития гуманитарного образования в стране есть уверенность, что заложенные основателями преподавания и изучения мировой литературы в Пермском университете «гены» позволят не только «выжить», но и продвинуться вперед в формировании гуманитария мирового уровня.

Список литературы

Бельский А. А. О некоторых художественных формах современного реализма на Западе (в связи с развитием социалистического реализма и его влиянием на реализм критический) // Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада XIX–XX веков (Учен. зап. № 145) / Перм. ун-т. Пермь, 1966. С. 3–21.

Бельский А. А. Английский роман 1800 – 1810-х годов: учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. Пермь, 1968.

Бельский А. А. О реалистическом романе Запада 1955–1965 гг. (к вопросу о формах выражения эпического в современном романе) // Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада XX века (Учен. зап. № 168) / Перм. ун-т. Пермь, 1968. С. 3–18.

Бельский А. А. Английский роман 1820-х годов: учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. Пермь, 1975.

Бельский А. А. Социалистический реализм и проблема героя в современном романе критического реализма // Проблемы метода, жанра и стиля в прогрессивной литературе Запада XIX –

XX веков / Перм. ун-т. Пермь, 1975. С. 79–89. Вып. 1(301).

Бельский А. А. Типология исторического романа и романы А. Дюма конца 40-х – начала 50-х годов // Проблемы метода, жанра и стиля в прогрессивной литературе Запада XIX–XX веков / Перм. ун-т. Пермь, 1976. Вып. 2. С. 84–99.

Боборыкин П. Д. Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 644 с.

Бочкарева Н. С. От «Фауста» до наших дней (памяти профессора Н. С. Лейтес) // Мировая литература в контексте культуры / Перм. ун-т. Пермь, 2011. С. 12–16.

Венгерова З. А. Литературные характеристики: в 3 кн. СПб.: тип. А. Э. Виннике, 1897–1910. 392 с.; 337 с.; 305 с.

История западноевропейской литературы. Раннее Средневековье и Возрождение. М.: Учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1947. 615 с.

Коган П. С. Очерки по истории западноевропейской литературы: в 2 т. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922–1923. 280 с.; 320 с.

Лейтес Н. С. Роман как художественная система: учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. Пермь, 1985. 80 с.

Лейтес Н. С. Конечное и бесконечное. Размышление о литературе XX века: Мировидение и поэтика / Перм. ун-т. Пермь, 1992. 121 с.

Луков Вл. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. 6-е изд. М.: Academia, 2009. 512 с.

Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. 360 с.

Преображенская Е. О. К вопросу о специфике художественного обобщения в литературе романтизма (на материале французской литературы первой половины XIX века) // Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада XIX – XX веков (Учен. зап. № 157) / Перм. ун-т. Пермь, 1967. С. 5–20.

Пустовалов А. В. Стоя на плечах гигантов: зарубежная филология в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3(35). С. 134–139.

Табункина И. А. Профессор Б. А. Кржевский в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 136–148.

Фриче В. М. Очерки по истории западноевропейской литературы. М.: Польза, 1908. 224 с.

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 1999. 390 с.

Шайтанов И. О. Компаративистика и/или поэтика // Проблемы современной компаративистики. М.: Журн. «Вопросы литературы», 2011. С. 11–30.

References

Belsky A. A. O nekotorykh khudozhestvennykh formakh sovremennogo realizma na Zapade (v svyazi s razvitiem sotsialisticheskogo realizma i ego vliyaniem na realism kriticheskiy) [On Some Artistic Forms of Contemporary Realism in the West (in relation to the development of socialist realism and its influence on critical realism)]. *Problemy metoda i stilya v progressivnoy literature Zapada XIX–XX vekov / Uchenye zapiski № 145* [Problems of Method and Style in the Western Progressive Literature of the 19–20th Centuries. Proceedings № 145]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 1966. P. 3–21.

Belsky A. A. *Angliyskiy roman 1800–1810-kh godov: Uchebnoe posobie po spetskursu* [The English Novel of the 1800s – 1810s: Study Guide]. Perm: Perm St. Univ. Publ., 1968. 310 p.

Belsky A. A. O realisticheskom romane Zapada 1955–1965 gg. (k voprosu o formakh vyrazheniya epicheskogo v sovremennom romane) [On the Realist Novel in the West of 1955–1965 (to the question of forms of expressing the epic in the contemporary novel)]. *Problemy metoda i stilya v progressivnoy literature Zapada XIX–XX vekov / Uchenye zapiski № 168* [Problems of Method and Style in the Western Progressive Literature of the 19–20th Centuries. Proceedings № 168]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 1968. P. 3–18.

Belsky A. A. *Angliyskiy roman 1820-kh godov: Uchebnoe posobie po spetskursu* [The English Novel of the 1820s: Study Guide]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 1975. 275 p.

Belsky A. A. Sotsialisticheskiy realizm i problema geroya v sovremennom romane kriticheskogo realizma [Socialist Realism and the Problem of a Hero in the Contemporary Novel of Critical Realism] *Problemy metoda, zhanra i stilya v progressivnoy literature Zapada XIX–XX vekov*. Vyp. 1 (301). [Problems of Method, Genre and Style in the Western Progressive Literature of the 19–20th Centuries. Iss. 1(301)]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 1975. P. 79–89.

Belsky A. A. Tipologiya istoricheskogo romana i romany A. Dyuma kontsa 40-kh – nachala 50-kh godov [Typology of the Historical Novel and A. Dumas's Novels of the Late 40s – Early 50s]. *Problemy metoda, zhanra i stilya v progressivnoy literature Zapada XIX–XX vekov*. Vypusk 2 [Problems of Method, Genre and Style in the Western Progressive Literature of the 19–20th Centuries. Iss. 2]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 1976. P. 84–99.

Boborykin P. D. *Evropeyskiy roman v XIX stoletii. Roman na Zapade za dve treti veka* [The Eu-

ropean Novel in the 19th Century. The novel in the West during the two thirds of the 19th Century]. St. Petersburg, Publ. of M. M. Stasyulevich, 1890. 644 p.

Bochkareva N. S. Ot “Fausta” do nashikh dney (pamyati professora N.S. Leites) [From Faust up to Nowadays (to the memory of Professor N. S. Leites)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 2011. P. 12–16.

Vengerova Z. A. *Literaturnye kharakteristiki*. V 3 knigakh [Literary Characteristics. In 3 volumes]. Saint Petersburg, Publ. of A. E. Vinnike, 1897–1910. 392 p.; 337 p.; 305 p.

Istoriya zapadnoevropeyskoy literatury. Rannee Srednevekovye i Vozrozhdenie [History of Western European Literature. Early Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva prosvetsheniia RSFSR, 1947. 615 p.

Kogan P. S. *Ocherki po istorii zapadnoevropeyskoi literatury*. V 2-kh t. [Essays on History of Western European Literature]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1922–1923. 280 p.; 320 p.

Leites N.S. *Roman kak khudozhestvennaya sistema: ucheb. posobie po spetskursu* [Novel as an Artistic System: Study Guide]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 1985. 80 p.

Leites N. S. *Konechnoe i beskonechnoe. Razmyshleniya o literature XX veka. Mirovidenie i poetika* [The Finite and Infinite. Thoughts on Literature of the 20th Century. World Vision and Poetics]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 1992. 121 p.

Lukov VI. A. *Istoriya literatury. Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashikh dney* [History of Literature. Foreign Literature from the Beginnings up to Nowadays]. 6th ed. Moscow, Academia Publ., 2009. 512 p.

Neupokoeva I. G. *Istoriya vseмирnoy literatury. Problemy sistemnogo i sravnitel'nogo analiza* [History of World Literature. Problems of Comparative and System Analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 360 p.

Preobrazhenskaya E. O. K voprosu o spetsifike khudozhestvennogo oboscheniya v literature romantizma (na materiale frantsuzskoy literatury pervoy poloviny XIX veka) [To the Problem of Artistic Generality in Literature of Romanticism (a case study of French Literature of the first half of the 19th Century)]. *Problemy metoda i stilya v progressivnoy literature Zapada XIX–XX vekov / Uchenye zapiski № 157* [Problems of Method, Genre and Style in the Western Progressive Literature of the 19–20th Centuries. Proceedings № 157]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 1967. P. 5–20.

Pustovalov A. V. Stoya na plechakh gigantov: zarubezhnaya filologiya v Permskom universitete

[Standing on the Giants' Shoulders: Foreign Philology at Perm State University]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2016. Iss. 3(35). P. 134–139.

Tabunkina I. A. Professor B. A. Krzhevskiy v Permskom universitete [Professor B. A. Krzhevsky in Perm University]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i Zarubezhnaya Filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2015. Iss. 3(31). P. 131–148.

Friche V. M. *Ocherki po istorii zapadnoevropeiskoy literatury* [Essays on history of Western-European Literature]. Moscow, Pol'za Publ., 1908. 224 p.

Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1999. 390 p.

Shaitanov I. O. *Komparativistika i/ili poetika* [Comparative Studies or/and Poetics]. *Problemy sovremennoy komparativistiki* [Problems of Contemporary Comparative Studies]. Moscow, Zhurnal "Voprosy literatury", 2011. P. 11–30.

WORLD LITERATURE TEACHING AND STUDIES AT PERM STATE UNIVERSITY: HISTORICAL VIEW INTO THE FUTURE

Boris M. Proskurnin

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

It is the experience of teaching and studies of world literature at Perm State University that is analyzed from the historical perspective. The author of the essay shows what traditions were laid down as early as the foundation of the University in Perm in October 1916 and how profoundly they have been observed and developed since then. The stress is put on research, teaching and managerial activities of Professor Alexandre Belsky, the Head of the World Literature Department in 1964–1977. It is shown that teaching of world literature at PSU has been held since 1916 based on the analysis of the main artistic regularities, sustainable 'models of literature' characteristic of each period of the world literary process. It is emphasized that this analysis is held in diachronic and synchronic aspects with strong understanding how important and essential for the development of world literature the peculiarities of each national literature are.

Key words: world literature; artistic regularities; comparative and historical method; literature teaching; novel; Alexandre Belsky.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т. п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – Ирина Александровна Табункина.

Адрес редакции: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте», тел. (342)2396795), ауд. 111 (лаборатория «Сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций», тел. (342)2396290). Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*.

Научное издание

**Вестник Пермского университета.
Российская и зарубежная филология**

Выпуск 4(36) / 2016

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицветова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 02.12.2016. Дата выхода в свет 08.12.2016
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 19,41. Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке